

Георгий ПОЧЕПЦОВ

РЕВОЛЮЦИЯ.

com

О С Н О В Ы
ПРОТЕСТНОЙ
ИНЖЕНЕРИИ

 европа

Серия «Технологии»

Георгий Почепцов

РЕВОЛЮЦИЯ.COM
ОСНОВЫ ПРОТЕСТНОЙ ИНЖЕНЕРИИ

Москва
Издательство «Европа»
2005

УДК 323.26

ББК 66.3

П 39

Серия «Технологии»
Серия основана в 2005 году

Георгий Почепцов
Революция.com. Основы протестной инженерии. – М.:
Издательство «Европа», 2005. – 532 с. – (Технологии)

Предисловие Дмитрия Корчинского

Охраняется законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
запрещается без письменного разрешения издателя.

ISBN 5-9739-0015-0

Издательство «Европа», 2005

П

РЕДПРИНЯТАЯ ГЕОРГИЕМ ПОЧЕПЦОВЫМ

попытка систематизировать методологию цветных «революций» крайне интересна (поскольку это фундаментальный труд) и немного забавна: как если бы белые лабораторные мыши попытались систематизировать методологию экспериментов.

На правах белой мыши позволю себе высказать несколько соображений (издать несколько писков). Коллега Почепцов описывает эксперимент, но отрицает экспериментатора. «Что касается роли внешнего влияния – пишет он – то США и Россия были одинаково активны на территории Украины, хотя и реализовали это влияние с помощью разного инструментария, так что этот фактор можно считать взаимно нейтрализующим...»

Инструментарий США:

- все наднациональные бюрократические структуры, ОБСЕ и проч.;
- сотни финансируемых госдепом неправительственных организаций;
- тысячи грантов для антиправительственных изданий, сайтов, объединений, институтов, отдельных деятелей и журналистов;
- более десяти тысяч западных наблюдателей (по сравнению с несколькими сотнями из стран СНГ);
- сверхактивная поддержка оппозиции американским посольством;

- шантаж американским руководством украинского.

Инструментарий России:

- поздравление Путиным Виктора Януковича.

Ни о какой взаимной нейтрализации влияний не может быть и речи. Россия не соревновалась даже на уровне лозунгов. Американцами были предложены простые, вразумительные, действенные идеи: честные выборы, интеграция в Европу, отстранение от власти бандитов, национальное возрождение. Какие лозунги противопоставила этому Россия? Государственный статус русского языка (казалось, что население зверски замучено необходимостью написания «и с точкой»). Вместо Европы предлагалось единое экономическое пространство с Белоруссией и Казахстаном. Киевлянам пытались объяснить, что Московский патриархат лучше Киевского. В отличие от США, Россия не имела в Украине ни инструментов влияния, ни планов того, куда надо влиять.

Оппозиция – лишь один из инструментов цветной революции. Отнюдь не автор. В Украине Руководство оппозиции было скомплектовано из случайных персонажей с чиновничьим или барыжным жизненным опытом. То есть опытом, неподходящим для бунта. Эти люди часто ненавидели друг друга больше, чем Кучму. Каждый час им приходилось совершать нестандартные действия, реагировать на новую ситуацию. Поразительно, но ни одной минуты они не тратили на выработку стратегии, на споры о тактике, на перетягивание каната, на обычные в таких делах сомнения и поражение. Они четко, не отступая ни на шаг, придерживались единого алгоритма. Откуда они взяли этот алгоритм? Ющенко его выработал сидя между денежными мешками в Нацбанке? Юля его вывела из своих газовых схем? Борис Немцов подсказал? Прочитали черновики уважаемого Г.Г. Почепцова? После прихода к власти оранжевое руководство не демонстрирует и десятой доли той эффективности. Алгоритм закончился? Алгоритм и политическую страховку дали американцы. И намекнули, что лишат страховки, если увидят отступления от алгоритма.

«Только та революция чего-либо стоит, когда власть ничерта не стоит». Оппозиция смогла сформироваться лишь потому, что

власть боялась пальцем тронуть оппозиционера. Боялась противодействовать иностранным гуманитарно-подрывным фондам. Во время оранжевого фестиваля на Майдане, самое главное посольство прямо объяснило всем предводителям контрреволюции: одна капля крови, и вы окажетесь за пределами экономической жизни. Ни одной тонны металла за рубеж вы больше не продадите. Вы можете помахать дубинками только в том случае, если готовы, подобно колумбийским нарко-марксистам, бежать в Карпаты и до конца жизни в лесах бороться с глобализмом. Оказалось невозможным коллекционировать доллары и быть независимым от их эмитента.

Подсознательная уверенность в безопасности была основной причиной массовости Майдана. США были основным спонсором и методистом цветных революций. Без американской страховки они были бы невозможны.

Цветные революции очень ясно доказывают нам, что возможны эффективные технологии управления обществом, построенном на технологиях. Стандартная методика приложима к таким, казалось бы, разным нациям, как грузинская, украинская, киргизская. По собственному опыту знаю, что стимулировать человека расстаться с деньгами часто труднее, чем убедить его расстаться с жизнью. И если общество потребления давно выработало эффективные стимулы к покупке товара, тем более действенны стимулы к выбору президента. Заманить нас на площадь не труднее, чем в супермаркет. В конце концов, транснациональные компании каждый день организывают нам новые потребности. Десять лет назад мы не подозревали, что не можем существовать без мобильного телефона. Еще год назад мы не догадывались, что нашей жизненной необходимостью являются честные выборы.

Метод становится технологией тогда, когда перестает зависеть от качеств пользователя. Мы наблюдаем революции без революционеров. Более того, революционеры только мешали бы. Менеджер по продажам не должен мнить себя Робеспьером.

И последнее: поп-революции – это революции извне. Я способен эффективно влиять на вас, если сам недоступен для вашего

влияния. Лаборант не должен сидеть в одной клетке с лабораторными мышами.

Все остальное вы найдете у Почепцова. Прочитайте. Хорошая, грустная книга.

*Дмитрий Корчинский,
лидер политической партии «Братство»
(Украина)*

*Есть у революции начало,
Нет у революции конца
(из песен советского периода)*

Ч

СЛОВЕЧЕСТВО ДАВНО занимается революциями, но реальное теоретическое осмысление этих процессов началось только в двадцатом веке. Сегодня, в связи с возрастанием в политике роли игроков негосударственного уровня, внимание к возможностям революционной борьбы стало еще большим.

В данной работе нас будут интересовать революционные технологии, то есть форма, а не содержание самих революций: как, кто и какими путями может формировать новое будущее, которое не совпадает с тем, к чему в данный момент шла страна.

Речь идет об особом рода инженерии протеста, поскольку во многих случаях это сознательное изменение, возникающее из-за активных действий оппозиции, а не автоматическое развитие ситуации или случайное развитие событий. Сегодня существует большой штат специалистов, которые готовы бесплатно или за деньги развернуть соответствующий вид кампании, направленной на смену власти в данном регионе.

Бархатные революции, как и другие варианты смены режимов, стали обыденной формой реализации изменений в современном постсоветском мире. Их даже стали уже ждать, напряженно высчитывая, какая страна будет следующей. При этом власти именно ждут бархатных революций в бездействии, что происходит со времен 1989 года, когда одностип-

ные явления прошли по странам Восточной Европы. Странный феномен нейтрализации власти в подобных ситуациях также подлежит изучению.

В результате цветных революций постсоветское пространство перестало жить по своим законам. Вновь пришло время изменений, к которому это пространство плохо подготовлено. Но новые поколения оказались именно в той среде, которая наиболее адекватна их мироощущению. По этой причине возникает противоречие между пространством революции и пространством послереволюционной жизни, когда власть вновь переходит в руки людей более старшего поколения, которые живут по другим моделям.

РЕВОЛЮЦИИ, ПУТЧИ И ДРУГИЕ СМЕНЫ РЕЖИМОВ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

РЕВОЛЮЦИЯ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ

М

Инженерия протеста

МЕНЯЯ ИНТЕНСИВНО настоящее, мы одновременно интенсивно изменяем и свое будущее, поскольку в результате такой трансформации мы приходим к другому варианту будущего, чем ожидалось при естественном развитии событий. Сильные игроки никогда не ждут естественного развития, они сами диктуют направление движения. Это линейное и нелинейное виды движения: линейное как предсказуемое и нелинейное как непредсказуемое. Инженерия протеста опирается на инструментарий, направленный на захват власти и использующий протестные настроения масс, искусственно или естественно создаваемые. Управляемость революционных процессов демонстрируют все бархатные революции последнего времени.

Реальные революции меняли социальные основы общества, приводя к власти новые элиты. Бархатные революции, а также цветные их варианты последнего времени не столько меняют элиты, сколько совершают их круговорот. Частично это связано с меняющей-

ся структурой общества, в рамках которого появляются новые элиты, которым требуется «собственное место под солнцем». Так, например, одной из движущих сил оранжевой революции в Киеве стал «бунт» малого и среднего бизнеса против бизнеса олигархического, который был определенной «тенью» существующей власти.

В целом мы можем разграничить традиционные, бархатные и цветные революции по типу приходящей элиты и по типу смены социального строя, получая в итоге следующий результат (см. табл. 1).

Таблица 1

Классификация революций по типу приходящих элит и по типу смены социального строя

Тип революции	Динамика элит	Динамика социального строя
Традиционная	Новая элита	Новый социальный строй
Бархатная	«Уничтожение» первых лиц	Новый социальный строй
Цветная	Круговорот элиты	Старый социальный строй

Применение насилия не может служить таким признаком, поскольку даже революция 1917 года обошлась без кровопролития.

Мятежи, дворцовые перевороты являются определенным «кирпичиком» истории, меняющим спокойное развитие событий, уничтожая их предсказуемость. **Корнелий Тацит**, например, описывает разнообразные мятежи времен Древнего Рима. **Эдвард Луттвак** считает путч гораздо более демократичным, чем дворцовый переворот [1]. Разницу он видит в том, кто может совершить тот или иной тип изменений. Дворцовый переворот совершается только «своими», в то же время путч допускает «чужих», то есть тех, кто находится вне правительства, но в то же время в самой стране.

Классики изучения революций – **Тед Сколпол** и **Джек Голдстоун** – подчеркивают трансформирующий характер революций. Т. Сколпол задает революцию как быструю трансформацию государственной и классовой структур, сопровождаемую и частично проводимую с помощью классового восстания снизу. **Джек Голдстоун** – как трансформацию политических институций оправдания власти в обществе и сопровождаемую формальной или неформаль-

ной массовой мобилизацией и неинституциональными действиями, подрывающими существующую власть.

Характерным для революции является определенный всплеск агрессивности, направленный на внутреннего оппонента, а не внешнего противника. **Сергей Переслегин** говорит, что революция «тоже война, только направленная на более близкого противника» [2]. Вспомним агрессивность, проявленную даже в физическом пространстве после революции 1917 года, когда громились дворцы и другие культурные ценности. Одновременно эта же агрессивность распространяется в информационном и когнитивном пространствах, проявляя нетерпимость к иному мнению.

Джон Гейтс соглашается с мнением многих исследователей по поводу отсутствия общей теории революции, начиная с проблемы определения самого понятия революции [3]. **Жак Эллюль** при этом отмечает, что «мы должны принять в качестве революции то, что люди в определенный период воспринимают как революцию и таким образом называют ее сами». Бессмысленно говорить, что революция 1830 года не была революцией, если те, кто делали ее, верили, что это было именно так.

К будущему можно двигаться эволюционным путем, а можно революционным. Любой интенсивный метод всегда болезнен для общества, но он, несомненно, сокращает путь вперед. «Когда мятеж кончается удачей, зовется он, как правило, иначе», – говорится в одном из переводов **Самуила Маршака**, иллюстрируя, что попытки интенсива могут быть как удачными, так и неудачными. При этом осуществляется модель переноса одного и того же инструментария в разные страны. Так, новый тип бархатных революций сначала прошел в Восточной Европе, потом в Югославии и Грузии, в 2004 году в Украине. Сегодня существует предупреждение о грядущих революциях лозы в Молдавии, революции маков в Киргизии, революции тюльпанов в Казахстане [4]. Киргизская к настоящему времени уже и завершилась.

Однако другие аналитики подчеркивают будущую направленность подобного инструментария на Россию и Азербайджан. Для России, например, предложен термин «березовой революции» [5]. **Марат Гельман**, активный участник выборов на Украине, говорит

о переносе этой ситуации на российскую почву следующее: «Основная опасность есть на региональном уровне. В ситуации, когда губернаторы назначаются, мы можем получить нечто подобное в отдельно взятом регионе – условно, какой-нибудь «оранжевый Псков». Это будет некий протест против неудачного назначения. А в масштабах страны просто нет игроков, которые могли бы осуществить оранжевую революцию. На Украине двигателем событий были пассионарные люди, защищавшие свои убеждения, и были серьезные игроки, которые могли профинансировать и оформить энергию этих людей. В России сегодня не осталось ни одного игрока, способного играть в такую рискованную игру. Но в масштабе региона нечто подобное – очень опасно» [6]. В любом случае успех имеет склонность к переносу на новую почву. Как отмечает **Джон Гейтс**, американская, французская, русская революции становились примером для других [3]. **Э. Зельбин** также активно поддерживает идею влияния старых революций на новые [7].

Имея перед собой модель, ее не так и легко перенести на новую почву. Отличие Украины от России увидел и **Глеб Павловский**, положив его в основу объяснения неудачной работы российских политтехнологов на выборах. **Дмитрий Фурман** рассмотрел эти отличия более подробно. Он акцентирует ряд особенностей, которые сформировали базу для возникновения оранжевой революции [8]:

- иные исторические модели: Россия – Петр Первый, Иван Грозный, Украина – гетманы, казачья вольность;
- разобшенность, плюралистичность украинского общества в отличие от российского: два языка, четыре церкви, существенное различие регионов;
- Украина проголосовала за независимость, поэтому только Леонид Кравчук, в отличие от Бориса Ельцина или Станислава Шушкевича, имел за собой такой мандат;
- Украина в 1994 году произвела ротацию власти;
- большие слои украинского общества хотят в Европу.

Причину оранжевой революции **Андрей Дмитриев** видит в процессе смены элит, в случае когда в легальном поле ее было невозможно произвести [9]: «Очевидно, что режимы Шеварднадзе, Кучмы (далее – по списку) отжили свое. А бархатные революции выполняют

функции санитарной обработки постсоветского пространства, уничтожая то, что должно умереть. Именно поэтому возможен их экспорт в Молдавию, Киргизию, Казахстан и другие страны, ведь правящие в СНГ элиты похожи друг на друга, как близнецы-братья».

Тут следует вспомнить и ситуацию в Литве, когда элита «вытолкнула» Роландаса Паксаса с поста президента путем импичмента, но сделала это все же легальным способом. Первое лицо и элита также попали в конфронтационный цикл, завершившийся отстранением. Перед нами возникает несколько вариантов разрешения межэлитного конфликта, кроме более простого варианта смены в результате выборов (см. табл. 2).

Таблица 2

Межэлитные конфликты на постсоветском пространстве

Страна	Конфронтация	Результат
Литва	Импичмент	Отстранение первого лица
Грузия, Украина	Революция + перевыборы	Отстранение первого лица
Белоруссия, Россия	Протестные настроения	Сохранение первого лица

При этом процессы нового мироустройства, развитие глобализации делают любое внутреннее действие зависимым от внешних координат, сегодня уже невозможно представить себе ситуацию, когда подобные существенные трансформации проходят без активной роли внешнего наблюдателя, берущего на себя часто и роль арбитра. Эта же проблема стоит и перед сегодняшней Россией, которая одностипным образом будет вынуждена опираться на внешний инструментарий в случае обострения своей внутриэлитной борьбы. Сравним следующее наблюдение: «Вряд ли у современной российской власти есть возможности для широкого превентивного насилия, что повышает вероятность обращения к внешнему гаранту. В условиях предельной слабости государственных институтов и распада пространства власти роль центра установления порядка и справедливости возьмет на себя Запад в лице его международных институтов и организаций» [10].

Борис Межуев акцентирует в последних событиях на Украине попытку вызвать «эффект домино», который по постсоветскому

пространству должен дойти до Средней Азии, а там перекинуться на Иран [11]. Он подчеркивает, что консервативная пауза 1990-х привела к политизации ислама, породившего два крыла: антиавторитарный протест и левый антиглобализм, носящие антизападный характер. США заинтересованы «перебить эту новую, уже явно не соответствовавшую их интересам демократическую «волну» ответным движением». Что касается самой России, то в этом случае **Борис Межуев** отмечает в посторанжевом оживлении демократической оппозиции «не стремление к свободе, а процесс энтропийного разложения, пассивное принятие введенного в действие для совершенно посторонних России и свободе целей (и хорошо оплаченного) процесса государственного распада». Таким образом, связываются и затем разъединяются два направления: движение от авторитаризма к демократии и западный или евразийский цивилизационно-государственные проекты.

Идеология смены режимов (regime change) реализуется в насильственной и ненасильственной сферах, когда бархатные революции, протекающие в условиях нейтрализации власти, что является отдельным подпроектом, производят нужный эффект. Можно представить имеющийся набор смены режимов по шкале наличие / отсутствие сопротивления со стороны власти и шкале малая / большая вовлеченность населения. Путч и революция различаются степенью вовлеченности населения, поскольку путч представляет собой захват власти малой группой людей. Но они оба противопоставлены по параметру наличие / отсутствие сопротивления со стороны власти. Нейтрализация власти была характерна для бархатных революций, когда власть сама уходила под давлением, и перестройки, когда власть трансформировала сама себя.

П. Форд приводит длинный список удачных и неудачных попыток смены режимов, в которых США принимали активное участие [12]: 1953 – Иран, 1954 – Гватемала, 1960 – Конго, 1961 – Куба, 1965 – Доминиканская Республика, 1973 – Чили, 1983 – Гренада, 1986 – Филиппины, 1986 – Ливия, 1989 – Панама, 1992 – Сомали, 1994 – Гаити, 1999 – Югославия, 2001 – Афганистан. Теперь в этом списке есть и Ирак. При этом аналитики подчеркивают, что Ирак является отнюдь не бедным государством, обладая вторыми

по уровню запасами нефти. В свою очередь **Р. Тентер** рассматривает с этой точки зрения Палестину и Иран [13].

США называют наиболее активной страной, которая занята строительством других государств [14]. При этом в качестве наиболее важных выделяются три параметра:

- американская интервенция должна быть направлена на смену режима;
- для этого размещается большой объем наземных войск;
- американский гражданский и военный персонал активно включены в политическую администрацию.

Поскольку в большинстве случаев не удалось построить демократические государства, то возникает вопрос о других критериях, ведущих к успеху. Рассмотрение, среди прочего, таких стран, как Германия и Япония, позволило выделить следующие три критерия успешности включения внешней силы:

- совпадение со стратегическими интересами внешней силы: Германия и Япония, например, удовлетворяли необходимости сдерживания СССР;
- стратегические интересы должны совпадать в широком смысле с национальными интересами рассматриваемой страны;
- должен быть консенсус по поводу общих стратегических интересов внутри общества рассматриваемой страны, например, в Германии и Японии население было согласно со своими лидерами в аспекте союза с США против распространения коммунизма.

Если первый вариант критериев можно трактовать как определенную форму, то второй вариант отражает особый тип содержания, вкладываемого в эту форму.

Югославия, Грузия, Украина продемонстрировали вариант смены режимов по формуле непризнания прошедших выборов.

Кампания по непризнанию выборов

Кампания по непризнанию выборов одновременно является кампанией против власти, выборы являются лишь точкой отчета для начала «военных» действий.

Что дает концентрация именно на точке выборов? Во-первых, принципиально облегчена подготовка к смене режима, поскольку

организационно и выборы, и смена режима опираются на однотипные виды организационных структур. Во-вторых, имеет место один и тот же вид информационной кампании, которая демонизирует имеющийся на этот момент правящий режим. В-третьих, выборы сами по себе являются критической точкой, которая может быть использована для разнообразных целей. **М. Райсман**, например, считает выборы, проведенные под международным контролем, методом по восстановлению внутреннего порядка в дезинтегрирующейся стране [15]. В основе этого подхода лежит идея, что голос народа, отданный одной из сил, сделает ее полубожественной, что заставит подчиниться ей все воюющие стороны.

Аргентинский ученый **Э. Заблоцки**, анализируя **военные путчи** в Латинской Америке, акцентирует два положения [16]:

- даже когда есть гражданская составляющая путча, этот вид недемократических изменений правительства остается военной проблемой, поскольку в нем участвует большинство армейских офицеров, а большинство гражданских групп остаются в бездействии;
- военному путчу, сбрасывающему демократический режим, обычно предшествует период экономического и социального хаоса, который характеризует вакуум власти, под которым понимается ситуация, когда правительство не выполняет своих обязанностей по правлению.

В основу своего подхода Э. Заблоцки положил **теорию групп давления Артура Бентли**, где особую роль играют политические группы давления, а не избиратели, политики и политические партии, как это обычно представляется.

Давление, как нам представляется, должно реализоваться либо как «проталкивание» события, то есть свои активные действия, либо как нейтрализация действий других. Именно нейтрализация действий других стала важной приметой оранжевой революции в Киеве, что привело к пассивному, а не активному сопротивлению власти.

Э. Заблоцки исследовал 32 варианта смены: 14 смен режимов и 18 смен правителей [17]. Его гипотеза такова: военный путч, сбрасывающий демократический режим, должен произвести существенные изменения в системе распределения благ, чего не про-

изоидет при замене одного военного правителя другим или при демократическом президентском переходе власти. В результате гипотеза была подтверждена в 79% смены режимов и в 89% смены правителей. Э. Заблоцки также исследовал другие экономические модели проявления политического давления [18].

Джон Гейтс подчеркивает, что в XVII веке революционные и контрреволюционные силы были относительно равны [3]. Революции были спонтанными, ответное реагирование правительства часто – слабым. В начале XVIII века правительственные силы уже оказывались сильнее. Конец XVIII и начало XIX века создают уже другое соотношение сил, и наступает время революций.

Революционные события 1848 года представляют сложность для анализа, поскольку революции проваливаются не из-за превосходства контрреволюционного оружия, а из-за неадекватного предреволюционного планирования, слабой работы среди людей, плохой организации, то есть все это признаки непрофессионализма среди революционеров.

Джон Гейтс акцентирует, что напуганные 1848 годом правительства стали уделять больше внимания контрреволюции. В городах стали строиться длинные бульвары, которые позволяли войскам быстро развертываться, осуществлять стрельбу из ружей. «Городское планирование было определено контрреволюционным». Контрреволюционным оружием стали также реформы: политические, социальные и экономические. Появление новых революций в конце XIX – начале XX века осуществилось там, где правительства были слабы и не могли или не хотели пользоваться техникой репрессий и кооптации. Это Мексика 1910 года и Россия 1917-го.

В этой динамике интересно соотношение сил революции и контрреволюции в разные периоды, а также возрастающие адаптационные возможности правительств, когда нужное сочетание репрессий или реформ делает революции уже не столь значимыми.

Вышесказанное позволяет нам построить определенный треугольник революции, состоящий из власти, народа и оппозиции. Каждая составляющая может находиться в активной (обозначим ее как 1) или пассивной (обозначим ее как 0) позиции, образуя в результате тот или иной тип интенсивной смены режима.

- **ВНО-011:** это **революция**, когда и массы, и оппозиция забирают власть при минимальном сопротивлении.
- **ВНО-001:** это **бархатная революция**, когда власть сама сдается, не предпринимая решительных шагов по своей защите.
- **ВНО-101:** это **путч**, когда группа заговорщиков забирает власть.
- **ВНО-111:** это **внутренняя война**, которая может завершиться поражением одной из сторон. А может вестись достаточно долго, как это имеет место, например, в странах Латинской Америки.
- **ВНО-000:** это и **демократия**, и вариант брежневского застоя, когда все стороны занимаются своими делами.
- **ВНО-100:** это типичный **авторитарный режим**, когда все действия возможны только со стороны власти.

Понятно, что сильный репрессивный режим начинает вызывать сопротивление. По поводу диктаторства Сомосы и революционной идеологии генерал Куадра, бывший командующий национальной армией Никарагуа, говорит, что экстремальные условия порождают экстремальные позиции [19].

Давление снизу встречает два вида реагирования сверху:

- репрессии;
- реформы.

И то и другое может нести как успех, так и поражение.

В случае бархатных революций революционный треугольник должен быть преобразован в квадрат, поскольку активную роль начинает играть внешний игрок, который даже в роли наблюдателя уже оказывает существенное воздействие на происходящие события. Внешний игрок участвует как в нейтрализации действий власти, так и в стимуляции действий оппозиции. Уровень вероятности победы в этих случаях становится резко выше.

В качестве примера можно посмотреть на модель изменений на постсоветском пространстве как поочередную смену правящих группировок, каждая из которых становится все более зависимой от Запада [20]. При этом **Сергей Переслегин** считает обвинение Запада в лицемерии несправедливым: «Надо усвоить, что они свято верят в то, что говорят, иначе Запад с его мессианским пафосом

мы не поймем никогда. Проблема не в том, что он пытается продвинуть свой образ жизни, плохо то, что он не умеет это делать, не уничтожая чужого. В отличие от России, которая умела» [21].

Э. Зельбин, относящийся уже к четвертому поколению исследователей революции, предложил свои тезисы, отражающие статус-кво на сегодня этих исследований [22]:

- для большей части революций более **значимы отличия**, чем их близость;
- **изучение прошлого** должно проводиться с максимальной осторожностью, опираясь на множество голосов, следуя множеству источников;
- признавая локальный характер революций, нельзя отрицать имеющихся **глобальных тенденций**;
- существует определенный международный революционный **бриколаж**, сформировавший определенную **практическую идеологию**;
- задолго до глобализации революционеры сформировали **набор мифов, символов и связей**, которые поддерживают возникновение революционных процессов по всему миру;
- сегодня **настало время глобальных перемен**, поскольку расширяется пропасть между богатым и бедным мирами, а люди обладают моделью, зафиксированной нарративами восстаний и революций;
- на сегодня неясно, что означает **глобализация**, что она подразумевает, какое развитие получит;
- изучение разного рода нарративов позволит ответить на вопросы: **почему революции происходят тут и не происходят там?** Почему они происходят сейчас, а не тогда?
- **революции отражают эмоциональную включенность**, они носят более культурный, чем социальный или экономический характер;
- **типичная революционная история**, рассказываемая и пересказываемая, повествует о храбрых, доблестных, сострадающих людях, часто молодых, которые, поняв большую несправедливость своей ситуации, поднимаются, требуя свободы, равенства и справедливости;

- если есть такая **протоистория**, то когда и где, почему и как она становится историей борьбы сегодняшнего дня;
- революционеры стремятся **разговаривать с мертвыми с помощью чтения их текстов**, даже говоря с ними;
- революционеры **обладают способностью (ре)конструировать нарративы**, чтобы организовывать и канализировать свое видение.

Мы постарались суммировать предложения **Э. Зельбина** в более краткой форме, поскольку каждый пункт у него носит достаточно развернутый характер. Однако наиболее важным в них, как нам кажется, является серьезное смещение в сторону коммуникативных (культурных, символических) аспектов революции, отодвигая собственно экономические причины, более свойственные марксистским представлениям, на задний план. Новые революции, примером чего может служить оранжевая революция, демонстрируют четкое следование этим новым канонам, в рамках которых нематериальные переменные оказываются важнее материальных.

Однотипно **Э. Зельбин** видит существенную роль таких составляющих, как коллективная память, символическая политика и вопросы создания коллективной идентичности [23]. И все это направлено на достижение социальной справедливости.

Еще одно важное замечание состоит в роли эмоциональной составляющей.

Революция – это всплеск эмоций, который к тому же опирается на всплески эмоций из прошлых периодов. Например, оранжевая революция обязательно должна была вспомнить смерть журналиста Григория Гонгадзе. Оперирование с эмоциями не совпадает с рациональными подходами. Если революционеры всегда работают с эмоциями, то с ними могут не совпадать в своих подходах либо власть, либо внешний игрок, который сегодня во многом обязателен для революции.

США констатируют понимание такого несовпадения, подчеркивая, что американцы слишком полагаются на рациональность других [24]. Более того, определенная ошибочность исходно закладывается в их проект: «Мы верим, что демократия столь явна для интересов человечества повсюду, что наш тип мультиэтнической де-

мократии, в частности, несет особую привлекательность, что он легко подлежит экспорту в государства, не имеющие никакой демократической традиции. Мы забываем, что наша демократия была построена не за один день» [24. – С. 49].

Революция объединяет в себе несколько проектов: эмоциональную силу населения, рациональную силу оппозиции, идущей со своим проектом, внешний тренд изменений, а также реагирующую на все это власть, поскольку именно ей приходится удерживать свой проект от разрушительной силы других игроков.

«Арифметика революции»

Все революции происходят по модели вписывания поведения власти в свой собственный сценарий. Власть либо подчиняется этому давлению, либо усиливает свою репрессивную составляющую. Рассмотрим несколько таких реальных сценариев.

Революция 1905 года в России началась с отказа властей принять требования рабочих. Демонстрация была расстреляна. В ответ возникли забастовки, к которым подключились и военные части. 17 октября царь Николай II издает Манифест, где провозглашает свободу слова, печати, совести, собраний и так далее. В декабре происходит вооруженное восстание в Москве, которое было задушено. Революция постепенно пошла на спад, но одновременно власть дала определенные послабления.

Попытка путча 2004 года в Перу началась с того, что вооруженная группа из 200 человек убила двух полицейских, захватила полицейский участок и часть южного перуанского города, требуя отставки президента Алехандро Толедо, обвиняемого ими в коррупции. Правительство послало дополнительные войска, объявив в этом районе чрезвычайное положение. Популярность президента в это время была на уровне 9%. Революционная группа, включающая семерых женщин, сдалась под гарантии премьер-министра Карлоса Ферреро.

В двух этих случаях ситуация развивалась по насильственному сценарию, что оправдывало ответное применение насилия со стороны власти. Но и в том и в другом случае было предварительное нереагирование властей на четко сформулированные (а значит, прошедшие определенную социальную фильтрацию) требования.

После повторения блока «требования – нереагирование» возникает насильственная развязка. При этом в 1905 году, как, кстати, и в 2005 году после оранжевой революции в Украине, произошедшие события сразу приводят к большей информационной свободе. Перестройка также имела в качестве своего важнейшего компонента информационную свободу. Получается, что такого рода информационный всплеск существенным образом уничтожает имеющийся уровень доверия к власти.

В качестве примера можно вспомнить нарастание публичных протестов в Китае. Статистика демонстрирует, что число протестующих достигло в 2003 году 60 тыс. человек, что на 15% больше, чем в 2002-м, и в восемь раз больше, чем было 10 лет тому назад [25]. Обращение с петициями к центральному правительству возросло на 46% сравнительно с 2002 годом, однако только две сотых процента из тех, кто воспользовался этим, говорят, что она работает.

Создается цепочка реагирования на нереагирование (см. табл. 3).

Таблица 3
Цепочка реагирования

Пространство	Действие
Физическое	Отклонение, связанное с правительством
Информационное	Сообщение о нем
Когнитивное	Формирование протестного отношения
Информационное	Петиция
Физическое	Нереагирование
Когнитивное	Расширение протестных отношений

Внутренние и внешние ресурсы

Можно говорить об определенной «арифметике революции», что связано с взаимозависимостью власти и оппозиции: любой шаг вперед возможен только при нейтрализации противоположной стороны. Это главная аксиома революционной борьбы. Для этой нейтрализации есть внутренние и внешние ресурсы.

Внешний ресурс представляет собой опору на внешние силы как в целях легитимизации своих действий, так и в целях ресурсной поддержки. В перевернутой пирамиде внешняя ресурсная под-

держка вообще является главной действующей силой, активирующей силы внутри страны. Например, **Джон Форан** акцентирует внимание в доктрине Джорджа Буша на ориентации на активную смену чужих режимов [26]. **Макс Бут** борется против клише, что революции не могут быть навязаны извне, акцентируя варианты оранжевой революции для других стран постсоветского пространства [27].

Профессор истории Тафтского университета **Гари Лепп** полушутливо-полусерьезно перечисляет **этапы такой работы по смене режима** [28]:

- выберите режим для сбрасывания;
- очерняйте режим в публичных высказываниях, критически освещайте в прессе;
- подчеркивайте, что это государство находится в черном списке Госдепартамента;
- подчеркивайте, что данное государство имеет связи с иностранными террористическими организациями;
- объединяйте любыми способами эти террористические организации с «Аль-Каидой» и с атаками 11 сентября;
- объединяйте угрозы Израилю с угрозами США;
- подчеркивайте наличие у выбранного режима оружия массового поражения;
- повторяйте доктрину превентивного удара, в соответствии с которой возможность угрозы оправдывает односторонние действия США;
- получите добро Конгресса на действия против режима;
- получите, если это возможно, резолюцию ООН, которая может оправдать военные действия;
- описывайте сопротивление ООН планам по смене режима как неадекватность, коррупционность и устарелость;
- описывайте сопротивление союзников как эгоизм и антиамериканизм;
- поддерживайте новых союзников, жаждущих помочь в смене режима;
- вторгайтесь и оккупируйте.

Продолжая тему «арифметики революции», следует подчерк-

нуть, что революция решает две задачи:

- нейтрализация старых действующих сил;
- наращивание новых.

Эти действия имеют место в трех пространствах: физическом, информационном и когнитивном. В последнем происходит доказательство и закрепление нелегитимности старых властей и легитимности новых.

Возникает возможность переформатирования одного из пространств за счет другого, когда «энергетика» передается между пространствами:

- информационного в когнитивное;
- информационного в физическое;
- когнитивного в информационное;
- когнитивного в физическое;
- физического в информационное;
- физического в когнитивное.

Если внешний ресурс иногда выступает в роли причины действий по смене режима, то внутренний ресурс также может выступать в этой же роли, поскольку он включает как само население, так и разного рода внутренних союзников.

Может быть сделана попытка стимуляции внутреннего ресурса (как и внешнего). В Чехословакии в 1969 году **Ян Палах**, а за ним еще около двух десятков молодых людей подвергли себя самосожжению, протестуя против советского вторжения 1968 года. В этом случае результат пришел, только очень не скоро, через два десятка лет.

В ситуации 11 марта 2004 года в Испании, когда террористы взорвали три поезда в пригороде Мадрида и погиб 191 человек, а две тысячи получили ранения, на парламентских выборах, прошедших через несколько дней, партия власти понесла поражение. Тут внутренний ресурс, даже стимулированный извне, принес планируемый результат (см. табл. 4).

И в том и в другом случае речь идет о переносе энергетики трансформации физического пространства в когнитивное, в поле принятия решений, что без такой трансформации могло бы затянуться во времени.

Таблица 4

Стимуляция внутреннего ресурса

Время и место	Цель	Результат

В чем здесь разница? Дело все в том, что в первом случае центр принятия решений находился вне зоны насилия: было только информационное воздействие и не было физического, соответственно, занижено когнитивное. В Испании не просто все три пространства сработали воедино, но и последующее решение принималось не членами Политбюро, а самим населением.

Интересно, что внутренний протест по своей форме очень схож с процессами обратной направленности – поддержки властей. Например, сравним демонстрацию трудящихся 7 ноября в СССР и акцию протеста (см. табл. 5).

Таблица 5
Сравнение демонстрации 7 ноября и акции протеста

Показатели	Демонстрация 7 ноября	Акция протеста

Все внешние параметры этих двух событий одинаковы, то есть в одну форму вкладывается два не просто разных, а противоположных содержания. И только один аспект целевой направленности разный – «за» или «против» власти.

По этой и по ряду других причин очень важной становится система узнавания аналогов ситуации протеста в прошлом. Все протестные ситуации сегодня покоятся на прошлых попытках, которые объединяет разная степень неудачности. Однако Украина 2004 года была бы невозможной без разных видов протестов прошлых периодов, которые во многом и по использованию палаток, и по проведению демонстраций, и по лозунгам являются

сходными.

Сегодня также резко возросла роль внешнего игрока по отношению к внутренним процессам, чего никогда не было в таких объемах ранее. Это связано с общим системным давлением со стороны, когда происходит определенное выравнивание политических режимов, связанное в сильной степени с тем, что на сегодня сформирован однополярный вариант мира. Один из новых теоретиков Пентагона **Томас Барнетт** подчеркивает, что американское определение угрозы сегодня прошло трансформацию от «империи зла» к «режимам зла» и «факторам зла» [29]. В своем исследовании, сделанном в рамках проекта 2020 года Национального совета по разведке, **Томас Барнетт** подчеркивает, что с 1989 года основные военные интервенции США были направлены на ограниченное количество лиц:

- в Панаме – на одного человека: Мануэля Норьегу;
- в Сомали – на конкретных военачальников, в частности на Мохаммеда Аидида;
- в Югославии – против Слободана Милошевича и его правящего клана;
- в Афганистане – против лидеров «Талибана»;
- в Ираке – против «колоды карт» – 50 высших членов правящей элиты.

Добавим, что и в случае Чечни все действия направлены на поиск и уничтожение лидеров боевиков. Предлагаемое **Томасом Барнеттом** определение «несостоявшегося государства» (failed state) также лежит в наборе внешне заданных характеристик: такое государство либо не может построить свою связность с процессами глобализации, либо сознательно тормозит развитие такой связности, чтобы сохранять жесткий политический контроль над своим населением.

Революция предполагает смену элиты, поэтому в качестве предварительного этапа для осуществления этой цели требуется остановка политической машины:

- остановка политической машины;
- смена политических игроков.

Для остановки политической машины следует захватить физиче-

ское, информационное и когнитивное пространства. При этом идеология ненасильственных действий как основа бархатных революций предполагает нечто вроде захвата того или иного пространства новыми методами. Например, традиционный захват физического пространства вызывает в нашей памяти матросов с винтовками и пулеметом, в то время как информационный или когнитивный захват физического пространства предполагает объявление его захваченным или недопуск туда чиновников с помощью цепочки протестующих. Происходит потеря контроля со стороны власти: не выдерживаются стандарты поведения, которые до этого были обязательными.

Поскольку одновременно идет столкновение когнитивных механизмов, направленных на принятие решений, то побеждает вариант более креативной стратегии, той, которую **Сергей Переслегин** именует неаналитической, поскольку чисто аналитическая стратегия является предсказуемой для обеих сторон конфликта [30]. Он также предлагает следующий вариант модели взаимодействия СССР – США [30. – С. 87]: «Берется один из тривиальных фактов, создается его окарикатурное информационное представление, на его основании начинается давление на советское руководство. На этом участке действия западных СМИ носят провокационный характер. Как правило, спровоцировать советское руководство на семантически неадекватный ответ удавалось достаточно легко. После этого наступает этап разрешения кризиса на основе предложений американской стороны в контексте чувства вины советской стороны». Нам представляется, что в основе такой модели все же лежало присоединение к западной системе ценностей, советская система руководством СССР не рассматривалась как универсальная. И это вновь внешне продиктованная система оценки внутренних действий, которая каждый раз возникала, когда Советский Союз выходил за очерченные для него пределы.

Среда стабильная и нестабильная

В целом концептуальная модель революции может быть представлена в следующем виде.

- **Этап первый.** Искусственное создание нестабильности.
- **Этап второй.** Разрешение ситуации нестабильности в свою

пользу.

- **Этап третий.** Смена элит.

Нестабильность является результатом нарушения предсказуемости. Разрешение ситуации в свою пользу в случае бархатных революций происходит за счет нейтрализации действий власти, которая либо отказывается от сопротивления, либо с помощью внешнего давления выводится из реальной игры. Власть становится лишь фоном, декорацией, в рамках которой начинает развиваться другой сценарий. Происходит постепенная **смена трех сценариев**:

- сценарий одной власти;
- интерактивный сценарий «власть – оппозиция»;
- сценарий одной оппозиции.

Возникает нестабильная среда, в рамках которой действия власти становятся затруднительными, поскольку именно они вызывают наибольшее сопротивление, а действия оппозиции проходят без такого сопротивления. **Нестабильная среда** характеризуется следующими особенностями:

- **действия власти затруднены**, поскольку нарушены правила, оппозиции же легче действовать в ситуации нарушения правил;
- **происходит подключение к действию большого числа лиц**, чем резко усиливаются позиции оппозиции, а позиции власти ослабляются;
- **это не военные, а гражданские лица**, что затрудняет применение насилия со стороны власти.

Примечание. Жесткая среда как раз предполагает применение насилия со стороны власти. Оранжевая революция в Киеве все время находилась в ожидании агрессии со стороны власти, чего в результате не произошло.

Как видим, собственно революции действуют в жесткой среде, в то время как бархатные революции – в нестабильной среде. При этом цивилизация накладывает определенные ограничения на способы введения нестабильности. Так, **«запрещенными приемами» введения нестабильности являются**:

- разгул преступности;
- болезни и мор;
- стихийные бедствия;

- террористические акты;
- военные операции по смене режимов.

Как видим, в разряд менее желательных способов попали все те, которые направлены на введение физической нестабильности, то есть действия по трансформации физического пространства, хотя и к ним уже также научились прибегать в экстренных случаях, что показали события в Киргизии-2005.

Принятым в рамках революций способом введения нестабильности является усиленная социальная нестабильность, создаваемая в информационном и когнитивном пространствах. При этом действия в физическом пространстве рассматриваются чисто коммуникативно как форма выражения одного значения – социальной нестабильности. Общественное неповиновение в виде блокирования административных зданий является физическими действиями, несущими соответствующее символическое значение – непризнание авторитета власти.

Дестабилизация возникает по следующим направлениям:

- появление нового типа угроз;
- неработающий старый инструментарий по разрешению проблем;
- столкновение двух моделей разрешения проблем, двух моделей выживания в рамках новых проблем;
- внешнее давление на принятие решений.

Происходит насыщение когнитивного уровня, затрудняющего принятие адекватных решений. Время на разработку решений стремится к нулю. **Отмена старых норм и иерархий приводит к появлению новых моделей выживания.** Возникает ряд следствий, значимых уже для индивидуального сознания:

- потеря полноты пространства решений;
- потеря права на индивидуальное (отклоняющееся от других) поведение;
- объединение в социальные группы с целью повышения уровня выживаемости;
- высокий уровень повторяемости слов, высказываний, символов, направленный на фиксацию в индивидуальном и массовом сознании новой парадигмы.

Происходит постепенный переход от захвата публичного про-

странства к захвату личного, бытового пространства, хотя вначале было наоборот: по модели от личных (например, кухонных) разговоров в информационном пространстве – к общественному информационному пространству.

- **Этап первый.** Переход негативизма от личного, бытового пространства (физического, информационного, когнитивного) к общественному.
- **Этап второй** (собственно революционный). Удержание новой рамки общественного пространства (физического, информационного, когнитивного), выступающего в качестве новой модели.
- **Этап третий.** Переход к всеобщему распространению новых норм в личном пространстве (физическом, информационном, когнитивном).

Например, революция 1917 года захватила чужое личное физическое пространство, создав коммунальные квартиры. Сталинские репрессии захватили индивидуальное информационное пространство – бытовые разговоры. Приметы чужой виртуальности, например елка, смогли вернуться в советскую действительность только путем переосмысления их в новых координатах. Однотипно произошло и с воинскими званиями. Перестройка превратила в публичную и жизнь советских вождей, до этого закрытую завесой секретности.

Оранжевая революция в Украине сделала возможным такой переход к общественному пространству за счет демонстрации массовости оппозиции. Это было сделано с помощью эксплуатации идеи спирали молчания **Элизабет Ноэль-Нойман** [31]. Согласно ей можно манипулировать большинством, создавая для него условия, когда оно будет ощущать себя меньшинством, и соответственно, будет молчать. Активное использование визуальной символики оппозицией многократно усиливало ее силу. Оранжевый цвет, стикеры, плакаты, листовки – все они являются долговременными конструкциями, способными привлечь к себе внимание множества людей. Устное слово недолговечно, его действие завершается. Стикер на стене может висеть почти вечно, все время увеличивая число тех, кто обращает на него внимание. То есть оранжевая кам-

пания в сильной степени выигрывала именно в визуальном пространстве, что, вероятно, по сути заменяло ей заблокированный вариант телевизионного пространства.

Причем интересно, что визуальное пространство по своей природе оказалось очень адекватным именно политической кампании, поскольку там есть существенные ограничения на разнообразие содержания, которых нет ни в случае телевидения, ни в случае прессы. Но избирательные кампании, с другой стороны, как раз и отличаются резким сокращением возможных вариантов сообщений, например, два-три на каждый из этапов кампании, чем создается нужная эффективность воздействия.

Оппозиция также была более активной в области Интернета, поскольку власть придерживалась тактики: если нечто происходит в Интернете, с ним не следует бороться в теле- и газетном пространстве.

Реализацию четырех пространств оппозицией / властью можно представить в следующем виде (см. табл. 6).

Таблица 6
Реализация властью и оппозицией четырех пространств

Пространство, использованное	Эффективность
оранжевой революцией	использования пространства
Телевизионное	Минимальная для оппозиции, максимальная для власти
Пресса	Меньшая у оппозиции, чем у власти
Улицы	Максимальная для оппозиции, минимальная для власти
Интернет-пространство	Максимальная для оппозиции, минимальная для власти

В телевизионном пространстве власть была представлена 30% политических новостей, оппозиция – 5% (по данным Академии украинской прессы). Правда, это характерно и для сегодняшнего дня, когда Виктор Ющенко представлен 30%, а оппозиция – 5%.

В результате власть была сильнее в телевизионном и газетном

измерениях, оппозиция – в уличном (визуальном) и Интернете.

Революция действует в условиях управляемого хаоса, который, как известно, характеризуется нелинейным характером, когда малые причины могут вызывать большие последствия. В случае войны, например, **источниками нелинейности становятся следующие** [32]:

- обратная связь;
- интерпретация действий противника;
- нелинейные составляющие войны, например, масса, трение (по Клаузевицу);
- процесс принятия решений, зависимый от минимальных деталей.

Одновременно перед нами проходят процессы неудачных революционных изменений, когда планируемые результаты не достигаются. В этом случае вводимая нестабильность (асинхронизация государства и общества) либо подавляется со стороны власти, либо активно не поддерживается населением, что приводит к самозатуханию революционной ситуации. Такими примерами могут служить августовский путч 1991 года в Москве и расстрел парламента России в октябре 1993-го. И в том и другом случае одним из основных игроков был **Борис Ельцин**, в первом случае он получал власть, во втором – защищал (см. табл. 7).

Таблица 7
События 1991 и 1993 годов в СССР и России

Время и место	Цель	Развитие

Интересно, что августовские события через 11 лет, в 2002 году, воспринимались следующим образом: 41% опрошенных российских граждан на вопрос, на чьей стороне были их симпатии, ответили, что не успели тогда разобраться в ситуации, 25% вообще затруднились

с ответом (данные опроса ВЦИОМ по [33]). На вопрос о том, кто был прав, 21% заявил, что ГКЧП, 17% – выступили против ГКЧП.

Революция, задав серьезную динамику изменений, в дальнейшем может создать трудности сама для себя, поскольку население, активность которого была поднята до максимума, будет требовать дальнейших действий, своего участия в последующих событиях.

БАРХАТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: МОДЕЛЬ УСПЕХА И НЕУСПЕХА

Б

Предварительные условия цветной революции

БАРХАТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ чаще завершаются победой, что не столько связано с самими революционерами, сколько с неадекватными действиями властей. Власть чуть ли не принципиально не может принять то решение, которое удержит ее на старых позициях. Даже выборы организуются с таким количеством нарушений, которые позволяют их опротестовывать.

Бархатные революции развиваются по такой модели, при которой власть теряет свою способность сопротивляться. Для этого не только используются ненасильственные методы протеста, разработанные **Джином Шарпом**, на которые невозможно ответить силой. Есть и другие методы кнута и пряника, направленные на первых лиц, реально блокирующие их возможности по принятию решений. Сюда, например, входит выставление по другую сторону баррикад родственников и знакомых представителей власти, что затрудняет разгон с помощью силы.

Дополнительно к этому избирательные технологии по сути являются инструментарием двойного предназначения: их всегда можно развернуть от выборов к революции. Здесь есть и подготовка команд, и ак-

тивация населения, и финансирование, и печатание листовок, и присутствие корреспондентов и наблюдателей со всего мира. Все это всегда может быть использовано по-другому в качестве уже не избирательной, а революционной технологии.

Принятие решений властью становится одной из целей подготовки бархатной революции. В результате мы имеем искомый результат. Для бархатных революций определяющей характеристикой является отсутствие желания у власти бороться за ее сохранение всеми возможными средствами. С другой стороны, должна проводиться определенная программа и по блокировке такого желания, только тогда достигается успешный с точки зрения оппозиции результат. Особенно это касается лидеров СНГ, которых кнутом и пряником уведают от подобного типа решений. То есть программа по смене режима состоит в обязательном компоненте, направленном на уводе лидеров как от силовых решений, как и борьбы в целом.

Аналитики давно отметили, что революции проходят в самых демократических странах данного региона [1]. Так, Киргизия имела самого демократичного в своем регионе президента, Украина и Грузия характеризовались достаточной свободой СМИ, в то же время получая все свои негативы из-за рубежа именно за отсутствие этой свободы.

Следует также признать, что и население не испытывает в предреволюционный период особой любви к своей власти. И в Грузии, и в Украине, и в Киргизии власть в это время служила определенным тормозом дальнейшего развития. Частично это связано с экономическим состоянием страны. Аналитики отмечают, что только Россия, Молдавия, Грузия, Украина, Таджикистан и Киргизия не достигли уровня ВВП 1990 года [2].

Телевизионная составляющая современной революции является внутренним ее механизмом, а не просто элементом освещения. И это понятно: прямая трансляция массового события создает колоссальную эмоциональную связь с аудиторией. Недаром **Глеб Павловский**, выступая на Четвертом Евразийском медиа-форуме в Алма-Ате, определил цветную революцию как переворот в картинках с идейной риторикой [3]. При этом понятно, что можно создать и отторжение от аудитории в зависимости от задач, стоящих

перед коммуникатором. Но, как правило, выступление против власти всегда форматируется как хорошее и вполне законное поведение народа.

В целом мы можем представить рассмотренные **предварительные** условия революции в следующем виде.

1. Власть не решается противостоять оппозиции (демократическое условие).
2. Экономическое развитие страны вступает в противоречие с ожиданиями граждан (экономическое условие).
3. Наличие возможности телевизионного освещения внутри страны и вне ее (информационное условие).

Обязательные компоненты бархатной революции

В революции побеждает тот, кто хочет победить, а не тот, кто потенциально может это сделать. Так можно еще передать известную максиму, что верхи «не хотят». Круг лиц, которые хотят смены власти, должен пересилить тех, кто хочет сохранения ее. При этом обязательно наличие организованного сочетания масс, которые в состоянии противостоять таким же организованным структурам власти (милиция, армия, служба безопасности). В случае украинской оранжевой революции в этой роли выступили следующие три силы:

- **студенчество**, организованное «Порой», создавшей как палаточный городок, так и несколько десятков забастовочных комитетов по всей Украине [4–5];
- **региональные силы**, представляющие Западную Украину;
- **мелкий и средний бизнес**, поскольку среди прочего он ощущал страх от прихода «донецких».

Следует добавить с точки зрения организации важную роль, которую играл Киев как со стороны выступлений в поддержку со стороны жителей, так и с позиции разрешения на эту поддержку со стороны мэра. Киевляне, однако, вливались в «протестные формы», уже созданные для них.

В Грузии и Киргизии также значимую роль сыграли региональные представители, которые могли быть не просто массой людей, а орга-

низованной массой, которая подчинялась конкретным «полевым командирам», и на нее можно было возложить определенные задания, чего не может быть по отношению к стихийной массе людей, собирающейся на площади, которая с таким же успехом может спокойно разойтись по домам. У приехавших регионалов такого дома в Киеве не было, поэтому вся энергия должна была идти на революцию.

Бархатные революции скорее можно рассматривать как «театральные», поскольку в этом случае, начиная с Праги, власть или отдельный ее сегмент передают власть другому сегменту на фоне специально созданных ярких «театральных» декораций. Законом бархатных революций является принципиальное несопротивление власти. Если власть сопротивляется, занимает активную позицию, то это уже не бархатная революция.

С такой позиции и путч 1991 года можно рассматривать как театрализованную передачу власти от **Михаила Горбачева** к **Борису Ельцину**. Власть изобразила, наметила свои действия, якобы поиграла мускулами и тут же успокоилась, то есть это такой же вариант несопротивления, как в Праге и Киеве.

Другой вопрос: каким образом создается это несопротивление? **Роберт Хелви** подчеркивает необходимость создания дилемм для власти [6]. Дополнительно к этому в условиях глобализации начинает по-иному играть внешний фактор: власть не является изолированной, ее внешняя зависимость многократно возрастает, что позволяет использовать эти связи для внешнего давления на власть, ведущие к ее несопротивлению.

Кроме несопротивления власти второй базовый элемент бархатной революции – модель массового участия в ней населения. И здесь она практически всегда характеризуется созданием жертвы, позволяющей развернуть массовые действия против власти. В рамках украинской оранжевой революции было несколько вариантов такой жертвы: это смерть **Григория Гонгадзе**, о которой сегодня много пишут как о сознательном подведении президента Леонида Кучмы под разговоры о его судьбе на пленках подслушивания, это и сам Виктор Ющенко, отравление которого стало элементом избирательной кампании. Итак, выделим обязательные компоненты бархатной революции (см. табл. 8).

Таблица 8

Обязательные компоненты бархатной революции

Компонент	Несопrotивление власти	Массовое участие населения
Сопутствующий контекст, обеспечивающий реализацию	Внешнее и внутреннее давление	Жертва

Революция моделирует разрыв имеющихся силовых линий в процессе перехода на новые варианты силовой конфигурации. **Разрыв силовых линий всегда связан с сопротивлением, которое может быть разного уровня. Нейтрализация этого сопротивления – главная задача любой революции.** Бархатные варианты активно используют для такого рода нейтрализации внешний фактор, вес которого резко возрос в последнее время. Планировщики революции всегда точно выделяют точки сопротивления, доступные власти на данный момент. Например, планировщики оранжевой революции в Киеве понимали, что слезоточивый газ действует только на десять рядов протестующих, а водометы – на двадцать, что не позволяет остановить большие массы людей подобными методами.

Бархатная революция отличается самым главным своим компонентом – непринятием решения властью. Если **стандартная модель Джона Бойда НОРД** (наблюдение – ориентация – решение – действие) направлена на принятие решения, то сейчас ставится задача не допустить принятия властью силового решения. Поэтому запускается ряд составляющих, призванных как затруднить само подобное решение, так и не дать возможности его выполнить, если таковое все же будет порождено.

Украина (как и ряд других постсоветских республик) продемонстрировала следующий набор примет этого явления, среди которых можно назвать такие:

- создание дополнительного внешнего органа управления вне бюрократической системы (определенного неформального кризисного центра);
- смена министров-силовиков;
- привлечение внешних политконсультантов;

- освоение ненасильственной методологии со стороны оппозиции, что блокировало применение насилия со стороны власти.

Роберт Хелви строжайше подчеркивает, что наличие военного компонента очень опасно для проведения в жизнь как раз ненасильственной методологии [6. – С. 135–137]. Он нарушает динамику ненасильственной борьбы, затрудняет вербовку новых сторонников, мешает получению признания из-за рубежа, вызывает насильственное реагирование со стороны режима. То есть насилие не способствует, а только мешает выверенному инструментарию.

Когда власть не принимает решения, а она часто это делает, поскольку понимает, что силовики ее не послушаются, тогда в результате решения принимает другая сторона, которая сама начинает диктовать правила игры. В рамках запущенной ненасильственной методологии у власти нет другого пути, как только постепенная сдача того или иного «плащарма».

Основой непринятия решения властью становится среди прочего дезинтеграция общества, созданная как прошлым периодом, так и избирательной кампанией. Возникает разделение общества по следующим признакам:

- **возрастному** (акцент делается в первую очередь на выделении молодежи);
- **региональному** (этнический или административный сегменты начинают противостоять друг другу);
- **экономическому** (здесь типично расслоение на бедных и богатых);
- **политическому** (всегда можно выбрать один из сегментов, объявляя его политические воззрения более правильными).

При этом оппозиция строит процесс идентификации себя с наиболее активными сегментами, разрушая идентификацию власти с ними. Но в основе этого все равно лежит предварительная максимальная сегментация общества.

В результате образуются группы противопоставления, которые в той или иной степени давят на власть, не давая ей возможности принять адекватное решение. Этих разнонаправленных игроков можно представить в следующем виде:

- население, где разделение прошло вплоть до семьи;
- силовые структуры (министерства внутренних дел и обороны, а также служба безопасности Украины повели себя по-разному, правда, **Александр Турчинов**, как глава украинской службы безопасности, несколько занижает роль генералов от разведки [7]);
- внешнее влияние (США и Россия);
- региональные власти (Запад и Восток Украины держались противоположных взглядов).

Задолго до этого были развернуты разные процессы по делегитимизации власти. Этому способствовало как обвинение власти в коррупции, так и появление жертвы. Жертва, напомним, является обязательным компонентом бархатных революций со времен Чехословакии, что не только делегитимизирует власть, но и заранее связывает ей руки в отношении силовых вариантов. Одновременно это воодушевляет массы на более активное участие в акциях протеста, поскольку порождается стандартный мифологический конфликт: герой от имени цивилизации – дикари от имени власти. Именно нечеловеческий характер врага представляется явной приметой порождения и активации мифологического сознания. Иррациональность здесь важна для того, чтобы избавиться от страха перед властью, хотя методы заглушения страха хорошо разработаны в ненасильственном сопротивлении [6].

Революция разрушает старую стабильность, вводя новую, которая затем закрепляется в качестве доминирующей. Вводятся новые системы удержания этой стабильности, которые сориентированы на новых игроков. Временное становится постоянным, периферийное – главным. Цикл в результате подходит к концу, совершив запланированную смену элиты.

При этом революция в Киргизии, к примеру, продемонстрировала некую факультативность многих позиций стандартной схемы. Можно выделить несколько существенных отклонений:

- большое число людей, принимающих участие в акциях протеста в Украине – малое число в Киргизии;
- наличие четкого лидера (Югославия, Грузия, Украина) – отсутствие такого лидера;
- опора на молодежь – опора на родственников непрошедших депутатов;

- основные действия в столице – основные действия вне столицы;
- продолжительный срок протеста – ограниченный срок протестных действий в Киргизии.

По последней характеристике свидетель событий телекорреспондент **Святослав Цеголко** назвал киргизскую революцию «революцией за полчаса» [8]. Общим моментом для Украины, Грузии и Киргизии он считает определенный имеющийся региональный раскол государства, реализованный в разной степени. С другой стороны, именно наличие этой особенности позволяет вербовать ряды настоящих сторонников, способных противостоять государственной машине.

Продемонстрированный Киргизией вариант развертывания всех действий за пределами столицы говорит об их факультативности. Это то, что надо было продемонстрировать, но не то, что было действительно необходимым. **Владимир Гольшев** вообще считает смену власти в Киргизии инсценировкой, проделанной силовыми ведомствами [9]. То есть возникает два плана: реальная подковерная смена власти и на поверхности – виртуальная революция. При этом виртуальная революция все же ударила по стеклам магазинов, поскольку не все действующие лица знали, что они «играют» в революцию.

Следует напомнить также основания методологии ненасильственных действий, которая оказывается задействованной во всех вариантах бархатных революций [6. – С. 135–137]:

- важность определения конечных и промежуточных целей борьбы;
- точное определение источников силы власти;
- знание большого арсенала ненасильственных средств и методов;
- страх и техники его преодоления;
- знание основ пропаганды, определение сообщения, цели, общающего и обратной связи;
- дополнение к ненасильственной методологии не может включать насилие, что является опасным для движения.

По последнему пункту можно вновь вспомнить Киргизию, где, вероятно, вышедшее из-под контроля народное творчество в виде погромов сразу вызвало набор отрицательных комментариев. Но в любом случае это действия из того же инвентаря партизанской тактики, а не что-то принципиально иное.

Бархатная революция протекает на интересном фоне, когда, с одной стороны, она является самым важным событием, с другой – происходящее в рамках ее не имеет юридической силы. Образуется странный парадокс:

- результаты революции не работают, нужны выборы;
- результаты выборов зависят от результатов революции.

Постсоветские бархатные революции четко привязаны к точке выборов, что связано с рядом рассуждений. С одной стороны, легитимными могут быть только выборы, поэтому концентрация усилий на этом процессе позволяет решать проблемы сегодня, а не ждать наступления следующих выборов. С другой – выборы дают возможность создавать команды, которые готовы как к выборам, так и к революционным сценариям.

Жак Эллюль различал первичные и вторичные группы в формировании общественного мнения [10]. В первичной группе есть прямые контакты, это малая группа. В ней люди имеют непосредственные контакты с событиями, о которых складывается мнение. Вторичные группы – это большие общества. Здесь подчеркиваются три характеристики:

- должны быть институционализированные каналы коммуникации, предоставляющие факты, по которым формируется мнение;
- мнение не может высказываться непосредственно, для него также нужны каналы;
- мнение формируется большим объемом людей, которые не могут рассматривать один факт в одной манере.

Оранжевая революция образовала конфликт между первичным и вторичным кругом общественного мнения. Первичное удерживалось массивом официально ориентированных СМИ, вторичное – кухонными разговорами. И эта модель власти оказалась проигранной, поскольку сформировалось четкое ощущение, что провластные СМИ говорят неправду.

Александр Неклесса вообще увидел в революциях особую роль «эфирократии», которая выступила в роли фермента перемен [11]. Но с нашей точки зрения это общее отражение глобализации, которая движется и по информационным, и по экономическим, и по политическим каналам. Это столь сильное давление, что **Александр**

Дугин уже призвал к неоопричнине как антизападной мобилизации [12]. Речь идет о модернизации России без вестернизации. **Станислав Белковский** и **Роман Карев** также видят в будущем СССР защиту от глобализации: «Глобализация, которая есть во многом американизация, не оставляет странам и народам шанса сохранить свою идентичность, уникальную социокультурную среду. Проблема многих стран и культур сегодня – как использовать технологические структуры, порожденные глобализацией, и не утратить собственную национальную уникальность, равно как и волю к принятию своих, отдельных политических решений, к самостоятельному формированию своего будущего. Найти баланс непросто, но межгосударственный союз открывает для этого возможности» [13].

Реально выстраивается понимание того, что информационные потоки на самом деле являются потоками политическими, по этой причине по ним идет в первую очередь то, что нужно внешнему игроку. **Михаил Ремизов** очень четко фиксирует новую реальность [14]: «Революционные технологии – это механизмы придания «целеустремленной» толпе статуса народа. Специфика бархатных революций в том, что этот статус не завоевывается «революционной массой», приходит к ней извне. Именно внешний центр власти – не столько по дипломатическим каналам, сколько по каналам мировых СМИ, – гарантирует митингующим статус авангарда народа, вышедшего на сцену истории, чтобы сменить режим».

Информационные потоки и их потребители задали адекватность / неадекватность происходящего. Виктор Янукович был задан политическими коммуникациями оппозиции как «бандит». Как следствие, общество не хотело избрания человека с двумя судимостями. Здесь оказалось нарушенным одно из важных правил: «Не позволяйте вашим врагам определять ваши позиции» [15]. Команда Виктора Ющенко была более активна в создании фреймовых конструкций, где факт сочетался с интерпретацией, в чем наиболее преуспели сегодня республиканцы в США [16]. Это народный кандидат против кандидата от власти, это бандитская власть, это канал честных новостей.

Роберт Хелви четко перечисляет то, что запрещено для ненасильственного движения [6. – С. 117–123]:

- насилие;
- проявления отсутствия единства внутри движения;
- ощущение эксклюзивности приводит к апатии и враждебности исключенных групп;
- наличие иностранцев внутри не должно стать публичным;
- активное участие военных сил в политической борьбе;
- организационная структура, которая не подходит для ведения ненасильственной борьбы;
- агенты-provokatory.

Если проанализировать эти разные типы объектов, запрещенных к употреблению, то все это жесткая концентрация на инструментарии ненасильственного порядка. Но не следует одновременно забывать, что в основе этой методологии лежит работа по разрушению систем поддержки действующей власти. Их определение и анализ становятся основой будущих действий [6]. Это полиция, о которой говорится, что не они виноваты, а система. Это военные, которые в Сербии отказались вмешиваться. Это чиновники, сердца которых должно завоевать ненасильственное движение.

Разрушение социальных, экономических, политических структурностей, свойственное переходным периодам, ведет к возрождению других компонентов. Это может быть религиозный компонент, например, буддизм во Вьетнаме [17]. Это может быть попытка возродить молодежное движение, как это происходит сегодня в России.

Сол Аллински считал главным правилом тактики конфликта знание традиций данного сообщества, поскольку опора на традиции может дать победу народному движению, которое не обладает большими ресурсами [18]. Он цитирует ситуацию времен французской революции, когда наступающие ударили старика мечом, что из-за уважения французов к старости вызвало крики «К оружию!»

В этом плане бархатные революции в соцстранах строились на восстановлении традиции независимости. Причем разные страны по-разному оценивали свои отношения с Россией. Как пишет **Максим Соколов**: «Много ли мы слышим об откровенно русофобских выступлениях чехов и мадьяр, а равно румын с болгарами, сравнимых с тем, что постоянно чинят поляки?» [19].

Таким образом, бархатные революции проходят три развилки в области принятия решений, причем каждый раз принимают не то решение, на которое рассчитывают окружающие:

- в соревновании официальные СМИ – кухонные разговоры побеждают кухонные разговоры, что, собственно, и было в прошлом, когда распался Советский Союз;
- в столкновении в качестве целей вестернизация – условная «советизация» побеждает вестернизация, что вновь подтверждается однотипными примерами из прошлого времен перестройки;
- в конфликте принятия решения властью силовой – несилевой варианты побеждает несилевое решение.

Первые две дилеммы можно еще рассмотреть как канал коммуникации населения и содержание этой коммуникации. Выигрыш кухонных коммуникаций говорит о том, что возникает следующий дополнительный набор вопросов на будущее: как его наполнять содержанием, как в этом случае ведется обработка информации. Понятно, что это будет более эмоционально окрашенные процессы, в то время как официальные СМИ тяготеют к рационализации этих процессов, то есть налицо явное несоответствие.

Что касается роли внешнего влияния, то США и Россия были одинаково активны на территории Украины, хотя и реализовывали это влияние с помощью разного инструментария, так что этот фактор можно считать взаимно нейтрализующим. Активность несомненно была, но она шла по разным направлениям.

Революция предполагает выход на улицы масс населения. Бархатные революции пользуются телевизионной картинкой-мультипликатором, но все равно они нуждаются в населении. Поэтому возникает потребность в процессах перетягивания легитимизации от власти к оппозиции. Этот процесс строится на следующем:

- обвинение власти и соответствующего отторжения населения от власти;
- идентификации населения и оппозиции.

Эти процессы могут идти достаточно долго. Выборы предоставляют естественную временную точку для активации революционных действий, поскольку представляют собой «товар двойного

предназначения», весь инструментарий которых легко переходит от избирательным к революционным стратегиям. тем более, что в большом объеме эти действия совпадают.

Население может выходить на улицы не только по идейным, но и по финансовым соображениям. Например, российские протесты оцениваются по шкале, в соответствии с которой один студент может получить 200 рублей за полтора часа участия [20]. Те или иные цифры постоянно возникают в случае всех цветных революций.

На сегодня активность украинского населения вернулась в норму. «Пятый канал» также возвратился к «дореволюционному» уровню зрительских симпатий. **Леся Ставицкая** проанализировала вербальную стилистику эмоционального напряжения оранжевой революции [21]. Но это также уже история. Эмоции и проблемы перекинулись на другие государства, в первую очередь Россию и Казахстан. Более того, Россия делает парадоксальный вывод по поводу постсоветского пространства: «невозможность образования в современных условиях здесь (да и нигде в мире) самостоятельного, полноценно суверенного государства. Ни одного, за исключением, быть может, России» [22].

В свою очередь **Глеб Павловский** повторяет слова, которые были слышны в Грузии, Украине, Киргизии до наступления революционных событий: «России не грозит то, что было в Грузии или в Украине. Хотя, может быть, наши угрозы, наши опасности не меньше, чем опасности Грузии и Украины. Наверное, наши опасности в чем-то, может быть, больше» [23]. Те же слова слышны сегодня и в Казахстане. Однако поскольку, как мы видим, программа революции предполагает предварительное успокоение властей, то даже аргументация против с новыми вариациями не снимает принципиально-го отторжения самой идеи. Ведь жизнь часто идет впереди слов.

Модест Колеров увидел в движущей силе перестройки средний класс – инженерно-технических работников. Все это привело к активным антигорбачевским настроениям: «Перестройка запустила механизм смуты, который никто не хотел анализировать, питалась надеждой на социальную мобильность: жить достойно, но не работать адекватно. Этот внутренний фактор – основа рукотворных цветных революций. Надо думать о последствиях ре-

форм. А не просто совершать сделку власти с оппозицией» [24].

Каждая последующая революция сегодня является продолжением предыдущей: «Оказался запущен механизм резонанса. Каждый новый переворот демонстрирует, что возможна победа над все более сильным противником. Но победа не абстрактной рафинированной оппозиции – а победа движения масс над государственной машиной. Как говорил герой одного фильма: «Оказывается – можно! Оказывается, с самого начала было можно!» [25]. Революциям подвластны все новые и новые вершины.

Бархатные революции совершаются в определенной опережающей манере. Их реальные результаты приходят тогда, когда ничего уже изменить невозможно. Особенно это наглядно видно на примере Киргизии-2005, которая попала в серьезный экономический капкан. В то же время это была революция с применением насилия (см. подборку материалов в «Весь мир» (Алма-Ата) под симптоматичным названием «Дело было в Бишкеке. Мир заглянул в лицо киргизской революции. И вздрогнул...» [26–27]). Одновременно не следует настолько драматизировать киргизские события, просто они происходят в том виде, который более соответствует своему месту и времени.

В этом плане можно говорить, что бархатные революции могут быть ведомы правильными, но все же виртуальными целями, которые тяжело поддаются реализации. Одновременно следует признать и справедливость неудовлетворенности населения: например, **Виктор Ющенко** должен был победить во втором туре выборов, как показал математический анализ «нерегулярностей» [27].

КОММУНИКАТИВНАЯ МОДЕЛЬ РЕВОЛЮЦИИ

Н

Информационное давление

НОВЫЕ ТИПЫ бархатных революций отличаются своим подчеркнутым коммуникативным характером, что естественно для информационного века. Если вчера участником революции всегда был ее непосредственный участник, то сегодня в этой же роли может выступить и наблюдатель – человек у телевизора, поскольку эмоциональные выступления, демонстрация толпы, прямой эфир создают иллюзию присутствия. Международные медиа разносят эту картинку туда, где до этого даже не слышали о существовании такой страны. Это все **новый тип давления – информационный, создающий информационно-организационный тип революции, которого никогда не было ранее.**

Это проектная модель, где резко возрастает роль проектировщиков и проектантов, которые планируют движение с учетом имеющихся ресурсных возможностей. В этом плане есть страны с разным уровнем проектной культуры. **Сергей Переслегин** считает, что развитие России происходит спонтанно, лишь постфактум оформляясь в тот или иной проект [1]. Российские проекты заимствованы у Европы, у Византии, у других государств, по этой причине они не-

адекватны русскому мышлению. Развитие происходит не в рамках проектности, а само по себе, лишь потом принимая формы, свойственные западной системе.

Новый тип революции позволяет реально опираться на меньшее количество людей, поскольку их всегда транслируют как множество. Телевизионная картинка всегда оказывается ярче и зрелищнее реальности. Массовость на экране не всегда отражает массовость в действительности. На Майдане было, естественно, много людей, но не то число, которое заявлялось с трибуны. Телевидение не столько описывает подлинную реальность, сколько само создает символическую реальность, которая лучше удовлетворяет условиям функционирования виртуального пространства.

Телевизионная картинка как бы преувеличивает реальность, часто заменяя ее саму. В качестве примера можно вспомнить свержение статуи Саддама Хусейна, обошедшее все телеэкраны. Но, как оказалось, и это есть пример эксплуатации возможностей именно телевидения. 9 апреля 2003 года американские морские пехотинцы решили сбросить статую. После отбора объекта через громкоговорители команда по психологическим операциям пригласила иракцев на помощь. Сначала вокруг лица Саддама был американский флаг, потом его заменили на иракский, чтобы не выглядеть оккупантами. Статую привязали к машине, которую скрыли за кричащими иракскими ребятишками. В результате образовалась постановочная ситуация, которая потом транслировалась в качестве реальных новостей [2]. Можно увидеть несовпадение характеристик, что реконструируется, по нашему мнению, следующим образом (см. табл. 9).

Таблица 9
Реальная ситуация и телевизионная картинка свержения статуи Саддама Хусейна

Реалии	Новости
Американские морские пехотинцы, накиннув на голову статуи	Ликующие жители Ирака сбрасывают статую,
американский флаг,	накиннув на ее голову
сбрасывают ее с помощью машины	иракский флаг

То есть постановочное событие не совпадает с реальным по ключевым характеристикам, носящим символический характер. Произошли следующие виды замен:

- флаг американский – на иракский;
- американские пехотинцы – на иракских граждан;
- сбрасывает статую машина, а не толпа.

В одной из других статей по поводу свержения статуи сообщалось также о резко меньшем количестве иракцев, число которых на экране было увеличено с помощью компьютера, чем и была достигнута нужная символизация.

Новости всеми признаются как максимально достоверный факт, из которого вычеркнута интерпретационная составляющая. В подобного рода новостях, наоборот, самым главным является спрятанная в них интерпретационная составляющая. Именно она порождает и делает новость, без нее и новость была бы другой. При этом следует подчеркнуть, что лица, принимающие решения, не ходят по улицам: они видят документы и телекартинки (ср., например, роль CNN в функционировании Ситуационной комнаты Белого дома [3]).

Вариант так долго обсуждаемых украинских «темников» можно увидеть в меморандумах телекомпании Fox News, принадлежащих **Руперту Мердоку**. В фильме, посвященном исследованию подобных механизмов, приводятся следующие примеры [4]:

- по поводу увеличивающегося числа американских потерь в Ираке: «Не попадите в ловушку оплакивания американских жизней»;
- по поводу осады Фаллуджи: «В очень скором времени некоторые люди будут порицать использование излишней силы. Нас не будет в подобной группе»;
- по поводу комиссии конгресса по 11 сентября: «Тот факт, что сотрудники бывшей администрации Билла Клинтона и бывшей и нынешней администраций Джорджа Буша выступают в роли свидетелей, создает определенное напряжение, но это не вариант «что он знал и когда он узнал». Не превращайте все это в Уотергейт».

Здесь очень четко заявлен метауровень, с позиции которого будут выстраиваться факты. По сути метауровень способен уничто-

жить факты, не признавая их системности. Главным на этом уровне становится, например, ослабление или усиление позиции Буша-президента, поскольку все эти факты могут выстроиться так или иначе.

В этом плане оранжевая революция и Пятый телевизионный канал анонсировали победу задолго до того, как она осуществилась. Приметой этой победы стало число людей, вышедших на улицы в качестве протестующих. Аргументация (явная и неявная) строилась следующим образом:

- народ вышел на улицы;
- народ требует Ющенко;
- Ющенко – народный президент.

Предложенная модель в определенной степени противоречит заявленной **Сергеем Доренко** схеме, что если в оранжевой революции негативные цели были заявлены, то с позитивными идеалами украинцы не определились [5]. Дело в том, что в революционной ситуации негативные цели всегда будут выражены ярче и сильнее, поскольку они должны мотивировать людей на протестные действия.

Анонимный специалист по психологическим войнам в интервью в статье в газете «2000», возражая против заявленного числа протестующих во время оранжевой революции, заявил, что если бы на улицы Киева вышло 350 тысяч митингующих, то им необходимо было бы выпекать 340 тысяч тонн хлеба, что составляет как раз то количество, которые производят хлебозаводы столицы ежедневно [6]. Даже незначительное сокращение продажи сразу же вызывает хлебный ажиотаж, чего не было. Этим рассуждениям можно не поверить, поскольку они принадлежат оппонентам, но **Роман Бессмертный**, возглавлявший палаточный городок, назвал количество съедаемой там ежедневно провизии: 15–20 тыс. буханок хлеба и 5,5 тонны каши [7]. Это вновь могут быть цифры на завершающем этапе, а не на пике, но разрыв все равно не может быть таким большим.

Будущее создается всегда, однако создание его в интенсивном режиме представляет особые трудности, поскольку требуется не только удержать новые параметры, но и ограничить действие старых. Суммарное действие позволяет создать контекст для расширения возможностей нового варианта будущего. Событие начина-

ется заранее. **Оранжевая революция также готовилась в тренингах и семинарах за два года до самих событий ноября – декабря 2004-го.** Активные действия организации «Пора» начались в марте, в сентябре уже насчитывалось около 300 задержанных правоохранительными органами. При этом «Пора» обучалась дифференцированно: и отражению атаки со стороны милиции, и отражению атаки со стороны криминалитета.

Анализируя прохождение бархатных революций, включая перестройку и оранжевую революцию в Украине 2004 года, наглядно видно, что главным процессом становится потеря контроля со стороны власти. Находясь на распутье между действием и бездействием в плане реагирования на отклонения, власть каждый раз избирает бездействие, но поскольку это не одноразовый, а многоразовый процесс выбора, ситуация постепенно переходит в новое состояние.

Когда пассионарии вступают в действие, старый инструментарий уже не помогает, поскольку необходимо принимать решения в новых условиях, к которым государственная система оказывается не готовой. И тренировка, которую проходили сотрудники правоохранительных органов, которую демонстрировали время от времени то провластные, то оппозиционные каналы, в результате не имела значения. Поскольку тренировались на рассеивание толпы, а не на отдачу приказов.

Информационное пространство «прорвало» первым: никакие фильтры и редактора не выдержали. Произошло выравнивание информационного пространства, в котором стали неразличимы бывшие провластные и бывшие оппозиционные каналы. Это выравнивание говорит о переходе на другие позиции именно провластных каналов, а не каналов оппозиционных.

Майдан стал более достоверным интерпретатором событий, чем профессиональные специалисты в этой области. Именно он также демонстрировал постепенную сдачу «побежденных» людей в погонах. На нем выступили отдельные офицеры милиции, курсанты Академии внутренних дел и даже генералы службы безопасности Украины.

Майдан стал единственным источником информации, поскольку на нем не было разрыва между событием и рассказом о нем. Все происходило на глазах. Стандартные телевизионные новости расска-

зывают о событии по прошествии некоего времени, здесь же разрыв между событием и его освещением сводился к нулю. Более того, Майдан выступал в роли источника событий, то есть предшествовал им таким образом: **Майдан – событие – новость**. Именно за счет этого возникло ощущение принадлежности к истории, творимой на глазах.

Шло постепенное разрушение той структурности, которая была свойственна предыдущему режиму. Каждый режим всегда обеспечивает определенные модели правильного поведения и пытается (с разной степенью жесткости и даже жестокости) наказывать за отклонение от этих моделей. Проблема состоит в формах этого контроля и того, как далеко он может простираться. Например, даже Советский Союз при его мощной системе как цензуры, так и пропаганды и агитации не мог контролировать все, за пределами этого контроля, например, находилось то, что именовалось кухонными разговорами, то есть приватные беседы людей.

Таким образом, **функции Майдана** могут быть выписаны следующим образом:

- информирующая;
- интерпретирующая;
- моделирующая протест для других.

Возникла новая аксиома поведения: **тот, кто разговаривает с Майданом, тот и прав**. Власть априори была лишена такой возможности, тем самым она, выйдя из коммуникативного поля, автоматически вышла и из властного.

В этом плане мы видим определенную коммуникативную модель революции: переход от захвата одних коммуникативных потоков и сфер к другим (см. рис. 1).

Рис. 1. Коммуникативная модель революции

Следует подчеркнуть, что ни одна революция не может обойтись без интенсификации информационных потоков, поскольку революция по определению отличается от путча именно включением больших масс людей. Информация должна выполнить следующие функции:

- активировать массовое сознание;
- удерживать своих сторонников в активном состоянии все время до победы;
- легитимизировать революционные действия для внутренней и внешней аудитории;
- устрашать оппонентов для недопущения применения ответных активных действий;
- легитимизировать новых лиц в качестве руководителей.

Более того, в этот период именно информационный инструментарий является наиважнейшим, поскольку любой другой не является адекватным возможностям оппонента. Именно информационный инструментарий позволяет разрушать армию и полицию, не имея равной с ними военной силы, заставляя их переходить на другую сторону. Например, оранжевая революция в Киеве в 2004 году в течение двух недель демонстрировала, как заявляли о своей иной позиции отдельные офицеры милиции, два генерала службы безопасности, курсанты Академии внутренних дел. Это была модель перехода на сторону революции основных сил опоры режима. Это было пока только моделью, но на этом уровне этого было достаточно.

Наблюдалось интересное сопоставление уровней доверия, вытекающее из разных моделей выступлений: руководители милиции, выступавшие официально с экрана телевизора, могли составить слабую конкуренцию реальным людям, выступавшим лично, от себя. Причем это были люди, несущие новую модель поведения, в отличие от официальных лиц, поэтому уровень эмоциональной включенности повышался еще больше.

При этом следует помнить, что **до того, как захватить информационный поток, следует точно так же начать управлять процессами принятия решений в этой сфере**. Если вернуться в советское время, то именно наличие иных коммуникаций и иных процессов решений в сфере неофициальной, которая в то же время удержи-

валась и поддерживалась диссидентским потоком, индустриально ретранслируемых «голосами». То есть «ячейка» такого захвата состоит из трех компонентов:

- процессы принятия решений,;
- межличностные информационные потоки;
- индустриальные информационные потоки.

Оранжевая революция также захватила интеллигенцию и малый бизнес как сферу общества, обладающую другими представлениями о демократии. Индустриальный информационный поток, как, кстати, и в Грузии 2003-го, создавала частная телекомпания «Пятый канал». То есть процесс разрушения старой структурности и вхождения новой проходил по следующим уровням:

- информационному;
- психологическому;
- социальному.

Это уровень человека, уровень же всего общества шел по пути разрушения структурности следующего вида:

- политической;
- экономической;
- юридической.

На каждом из уровней старая структурность заменялась новой.

Изменения в физическом, информационном и когнитивном пространствах

Если рассматривать прохождение революционных изменений в рамках трех пространств (физического, информационного и когнитивного), то революция предстает как захват только одного из пространств, в то время как эволюция работает сразу на всех трех, являясь естественным развитием ситуации.

Рассмотрим наиболее интересные виды сочетаний победы / поражения во всех трех пространствах (физическом – Ф, информационном – И, когнитивном – К), где победа будет обозначаться как 1, нейтральная позиция или поражение как 0.

- **ФИК-100.** Это путч, когда успех в физическом пространстве одной группы лиц ничем не подкреплен ни в массовом сознании, ни в массовых коммуникациях. Это чисто физическое

действие, к которому впоследствии «приклеится» та или иная идеология, пытающаяся его обосновать.

- **ФИК-010.** Это агитация, усиленная информационная активность, после которой должна последовать когнитивная и физическая активность.
- **ФИК-001.** Это брожение в умах, нечто вроде кухонных разговоров в советское время.
- **ФИК-111.** Это эволюция, если мы имеем дело с естественно созданной, а не стимулируемой извне ситуацией. Или революция, если массы были подняты искусственно.

При этом играет роль и направление захвата, то есть его «синтаксис». Движение от когнитивной сферы является нормальной эволюцией, движение от информационной сферы сначала к когнитивной, а затем физической представляется типичной революционной агитацией.

Другие варианты сочетаний таковы.

- **ФИК-110,** то есть изменения в области физического, а также информационного пространства, не дающие таких изменений в рамках когнитивного пространства: определенное неприятие произошедшего. Это можно трактовать как оккупацию или строительство нации извне, то есть нечто похожее на сегодняшний Ирак.
- **ФИК-101.** Это физические и когнитивные изменения, не отражаемые почему-то в рамках информационного пространства. Вероятно, перед нами вариант цензуры, которая не допускает в публичное обсуждение то реальное, что происходит. Но в рамках информационного пространства это не обсуждается. Причем поскольку это существенные трансформации, то они должны были бы быть отражены.
- **ФИК-001.** Это накопление определенного напряжения, которое не находит выхода. Назовем это революционной ситуацией, которая рано или поздно должна взорваться в информационном и физическом пространствах.

Рассмотрим некоторые известные варианты революционных процессов в рамках предложенных разграничений.

Джин Шарп предлагал разрушать столпы (опоры) поддержки режима (pillars of support), что дает выход на его точки уязвимости [8]. Захват физического пространства часто связан с жертвами. Теория этого исследователя является вариантом гражданской обороны, направленной против военных, то есть в рамках физического пространства возможны разного уровня ответные действия.

Революция 1905 года представляется вариантом информационной активности, на которую последовал ответ в рамках физического пространства в виде стрельбы. Отсюда возникает правило эквивалентности: ответ должен следовать в рамках того же пространства или быть менее сильным. То есть на физические действия более предпочтителен информационный ответ, менее – физический, на информационные – предпочтителен информационный ответ, реально даже запрещен ответ физический.

Августовский путч 1991 года проходил в рамках физического пространства с соответствующей информационной активностью, но он не привел к планируемым когнитивным изменениям. Было реализовано сочетание ФИК–110 вместо планируемого ФИК–111.

В случае путча при преобладании защиты над нападением имеет место инфильтрация в структуры управления одного сегмента, в случае революции – нападение явно больше защиты из-за массовости протестующих. Псевдопутч будет иметь значения $\Phi - 0$, $I - 1$, как было в случае путча в Алжире и августовского путча 1991 года в России. Это моделируемое событие, которое более сильно в информационном плане, чем в плане реальности.

Обладая подобным представлением, можно определять, что является критической точкой. В качестве такой точки напряжения, по нашему мнению, можно рассматривать ситуации неэквивалентности, когда оказывается заблокированным одно из пространств. В наших формулах это будут наборы с двумя единичками и одним нулем.

- **ФИК–110:** физические и информационные сдвиги, не получающие отражения в когнитивной сфере. Это непонимание происходящего или защита от него, непризнание его настоящим.
- **ФИК–101:** физический и когнитивный сдвиг, не подкрепляемый информационным. Это перекрытие информационных

каналов, которое всегда будет снято: закрытые официальные каналы компенсируются открытием неофициальных.

- **ФИК-011:** информационные и когнитивные действия, не имеющие физических последствий. Это наиболее взрывоопасная ситуация, которая обязательно должна вести к трансформации в физическом пространстве.

Это все неустойчивые ситуации, которые должны стремиться к выравниванию как более естественному состоянию. Выравнивание может носить естественный и искусственный характер, оно может стать ускоренным процессом или подвергнуться замедлению. Но в любом случае напряжение должно в результате разрядиться.

Есть также возможность создания искусственных ситуаций, которые мы можем обозначить как три вида ловушек:

- когнитивная;
- информационная;
- физическая.

В первом случае, например, речь может идти о ситуации, когда враг и герой меняются местами. Во втором случае проявятся фиктивные обвинения в коррупции, например, сегодня активно появляются сведения, что информация о богатствах и неадекватном поведении членов Политбюро советского времени была сознательно преувеличена. Физическая ловушка – это просто стандартный элемент военной тактики. Все это определенные «ускорители», которые приближают наступление следующей ситуации.

Существенным компонентом оранжевой революции была «атака» на процессы принятия решений властью. Если опираться на **цикл Джона Бойда НОРД** (наблюдение – ориентация – решение – действие), то существует два типа когнитивной военной стратегии [9]:

- стратегия **анти-скорость**, которая замедляет принятие решений оппонентом, что в результате приводит к тому, что решения принимаются в уже трансформированной ситуации, которая не соответствует действительности;
- стратегия **анти-ориентация**, когда акцент делается на неадекватности понимания ситуации оппонентом, степени точности восприятия им ситуации.

В результате использования этих двух стратегий оппонент теряет как скорость решений, так и их точность. Все его действия становятся чисто реактивными, вся инициатива уходит к нападающей стороне, а власть, как показала оранжевая революция, движется в хвосте чужой стратегии.

Революция в любом случае характеризуется превышением скорости восстающих против скорости власти. В стандартной ситуации продвижение по всем трем пространствам возможно только на параллельной основе: надо находиться на одном уровне сразу в трех пространствах, что является нормой (см. табл. 10).

Таблица 10
Революция в физическом, информационном и когнитивном пространствах

Пространства		
Физическое		•
Информационное	•	
Когнитивное	•	

В революционной ситуации происходит ускоренное развитие ситуации, можно двигаться сквозь разные пространства, как бы «подтягивая» их за собой. На первом этапе захватить только физическое пространство, на втором – только информационное и т. д. (см. табл. 11).

Таблица 11
Революционная ситуация в физическом, информационном и когнитивном пространствах

Пространства							
Физическое	•			•			
Информационное		•					
Физическое					•		•
Когнитивное						•	

Этот «перескок» между пространствами поддерживается также разрушением механизмов структурности и синхронности, свойственной данному государству.

Инструментарий каждого из трех пространств позволяет свой собственный вариант блокировки другого пространства. Рассмотрим эти варианты подробнее.

Физическая блокировка когнитивного пространства. Примером этого типа может быть блокировка административных зданий (кабинета министров и администрации президента) периода оранжевой революции, чем затрудняется принятие решений. Другой пример – цветы, которые вставлялись в щиты ОМОНа демонстрантами.

Физическая блокировка информационного пространства. В американских уставных документах любая физическая атака на информационный объект, например, бомбардировка телецентра, уже трактуется как информационная атака.

Когнитивная блокировка физического пространства. Это обман противника, когда его вынуждают действовать в рамках неадекватных представлений о театре военных действий.

Когнитивная блокировка информационного пространства. Это война интерпретаций, когда информационное пространство сознательно искривляется в пользу той или иной точки зрения.

Информационная блокировка физического пространства. Это могут быть неверные указатели, например, сообщение о минировании моста, чего не было в действительности. Это информационный захват физического пространства, например, оранжевым цветом, не дающим войти в эту же среду альтернативам, или просто делающим нейтральной среду символической.

Информационная блокировка когнитивного пространства. Это роль агитаторов, которые не дают милиции выполнять свою роль, например, подчеркивая в период оранжевой революции, что народ и милиция едины.

В принципе коммуникативная модель революции с учетом действий во всех трех пространствах выглядит следующим образом (см. рис. 2).

Рис. 2. Коммуникативная модель революции с учетом действий в физическом, информационном и когнитивном пространствах

Когда **Элвин Тоффлер** говорит о войнах в трех типах цивилизации – аграрной, индустриальной и информационной – как о разнонаправленных войнах (за землю, за средства производства, за знания), то революции каждый раз направлены на одно и то же – центры управления: то ли это дворцовый переворот в царской России, то ли мятеж в Древнем Риме, то ли бархатная революция в Восточной Европе.

Войны захватывают центры производства, революции – центры управления. В этом плане революции являются более современным инструментарием, чем войны, причем применяемым достаточно давно.

Сообщение с информацией по разрушению режима направляется дифференцированно по трем плоскостям. Например, в случае оранжевой революции:

- пространство: блокировка административных зданий, палатки на улицах;
- информационное пространство: активизация сторонников, легитимизация своих действий (слоган «бандитская власть»), блокировка альтернативных источников информации (кампания по дискредитации других телеканалов, проведенная «Порой»);
- когнитивное пространство (речевки на Майдане, объявление о победе до оглашения официальных результатов).

Это способы усиления дестабилизирующей коммуникации. Каким мог бы быть инструментарий по ослаблению действия проводимой дестабилизации?

- Физическое пространство: очищение от физических преград.
- Информационное пространство: введение альтернативных источников информирования.
- Когнитивное пространство: введение альтернативных говорящих и ослабляющих монополизм тем (типа «как быть другим»).

Коммуникативная модель революции должна проявить новизну и в реализуемых процессах коммуникации, поскольку борьба в информационном пространстве является основной. Можно сформулировать следующий набор новых характеристик:

- **увеличение числа слушающих свою информацию**, поскольку революция базируется на массовости слушающих;

- **расширение списка говорящих**, поскольку информационная активность порождается новыми лицами;
- **постоянное пополнение списка врагов**, в результате чего не только герои, но и враги становятся все более известными;
- **наказание получателей альтернативной информации**, что удается делать путем выявления читателей «неправильных» газет или книг, слушания «неправильных» телеканалов и телепередач;
- **блокировка альтернативных источников**, вплоть до создания чисто физических затруднений в их работе.

В случае оранжевой революции произошел даже захват физического пространства коммуникативным методом – это сам оранжевый цвет, который в виде ленточек, шарфиков, флагов реально заполнил весь Киев. Точно так же было захвачено звуковое пространство: клаксонами автомобилей (три сигнала за Ю-шен-ко, четыре – за Я-ну-ко-ви-ча), выкриками, битьем в барабаны. То есть политический символизм был внесен в нейтральные до этого пространства.

Особенно это отразилось на тех, кто находился в самом эпицентре события. Вот наблюдения психолога: «Позже появились обращения от оранжевых по поводу перевозбуждения, беспокойства, обострения тревожности, стойкой бессонницы, когда очень хочется переключиться, отдохнуть, но внутри все звучат и звучат скандирования, призывы, музыка, сигналы машин. Подобных жалоб было немало и в последние дни, так как большинство участников акции не прислушивались к рекомендациям относительно обязательного чередования пребывания в толпе и прогулок в тишине и одиночестве. Молодежь не рассчитывает свои силы и «фестивалит» до полного истощения» [10].

Дополнительно к этому зимнее время года располагало к болезням. Вот данные за 6 декабря: в медицинские пункты обратилось 4 тысячи человек, у 3 тысяч – ОРЗ, у 10 – пневмония, 57 получили помощь в связи с травмами [11].

Современные варианты коммуникаций позволяют еще глубже проникать туда, куда ранее нельзя было попасть. Рядовые сотрудники правоохранительных органов находятся в том же объеме коммуникаций, что и простые граждане. Единственным отличием

в случае оранжевой революции стало прозвучавшее сообщение о том, что милиции демонстрировали отдельный фильм о столкновении перед Центральной избирательной комиссией, акцентирующий негатив оппозиции.

В целом задачей является расширение своего пространства и сужение чужого во всех трех областях: физическое, информационное и когнитивное пространство. При этом «чужое» переводится из доминантных на маргинальные позиции, чем достигается новая устойчивость системы. Если до оранжевой революции оппозиция частично контролировала когнитивное пространство, частично информационное и имела минимум контроля физического пространства, то после оранжевой революции оппозиция уже контролировала полностью когнитивное пространство, полностью информационное и частично физическое.

При этих переходах происходит компенсация одного пространства другим. Например, физическое может компенсировать информационное: в период оранжевой революции состоялся захват физического пространства (блокировка зданий, преобладание в городе оранжевого цвета), что служило одновременно в роли определенных сообщений, направленных массовому сознанию и демонстрирующих неспособность власти отстаивать свои собственные права.

Физическое пространство может влиять на когнитивное. Например, захват пространства перед верховным судом осуществлял естественное давление на его решения. В рамках оранжевой революции был также эпизод, когда депутаты от оппозиции открыли двери верховного совета, впуская туда протестующих, чтобы не допустить неправильного, с их точки зрения, голосования.

Эта та же модель воздействия, которую психологи разрабатывали в период Второй мировой войны, когда считалось, что разбомбив, например, 60% жилого фонда, можно будет создать давление, которое приведет к отставке Гитлера. То есть давление в физическом пространстве передается в пространство когнитивное.

Информационное пространство также передает давление в область когнитивного пространства, например, с помощью демонстрации поддержки оранжевой революции разными людьми созда-

ется расширяющаяся база этой поддержки. Содержательно противник также демонизировался, чтобы создать базу для легитимности своих собственных действий.

Революция может использовать весь арсенал современных маркетинговых коммуникаций, направленный на донесение своего типа сообщения целевой аудитории. И в этом отличие именно современного типа революции от революций прошлых веков, когда многие процессы протекали на интуитивной основе.

Оранжевая революция имела еще одно отличие от всех прочих – время от времени она принимала формы рок-концертов, которые до этого часто проходили на этой площади. То есть перед нами развертывалась молодежная тусовка, но она при этом почему-то имела протестные цели. Это введение определенного метауровня, задающего свой вариант интерпретации происходящего. Понятие метакоммуникации в свое время было введено **Грегори Бейтсоном** в процессе изучения игры у животных, поскольку животные должны различать, когда укус сигнализирует войну, а когда это просто игра [12]. В принципе и вся **ненасильственная методология Джина Шарпа строится на том, что в определенной степени «безвредные» действия на метауровне несут в себе сообщения протеста**. Относительно стандартная форма несет абсолютно нестандартное сообщение. Именно это затрудняет борьбу с ненасильственными методами протеста, поскольку государство может реагировать только на внешнюю, формальную сторону, которая может даже оставаться в пределах нормы. Однако на метауровне перед нами активный вариант протеста.

Коммуникативно можно объяснить и ключевое свойство толпы – ее черно-белый вариант построения мира. Толпа воспринимает мир и реагирует на него исключительно в двоичной системе – или «ура!», или «долой!». Тот же **Грегори Бейтсон** увидел особенность шизофрении в том, что шизофреник не различает метауровня и плохо работает с множественностью интерпретаций [13]. Подобные выводы можно сделать и в отношении толпы, которая «переводит» сложные высказывания в простые.

Управление толпой позволяет усиливать эти неличностные составляющие. Можно представить себе набор необходимых для

этого блокирующих и активирующих механизмов. Обучение активистов оранжевой революции началось в конце 2003 года, в апреле 2004-го они обучались в Нови Саде, к лету этого же года было готово несколько сот человек только в рамках одной из организаций [14]. Было отпечатано 12 тыс. экземпляров книги **Джина Шарпа** «От диктаторства к демократии».

О. Перловский считает, что 5% активистов достаточно, чтобы создать массу, где большинство личностей себя потеряют [15]. Однотипно работают и разнообразные раздражители: «Это прежде всего чрезмерная информационная интенсивность: слишком много одного цвета, громкой музыки, каждодневные длительные стояния на улице. Подкрепленная общими словами, штампами, такими абстрактными лозунгами, как «свободу не спинити», «нас багато і нас не подолати» (в общем-то ничего нового – подобные ресурсы применяли большевики), интенсивная цветовая информация воздействовала на подсознание. Причем мозг принимал ее, не перерабатывая, она не проходила через логический аппарат, и человек терял способность воспринимать критически все, что связано с оранжевым цветом». Перед нами возникает интенсив входа информации, который не соответствует интенсиву ее переработки. Вероятно, что при запаздывании собственной обработки человек начинает потреблять метауказания со стороны, чтобы не потерять ориентации в мире. Получается, что метауровень активно «приватизируют» руководители толпы, что позволяет давать любому факту нужный вид интерпретации.

Революция представляет собой искусственное создание интенсивной мобильности (горизонтальной и вертикальной) людей и идей. **Старые классические революции создавали смену социальных классов на вершине власти, бархатные революции чаще меняют фамилии игроков.** Это связано с двумя причинами. С одной стороны, в прошлом общества жестко удерживали различия между классами, с другой – бархатные революции вызваны процессами политической глобализации, создающими искусственное сочетание реальных и виртуальных объектов, поддерживаемых внешней средой. Акцентируемые отличия в большей степени смещены в виртуальную плоскость.

Общество принципиально инерционно. Чем оно дальше отстоит от сегодняшнего дня, тем эта инерционность выше. Современный мир начинает развиваться по другим законам и движется по другой скорости. Это приводит к требованию реализации более существенных адаптационных механизмов. Любое внешнее изменение имеет существенные внутренние последствия, от которых не может закрыться ни одна страна.

Переход к следующему состоянию может быть трех видов:

- естественный;
- интенсивный;
- искусственный.

Примером интенсивного перехода может быть освоение целины в 50-е годы. Революция – это искусственный переход. Если при естественном переходе процесс сохранения и разрушения может быть незаметен для внешнего наблюдателя, то для революции характерно преобладание процессов разрушения над процессами сохранения.

Именно глобализация дала новые возможности для создания данного рода искусственных переходов. Если в прошлом происходил физический захват центров управления, то сегодня оказалось возможным оперировать на чисто когнитивном уровне, когда блокировка зданий кабинета министров или администрации президента в Киеве, являясь во многом чисто виртуальным действием, могла останавливать жизнь почти пятидесятиmillionной страны.

Глобализация выражается в числе прочего и в отмеченной **Михаилом Виноградовым** характеристике: «Общая закономерность в революциях на постсоветском пространстве есть – связана она с психологическим влиянием прецедента создания смены власти в соседних странах» [16]. При этом Россия, в отличие от постсоветских стран, «закрывается» тем, что она прошла период политической смены: «Наша, российская, революция уже произошла, причем для России была достаточно бархатной. Сегодня буря сидит только в головах части «мятежной элиты». Население выступает за компетентное управление, рыночное развитие и социальные программы. В ближайшие 30–40 лет страну ждет посту-

пательное развитие» [17]. На наш взгляд, это ложное представление, поскольку однотипно с постсоветскими странами ожидания населения России не были реализованы.

Юрий Крупнов также не принимает подобного спокойствия. «Дело здесь вовсе не в какой-то недалёковидности правящих лиц. Дело в том, что за чередой переворотов стоят принципиально новые парамилитарные (т. е. полувоенные) технологии политического действия, а за ними – более чем полувековой опыт США, Израиля и Великобритании. Упрекать высших чиновников из окружения президентов за то, что они не видели прямой опасности, означает в наши дни примерно то же самое, что упрекать зулусов в отсутствии представления о контроле за ними со спутников из космоса» [18].

Сильные коммуникативные потоки формируют действительность под себя, создавая в результате новый тип действительности, информационно зависимый и чувствительный к коммуникативным потокам. В прошлом смены подобного рода могли проходить за столетия, сегодня это вопрос месяцев и лет, первым примером чего на нашей территории была перестройка, которая не зря имела в качестве своего главного компонента процессы гласности.

КОГНИТИВНЫЙ ВЗРЫВ

Л

Управляемый хаос

ЛЮБАЯ СТРАТЕГИЯ состоит в создании нового пути или даже, условно говоря, нового пространства, если в рамках имеющегося нельзя достичь своих целей. Стратегия трансформирует пространство так, чтобы осуществить переход к планируемому будущему. То есть отсутствие готового пространства перехода не является препятствием для движения. По этой причине в рамках оранжевой революции следовало включить максимальную активность масс, чтобы использовать этот рычаг в качестве давления на власть. Имеющуюся политическую неудовлетворенность следовало не только усилить, но и продержать на пике активности вполне определенное время, чтобы заставить власти отступить. Это требовало времени, тренингов, организации поддержки человеческими ресурсами и финансирования. Например, в статье «Нью-Йорк таймс» сообщается, что среди прочих расходов американская неправительственная организация Institute for Sustainable Communities направила в Украину 11 млн. долларов федеральных денег для того, чтобы создать «культурный перелом в Украине, и граждане, пассивные при авторитарном режиме, стали активными и способствовали развитию демократии» [1]. То есть процессы мобилизации масс остаются ключевыми как для теории, так и для практики.

Любая революционная ситуация начинается и протекает в рамках определенного когнитивного взрыва, когда перестают работать старые правила интерпретации и реинтерпретации. Человек поставлен в ситуацию, когда он сам без подсказок должен по-новому принимать все решения. Более того, политический кризис делает политическим даже бытовое существование человека. И это вновь отражается на усложнении принятия решений, которые в прошлом не были столь многофакторными.

Когнитивный взрыв может быть естественным и искусственно сконструированным. В последнем случае перед нами может быть миссионерская деятельность, религиозная секта, коллективный протест, поскольку все они меняют не факты, а правила, по которым эти факты порождаются. Факт никогда не приходит один, за ним всегда стоит правило. Меняя правило, мы попадаем под атаку совершенно новых фактов.

Когнитивный взрыв является результатом работы двух противоположно ориентированных интерпретационных машин, задающих понимание происходящих событий. Это конфликт интерпретаций, и победа на интерпретационном поле влечет за собой победу в реальности. Реальное изменение мира оказывается возможным только с помощью разрушения прошлой картины мира и введения новой. В кардинальных случаях происходит смена героев на врагов и врагов на героев. Теперь та же самая битва начинает описываться с другой точки зрения, и мы желаем победы другим актерам.

Когнитивный взрыв нарушает наработанные взаимосвязи между физическим, информационным и когнитивным пространствами. В результате становится принципиально невозможным принятие адекватных решений, поскольку они будут базироваться на искривленной картине мира. Выработка решений не может прекратиться, но они становятся все менее адекватными имеющейся ситуации. Кстати, для всех бархатных революций на постсоветском пространстве характерным было предварительное отрицание властью самой возможности этих революций на данной территории.

Когнитивный взрыв не просто затрудняет принятие решений, но одновременно облегчает принятие принципиально новых решений, которые были бы невозможны в рамках старой систематики.

Есть более и менее закрепленные закономерности, с каждой из которых требуется отдельная работа по их изменению.

Когнитивный взрыв разрушает три вида закономерностей, формирующих картину мира массового сознания:

- факты;
- правила;
- метаправила.

Изменение факта – это разовое разрушение, изменение правил является системным изменением. Накопив измененные факты, можно изменить систему, но это слишком длительный процесс. Изменение правила или метаправила предоставляет возможность легче оперировать с фактами, признавая их либо недостоверными, либо нехарактерными в случае, если они противоречат правилу. Факт при такого вида аргументации перестает быть важнее, чем заранее заданная закономерность. Например, в период оранжевой революции было зафиксировано такое понятие, как «доброта Майдана». После этого любые рассказы, опровергающие неагрессивное поведение, исправлялись по принципу «этого не может быть».

Для смены правил подбираются самые чувствительные факты, которые трудно объяснить, кроме как наличием нового правила. Наиболее активно такие механизмы используются во время войны, когда сознательно запускаются процессы по демонизации противника. Так, типичным рассказом подобного рода является рассказ о жестокости противника по отношению к женщинам, старикам и детям, то есть демонстрируется, что тот воюет с гражданским населением.

В период первой войны в Ираке США запустили рассказ о том, как иракские солдаты вынимали недавно родившихся младенцев из инкубаторов и оставляли их на бетонном полу. Об этом с помощью специалистов ведущей западной PR-фирмы Hill & Knowlton красочно говорила якобы свидетельница, которая впоследствии оказалась не только не свидетельницей, но и дочерью посла Кувейта в США [2].

Такой массированный удар по сознанию нужен был для не менее значимого действия в физическом пространстве – начала войны с Ираком.

Для таких же действий в информационном и когнитивном пространствах в случае второй иракской войны в структуре Белого дома был создан Офис глобальных коммуникаций. Его сотрудники собирались ежедневно, чтобы определять месседж дня, не разрешая даже вице-президенту Дику Чейни отклоняться от заданной стратегии. То есть типы кардинальных изменений действительности и планируемые, как войны, и непланируемые, как революции, все равно опираются на предварительную искусственную трансформацию и информационной, и когнитивной действительности. Только тогда в эту искусственно созданную «рамку» можно запустить новую действительность.

Когнитивный взрыв разрушает все виды закономерностей, затрагивая даже определенные метаправила. Приходят новые политические игроки, которые предлагают **новые виды правил**. К числу такого рода изменений можно отнести:

- **смену героики;**
- **смену систематики управления** («кто был никем, тот станет всем»);
- **смену типологии грехов** (например, диссидент становится героем);
- **акцентуацию новых типов жертв;**
- **акцентуацию новых типов героических поступков.**

Для революций вообще характерно, что произведенный когнитивный взрыв в результате создает новые структурные линии, что, кстати, делает излишним тот запас знаний и книг, который был накоплен до этого. Так, 1917 год меняет формулу **Сергея Уварова** «православие, самодержавие, народность» на новую формулу «Ленин, партия, советский народ». Наверное, это редкий случай персонализации позитива, поскольку легче поддается персонализации именно негатив. Возможно, это связано с особыми условиями функционирования массового сознания. Ведь именно толпа становится главным действующим лицом революции. Как пишет **Г. Фукс**, «есть для нас какое-то необъяснимое упоение, когда мы чувствуем себя толпой, единой толпой, движимой единым чувством» [3].

Оранжевая революция 2004-го в Киеве уже заранее меняет формулу «президент Кучма» на «преступный режим». Юридиче-

ское решение не успевает за политическим. Но особенностью политического решения является многовариантность, каждая партия имеет право на своих собственных героев. Это в стандартной ситуации, в кризисной же идет борьба только между двумя точками зрения, каждая из которых рассматривает своего противника и всю ситуацию исключительно в черно-белом свете.

Революционная ситуация выпускает героя прямо на улицу или на площадь. Если раньше герои должны были пройти проверку временем, то сейчас этот временной промежуток сократился до минимума. Оранжевая революция 2004 года сразу же героизировала своих участников. Обычно определение героики отделено во времени (герои – это всегда те, кто были вчера). Вероятно, революционная ситуация как раз и отличается тем, что это редкий вариант исторического времени, когда герои возможны и сегодня.

Когнитивный взрыв представляет собой вариант управляемого хаоса, направленного на разрушение имеющихся структурностей. Революции прошлого были всегда левыми: они меняли противопоставление «дворец – хижина» в пользу «хижины», что всегда позволяло получить большое число сторонников, поскольку число «хижин» всегда и везде больше числа «дворцов».

Кто и как может удержать страну от когнитивного взрыва? Оранжевая революция, как и перестройка, например, наглядно демонстрируют, что это сложно. Но этот список «тормозящих факторов» можно представить в следующем виде:

- **моральный авторитет страны:** в разные периоды на эту роль претендовали для России, например, Александр Солженицын или Андрей Сахаров, но уже по тому, что этот список черпается из оппозиционного толка игроков, можно понять конфликтность данного вида общества;
- **легитимный глава государства:** на территории СНГ происходит падение доверия в лидеру, исключением было бы выдвижение его на место неформального лидера при наличии у него поста формального лидера;
- **деятели искусства:** их статус завышается в кризисные периоды, когда им пытаются внимать, но это следствие именно когнитивного взрыва, который на время уничтожает прошлые

структурности, так было в период перестройки, так было в период оранжевой революции.

Если не удастся связать наступающие разрывы с помощью личностей, посмотрим, что может связать их институционально. Это может быть следующее:

- **консенсус элит:** кризисный период обостряет межэлитные отношения, поскольку элиты борются за выход на первые места;
- **«машины» массовой культуры** (кино, литература, телевидение, театр): в период перестройки они сработали на разрушение предыдущего режима, но еще ни разу они не выстроили позитив;
- **межгосударственные альянсы:** Украина в выборах 2004 года попыталась подойти либо к России, либо к Западу, но неудачно.

Имеющиеся общественные разрывы имеют под собой определенное напряжение в области этнических, экономических, социальных, политических и других отношений. Это содержательная составляющая, а реализуются они в следующих областях, являющихся формой для проявления данного содержания:

- бытовые отношения;
- массовая культура;
- политика;
- межгосударственные отношения.

При этом это может быть анекдот, герой кинофильма, над которым смеются, партийный спич и так далее. Интересно, что все это разные формы нарратива, то есть распределенного и выстроенного во времени набора событий.

Нарратив и его роль

Нарратив как жесткое структурирование действительности вступает в случае революции в свои права, поскольку кризисные периоды характеризуются неоднозначностью получаемой информации, а нарратив как раз строится в жестких рамках, поэтому в нем и существует большая потребность. И так как имеет место когнитивный взрыв, то на арене появляется сразу несколько нарративов, ведущих между собой борьбу. Оранжевая революция, напри-

мер, несла три нарратива: от Виктора Ющенко, от Виктора Януковича и от Леонида Кучмы.

Нарративная форма отталкивает несистемные свойства, не допуская их в массовое сознание. Например, у отрицательного героя не может быть даже намек на позитивные характеристики, поскольку это будет нарушать нарративную рамку, в рамках которой разрешенными для него являются только негативные поступки.

Набор «герой, жертва, злодей» характерен не только для литературного или кинонарратива, но и для политического. Сильные игроки живут в рамках своих собственных нарративов, слабые – присоединяются к чужому. Оранжевая революция назвала свой нарратив более правдивым, и ей поверили. Соревнование нарративов привело к политической победе одного над другим.

Иногда соревнование нарративов идет на неофициальном уровне с помощью слухов или утечек информации. Так, англичане во Вторую мировую войну пытались с помощью слухов продемонстрировать человеку на оккупированной территории, что о его сотрудничестве с немцами всем известно, то есть поддерживался конкурирующий нарратив.

Нарратив позволяет не только усилить героическую составляющую (свою), но и живописать негатив противника. В этом случае сама структура негатива способствует этому, поскольку он строится именно на жестком удержании заранее расписанных ролей, где у злодея по определению не может быть никаких человеческих характеристик. Нарратив – это очень правильная действительность. Перед нами та же комедия масок (комедия дель арте), только политическая. Право на порождение негатива дает возможность сделать следующее насыщение негативом образа противника:

- констатация реальных отрицательных характеристик;
- активация потенциально возможных отрицательных характеристик;
- вписывание нереальных отрицательных характеристик.

И чем ужаснее враг, тем восхитительнее наш собственный подвиг. Вспомним страшных путчистов 1991 года, которые на самом деле были старыми больными людьми. Но чем сильнее враг, тем значительнее будет победа над ним.

Нарратив задает рамки, за пределы которых уже нельзя выйти. Разрушить его можно только новым нарративом. Столкновение нарративов и составляет сущность когнитивного взрыва – это одновременно нарративный взрыв. Нарратив как стандартизированный вариант истории вдруг оказывается не один. Оказавшись на распутье, теперь надо выбирать, какая из тропинок более правильна.

Нарратив оппозиции облегчен тем, что она имеет большие возможности для критики, в то время как провластная позиция сужена защитой. Вероятно, по этой причине к переголосованию второго тура президентских выборов и Ющенко и Янукович пошли под знаменами именно оппозиции.

Ющенко в роли жертвы (а 17 декабря 2004 года был назван уже точно даже вид диоксина, которым его отравили) в передаче «Человек и закон» (международное ОРТ, 16 декабря 2004 года) был символически привязан к Борису Ельцину, на которого также в свое время было совершено таинственное покушение. Такое сильное событие обязательно должно быть вмонтировано в нарратив.

Кстати, слоган «бандитская власть» дает сигнал смены нарратива, поскольку провластный нарратив, конечно, не может принимать такие сообщения. Это сигнал нарратива восстания, когда право на интерпретацию действительности уходит от власти. При этом сразу же вводится конкурирующий нарратив, который ведут на доминирующие позиции действия во всех трех пространствах: физическом, информационном, когнитивном. Модель нового нарратива стала такой:

- **герой – Виктор Ющенко;**
- **жертва – украинский народ;**
- **злодей – Леонид Кучма.**

Кстати, такой нарратив дает не просто четкую роль героя-защитника, но и ставит народ на позицию жертвы. Расписанные заранее роли тяжело поддаются изменениям. Все новые детали и факты должны лишь подтверждать заранее заданную сюжетную линию, поскольку противоречащие ей факты просто отбрасываются.

Следует задержаться и на том, что, возможно, бархатные революции знаменуют принципиально новый вид революций или переходный к ним. Если во времена аграрной или индустриальной цивили-

зации борьба ведется за материальные ресурсы, то информационная цивилизация приносит борьбу за нематериальные ресурсы.

Вероятно, на этапе последующей когнитивной цивилизации человечество вообще забудет о материальных целях. Оранжевая революция в сильной степени покоилась на новых понятиях, среди которых особо следует подчеркнуть такие, как легитимность и доверие. Легитимная власть обладает доверием народа, нелегитимная – нет. Возникло и закрепилось понятие моральности в политике и жизни, например, на выборах **Джорджа Буша** (это стало одним из лейтмотивов предвыборной кампании). Кстати, роль морального конфликта отстаивал и **теоретик военной стратегии Джон Бойд** [4].

Легитимизация новой силы

Каждый вид революции направлен на захват каждого из трех видов пространств – физического, информационного и когнитивного, а не только какого-то одного. Аграрная и индустриальная цивилизация действовали в рамках физического пространства. Можно построить следующий пример. Чингисхан захватывает физическое пространство военными методами, которые являются физическими по сути. Но перед его армией движутся слухи, чем происходит захват информационного пространства, в которых говорится, что к тем, кто не сдается, армия применяет самые жестокие меры. Парализующий сопротивление страх – это захват когнитивного пространства. То есть движение здесь было таким: физическое пространство – информационное – когнитивное.

Однако в случае информационной цивилизации точкой отсчета становится уже информационное пространство, а физическое переходит в список факультативных целей: информационное – когнитивное – физическое пространство.

Виртуальная цивилизация, которая придет вслед за информационной, получит новую модель: когнитивное пространство – информационное – физическое.

В данном случае речь идет о захвате физического пространства чисто коммуникативными методами. Даже чисто физическое пространство Майдана или пространства перед задними кабинета

министров или администрации президента путем создания из них телевизионной картинка преобразовывалось в символическую картинку революции: реальная ситуация – телевизионная картинка – символическая картинка.

Телевизионная картинка отбрасывает те моменты, которые не работают на новую системность, акцентируя доказательства существования новой системности, создавая тем самым новую реальность символического порядка. Приметами этих принципиальных трансформаций были:

- **большое число людей, все время выходящее за пределы кадра;**
- отсутствие примет упорядоченности (стройные ряды и так далее);
- **единый визуальный рисунок** за счет оранжевых ленточек, лозунгов;
- **единый слуховой рисунок** за счет пения песен, слушания выступающих;
- **нарушение старого типа упорядоченности** за счет показа палаток, костров, барабанной дроби в центре города;
- **милиция отсутствует** или явно защищается;
- **общие эмоции** – радость, возбуждение, речевки;
- **создание картинка мини-Украины на площади** за счет поднятых над головами названий разных городов;
- **повышенная эмоциональность события** за счет большого числа флагов, колышущихся над головами;
- **легитимизация события** за счет ежедневного исполнения гимна Украины в конце выступлений.

Когнитивный взрыв в аспекте разрушения ментальной упорядоченности подкреплялся таким же нарушением упорядоченности физического пространства. В эту картинку уже нельзя было поместить просто привычного милиционера в форме, а только с оранжевой ленточкой. Контроль физического пространства должен был быть в этом плане направлен на достижение контроля над пространством когнитивным, явно демонстрируя подчинение законам не прежней, а только новой власти.

Оранжевая революция двигалась в русле революции коммуникативной, когда следовало решать проблемы управления информационным и когнитивным пространствами. Ее целями стали:

- делегитимизация существующего режима, что позволяет позиционировать Виктора Януковича как продолжателя негативных процессов;
- создание постоянного потока своих собственных новостей и событий;
- блокировка чужих источников информации;
- борьба с другими интерпретациями;
- придание международного статуса внутренним событиям.

То есть теперь инструментарием становится не военная сила, а процессы интерпретации и реинтерпретации. Кстати, на первом же этапе практически исчезли альтернативные источники информации, поскольку все телеканалы оставили свои провластные позиции. Они порождали всю информацию, но уже с точки зрения другого кандидата. То есть инструментарий военной силы, характерный для прошлых войн, меняется на инструментарий информационный, а далее на интерпретационный, когда значимым становится уже не сам факт, а его интерпретация.

Интерпретационный / реинтерпретационный инструментарий призван выполнить важную задачу демонстрации победы заранее, что удастся делать путем акцентуации двух характеристик:

- силы «наших»;
- слабости «чужих».

Сила демонстрировалась завышением числа участников оранжевой революции, захватом «сакральных» пространств вокруг зданий кабинета министров и администрации президента. Затем блокировке подверглась дача президента в Конче-Заспе. Это одновременно демонстрировало слабость власти, которая оказалась не в состоянии защитить себя.

Михаил Ремизов увидел в бархатных революциях в качестве обязательного фактора внешнюю легитимизацию такой революции, в то время как в революциях прошлого внешний фактор был всего лишь факультативным элементом: «Революционные технологии – это механизмы придания «целеустремленной» толпе статуса народа. Специфика бархатных революций в том, что этот статус не завоевывается «революционной массой», а приходит к ней извне. Именно внешний центр власти – не столько по дипломатическим, сколько по каналам

мировых СМИ, – гарантирует статус митингующих в качестве авангарда народа, вышедшего на сцену истории, чтобы сменить режим. Внешнее признание важно для любого революционного режима, но в одном случае оно только следует за фактом взятия власти, а в другом – логически предшествует ему» [5]. Вероятно, одним из объяснений этого феномена должна быть глобализация, в результате чего внешние правила получают приоритет над правилами внутреннего порядка.

Когнитивный взрыв часто очень управляем, поскольку он должен идти по вполне рациональному пути: от делегитимизации существующего режима к легитимизации новой силы. Делегитимизация строится, как правило, на демонизации режима. При этом, например, одним из самых главных обвинений против **Леонида Кучмы** стала реальная гибель только одного человека – **Георгия Гонгадзе**. Это говорит о том, что демонизация состоит из двух компонентов: отрицательного факта и интенсивного тиражирования этого факта в разных средах (информационной, законодательной, судебной, международной и так далее). В этом случае единичность факта уже не будет помехой для демонизации.

Когнитивный взрыв является неизбежным компонентом любой революции, поскольку благодаря ему можно отменить и делегитимизировать старые действия и провести новые. Когнитивное пространство как пространство решений должно быть защищено от воздействия, но эта защита практически снимается в кризисные периоды, когда все мы начинаем подчиняться чувствам толпы, находя в ней свою главную защиту.

Когнитивный взрыв должен разрушать идентичность, поскольку она привязывает индивида к более общей рамке. Разрушенная идентичность восстанавливается достаточно тяжело, что создает еще один источник напряжения. В результате происходит занижение идентичности до уровня самых малых групп (семья, город) с потерей идентичности больших групп (страна, нация).

Теперь от этой новой точки отчета должны строиться и избирательные идеологии, и любые попытки создать национальную идею. Это проверяемая на опыте идентичность, от которой следует идти к идентичности конструируемой, искусственной: идентичность проверяемая – идентичность конструируемая.

Восстановление идентичности любого уровня позволяет снять неопределенность, связанную с когнитивным взрывом.

Нарратив хаоса или хаос нарратива характеризуется резким увеличением числа выступающих, в то время как в нарративе стабильности число их ограничено. С другой стороны, нарратив хаоса характеризуется отбрасыванием авторитета старых выступающих, например, неподчинение представителю власти становится обычным делом. Нарратив хаоса резко увеличивает интерпретационную размытость, но очень жестко держится за канонический набор своих собственных правил. Например, в случае оранжевой революции это было констатацией доброты Майдана. Нарратив хаоса находится в сложной ситуации упорядочивания отклоняющихся от нормы событий, в то время как новая норма еще не выработана. Именно по этой причине происходит включенность в новый канон, который пока еще не охватывает весь массив событий и текстов. В этом случае работало очень ограниченное число таких ментальных аксиом. Например:

- доброта Майдана;
- бандитская власть;
- Ющенко – наш президент.

При этом создается своя упорядоченность, своя структурность, объясняющая многие переходы: добрый Майдан = меняет = бандитскую власть = на Ющенко.

С чего начинается когнитивный взрыв? Это трудный вопрос, наверное, легче начать с другого вопроса: как завершается когнитивный взрыв? По нашему мнению, установлением баланса, когда каждый факт укладывается в правило, а сумма правил управляется метаправилом. Возникают суммарные формулы, подобные вышеприведенной.

Когнитивный взрыв начинается с нарушения правил, формирующих картинку действительности. Например, когда от аксиомы «власть справедлива» предлагается перейти к аксиоме «власть криминальна». Это происходит благодаря насыщению когнитивного пространства новыми фактами и авторитетными людьми и институтами, способными предложить новый вариант правила.

Когнитивный взрыв является как бы промежуточным состоянием между нарушением баланса и его новым порождением. Можно

проследить разные типы соотношений между множеством событий и множеством интерпретаций. В самом общем виде мы получаем следующие типы соотношений (см. табл. 12).

Таблица 12

Типы соотношений между множеством событий и интерпретаций

Событие	Интерпретация	Пример
Увеличение числа событий	Увеличение объема интерпретаций	Норма
Увеличение числа событий	Уменьшение объема интерпретаций	Включено жесткое управление интерпретациями (внешнее или внутреннее)
Уменьшение числа событий	Увеличение объема интерпретаций	Кризисная ситуация
Уменьшение числа событий	Уменьшение объема интерпретаций	Норма

В кризисной ситуации все представляется новым, создается ощущение, что интерпретации событий невозможны исходя из имеющегося инструментария. При большом объеме событий и малом объеме интерпретаций осуществляется наложение канонической ситуации, которая удерживается существованием дополнительного ресурса.

По отношению к управлению событийной или интерпретационной ситуацией мы можем выделить сильных / слабых игроков. Сильный событийный игрок может не думать об интерпретациях, поскольку он может навязывать развитие ситуации другим самостоятельно. По этому пути шла оранжевая революция, поскольку она обыгрывала событийно власть, которая находилась в ситуации бездействия. Сильный интерпретационный игрок также должен навязать свою интерпретацию оппоненту. При этом он может даже не нуждаться в некоторых случаях развития событий. В случае оранжевой революции власть думала, что она сильнее интерпретационно. Однако в ходе ее все властные телеканалы постепенно перешли на интерпретационную канву оппозиции.

Страны пытаются быть более сильными интерпретаторами для своей территории. Супердержавы пытаются выступать в роли и интерпретаторов, и планировщиков событий одновременно. На сегодня это привело к потере понятия суверенитета, поскольку чужие интерпретации оказываются более сильными. Одним из таких универсальных языков интерпретации стали понятия демократии и прав человека. Именно в этой области шло перетягивание каната между СССР и США. И сегодня единственным правильным интерпретатором подобных событий остаются США, а не страны СНГ. Нарратив на темы прав человека беспроблемно обыгрывают все другие нарративы.

Когнитивный взрыв не является просто хаосом, это процесс по разрушению прошлого доминирующего нарратива. В случае революции речь идет о разрушении нарратива, связанного с прошлым политическим режимом. На смену когнитивному взрыву как явлению разрушения прошлого нарратива автоматически приходит новый нарратив. Причем чем с большей революционной ситуацией он придет, тем жестче его будут впоследствии придерживать, не допуская появления конкурирующих нарративов примерно таким образом: нарратив-1 – хаос – нарратив-2.

Управление революцией – это управление хаосом, когда в ситуацию сознательного разрушения прошлых структурностей вводятся аттракторы, способные вывести ситуацию в новый набор структурностей. Поэтому одновременно вводятся и стабилизаторы, одним из них была фраза «Ющенко – наш президент», которая призвана была стать ядром будущей системности, реализуемой уже сегодня в данной точке пространства и времени.

В завершение подчеркнем, что митинг является идеальной средой как для когнитивного взрыва, так и для закрепления принципиально новой картинки действительности, поскольку толпа представляет собой идеальный объект для внушения. Митинг действует методом, который мы назовем «качелями», двигаясь от одного к другому экстремальному сообщению, встречающему гул одобрения, что возбуждает как самого оратора, так и толпу, заставляя давать еще более экстремальные ярлыки и выдвигая ультиматумы.

Управление социальными ситуациями с помощью нарративов

Каждая революция несет свой нарратив, который вступает в противоречие с доминирующим на тот период нарративом власти. Лозунги французской революции «Свобода, равенство, братство» или русской «Мир – хижинам, война – дворцам» активируют массовое сознание, переводя его из области когнитивной в физическую.

Оранжевая революция прошла тот же путь, демонстрирующий преобладание нематериальных ресурсов над материальными. Можно выделить ряд аспектов именно такой нарративной борьбы:

- формулировка «плохих» негативов для оппонентов и «хороших» для себя, например, распространенным стало негативное определение власти – «бандитская власть»;
- Виктор Ющенко был включен в более привлекательный глобальный западный нарратив, в то время как Виктор Янукович – в менее привлекательный восточный;
- оранжевая революция была в рамках действий народного нарратива, в то время как власть оказалась замкнутой только на себя, что является проигрышной позицией.

Реально человеческая история, развитие и функционирование любого общества состоит в управлении с помощью нарративов. Управление информационными потоками, которое в виде спиндокторинга или информационной повестки дня стало в последние десятилетия существенной задачей государственного управления в США, Великобритании и России, по сути своей покоится на более глубокой базисной нарративной составляющей, которая делает акцент на содержательных аспектах, в то время как спиндокторинг можно трактовать как внимание к формальным аспектам того же содержания. **Глеб Павловский** является главным адептом этой методологии в России, **Алистер Кэмбелл** – в Великобритании.

США являются основными поставщиками нарративов как с помощью Голливуда и других вариантов массовой культуры, так и с помощью новостных нарративов своих информационных агентств. Если голливудский нарратив обладает фиктивным объектом, то новостной покоится на функционировании реального объекта. Нарративный характер задается его интерпретирующей рам-

кой, без которой оказывается невозможной выдача любого факта.

Революционные изменения меняют позициями доминирующий и маргинальный нарративы. Доминирующий удерживается школой, университетами и массовой культурой, не давая возможности маргинальному нарративу проникнуть на более общие позиции. Столицы порождают такой символический продукт для своих провинций, как писал **Шмуэль Эйзенштадт** [6]. То есть иерархически построенные государства (а они все являются такими) интерпретационные пакеты не доверяют порождать никому. Сегодня глобализация приводит к обратному: интерпретационные пакеты по многим проблемам государства получают извне, что и характеризует потерю ими своего суверенитета, являющуюся характеристикой третьей глобализации, в которую сегодня вступил мир.

Глобальные нарративы (то есть глобальные интерпретации) часто побеждают внутренние нарративы. В ряде случаев это становится единственной возможностью, поскольку многие страны не обладают журналистами во всех точках планеты, где присутствуют только представители ограниченного числа информационных агентств-лидеров, нарративы которых затем ретранслируются по всему миру.

Война нарративов сопровождает любые социальные процессы. Нарратив времен царской России покоился на формуле Сергея Уварова «православие, самодержавие, народность». 1917 год ввел отмену старой иерархии путем продвижения на главенствующие позиции нарративов-маргиналов: «мир – хижинам, война – дворцам» или «грабь награбленное».

Нарративы передаются по информационному пространству, имея целью закрепиться в когнитивном пространстве. Это оказывается возможным, поскольку информационное пространство является намного более динамичным на фоне инерционного когнитивного пространства, внесение изменений в которое весьма затруднительно.

Любые социальные восстания идут вместе со своими нарративами. Создаются сложные ситуации под «охраной» старых нарративов, когда в России появлялись, например, цари-самозванцы. Или версия о замене царя Петра при выезде его за границу: замена «хорошего» царя «плохим» давала возможность объяснить его

«плохие» поступки. То есть в этом случае в стандартный доминирующий нарратив подставлялся новый «игрок», так как сохранение нарратива было более существенной задачей.

История страны – это история ее нарративов. Чужие нарративы тяжело переводятся в иное культурное пространство. **Теодор Моммзен** приводит пример непереводаемости греческих пьес для римской аудитории в тех частях, которые касались разговора рабов, поскольку для римлян рабы были просто частью утвари и рассуждать просто не могли [7]. Вспомним, как Советский Союз переделывал глобальные нарративы под свои стандарты, делая именно русского / советского человека создателем всех изобретений человечества. То есть можно выделить два трансформационных процесса, связанных с нарративами: нарративы локальные – нарративы глобальные – нарративы глобальные – нарративы локальные.

Это варианты трансформации нарративов, однако есть пути и продвижения нарративов, когда они смешаются из своей среды в другую: нарративы локальные – глобальная среда – нарративы глобальные – локальная среда.

Прорыв локального нарратива в глобальную среду является менее вероятным событием, чем смещение глобального нарратива в среду локальную.

При этом развитие информационной цивилизации создает события-гибриды, где оказываются слитыми воедино характеристики реального и информационного пространств. К таким процессам можно отнести избирательные и террористические технологии, которые не имеют смысла, если из их структуры вычеркнуть информационную составляющую. Адекватная реализация их невозможна вне информационного пространства.

Нарративы террористов создают ауру справедливости относительно своих действий. Кстати, сам террористический акт призван привлечь внимание именно к маргинальному нарративу, отражающему социальные претензии терроризма, который не имеет другой возможности выйти на широкую аудиторию.

Россия долгое время пыталась встроить Чечню в нарратив терроризма, но только после Беслана ей более-менее удалось закрепить эту ситуацию в рамке международного терроризма. До этого

момента Запад упорно возвращал Чечню в рамки внутренних проблем России.

Глеб Павловский в программе «Зеркало» (РТР, 3 октября 2004 года) охарактеризовал терроризм как попытку нелегитимными средствами управлять легитимными процессами. И по сути терроризм как раз и направлен на вхождение в чужие процессы управления нетрадиционными способами.

Избирательная борьба является войной нарративов, например, в президентских выборах в Украине 2004 года команды кандидатов обвиняют друг друга в проамериканских или пророссийских позициях, то есть в продвижении чужих нарративов. **Джим Керри** борется против **Джорджа Буша**, оспаривая нарратив героя, приписываемый Бушу.

При этом конкурирующие нарративы рассказывают об одних и тех же объектах, только вставляют их в разные рамки. В одном случае рассматриваемый объект подается как герой, в другом он же является уже злодеем. Конкурирующие нарративы направлены на вытеснение противоположной точки зрения, они не могут сосуществовать одновременно. Продвижение нарратива очень сильно зависит от того, кто именно его провозглашает. Перестройка строилась на смене фигур, призванных провозглашать конкурирующие нарративы. Новизна типажей, сравнительно с привычными партийными фигурами, в сильной степени способствовала успеху.

Успех МММ также в сильной степени покоился на фигуре Лени Голубкова: в майке за бутылкой его слова становились максимально достоверными. Нарратив «мы не халявщики, мы партнеры» даже в определенной степени облагораживал данную ситуацию.

Выборы трансформируют социальную ситуацию в нарративную. Отсюда часто употребляемая интерпретация выборов как определенной драматургии, смещение от содержательного анализа в СМИ в сторону борьбы рейтингов. Действующие лица избирательного процесса также характеризуют ситуации в этих рамках: «Идет человек на избирательный участок. Воскресенье, встал, пошел, встречает своего соседа. И он его спрашивает: «Иваныч, а ты за кого проголосовал?» А он ему отвечает какой-то фразой, например: «За молодых, за Кириенко». Или еще что-то: «За коммуни-

стов, потому что они...» Собственно, поиск этой фразы, словесной идеи – это и есть основная цель исследовательских работ» [8].

В процессе выборов формируется нарратив, который может принести победу, когда в него поверит большинство. Нарративом с большой драматической наполненностью также становится взаимодействие между двумя основными претендентами на кресло президента. В США 2004 года команда Джорджа Буша пыталась «отвоевать» вьетнамский нарратив у Джима Керри. Украинские президентские выборы 2004 года получили в качестве элемента даже и отравление, что является приметой политики более древних этапов.

Революции также борются с доминирующими нарративами, как и выборы. **Шмуэль Эйзенштадт**, анализируя движения протеста, подчеркнул следующее [6. – С. 88]: «Темы протеста, формирующиеся в каком-либо обществе, имеют тенденцию оспаривать те коды или ориентации, которые наиболее полно институционализированы. Так, если общество в высокой степени рационалистично, протест будет направлен в сторону мистики и чувственных ориентаций».

Интерпретационная система

Смена политического и экономического устройства Советского Союза также велась сквозь атаку на нарративы и смену нарративов. Мы можем представить себе это как смену интерпретационного пакета советского времени на политический, а за ним и экономический пакет. Первый из них ввел и закрепил политические изменения, второй – экономические. На последующем этапе вместо интерпретационного пакета советского типа, где другие точки зрения на события не имеют права на существование, вводится интерпретационный пакет-2, когда удерживается доминирующая интерпретация, а остальные существуют на маргинальном уровне.

Рассмотрим эти состояния подробнее.

Интерпретационный пакет-1. Вводится и удерживается единая интерпретация событий регионального, центрального и глобального уровней.

Усиленная работа такой системы на последующих этапах естественно приводит к ограниченному числу объектов, поскольку их

множественность затрудняет возможности контроля. При ограниченном числе объектов также облегчается проблема трансляции. Однако ограничение числа объектов имеет и существенные последствия, в результате уходят на маргинальные позиции остальные: например, центральность фигуры Владимира Ленина отправляет всех остальных участников процесса в его фон, на котором проходят действия самого Ленина. В результате соратники помогают Ленину, враги – мешают, но ни те ни другие не имеют права на самостоятельное существование.

Интерпретационная система интенсивно порождает положительные сообщения о своих объектах, запрещая негативные.

В результате образуется вариант солнечной системы, которая вращается вокруг своего собственного солнца. Остальные периоды или страны рассматриваются как предтечи или будущие переходы именно к данному состоянию.

Основными компонентами функционирования такой системы становятся следующие процессы:

- отбор;
- трансляция;
- коррекция.

Политический пакет. Перестройка реализовывалась с помощью процессов гласности, которые реально оказались просто снятием запретов на порождение негативной информации о «сакральных» объектах советской эпохи.

Первый этап разрушения этой системы начался еще до перестройки, когда система стала акцентировать иные приоритеты в характеристиках сакральных объектов: например, социализм (Ленин) с «человеческим лицом». Вероятно, такой была попытка системы адаптироваться к внешним изменениям. Однако за такой адаптацией последовала существенная трансформация системы: Ленин (социализм), удерживаемый пропагандой – Ленин (социализм) с «человеческим лицом» – Ленин (социализм) со «звериным оскалом».

Основными компонентами функционирования такой системы становятся следующие процессы, выделенные исследователями тоталитарных сект:

- размораживание старой информации;
- введение нового набора;
- замораживание.

В результате стандартные объекты прошлого для следующих поколений могут интерпретироваться сквозь новую систему, как, например, анекдот, в котором Чапаев понимается Вовочкой как предводитель черных, поскольку он воевал против белых.

Экономический пакет. Система изменений не могла лежать в чисто идеологическом изменении, она должна была поддерживаться экономически. Поэтому вслед за политическим пакетом со своим набором изменений вводился товарный пакет со своими последствиями.

Основными компонентами функционирования такой системы становятся следующие процессы:

- вложение денег в телеиндустрию;
- возврат денег сквозь рекламу западного товара;
- вход западных товаров и глобального типа экономики с существенной трансформацией местной экономики.

Здесь значимо то, что телевидение удерживало и введение политического пакета. Вспомним период гласности и перестройки, который делался принципиально сквозь ТВ, поскольку старые партийные «игроки» были не готовы быть столь же зрелищными, как игроки перестроечного типа, которые и хотели, и умели говорить. Властители дум предыдущего периода (секретарь обкома, например) были заменены властителями дум постсоветского типа (журналисты, писатели, режиссеры, актеры), то есть представители массовой культуры победили представителей политической культуры на поле политики.

Интерпретационный пакет-2. Вводится и удерживается доминирующая интерпретация событий регионального, центрального и глобального уровней. При этом вполне возможны и маргинальные нарративы, которые удерживаются в рамках нецентральных информационных сетей.

Если советский центр является центром жесткого типа, то новые типы центров являются центрами мягкого типа. **Шмуэль Эйзенштадт** видит возможность ненасильственного перехода от дорево-

люционных к постреволюционным структурам, если центр имеет способность к следующему [6. – С. 292]:

- мобилизовать ресурсы для решения проблем;
- включить новых претендентов на участие;
- установить связи с более широкими слоями общества.

Введение принципиально новых объектов невозможно без предварительной имплементации новых нарративов. **Теодор Момзен** подчеркивал, что племена, окружавшие римлян, планомерно разрушали дороги и акведуки, даже понимая их полезность для себя. Сходно вьетнамцы сжигали школы, которые для них строили американцы во время войны во Вьетнаме. **Дж. Андерсон** объясняет эту неудачу тем, что никто не спрашивал крестьян, что они думают об этом, они не были вовлечены в принятие решения или строительство [9]. Тот же вариант аргументов можно применить и для случая построек римлян. Отсюда следует правило, что новый объект возможен только с помощью нового нарратива: новый нарратив – новый объект.

Новый нарратив должен вводиться раньше и параллельно с новым объектом. **Христофор Колумб** отправился в плавание с неправильным нарративом, пытаясь открыть путь к Индии, но это одновременно был правильный нарратив, поскольку он «освящал» подобное движение.

СМИ ориентируются на особый класс нарративов – негативные ситуации. Интересная дискуссия возникла в 1959 году на одном из семинаров, где газету *Le Monde* упрекнули в том, что она всегда расскажет о том, что сгорел какой-то завод, но не расскажет о том, что для рабочих поставили телевизоры. Редактор ответил на это следующее: «Это правда, газета охотней расскажет о пожаре, чем о плодах умелого руководства компанией. Благополучные фирмы, как и люди, не имеют истории» [10. – С. 95]. То есть позитивная сторона автоматически смещается в сторону рекламы, удаляясь от журналистики.

Полноценно функционирующие государства призваны удерживать свои нарративы, отторгая чужие. В прошлом это было относительно легко, поскольку коммуникации между разными государствами были осложнены. Сегодня более сильные государства пра-

ктически наводняют своими нарративами более слабые государства, что в результате создает конкурентную среду, вообще препятствующую порождению своих собственных нарративов. Самой благоприятной средой для распространения нарративов является массовая культура, поскольку она создает возможности для сочетания как рациональных, так и нерациональных компонентов. Если сюжетика носит ограниченный характер, то ее наполнение бесконечно. Те же сюжеты в процессе конкурентной борьбы начинают заполняться новыми объектами: герой Чапаев, например, меняется на героя мышонка Микки-Мауса, который однотипно ведет борьбу со своими врагами. Новизна нарратива покоится только во включении новых игроков в старые роли.

Мы видим мир сквозь нарративные рамки, которые являются естественным способом обработки и фиксации информации. В свое время **Хейуорд Олкер** попытался применить нарративную форму в качестве универсального способа фиксации реальных исторических событий [11]. То есть это форма, которая соответствует представлениям человеческого мозга об упорядоченности событий, именно она противостоит возможному варианту хаотического представления, носящего несистемный и случайный характер.

Предварительное введение тех или иных нарративов является предпосылкой любого типа социальных изменений. С другой стороны, активное введение своих собственных нарративов, что делает, например, Голливуд, является важной долговременной стратегией по защите своих интересов, поскольку наперед форматирует пространство в ценностном измерении. Если мы посмотрим на советский фильм или советскую песню, то увидим однотипный вариант продвижения. Единственной разницей является то, что Голливуд работает в рамках глобального проекта, расширяя свое пространство в сторону еще не присоединившихся к нему.

Продвижение своих собственных ценностей является современным вариантом религиозного миссионерства. Это вариант работы по выдвиганию аттракторов, вокруг которых может сформироваться нужный вариант картины мира. По сути это действия в «поле мечты», поскольку любая героика работает именно в этом направлении. Это поле может быть ориентированным социально,

а может иметь индивидуальную направленность. Но в любом случае оно «обрабатывается» как со стороны идеологии, когда требуется достичь определенной унификации массового сознания по ключевым направлениям, так и со стороны прикладных задач другого уровня, выполняемых рекламой и паблик рилейшнз. Тот, кто будет работать на «поле мечты», тот и получит на нем свой урожай.

Нарратив оранжевой революции, как и любой другой революции, носит более общий характер, лишь частично заземленный на конкретику данного места и времени. Французская революция неслала на своих знаменах, например, самые общие требования. **Альберт Манфред** пишет о речах Робеспьера или статьях Марата: «В их представлении совершаемая ими революция была не буржуазной, а революцией во имя торжества человечества, торжества добродетели, великих принципов свободы, равенства и братства» [12. – С. 216].

Революционная ситуация формируется в определенных сегментах общества, только затем происходит распространение ее на все общество. Поэтому должна иметь место сменяемость нарратива с частного на всеобщий, с мечты одного круга лиц на максимально широкие народные массы. Нарратив структурирует действительность под тот набор целей, которые перед ним стоят. Если нарративы власти пытаются удержать рамку действительности, то нарративы оппозиции направлены на смену, построение новой легитимности.

РЕВОЛЮЦИЯ: НОВЫЙ ПРОЕКТ ВНУТРИ ЧУЖОГО

Л

Перетягивание ресурса

ЛЮБОЙ ПРОЕКТ развивается как в системе своих целей, так и в рамках параллельно развиваемых чужих, преодолевая сопротивление среды. Революция интересна тем, что представляет собой проект, который строится внутри другого проекта – властного. Во многом это попытка построения из одного того же ресурса двух разных проектов, которые во многом противоположны друг другу. Мы говорим о сближении ресурсов, поскольку известно, что в революционное время армия, например, может переходить на сторону восставших, то есть ресурс в ходе строительства проекта начинает возрастать за счет противоположной стороны. То есть одним из важных процессов революции является перетягивание ресурса. Есть ресурс принципиально свой, принципиально чужой и ресурс, за который ведется борьба.

Проект – это движение сразу по трем плоскостям: физической, информационной, когнитивной. Причем возможна взаимозамена одних плоскостей другими, чтобы продолжать нужный вариант движения. Инструментарий каждой из плоскостей характеризуется своими особенностями:

- обладает разными функциями;
- может компенсировать другой инструментарий;
- проявляется по-разному на разных этапах в зависимости от динамики событий;
- может находиться в атакующей или защищающейся позициях.

О латиноамериканских революциях некоторые аналитики говорят как о магических, но все революции магичны из-за того, что как раз являются проектом внутри проекта, поэтому уровень неожиданности в их действиях всегда очень высок. Долгое время он проходит как скрытый от других проект. Более того, даже тот или иной ресурс в рамках революции становится «моим» только потому, что «я» таким его обозначил. Чем был переход **Александра Лебеда** на сторону Бориса Ельцина в 1991 году в России, как не решением одного человека, что его подразделение выступает в иной роли? Кстати, путч является наиболее характерным примером вставленности одного проекта в другой, поскольку путч является захватом власти одним из элементов бюрократического управления: военные, будучи лишь частью, объявляют себя всем целым.

Проект внутри проекта более чувствителен ко всем видам ограничений, поскольку они действуют на одной территории. Проектное сознание одной команды может обыгрывать проектное сознание другой команды, но нехватка ресурса не дает возможности воспользоваться этим преимуществом. Можно выделить следующий **набор особенностей строительства одного проекта внутри другого**:

- использование чужих ресурсов;
- нейтрализация контр-энергий;
- активация своих энергий;
- строительство союзов с друзьями, с врагами, с нейтралами;
- подключение к чужим трендам.

Чужой проект выступает в роли определенных «стен», учет которых необходим для строительства своего собственного проекта, поскольку они могут выступать в роли преград по достижению своих собственных целей. Одновременно можно воспользоваться «мостами», построенными другими для достижения своих собственных целей.

Учет «другого» заставляет менять свою собственную стратегию, поскольку действие происходит не в чистом поле, а в достаточно агрессивной среде, где есть субъект с активным поведением, направленным на создание помех, причем максимального свойства.

Возможны следующие варианты работы с этим субъектом:

- разделение: это известный метод, лежащий от «разделяй и властвуй» до тактики сознательного несоздания врагов из коммунистов в период развала СССР, чтобы не создавать дополнительный ресурс сопротивления, когда в пост-СССР были приняты все без всяких вариантов люстрации;
- втягивание: противник / оппонент вводится в ту область, где он, как просчитывается заранее, явно слабее, по этой причине там легче вести модельный поединок;
- затуманивание (введение в заблуждение): противника удерживают от активных действий или, наоборот, демонстрируют ему псевдовариант своих собственных действий, чтобы не дать заниматься тем, чем требуется на данный момент;
- перенос в иную систему координат: действие может уводиться, например, из политической в экономическую плоскость, из политической – в моральную;
- использование старых механизмов: в тех случаях, когда старые механизмы работают в нужном направлении, их используют – например, роль верховного суда в период оранжевой революции.

Самым важным инструментарием строительства одного проекта внутри другого является вариант «питания чужой энергией», поскольку своей собственной энергии не хватает. Глобальный «западный» проект строился за счет энергии «красного» проекта и наоборот, поскольку само существование антипода создавало дополнительные стимулы для развития. Возможно, что эти внешние стимулы превосходили стимулы внутреннего порядка.

В случае оранжевой революции у каждой из сторон энергия «против» превосходила энергию «за». Бархатные революции, как и революции вообще – это выброс энергии «против», которая иногда искусственно активизируется. При этом внутренней энергии часто не хватает, ее приходится брать извне, преобразуя в свою

пользу энергетические траты противника. Например, разгон демонстрации, сделанный властью, за счет преобразования энергии становится позитивом для оппозиции. В оранжевой революции разгона как такового не было, зато было ожидание этого разгона, которое однотипно усиливало энергетически оппозицию, поскольку работало на объединение усилий.

Каждая ошибка власти начинает работать как энергетическая подпитка оппозиции, поскольку может многократно использоваться в агитации. Например, оговорка **жены Виктора Януковича** об американских валенках сразу породила серию фольклорных высказываний и даже физических объектов (типа валенок с надписью Made in USA или ценой 100 долл.). То есть ошибка дает не суммирование, а умножение энергетики. Вариантом самоподзарядки являются речевки, песни, выступления, которые удерживают толпу в нужном состоянии активации. Такой высокий уровень возбуждения следовало удерживать постоянно, чтобы на Майдане находилось большое число людей.

Все революционные проекты когнитивны по своей сути, поскольку целью является захват пространства решений массового сознания. Массовое сознание всегда антивластно, вспомним кухонные разговоры советского времени как ареал обитания оппозиционности. Необходимо достижения порога, после которого начинается реализация протестности в физическом пространстве (см. рис. 3).

Рис. 3. Реализация протестности в физическом пространстве

Недостаточность собственного ресурса отражается в постоянном захвате ресурса другой стороны. Поле чужих механизмов / ресурсов, которые подлежат захвату, революция 1917 года определяла как «почта, телеграф, телефон», сегодня это следующий набор:

- СМИ и через них информационное пространство;
- площади и улицы и через них иное физическое пространство;
- население и пространство решений массового сознания;
- армия, спецслужбы и любые другие механизмы по противодействию революции.

Оранжевая революция 2004 года использовала также инерцию избирательной кампании для подготовки протестных настроений, что позволяло канализировать их либо в направлении выборов, либо в направлении революционных действий.

Революционный проект строится в системе «действие – противодействие». Идет поиск действий, которые будут встречать минимум противодействия. Этими типами действий оказались так называемые ненасильственные действия, происходящие в пространстве, к которому не готова государственная власть. Еще одним вариантом стратегии становится ускорение принятия решений, против которого также оказывается слабой бюрократическая машина, требующая иерархических согласований. Суммарно эти действия, на которые сложно строить противодействие, предстают в следующем виде:

- ненасильственные варианты действий, поскольку они являются асимметричными по отношению к возможностям государственной машины;
- ускоренные варианты действий, поскольку государственная машина работает медленно;
- включение проекта в международную рамку, поскольку она не подлежит внутренним законам (это международные наблюдатели, давление международных государственных деятелей и так далее).

Поскольку борьба ведется за пространство решений массового сознания, то очень важны процессы интерпретации и реинтерпретации событий, а также создание таких событий в нужном месте и в нужное время, которые получат нужную интерпретацию. Отсюда необходимость проведения всех протестных действий в столицах, перед центральными институциями и иностранными представительствами.

Чужой ресурс, как правило, блокируется не столько реальными действиями в физическом пространстве, как страхом от появле-

ния таких действий. То есть физические действия блокируются действиями когнитивного порядка. Бархатная революция вообще проводит большую часть своих действий в информационном и когнитивном пространствах, создавая в физическом только те виды событий и действий, которые несут символическое значение. Например, действия периода оранжевой революции (массовые митинги, блокирование административных зданий) в чисто физическом измерении не являются такими страшными. Более важна их символическая роль, указывающая на то, что власть теперь не является главным игроком, задающим правила.

Уверенней к победе движется тот проект, чья достоверность вызывает меньше сомнений у массового сознания. Достоверность одного проекта автоматически отражается на достоверности другого. Странным образом массовое сознание не может признать оба проекта достоверными, можно находиться только в одном. Советский глобальный проект также противостоял в этом плане проекту западному. Но это было облегченной ситуацией, поскольку сторонники того и другого проекта были разделены физически, а дипломаты отличаются от нормальных людей как раз способностью жить сразу в нескольких проектах.

Проект-1 может победить **проект-2** путем присоединения себя к будущему, что каждый раз делали **Борис Ельцин** или **Леонид Кучма**, относя своих противников-коммунистов к прошлому. Новый проект всегда привлекательнее уже состоявшегося. Западный глобальный проект победил советский еще и по этой причине. Он также победил, задав больший уровень глобальности своему проекту, делая из советского проект регионального порядка. Однотипно оранжевая революция вписывала себя в проект Европы и США, а Виктора Януковича – в проект России и Казахстана. То есть уровень глобальности в одном случае был явно выше другого.

Введение ситуации в хаос позволяет стремиться к выигрышу тому, кто был к этому более подготовлен или обладает большими ресурсами, позволяющими пройти его более безболезненно. **Дж. Форан** определяет период хаоса в случае Ирака следующими словами: «США разрешили открыть период хаоса, поскольку они неверно поняли желание иракского народа, недостаточно разобра-

лись во внутреннем разделении и политической культуре и не смогли развернуть полицейские силы вовремя, чтобы предотвратить начало плохой динамики. Интересно, был ли этот хаос предсказуем или сознательно создавался» [1].

Революция всегда действует в условиях хаоса, тем самым усиливая имеющиеся разрушительные тенденции. Революция приходит в момент хаоса и сама его создает. Это смена доминирования той или иной силы, которая возможна как следствие хаоса, то есть ухода одной из нормирующих сил.

Кризисная ситуация несет с собой сужение набора возможных ролей, откуда следует известное черно-белое восприятие мира. Возникает обязательность выбора ролей – либо друг, либо враг. Можно построить следующую таблицу возможных соотношений поля решений и поля возможностей (ресурса) (см. табл. 13).

Таблица 13
Соотношения поля решений и поля возможностей (ресурсов)

Поле решений	Поле ресурсов	Пример
Расширение	Сужение	Кризисная ситуация
Сужение	Сужение	Революционная ситуация
Расширение	Расширение	Послереволюционный подъем страны
Сужение	Расширение	Неправильное правление

Развитие того или иного варианта проекта вытягивает определенные типы ролей, другие отодвигает на задний план. Революционный проект требует пламенных революционеров, требует революционных ораторов, что и произошло – на заранее заявленные роли пришли конкретные люди. Часто даже интерпретация ролей берется из старой истории, например, **Юлия Тимошенко** подавалась в свое время как **Жанна д'Арк**.

Социальный хаос в отличие от физического представляет собой удержание определенной зоны сверхпорядка на фоне общего хаоса, а точнее на фоне введения новых правил. Эти зоны (например, в случае оранжевой революции – охрана определенных административных зданий) удерживались за счет сверхнормативного использования имеющихся сил (условный пример: число милицио-

неров на квадратный метр на территории администрации президента превосходило все нормативы). Но и протестная масса на площади Независимости также была сверхнормативной. В этом случае удержание новых норм создается тем же способом, что и удержание старых.

Для строительства проекта внутри другого проекта важным является использование энергетики другого проекта из-за недостаточности своей собственной. В выборах в этой роли выступают политическая реклама, слоганы, критика оппонента. Оранжевая революция «питалась», например, за счет высмеивания образа Януковича («профессор», «козлы», «американские валенки»). Каждое из этих обозначений несло свои собственные нарративы. Нарратив структурирует действительность под определенным углом зрения, тем самым он «вытягивает» определенные аспекты действительности, в ряде случаев делая осознаваемым то, чего может и не быть в такой активной позиции в самой действительности.

Возможности одного проекта внутри другого проекта опираются на смену идентичностей, благодаря чему происходит перераспределение ресурса. Сегодняшний мир предоставляет человеку целый набор идентичностей, причем большинство из них носят транснациональный характер. «В любой момент некоторые индивиды будут выбирать эти супертерриториальные, внетерриториальные, внегосударственные сущности, расширяя свои системы идентичностей за унаследованные пределы» [2].

Оранжевая революция вызвала сильное противостояние за счет борьбы на уровне идентичностей: «за» большой проект «западный», либо «за» большой проект «восточный». Произошла серьезная активация виртуальных идентичностей и границы между ними.

Революционное требование социальных изменений само может строиться разными проектами как общая цель, к которой можно двигаться при помощи разных механизмов. Революция в Латинской Америке, в частности в Сальвадоре, возникает сквозь удержание революционных идей в рамках трех институций: коммунистической партии, университетов и католической церкви [3]. Каждая из этих институций трактует себя как единственную способную выразить волю народа, каждая мобилизует молодых радикалов.

Студенчество приняло активное участие в оранжевой революции, будучи по определению антивластным ресурсом. В этот раз давление властей было снято (типа исключения за пропуски лекций), что вызвало высокий уровень участия. Тем более что само протестное движение оранжевой революции моделировалось в стилистике молодежного модного движения, где пламенные речи перемежались рок-концертами.

Неучет того, что революционный проект строится внутри властного проекта, ведет к определенным просчетам со стороны власти, которая попадает в два неверных типа решений: либо вообще не действовать, либо действовать слишком решительно, что приводит к перекодировке ее энергии в энергию восставших масс, как это было, например, в революции 1905 года, а затем в бархатных революциях Восточной Европы, которые развивались с еще большей силой после разгона демонстраций.

Революционный проект строится также в рамках других революционных проектов, которые с большей или меньшей степенью известны всем. Например, Великая французская революция описывается **Альбертом Манфредом** теми же словами, которые в 2004 году могли характеризовать оранжевую революцию [4]. Приведем два отрывка, описывающих ситуацию с разных позиций.

Со стороны населения [4. – С. 64]: «Население Парижа и других городов Франции находилось в непрерывном возбуждении. Газеты, многочисленные брошюры и листовки, выпускавшиеся в те дни, пользовались огромным спросом. У всех пробудился интерес к политике; люди жили нетерпеливым ожиданием перемен. В Париже, на площадях и бульварах, возникали импровизированные собрания».

Со стороны власти [4. – С. 65]: «Король и его окружение с тревогой и раздражением следили за развитием событий. Однако они отнюдь не считали свое дело проигранным. Напротив, они вновь готовились к решающему удару».

Перед нами тот же тип нарратива, который реализовывался и в период оранжевой революции, только в нем подставлены другие имена объектов. В принципе это интересная одинаковость революционного сюжета.

Строительство одного проекта внутри другого предполагает мобилизационные процессы, позволяющие использовать один и тот же ресурс для других целей, что было видно по перетягиванию армии и силовых структур на сторону оппозиции в период оранжевой революции. Мобилизационные структуры – один из краеугольных камней любого общественного движения.

Революционный (и любой другой) проект может опираться на внешние источники, реально став частью более общего чужого проекта. То есть возможны варианты сосуществования двух чужих проектов: борющегося против (провластного) и поддерживающего (внешнего). **Сунил Дасгупта** из Института Брукингса пишет о террористах, что они стараются мобилизовать в свою пользу внешние ресурсы (чужие правительства, диаспору, криминальные сети), что связано с материальной нехваткой восставших против государства [5]. В результате происходит экстернелизация врага и возникает легитимизация внутренней войны.

США, выстроив однополярный мир, отказываются от модели учета чужих проектов, привлекая их только по мере надобности. Один из апологетов этой позиции **Чарльз Краутхаммер** в своей речи 2002 года подчеркивает, что многополярность является прикрытием для бездействия [6]. Опираясь на слова **Дональда Рамсфелда**, что «миссия определяет коалицию», он говорит: «Мы берем наших друзей там, где можем их найти, но только для того, чтобы помочь нам выполнить нашу миссию. Первой появляется миссия, и мы задаем ее сами». Это пример одностороннего построения проекта.

Революции всегда строятся на пересечении множества проектов. Исторический и культурный опыт кодируют те или иные варианты выхода из имеющихся ситуаций. **Э. Зельбин** перечисляет в качестве формирующих революционные ситуации такие факторы, как коллективная память, символическая политика, социальный контекст [7]. Именно сквозь такие механизмы, вероятно, происходит формирование решений в массовом сознании, которое достаточно часто видит именно то, что хочет увидеть. И все это одновременно «осколки» чужих проектов, которые дошли до разной степени реализации. Для массового сознания нереализованный и реализованный проекты во многом эквивалентны, поскольку оно само может дополнить проект в своем виртуальном пространстве до полной реализации.

Революция может также быть реализована как вариант собственного национального проекта. Любая революция опирается на предшествующий опыт, как свой, так и чужой, возможных вариантов восстаний против действующей власти. В связи с этим особую роль играет виртуальный, мифологический пласт, где опыт подобного рода кодируется и хранится. В этом плане интересна позиция Советского Союза, который активно мифологизировал своих собственных революционеров, в то же время отрицал подобную правоту за теми, кто выступал против данной власти, например, диссидентами. Понятие справедливости борьбы здесь размывалось, чтобы принять другие формы, позволявшие использовать контрреволюционные стратегии в стране с революционной идеологией.

Революция – это неудовлетворенность и разочарование, которое может быть реальным и искусственно «подогретым» под необходимый уровень. В последнем случае собственное положение соотносят с определенным идеальным стандартом. Сегодняшний глобальный мир предоставляет множественность вариантов для таких идеализаций, поскольку его характеризует небывалая открытость. Советский Союз оказался «раздавленным» именно чужими стандартами, которые постепенно вошли в качестве точки отсчета, что и привело к 1991 году. С тех пор у большинства населения не произошло принципиального экономического улучшения, но одновременно это не приводит к революционному состоянию.

Оранжевая революция в Киеве продемонстрировала феномен несбалансированного движения в области нематериальных ценностей, когда положение человека в области экономического, социального и политического пространств перестало быть скоординированным. Завышение экономическое могло не соответствовать другим уровням (см. рис. 4).

Рис. 4. Феномен несбалансированного движения в области нематериальных ценностей

Например, стандартные представители бизнеса находились в улучшенном экономическом состоянии, что не отражалось на их социальных и политических ощущениях, поскольку их статус в этих пространствах был явно заниженным.

Возможным вариантом по нейтрализации таких несоответствий могут быть разного рода национальные проекты, ведущие страну вперед, где и будет достигнут, по замыслу их создателей, нужный вариант балансировки. Советский Союз, с одной стороны, строил коммунизм, где все должно быть хорошо, с другой – он характеризовался определенным государственным аскетизмом, где не приветствовалась показная роскошь, где все жили по близким стандартам. Сегодня разрыв в уровне жизни разных слоев населения достиг невообразимых размеров, что задает необходимый уровень раздражения против власти. Власть всегда берет на себя вину за любой вариант социальной неадекватности, созданный в данном виде общества.

Украина в преддверии революции характеризовалась отсутствием национального проекта. Россия сегодня характеризуется столкновением ряда проектов в виртуальной действительности при отсутствии такого проекта в реальности. Соответственно, возникает проблема проектного вакуума, в результате чего страна начинает «прикрепляться» к чужому проекту.

Олег Генисаретский в принципе постулирует сворачивание политического поля в России, объясняя это усиленным вниманием власти к полю управленческому [8]. Одновременно, по нашему мнению, это можно объяснить и неспособностью власти управлять столь разнообразным полем, которым является политическое. Власть может управлять однообразным полем подчиненности, где наперед задано поведение игроков. Увеличение свободы поведения сразу ставит власть в тупик, и ей легче отказаться от этого поля, чем «погрязнуть» в бесплодных попытках по его управлению. Это в числе прочего связано и с тем, что сущность управления будет разной в этих двух полях. Управленческое поле тяготеет к модели повтора, чего нет в поле политическом.

Отсутствие внятных и понятных целей развития постсоветского пространства привело в результате к попыткам интенсивного

внедрения таких целей путем цветных революций. При наличии целей индивидуальных образовался вакуум в целях коллективных. Такая неполная парадигма и создала благоприятную сферу для вхождения в чужие проекты, поскольку свои так и не наработаны. Общество начинает жить в определенном «подвешенном» состоянии, двигаясь туда, куда подует ветер. Эта иррациональность и побеждается более организованной революционной рациональностью.

Нейтрализация власти как инструментальный протеста

Власть, являясь по определению более сильным игроком, с неизбежностью мешает интенсивным социальным изменениям, идущим от радикальных групп, направленных на быструю смену власти. Коллективный протест оказывается возможным в ситуации нереагирования власти, поскольку поле действий в этом случае достается оппозиции.

Коллективные формы протеста становятся результативными тогда, когда соблюдаются несколько условий:

- **власть действует неадекватно;**
- **власть попадает в ловушку, поставленную оппозицией;**
- **власть нейтрализована и бездействует.**

В последнем случае поле остается за оппозицией, поскольку неадекватные действия властей не могут принести ей успеха. Формула «верхи не могут» достаточно точно отражает эту ситуацию.

Бездействие власти как реальный феномен цветных революций может иметь несколько причин:

- власть осуществляет передачу власти другим политическим игрокам не совсем конституционным путем, например, именно так ряд аналитиков интерпретировал события в Грузии и Киргизии;
- власть путем революционных действий уничтожает политических противников, например, и такая интерпретация украинских событий существовала в аналитической среде Киева, поскольку другого объяснения выдвижения неизбираемого из-за двух судимостей Виктора Януковича трудно найти;

- на власть оказывают действие процессы нейтрализации ее, проводимые другими участниками политического процесса (внутренними и внешними).

Не следует забывать и о том, что мы бы обозначили как **«усталость власти»**. Это определенная организационная неадекватность, которая в результате ведет к затруднениям с принятием решений. Наиболее типичными проявлениями такой усталости людей и идей являются такие факторы. С ними знаком каждый, кто работал в органах государственного управления:

- долгий путь согласования перед принятием конкретного решения;
- определенная ориентация на непринятие решения вообще;
- скрывание негативной информации;
- межведомственная борьба;
- нежелание принимать ответственность на себя.

Все эти факторы в принципе затрудняют принятие адекватных решений, в результате затягивается процесс не только выработки, но и претворения в жизнь любого решения.

Ситуация социального протеста еще более усложняет процессы принятия решений. Власть втягивается в такие типы ситуаций, в которых она не может работать, одним из вариантов которых являются ненасильственные методы протеста **Джина Шарпа**, в основе которых лежит борьба с послушанием: «Правитель не может править, если люди его не слушаются. Именно на этом строятся стратегии ненасильственного протеста» [9. – С. 19]. Тем самым программируется массовое отклонение от нормы. Именно массовость, как нам представляется, становится главным оружием ненасильственных форм протеста, поскольку тем самым в подобные действия начинает вовлекаться все большее число людей.

Эта методология требует сознательной работы против pillars of support – столпов поддержки власти, среди которых выделяются следующие [9. – С. 4–6]:

- власти, против которых работает потеря легитимности режимом;
- человеческие ресурсы, для работы против власти необходима поддержка большинства;

- умения и знания: именно умения и знания людей позволяют правительствам функционировать, без них происходит коллапс правительства;
- нематериальные факторы, это религия, отношения к послушанию, культурные нормы, которые влияют на взаимоотношения правителя и народа;
- материальные ресурсы, контроль над экономикой, ресурсами, коммуникацией, транспортом задает способность власти управлять;
- санкции, являющиеся инструментарием любого правительства.

Все это точки, позволяющие удерживать контроль за ситуацией. Но одновременно имеет место постепенное нарушение степени контроля, которое создает экономические, политические, социальные возможности для перехода от моноконтроля к параллельному контролю, а затем и контролю другой стороной (см. рис. 5).

Рис. 5. Переход от моноконтроля к контролю другой стороной

Характерным для постсоветского пространства является элитное противостояние, ведущее к замене одной команды элиты на другую. Идет определенного рода процесс «самопоедания» элиты. Это видно везде: от Киргизии, где **Аскар Акаев** лишился своей должности путем погромов магазинов, до Литвы, где произошел парламентский процесс импичмента **Роландаса Паксаса**. То есть вариантами элитной смены становятся:

- импичмент;
- коллективные протесты и революции;
- выборы.

Элитное противостояние набирает свои обороты по мере развития постсоветского общества по ряду причин, среди которых наиболее важными нам представляются следующие:

- суженные возможности для роста, когда даже частный бизнес видит свое будущее в той или иной сцепке с властью;
- естественная смена поколения в ситуации, когда все места оказываются занятыми;
- расширение политических возможностей для реализации оппозиционного поведения, чего не было в советское время;
- понижение уровня «игры», под чем мы понимаем исчезновение прошлой системы долгого карьерного роста;
- относительное ослабление власти сравнительно с возросшей сложностью социальных процессов, как следствие, власть начинает отставать от них.

В докладе Совета по национальной стратегии «Новая политика России на постсоветском пространстве» также подчеркивается в качестве главного противоречия проблема легитимности передачи власти: «На постсоветском пространстве так и не была решена проблема легитимной передачи власти между элитными группами. Именно это является главной причиной того, что естественное обновление власти проходит все чаще в форме разноцветных революций» [10]. Болезненность этого перехода и выражается в схемах создания «преемника». При этом его, как правило, принимает старая власть, но не готова принять власть потенциальная.

При планируемой попытке смены ситуация сознательно дестабилизируется, чтобы затем вернуться вновь в стабильное состояние, но уже с новыми акторами: стабильная ситуация со старыми акторами – процессы дестабилизации – стабильная ситуация с новыми акторами.

Дестабилизация может быть и естественной, а не только искусственной, вытекающей из резкого реального ухудшения ситуации. **Эдвард Луттвак** говорит о факторах временного ухудшения ситуации, к которым относит следующие [11. – С. 31]:

- тяжелый и продолжительный экономический кризис с высоким уровнем безработицы и инфляции;
- неудачная война или серьезное поражение, военное или дипломатическое;
- хроническая нестабильность в условиях многопартийной системы.

Сюда следует добавить и тот вариант, который служит движущей силой во всех цветных революциях: расхождение между ожидаемым и достигнутым экономическим, политическим, социальным состоянием. С одной стороны, виртуальная реальность, обычно активно поставляемая западной массовой культурой, создает в головах тот уровень общества потребления, который недостижим в реальности, но именно за него со времен перестройки каждый раз голосует население.

Ряд постсоветских стран прошел этот революционный слом, ряд готовится к нему. Заместитель главы Администрации президента России **Владислав Сурков** в интервью журналу Spiegel видит будущее России в этом плане вполне оптимистично [12]: «У нас восстаний не будет. Мы, конечно, видим, что эти события произвели на многих политиков локального масштаба большое впечатление. Видим и разные зарубежные неправительственные организации, которые не прочь были бы повторить этот сценарий в России. Мы это понимаем. Теперь ведь есть технологии переворотов, есть школы, где этому учат». И далее: «Попытки переворота, без сомнения, будут. Но ничего из них не получится».

Однако именно такое состояние власти, считающей, что ничего у оппонентов не получится, и является одной из примет нейтрализации власти, проводимой заранее. Власти посылаются внутренние и внешние сигналы того, что ситуация будет находиться под контролем. Власть хочет услышать именно это, и она получает именно такие сообщения. Правда, **Павел Данилин** услышал в этом интервью другое: «Если Кремль действительно способен стать палачом революции, то это говорит о том, что общество, а в первую очередь либеральная оппозиция, в корне неверно оценивает происходящие во власти процессы» [13]. Одновременно это может быть естественным желанием власти казаться сильнее, чем она есть на самом деле.

Какие варианты нейтрализации власти встречаются в случае цветных революций? Перечислим основные их типы:

- делегитимизация власти, которая может принимать множество форм (обвинение власти в криминальности, коррупции и так далее), сомнения в законности избрания, введение сомнений в адекватности поведения власти;

- международное давление на власть;
- разделение власти, создание внутривластных конфликтов (региональная власть против центральной, исполнительная власть против законодательной и так далее);
- усиление диссидентских общественных движений, в результате чего происходит расширение пространства протеста;
- фреймирование ситуации под углом антивластных тенденций;
- разрушение силовых структур, которое ведет к их неспособности реагировать на ситуации дестабилизации;
- создание дестабилизирующих ситуаций в реальном и виртуальном мирах, как следствие происходит интенсивное разрушение старых норм, позволяющих в результате вводить новые нормировки;
- индивидуальное давление на лидера (внешнее и внутреннее), куда может попасть, например, замораживание счетов в западных банках.

По последнему пункту **Евгений Примаков** видит более сложный путь, например, американского влияния. В интервью газете «Московский комсомолец» он говорит: «Надо правильно понимать роль Америки в цветных революциях. У нас часто рисуют парадоксальную картину. Сначала все говорят, что Шеварднадзе, Акаев и даже в какой-то степени Кучма устраивают американцев. А потом наши политологи вдруг заявляют, что американцы их свергли. Это, конечно, не совсем так. Когда американцы видят, что устраивающая их фигура шатается, они ищут и находят связи с оппозицией. Работая с оппозицией, Вашингтон одновременно решает две задачи. Добивается, чтобы дальнейшие события развивались по выгодному ему сценарию, и не допускает прихода к власти непредсказуемых сил» [14].

Как видим, все подобные методы призваны нарушить функционирование власти как целостного организма путем определенной «автономизации» отдельного ее компонента, который начинает быть самодостаточным и действует самостоятельно. На следующем этапе создается резонанс, выводящий данный компонент в опасную по отношению к власти стратегию, что ведет уже к кризису: «автономизация компонента» – резонансный конфликт – кризис.

Россию успокаивают также тем, что уровень субъекта Федерации не является таким, который может привести к революции [15]: «Оранжевая революция – это феномен странового, а не регионального уровня, когда речь идет о судьбе целого государства, о выборе людьми своего будущего. В российском регионе, даже если народ ненавидит своего губернатора, выходить на улицы и строить палаточные городки он не будет – не тот уровень вопроса, чтобы тратить на это силы и нервы. Люди и так знают, что от губернатора зависит немного, что все вопросы решаются в центре». Однако такое понимание вступает в противоречие с резонансной моделью, которая в качестве своего базиса может брать любое явление, лишь бы оно позволяло удерживать новую революционную ситуацию.

Вспомним также модель функционирования периода холодной войны. Диссидентское движение удерживалось и поддерживалось Западом, в противном случае оно было бы чисто маргинальным. Однако в этом случае антивластный подход отдельного сегмента общества переносился на все общество, становясь как бы его мнением. Это является использованием разных вариантов информационных потоков для создания и удержания в обществе нужной точки зрения, чем заняты как власть, так и оппозиция. При этом одна точка зрения получает усиленное освещение, тем самым распространяясь и занимая более сильные позиции.

В результате в обществе начинает превалировать одна точка зрения (см. рис. 6).

Рис. 6. Модель функционирования периода холодной войны

Нейтрализация власти идет по всем трем пространствам: физическому, информационному и когнитивному. Может созда-

ваться предварительное фреймирование ситуации под углом зрения будущего коллективного протеста, причем эта работа может занимать достаточный период времени. Например, для Белоруссии или России на всех трех уровнях зафиксированы нужные виды действий:

- физическое пространство: митинги протеста, которые воспринимаются как таковые, так как нарушают имеющиеся в обществе практики работы с публичным пространством;
- информационное пространство: освещение протестного мнения, тем самым происходит расширение протестных настроений с помощью переноса неудовлетворенности одного сегмента на все общество;
- когнитивное пространство: введение нужных видов фреймов (Белоруссия: Александр Лукашенко – диктатор, Россия: управляемая демократия Владимира Путина).

Подобная конструкция расшатывания ситуации может готовиться заранее, в результате чего реализуемая ситуация революции становится вполне естественной: несправедливость – дестабилизация – революция.

Каждое из этих трех состояний должно иметь два вида реализации: в виртуальной и физической реальностях: условно говоря, вверх и вниз. Происходит взаимоподдержка этих двух состояний, когда виртуальный уровень получает подтверждение на уровне физическом. То есть на базе одной смерти, например, строится утверждение о преступном режиме.

Возникает норма в виде протестного ответа на любые проблемы. Вот как ее рисует **Максим Брусиловский**: «Жителям деревни Гадюкино местное сельхозобъединение не выплатило зарплату из-за растраты оной председателем? Хуже того, в сельмаг не завезли водку или за неуплату отключили электричество? Гадюкинцы перекрывают федеральную трассу с требованием выплатить / завезти / включить» [16]. В списке возможных вариантов поведения появляется новая возможность.

Протестная модель становится реальностью, хотя до этого она такой не была. Произошло конструирование протестности в массовом сознании (см. рис. 7).

Рис. 7. Конструирование протестности в массовом сознании

То есть одной из типичных форм воздействия становится постепенное смещение массового сознания в область виртуальной реальности, где нужные объекты фиксируются на долговременной основе.

Все это происходит по следующей схеме:

- инсталляция виртуального объекта;
- активация виртуального объекта в момент «Ч»;
- удержание виртуального объекта.

Например, власть может нейтрализоваться с помощью ее делегитимизации за счет внедрения преступления, коррупции, которую «привязывают» к ней. Это аналогично проблеме демонизации противника, которую употребляют в период войны, чтобы облегчить для воюющей стороны совершение действий, обычно в норме не употребляемых. С демонизированным же противником все действия хороши.

Виртуальный объект может быть трех видов по отношению к его реальному прототипу:

- позитивный;
- негативный;
- амбивалентный.

При этом акцент на позитиве оппозиции несет двойной эффект, разрушая тем самым позитив власти. Амбивалентный объект позволяет удерживать аудиторию от принятия явного решения, сохраняя ситуацию неопределенности, затягивая ее до какого-то более явного факта.

Есть определенные «межуровневые» переходы, которые позволяют, манипулируя с объектами одного порядка, получать результаты в ином пространстве:

- виртуальные объекты заменяют реальные;
- реальные объекты заменяют виртуальные.

В конфликтной ситуации особую роль начинает играть имидж-менеджмент, направленный на управление массовым сознанием как данной страны, так и международного сообщества. **Дж. Манхейм** видит следующие цели в таком подходе [17. – С. 40–41]:

- мобилизация поддержки своего населения;
- демобилизация поддержки оппозиционного лагеря;
- легитимизация своих собственных целей;
- делегитимизация целей оппозиции;
- усиление своих собственных сил;
- ослабление сил оппозиции;
- создание контраста между потенциалом своих сил и бессилием оппозиции;
- определение обстоятельств и направленности конфликта с точки зрения, наиболее благоприятной для своих собственных целей.

В принципе идет односторонний вариант усиления себя и ослабления противника, речь при этом может идти только о разграничении долгосрочного и краткосрочного инструментария.

Последний вариант фреймирования хорошо передают слова статьи в газете *Neue Zuercher Zeitung*: «В отличие от борцов «Солидарности» революционеры Киева ни одной секунды не были в одиночестве: включенные в сети телекоммуникаций и поддержанные зарубежными специалистами в области PR, они пошатнули господство Кучмы» [18]. То есть освещение революционной ситуации шло реально под зарубежного зрителя, его стандарты очень четко учитывались.

Бренд протеста народа и преступной власти, которая даже не может сопротивляться, должен адекватно разрабатываться, чтобы быть эффективным. Кстати, стратегия бренда должна быть рассчитана на 3–5 лет [19. – С. 86]. То есть коммерческая продолжительность та же, что и у политического бренда. При этом для новой власти в цветных революциях существенным становится процесс ребрендинга, поскольку они обладают символической историей, связывающей их со старой властью, выходцами из которой они все являются. Типичной аргументацией при этом становится уход из власти по причине невозможности работы там.

Бренд революции несет в себе характеристики управляемого взрыва, носящего правильный характер. Он направлен против плохих политиков, обманувших свой народ. Хорошие политики спасут свой народ и восстановят справедливость. То есть реализуется типичная нарративная схема, где есть герой, враг и жертва. При этом, как и в кино, каждому предоставляется право стать на одну из сторон. При этом герой прошлой системы становится врагом новой, а революция по сути состоит в том, чтобы заставить жертву стать героем. Даже выполнен стандарт любого киноповествования, где враг выигрывает все битвы, кроме последней. И за это время герой, наоборот, собирает на себе все симпатии публики, поскольку происходит отождествление только с ним.

Михаил Гэфтер интересным способом анализирует движение русского самоопределения через конструирование не-своих [20. – С. 32]: «Российское самоопределение через миф! Через мифического заместителя – суррогат того, что в «нормальных» этносах худо ли, хорошо, реализует себя через обиход житейских отношений с другими, не-своими». С точки зрения революции это так и есть, поскольку все – героика, цели, враги – черпается из виртуального мира, поскольку внезапно единый до этого реальный мир, делится на две соперничающие между собой виртуальные части. В случае Украины это четко фиксировалось на этническом, географическом и языковом уровнях.

Сын известного философа **Андре Глюксмана Рафаэль Глюксман** пишет в газете *Corriere Della Sera* 24 июня 2005 года в статье под названием «Я вам расскажу о заговоре оранжевых. Мы – наркоманы революции и распространим эту болезнь по всей империи» по поводу имиджа [21]: «Для того чтобы разбудить апатичные массы и заставить их выйти на улицы, необходимо прежде всего заняться имиджем. Революционные авангарды становятся и источниками сенсационной информации. Все начинается с осмеяния: сделать власть имущих смешной и довести непочтение до пароксизма. Оккупировать коллективное пространство и воображение, даже будучи вначале явным меньшинством, для того, чтобы потрясти большинство граждан».

Цветные революции, как и бархатные революции до этого, во многом оказались революциями морального порядка, поскольку

материальные факторы хотя и присутствовали, но были вторичными. Это одновременно говорит о том, что власть в принципе не умеет разговаривать со своим собственным населением. Она чувствует себя сильной только в контролируемых ею контекстах, уходя от общения в контекстах неконтролируемых. Кстати, и перестроечный переход также ознаменовался освоением новых коммуникативных контекстов: от ритуальных к более свободным. Кстати, на Украине только **Леонид Кравчук** смог выдержать этот новый формат в телевизионных дискуссиях с «Рухом», что в результате и привело его к посту первого президента.

Все цветные революции ведут свое начало от перестройки, о которой **Модест Колеров** говорит: «Перестройка запустила механизм смуты, который никто не хотел анализировать, питалась надеждой на социальную мобильность: жить достойно, но не работать адекватно. Этот внутренний фактор – основа рукотворных «цветных» революций» [22]. Перестройка одновременно усилила некоторые факторы, которые присутствовали и ранее в более мягких формах. Просто появилась политическая возможность для их проявления.

Майдан в случае украинской ситуации был также определенным нейтрализатором власти. При этом феномен Майдана отражает отсутствующую в современных обществах возможность коллективных позитивных действий. Разделенные по своим квартирам, люди редко имеют возможность проявить себя.

Пример подобного рода нам встретился в реагировании жителей Канады после 11 сентября, когда огромное число рейсов после закрытия воздушного пространства США были вынуждены завершиться в канадских аэропортах. Десятки тысяч людей вышли на помощь, предоставляя еду и место для сна, что также составило подобный Майдану единый порыв всего населения [23]. Эмоциональная составляющая такого рода событий достаточно велика, но она только сегодня стала предметом изучения в ситуациях коллективного протеста [24].

При этом мы не склонны интерпретировать Майдан как проявление роли евангелических церквей, пришедших в Украину после 1991 года, что делает **Давид Айкман**, цитирующий слова нигерийца **Сандея Аделаджи**, возглавляющего самый многочисленный приход

в Европе [25]: «На площади – сотни наших пасторов, прибывших со всех концов страны. Параллельно с политическими выступлениями других ораторов мы постимся и молимся на небольшой площадке, которую нам отвели в уголке сцены на площади. Каждый день там находятся 400–500 пасторов: через микрофоны их молитвы разносятся по всей площади, чтобы каждый мог присоединиться к нам в молитве. Они молятся за Украину, постятся и проповедуют христианскую альтернативу в качестве выхода для страны».

Более адекватен в своем анализе роли Майдана **Михаил Ремизов**, который выносит на обсуждение новые аспекты легитимности, возникшие в результате революций [26]: «Режимы, выходящие из их горнила (бархатных революций – Г. П.), по структуре своей легитимности уже не являются «постсоветскими»: их утверждение связано со сломом инерции и выходом на сцену мобилизованного массового субъекта. Или выкатыванием на сцену его муляжа...» И это действительно проблема для власти, поскольку атаки оппозиции всегда направлены на разрушение легитимности.

Нейтрализация власти приходит и с новым набором действий оппозиции, к которым власть не готова. Оппозиция действует, власть только реагирует на предложенные ходы, что само по себе уже является признаком слабости. Власть пытается усилить себя, включая новые связи, но они оказываются исчерпанными, в то же время связи оппозиции все время работают на расширение.

Чарльз Тилли перечисляет набор механизмов, свойственных оппозиции [27. – С. 132]:

- активация существующих мы/они границ;
- ответ на ослабленные варианты репрессий;
- сигнализация эффективности и возможности обычно рискованных практик;
- избранная расплата за ранее реализованные неверные поступки.

Как видим, активация разделения Украины на западную и восточную вполне укладывается в первый пункт.

Нейтрализация власти осуществлялась и с помощью СМИ, а не только с помощью закулисных переговоров. СМИ не являются той внешней мировой властью, но они являются проводником ее инте-

ресов. При этом форматирование ее все равно идет извне, на мировые СМИ практически невозможно повлиять из самой страны, поскольку все варианты сообщений фильтруются, остаются только соответствующие внешней картинке, которая может быть эквивалентной действительности, а может навязываться ей.

Павел Святенков иронизирует по этому поводу [28]: «Пожалуй, следует выстроить иерархию стран, телезрители которых имеют право признавать и тем самым легитимировать результаты выборов в тех или иных государствах. На вершине пирамиды будут, конечно, США, дальше – крупные и влиятельные страны Европы, затем Россия и т. д.». Но здесь забыто то, что просто избран такой формат легитимизации, на самом деле она осуществляется в тихих кабинетах. То есть цепочка совсем другая: кабинет – толпа – СМИ – легитимность.

Власть, становясь нейтральной по отношению к происходящему, теряет свою основную характеристику быть работающей. Она мимикрирует в надежде обрести новую жизнь после жизни, не зная того, что это невозможно. В этом случае она уже обречена. Но она ведет себя однотипно во всех видах бархатных и цветных революций – не отваживаясь принимать решения [29]. В результате старая власть уступает дорогу власти новой.

РЕВОЛЮЦИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

ТЕОРИИ ПУТЧА, РЕВОЛЮЦИИ И ТОЛПЫ

И

Исторический аспект

ИНТЕНСИВНЫЕ СМЕНЫ политических режимов сопровождают человечество все время. Более того, именно они в ряде случаев кардинальным способом меняют человеческую историю, задавая ее новое направление на многие десятилетия вперед. Это произошло с французской революцией, это произошло с русской революцией. По этой причине революция как объект изучения или инструментарий действия всегда будет представлять особый интерес.

Эдвард Луттвак одним из первых строит теорию путча, опираясь на широкий набор материала [1]. При этом анализируются разные способы нейтрализации как вооруженных, так и политических сил для достижения поставленных задач.

Рекрутирование новых сторонников ведется с помощью сообщения им трех вещей о путче:

- политические цели;
- то, что уже рекрутировано множество других лиц;
- суть задач, которые ему предстоит выполнять.

Цели путча следует формулировать в терминах политических отношений, а не конкретных пер-

соналий, поскольку они могут вызвать определенное отторжение. Цели должны быть сформулированы с точки зрения данной страны, предлагать решение ее проблем и по форме совпадать с политическими представлениями большинства населения.

Нейтрализация политических сил строится на нейтрализации основных фигур, поскольку будет наличествовать нехватка сил. На следующем этапе возможна нейтрализация других фигур как бы из списка № 2 [1. – С. 112].

Сами политические силы могут действовать против путча по двум направлениям:

- собирать массы против нового правительства;
- манипулировать техническими средствами, находящимися в их распоряжении, чтобы препятствовать консолидации новой власти.

При этом не все силы следует нейтрализовать, есть силы, которые считаются более экстремистскими, и их агитация против даст следующие положительные результаты:

- можно будет получить поддержку тех политических сил, которые боятся их больше, чем тех, кто совершил путч;
- будет получена возможность бороться с другими враждебными группами, после того как они будут ассоциироваться с этими экстремистами.

Как видим, предлагается даже такой достаточно тонкий ход, который активно используется (в том или ином виде) на просторах СНГ и без этой формулировки. Экстремистские хотя бы по высказываниям группы всегда получают возможность высказаться как в России, так и на Украине.

После путча основным элементом становится контроль над информационными потоками. Анти-путч 1967 года в Греции передавал набор сообщений, исходящих от короля, но сделано это было с рядом ошибок:

- передатчик был слабым, работающим на нестандартной волне;
- вместо громкого голоса власти транслировался слабый крик о помощи.

Из последних событий можно увидеть сходное невидимое поведение экс-президента Киргизии Аскара Акаева, который даже выехал за пределы страны, когда началась революция.

Бюрократия и население должны физически увидеть реальность и силу путчистов, поэтому целями для захвата должны стать следующие типы зданий:

- помещения, где размещена реальная политическая сила страны;
- основные административные здания;
- символические здания.

Одной из важнейших задач, возникающих после совершения путча, становится его легитимизация. Акцент при этом может делаться на том, что нелегитимность предыдущего режима была сознательной и постоянной, а нелегитимность путча является только необходимой и временной.

Послепутчевая информационная кампания призвана выполнить две задачи:

- отбить охоту к сопротивлению, подчеркивая имеющуюся у путчистов силу;
- останавливать страхи, которые могут дать рост такому сопротивлению.

Следует продемонстрировать реальность и силу путча с помощью перечисления того, над чем установлен контроль, подчеркиванием восстановления закона и порядка, акцентированием того, что всякое сопротивление прекращено. Новости о сопротивлении будут порождать новое сопротивление, поэтому такие сообщения должны быть изъяты.

Теория Эдварда Луттвака акцентирует аспекты силовой смены режима, **теория Джин Шарп** строится на методологии ненасильственного сопротивления власти. Ненасильственное сопротивление показало свою эффективность, поскольку механизмы власти, наоборот, настроены на борьбу исключительно с силовыми вариантами противодействия.

Джин Шарп учит, что можно быстро развить возможности по ослаблению источников силы режима [2]. При этом стратегия работы с мобилизованной силой состоит в движении от цели к цели, ведя ограниченные кампании за конкретные малые цели. В этом

случае нет нужды в харизматических лидерах, которые несут только негативный эффект.

Более важным компонентом является массовость, поскольку именно она позволяет осуществить паралич бюрократии. Кстати, в программе «Время новостей» («Пятый канал», 21 декабря 2004 года) один из руководителей «Поры» В. Каськив назвал число своих членов – 35 тыс. человек. Именно молодежь задавала массовость в украинских событиях, поскольку, как отмечает руководитель «Поры», если бы не было 30–40 тыс. студентов на площади, киевляне не вышли бы на поддержку Майдана [3].

Полковник **Роберт Хелви**, один из главных практиков ненасильственной сферы, подчеркивает, что не индивиды являются основной поддерживающей силой режима, а организации и институты [4]. Для борьбы с ними следует определить их сильные и слабые стороны, построив в результате точки их уязвимости. С другой стороны, студенты, как правило, стоят на стороне оппозиции, поэтому задачей становится усиление их агрессивности. Как видим, опора на студенчество входит в азбуку ненасильственного протеста.

Институт Альберта Эйнштейна в Бостоне, который ассоциируется с именем Джина Шарпа и который теперь возглавляет **Роберт Хелви**, сформулировал следующие десять пунктов характеристики ненасильственного действия:

- ненасильственное действие не имеет ничего общего с пассивностью и трусостью;
- ненасильственное действие не должно ассоциироваться с чисто вербальным или психологическим убеждением;
- ненасильственное действие не строится на представлении о том, что люди исходно хорошие;
- люди, проводящие ненасильственные действия, не являются пацифистами или святыми;
- успех ненасильственного действия не требует разделяемых всеми стандартов и принципов;
- ненасильственное действие является как западным, так и восточным феноменом;

- в ненасильственном действии нет представления о том, что оппонент воздержится от использования насилия против ненасильственных активистов;
- в ненасильственном действии нет ничего такого, что бы предотвращало его использование как для хороших, так и плохих дел;
- ненасильственное действие не применяется только для внутренних конфликтов в демократических системах;
- ненасильственное действие не всегда требует больше времени для достижения победы, чем борьба с помощью насилия.

Данная теория очень четко выделяет несколько ключевых моментов, в рамках которых затем происходит обучение будущих протестантов и проведение самой борьбы [5]. Это опоры режима, это стратегия, это лидерство. Отдельным параграфом книги Р. Хелви является рассмотрение вопросов влияния на внешнюю аудиторию. Это понятно, поскольку процессы глобализации позволили сегодня очень активно использовать в качестве собственных союзников внешних игроков, среди которых выделяются три основных типа: правительства, неправительственные организации, медиа.

Р. Хелви выдвигает определенные требования к поведению лидера:

- создавать примеры для других;
- знать людей, которых собираешься вести;
- самому уметь выполнять ответственную работу;
- искать и принимать на себя ответственность;
- создать системы взаимодоверия внутри организации;
- знать оппонента;
- обучаться из опыта;
- знать возможности и таланты подчиненных и опираться на них.

Толпа как термин достаточно условно отражает феномен, который существует, поскольку перед нами активная часть общества. «Размер толпы совершенно не имеет значения, будет ли это «всего 700 худо-бедно мобилизованных», как в Бишкеке, или 700 тыс. «профессиональных демонстрантов» на киевском Майдане. По той простой причине, что живая воля народа разворачивается в действии прямо на наших глазах. В этот момент социологические проценты уже становятся неважны. **Раз активная часть**

населения (авангард народа) оказалась на улице в виде «толпы», то именно ей делегируется право представлять «волю народа как таковую». Молчаливое «большинство» всегда сидит дома, и тем самым оно выражает свое согласие с происходящим. Как показал опыт киевского городского восстания, очевидное меньшинство, собравшееся на Майдане Незалежности, весьма эффективно противостояло социологическому «большинству» [6]. Подобная толпа сама может быть организованной силой, а может быть рычагом, которым пользуются политики, решающие таким образом свои проблемы.

Лев Лерман связал пассионарность населения по Льву Гумилеву с серией бархатных революций, прошедших последнее время [7–8]. Одним из указателей на непассионарность он считает феномен активного положения женщин в обществе и пассивного мужчин, что характерно для периода, в который вступили западные страны и еще не вступили страны бывшего СССР.

Толпа интересует нас, поскольку она обладает своим собственным поведением и мышлением, не только отличающимся от поведения и мышления отдельного человека, но и не вытекающим из него. Толпа становится «центром вселенной», способной судить самой, решать, кто прав и кто виноват. Она любит и ненавидит одинаково сильно. Она видит все и знает все. Без нее враг бы ускользнул незамеченным. Это определенное метаповедение, поскольку исчезает разнообразие деталей, как объекты реагирования, так и само реагирование становятся однотипными. В свое время **Александр Богданов** отмечал, что выравнивание в толпе может быть сделано только по низшим, а не по высшим реакциям, поскольку низшие реакции у всех одинаковые, а высшие различаются. **Густав Лебон** и **Габриэль Тард** заложили основы изучения толпы как отдельного объекта.

Когда же возникает подобное единение, ведущее к созданию толпы? Толпа начинается со 120–150 человек, это объем, на котором проявляется эффект толпы, когда из высокого уровня контактности следует высокое напряжение. **Анатолий Журавлев** подчеркивает, что часть людей выражает это поведение более интенсивно, заражая других: «Обратите внимание на подростков на концертах. Все они сначала ведут себя по-разному – двигаются,

танцуют каждый по-своему. А через 30–40 минут они уже прыгают, кричат и машут руками одинаково» [9].

Акоп Назаретян также выделяет разное поведение в толпе [10]. Агрессивная толпа делится на ядро и периферию. В толпе погромщиков сравнительно небольшое число насилует и убивает, есть поддерживающие их криками и улюлюканьем, есть те, кто поддерживает не так активно, есть те, кто просто смотрит. Он говорит о толпе как об эмоциональной регрессии, когда работают самые низшие слои психики. А. Назаретян также акцентирует разные сценарии превращений, которые проходит толпа, например, конвенциональная – экспрессивная – стяжательская – паническая [11. – С. 43].

Психологическое воздействие на толпу извне рекомендуется осуществлять на периферию, для воздействия изнутри следует проникнуть в ядро, где внушаемость носит гипертрофированный характер [11. – С. 48]. Кстати, толпа как феномен, известный почти всем, пришла с перестройкой, когда по стране проходили бесконечные митинги.

Еще одним приемом воздействия становится использование ритма. Действующая толпа аритмична, громкий ритмический звук способствует превращению толпы из действующей в экспрессивную [11. – С. 57]. Есть также прием деанонимизации толпы, когда ее участники начинают усиленно фотографировать, тем самым задавая определенный уровень публичности их поведению.

Толпа (а к Майдану психологи просили не применять этот термин) создается не только с помощью физического присутствия. **Эдвард Росс** достаточно давно, еще в 1908 году, подчеркивал, что возможно ментальное, а не только физическое прикосновение [12]. И тут возникает понятие публики, к которой может принадлежать человек, одновременно входя в разные ее конфигурации. Если толпой может управлять случайный лидер, то на публику лидеры выходят сквозь редактора той или иной газеты, то есть существует определенный вариант отбора. Отсюда следует вывод, что сегодня мы имеем не эру толпы, а эру публики.

В главе своей книги, посвященной собственно толпе, Эдвард Росс выделяет три характеристики толпы, возникающие, когда ее достигает импульс в виде зрелища, события или лидера:

- расширение, состоящее в охвате все большего количества людей;
- интенсификация, возникающая, когда человек в толпе чувствует одинаковость своих чувств с другими;
- predisposition, под которой понимается, что будущее реагирование становится все более единым.

В результате через некоторое время из толпы формируется mob, то есть более однородная единица, реагирующая одинаково.

Флориан Знанецки рассматривает социальные действия как такие, которые направлены на влияние на других, на модификацию людей и групп в определенном русле [13. – С. 57]. Кстати, мы находим близкое понимание перформанса у Р. Шехнера как деятельности в присутствии других [14. – С. 30].

Социальное действие у Знанецкого становится относительно закрытой социально-психологической системой [13. – С. 61]. Социальная тенденция отличается от эмоций или сентиментов по следующим характеристикам [13. – С. 72]:

- тенденция является активным феноменом, эмоции – пассивным;
- тенденция определяется в соответствии с ее объектом и целью, которую следует достичь, эмоции, сентименты – по отношению к психологическим или физиологическим основаниям;
- тенденция не раскладывается на более простые компоненты, эмоции или сентименты являются психологически сложными и могут анализироваться дальше.

Социальная ситуация определяется, исходя из прошлого опыта. Правда, иногда она остается неопределенной в ситуации новых, быстро меняющихся социальных событий. Социальная ситуация состоит из трех составляющих: социального объекта, являющегося стабильным компонентом социальной ситуации, ожидаемого результата действия и инструментального процесса по достижению этого результата.

Интересно, что **Сергей Переслегин**, анализируя террористические акты, то есть также социальное действие определенного рода, разграничивает террористические подразделения (Т-груп-

пы) и аналитические подразделения (А-группы), взаимодействие которых приводит к планируемому результату [15]. В этом же плане выступает и **Глеб Павловский**, считающий, что планировщикам безразлична специфика конкретных стран, поскольку все это элементы более глобальной игры.

Кимболл Янг определяет толпу как «находящуюся в соприкосновении пространственно распределенную группу, в рамках которой циркулирует реагирование на общем языке и жестах по отношению друг к другу, а также имеющееся соприкосновение плечом к плечу или поляризация по отношению к какому-нибудь объекту внимания. Толпа имеет достаточное число членов, чтобы предотвратить личностный контакт лицом к лицу, особенно в случае некоторых стимулов, которые предоставляют общий фокус внимания» [16. – С. 534–535]. Поведенчески толпу характеризуют ненависть, нетерпимость, фанатизм, завышение собственной значимости. Он также подчеркивает тот факт, что в толпе начинают реализоваться идеи и действия, которые обычно оказываются подавленными. Доминирующими мотивами становятся эмоциональные, в то время как социальные и интеллектуальные уходят на периферию.

Альберто Мелуччи выдвинул в 1985 году понятие новых общественных движений (NSM – new social movements), заложив в основу их понятие коллективной идентичности, за выражение которой ведется борьба. Коллективный актер всегда является конструируемой реальностью.

Альберто Мелуччи подчеркивает, что общество создается человеческими действиями, что в современном обществе материальное производство трансформировалось в производство знаков и человеческих отношений [17]. Общество не просто транслирует доминирующие культурные правила в жизнь, а делает это сквозь конфликты в ситуации функционирования противоположных культурных значений. Конфликты возникают в тех сферах, где происходит наибольший уровень давления, чтобы заставить подчиниться.

Современная жизнь строится в рамках неповторяемости времени, что связано с потерей линейности времени и возможности катастроф (ядерной, экологической). Идентичность молодого поколения

формируется только в современности, нужны новые способности для интуитивных, а не рационалистических контактов с реальностью.

Антагонизм молодежных движений является коммуникативным по своему характеру. За последние несколько десятков лет именно молодежь была центральным актором коллективной мобилизации.

Молодежное коллективное действие предлагает другой части общества другие символические коды, меняющие логику доминирующих кодов. Альберто Мелуччи предлагает три модели коммуникативного действия:

- **пророчество:** возможное уже является реальным, пророки представляют себя моделью сообщения, которое они провозглашают, тем самым молодежь распространяет свою культуру и тип жизни;
- **парадокс:** авторитеты доминирующих кодов предстают через преувеличение или низвержение;
- **репрезентация:** коды отделяются от содержания, которое их скрывает, образуются такие формы репрезентации, как театр, видео, медиа.

Общественное движение выступает в качестве своеобразного канала коммуникации для остального общества. Задачей такого канала становится проявление того, что не решается сказать система. Это молчание, это насилие, это сила доминирующих кодов. Общественное движение разговаривает с помощью действий.

Молодежные движения принимают форму сетей, объединяющих то, что в обычной жизни разбросано и фрагментировано. Такие сети возникают спорадически в ответ на конкретные проблемы. В такой ситуации коллективные акторы задаются по-иному:

- они не могут быть стабильными, поскольку существуют в рамках символических ресурсов, их средства идентификации постоянно меняются;
- они не все время получают противоположные требования системы, поэтому не могут находиться в одной общественной категории.

Мы вообще можем считать, что и сила подобных структур заложена в их нестабильности, непредсказуемости, в то время как си-

ла формальных структур состоит в обратном – в стабильности. В этом смысле можно вспомнить отличия партизан от регулярной армии, активно изучаемое и используемое сегодня американскими военными понятие «роения», когда принятие решения опущено на самый нижний уровень. Децентрализация порождает другие типы эффективного поведения.

Украина с 1990 года находится в ситуации, когда молодежные движения проявляют себя в активной форме. 2004 год не стал исключением. Единственное отличие от теории Альберто Мелуччи – в том, что молодежное движение не стало самостоятельным фактором со своими требованиями, а присоединилось к «битве гигантов», хотя его роль также была значительной, поскольку, например, «Пора» смогла «реализовать» 7–8 млн. долларов [3], а это является немалой суммой.

Россия сегодня занялась активным выстраиванием молодежных структур под власть, поскольку получила обучающий толчок со стороны украинских позиций. Очень четко формулирует значимость молодежных движений **Александр Дугин**: «В критической ситуации проявляется третий фактор – фактор улицы, неформальных объединений, неправительственных организаций и фондов, в которых на самом деле и идет настоящая жизнь и которые при необходимости способны создать реальное революционное настроение, критическое мнение, спонтанный протест. Они не управляемы и не контролируются властью просто потому, что не интересуют ее в силу их малой покупательной способности и нулевого административного ресурса. Они нужны только в периоды революций. Молодежь – это мотор и энергия таких движений» [18]. Здесь снова молодежь представляет интерес не сама по себе, а как тот тип рычага, который может попасть не в те руки.

Не только нарушенные ожидания ведут к революции старшее поколение, но и замедление процессов развития, которые не дают молодежи выдвигаться вперед в естественном, а то и интенсивном режиме. Молодежь скорее живет завтрашним днем, а ее возвращают в день вчерашний.

Страны СНГ после скоростного скачка 90-х в определенной степени «зависли» в своем развитии. И если для старшего поко-

ления ожидание – это вполне приемлемая форма существования, то молодежь знает зависание только из работы с компьютером. Они хотят жить более ускоренной жизнью, а те формы, которые им предлагают, наоборот, строятся на специальном замедлении всех процессов. Это создает принципиально конфликтную ситуацию, которую один из исследователей описал в следующих словах: «Так было на Тяньаньмыне в 1989-м, а до этого рядом с Сорбонной в 1968-м. Все революции устраивались молодежью просто потому, что она менее всего отличается характерной чертой наших соотечественников – терпением. Современная российская молодежь волею старшего поколения оказалась лишена места под солнцем. Ротация кадров в политике и органах управления давно перезрела. Среди политиков федерального уровня самые молодые пришли в эту сферу как минимум 10–12 лет назад. А расставаться с властью по-хорошему, как известно, любят немногие» [19].

Поскольку массовая культура в отличие от культуры высокой строится на активной роли читателя / потребителя (**Умберто Эко**) и поскольку оранжевая революция опиралась на одновременное проведение концертов на Майдане, то возникает потребность посмотреть и на теории массовой культуры. **Джон Фиск**, как и ряд других исследователей, выводит массовую культуру из понимания ее как культуры подчиненного класса.

Рассуждения Дж. Фиска по анализу массовой культуры мы можем суммировать в ряде моментов [20]:

- Мадонна как текст является неполной, пока она не поставлена в условия социальной циркуляции;
- популярная культура реализуется интертекстуально как серия текстов (постер, плакат, пластинка, интервью и тому подобное);
- в популярной культуре объектом почитания являются не автор музыки или текста, а исполнитель;
- акцент на циркуляции значений, а не на отдельном тексте говорит о том, что популярная культура реализуется в повторении и сериальности, что соответствует рутине обыденной жизни.

Если проанализировать этот набор характеристик массовой культуры, то мы можем полностью перенести их на особенности

оранжевой революции, что говорит о едином феномене массового поведения. Например:

- социальная циркуляция сформировала и феномен лидеров оранжевой революции;
- революция состояла в бесконечной череде действий, то есть сериальность явно присутствовала, к примеру, **Владислав Каськив** вспоминает, что ему 12 раз давалась команда быть готовым к активным действиям [3];
- революция строится на активизации масс, когда авторами становятся все, а не только власть;
- множество значений, противоречащих друг другу, все время создают ощущение незаконченности.

Революция, являясь коллективным действием, находится на другом полюсе по отношению к действиям индивидуальным. Молодежь в этом плане также противостоит старшему поколению, поскольку способна к нелинейному мышлению, выросшему в рамках видеоигр, ощущая, а не анализируя взаимоотношения. Революция как раз была принципиально нелинейным событием, которое смогло быть прочитанным и активизированным именно молодым поколением.

Теория фоко Че Гевары и другие методы революционной борьбы

Требования социальных изменений сопровождают человечество все время. Христианство, возникшее как религия рабов, в этом плане также компенсировало страдания в мире реальном блаженством в мире после смерти. Но и здесь опора состоит в учете требований несовершенства данного мира. То есть человечество испокон веков имело методологии по трансформации данного вида несовершенств:

- эволюционный проект;
- революционный проект;
- компенсаторный проект.

Джеймс Скотт предложил также вариант смешанной формы – скрытого варианта протеста, реализуемый подчиненными классами, которые не хотят вступать в активную конфронтацию. По нашей классификации, это будет сочетанием револю-

ции и компенсации. Особенностью этой формы протеста является то, что за ней не следует возможность наказания [21]. Это ежедневные формы протеста, которые в результате не порождают заголовков газет. Открытые конфликты чаще приносят наказание, чем победу. Дж. Скотт считает открытую форму конфликта «роскошью», которая редко доступна подчиненным классам. В качестве примера подобных скрытых форм приводится отказ называть виновников, чтобы полиция могла их наказать, и так далее.

Че Гевара и Р. Дебрей предложили **теорию фоко**, которая гласит, что не следует ждать созревания экономико-политических условий для революции, как этого требовал марксизм, активная группа повстанцев сама может дать толчок пробуждению активности широких народных масс.

Че Гевара вынес из кубинской революции три фундаментальных урока [22]:

- народные силы могут побеждать армию;
- не следует ожидать наступления всех необходимых условий для революции;
- в неразвитой Америке основой военного конфликта становится сельская местность.

По сути эти уроки представляют собой мотивацию для вхождения в революционную ситуацию при любых погодных условиях.

Народное партизанское движение не находится в пассивной самозащите, это защита с прикреплением к врагу. Разница между насильственными и ненасильственными действиями не измеряется количеством выстрелов. Революция, которая постоянно не движется вперед, это революция, которая отстывает. Основной стратегической целью является захват власти.

Революционный фокус – это группы малого объема, которые сами выбирают тактику: или контратаковать, или подождать лучших условий. В первые моменты слабость такой группы столь очевидна, что все свои усилия она должна распространять на контакты с людьми, на те области, которые станут ее поддержкой.

Партизаны должны следовать трем ключевым условиям:

- постоянная мобильность;

- постоянная бдительность;
- постоянная подозрительность.

Без опоры на эти элементы партизанская борьба невозможна. Они вновь акцентируют элемент самодостаточности революционной ячейки.

Рэджис Дебрей, называя эти три правила золотыми, раскрывает причину акцента именно на этих элементах. Гражданские лица в зоне операции наиболее уязвимы, противник может их засылать в партизанские отряды [23]. Поэтому следует тщательно дезинформировать таких людей в отношении того, куда идут партизаны, откуда они пришли и так далее.

Мобильность и гибкость составляют преимущества партизанской боевой единицы. Контратака партизан служит катализатором, способным трансформировать фоко (партизанскую силу) в силу для подражания всей страны. Но не следует путать войну и пропаганду. Никакой прекрасный фасад не заменит реальных действий.

Следует двигаться от малого к большому. Наименьшей единицей как раз является фоко как ядро партизанской армии. Р. Дебрей рассматривает его как «малый мотор», который включит «большой мотор» масс в движение. Чем слабее революционная ячейка, тем меньше она может верить союзам с другими. По этой причине как раз фоко как ячейка должна быть независима от гражданского населения.

Рэджис Дебрей был арестован в 1967 году боливийскими властями и спустя три года отпущен на свободу из-за протестов французских интеллектуалов и политиков, среди которых были Жан-Поль Сартр, Андре Мальро и президент Шарль де Голль. В восьмидесятые годы он был специальным советником по отношениям с Латинской Америкой президента Франсуа Миттерана. Сегодня он является основателем такой науки, как **медиология** [24]. Уже в этом качестве он цитирует Томаса Эдисона, который сказал, что тот, кто контролирует киноиндустрию, имеет наибольшую силу влияния над людьми. [25]. По этой причине он подчеркивает роль США, которая управляет мечтами через киноиндустрию, чего не может сделать Франция, выпускающая 320 сортов вина или сыра.

Р. Дебрей во многом превосхищает теорию мягкой силы Дж. Ная, когда говорит, что власть сегодня покоится не столько на материальных факторах, как на факторах нематериальных, к числу которых он относит способность хранить, управлять, распределять и создавать информацию, то есть, другими словами, на знаниях, культуре и информационных системах [26]. В этом плане Советский Союз, по его мнению, был силой только в традиционном смысле, в танках и обычных вооружениях, поэтому и равенство с США было только в военном смысле.

Кампания 1963 года в Никарагуа продемонстрировала провалы теории фоко, когда 60 слабо обученных студентов с июня по октябрь пытались развернуть патизанскую борьбу [27]. В результате они вернулись в Гондурас, откуда и пришли. С другой стороны, подобные теории имеют огромный мобилизирующий потенциал, поскольку предоставляют потенциальные возможности для социальных единиц меньшего объема.

Дж. Гейтс говорит, что после неудачи применения идеи фоко в сельской местности ее попытались применить в городах [28]. На практике же и городские революционеры не доказали свою большую эффективность.

Однако есть также и мнение, что как раз в Латинской Америке в ее «городах-государствах» относительно небольшие, но хорошо организованные и мотивированные группы вооруженных людей могут поддерживать внутреннюю войну в течение долгого времени [29]. Это не значит, что у них нет народной поддержки, которая может возникать время от времени. Речь идет о том, что всенародная поддержка не является в этих странах обязательным элементом.

Что из этого опыта (а Че Гевара говорил о партизанской борьбе именно как о методе) может помочь нам проанализировать оранжевую революцию?

Первое – **скорость**, поскольку революция должна постоянно двигаться вперед, тем самым максимальным образом используя это свое преимущество. И как раз запаздывание в скорости реагирования было характерно для властей в период событий в Киеве.

Второе – это **идея фоко**, группы, энергетика которой должна включить в действие энергетику больших масс. К этому типу сле-

дует отнести движение «Пора», которые выступили в роли определенного катализатора событий.

Третье – **роль мобильности**, гибкости малых групп, которые одновременно должны обладать, особенно в период своего становления, подозрительностью и бдительностью.

Четвертое – это **идеи Дебрея об управлении мечтами**. Именно лидеры оранжевой революции более адекватно работали в этой сфере, разбудив активность масс в борьбе за справедливость, честность, моральность. Виктор Ющенко как раз оказался в центре этого движения, поскольку это было поле, где он оказался наиболее силен.

Есть разные представления о революции, революционности, адекватных моделях подобного интенсивного построения будущего. Но принципиальным всегда является противопоставленность методов повстанческой борьбы тому инструментарию, который имеется в руках у регулярной армии. Можно провести следующий набор противопоставлений, акцентирующий асимметричность этих подходов (см. табл. 14) [30].

Таблица 14
Противоположные измерения войны

Современная	Иррегулярная
Организованная	Неформальная
Передовые технологии	Случайные технологии
Зависимые от логистики	Независимые от логистики
Национально сориентированные	Локально сориентированные
Последовательная доктрина	Случайная доктрина
Решающая битва	Рейды и стычки
Солдат	Боевик
Союзники	Соучастники
Разделение	Интеграция

Приведем более подробно различия по параметру солдат – боевик: боевик функционирует в более свободной форме организации и дисциплинарной системе, он живет ближе к земле и ее лю-

дям, в определенных условиях он будет таким же эффективным, как современный профессионал.

Айвон Гренье, опираясь на большой объем исследований революции и путей в латиноамериканских странах, подчеркивает некоторые их черты, интересные и для нас [9]. Мы попытаемся выделить некоторые важные параметры:

- сложно объединить оппозиции при отсутствии четкой фигуры во власти, например, Сальвадор не имел Сомосы, как в Никарагуа, что делало задачу оппозиции сложнее;
- главными повстанцами в Латинской Америке стали представители среднего класса, молодые люди, имеющие университетское образование;
- экономические детерминированные теории революции не работают, скорее речь может идти о социоэкономических факторах;
- переход к революциям имел символическую или идеологическую природу, а не материальную, чему способствовал и успех кубинской революции;
- проведенные под эгидой США выборы в Сальвадоре имели негативные последствия, поскольку не дали создать реальный пакт между враждующими сторонами, выработанный на основе переговоров;
- радикальные идеологии прошли по латиноамериканским университетам в 60-е и 70-е годы и прекратились в 80-е вне зависимости от каких-либо социоэкономических изменений, политическая арена везде является более меняющейся, чем социоэкономическая «структура».

Важным, с нашей точки зрения, здесь является уход от чисто экономических причин революций к причинам нематериального свойства.

Дж. Бут, которого активно цитирует А. Гренье, проверял на латиноамериканском материале ряд гипотез, которые в основном получили подтверждение [31]:

- высокий уровень активности гражданского общества способствует высоким уровням формирования социального капитала;
- высокий уровень активности гражданского общества способствует высоким уровням формирования политического капитала;

- высокий уровень активности гражданского общества будет связан с высоким уровнем демократичности режима;
- высокий уровень социального капитала будет связан с высоким уровнем демократичности режима;
- высокий уровень политического капитала будет связан с высоким уровнем демократичности режима.

Петр Кропоткин в своих «Записках революционера» приводит пример того, как русская молодежь, вместо того чтобы заняться агитацией, просто пошла в народ для того, чтобы жить его жизнью: «Молодые люди не строили теории социализма, а становились социалистами, живя не лучше, чем работники, не различая в кругу товарищей между «моим» и «твоим» и отказываясь лично пользоваться состояниями, полученными по наследству» [32]. То есть это тот же вариант фоко и, кстати, другой вариант активности, также ведущий к разрушению имеющегося на тот момент типа общества.

И **Михаил Бакунин** выступал только за стихийную революцию, считая все другие виды искусственными и в принципе невозможными [33]. Он считал так, поскольку рассматривал силу государства как достаточно сильную, способную распознать наперед любой вариант заговора. То есть менее подготовленный вариант переворота имеет больше шансов на успех, чем вариант подготовленный. И это можно трактовать как другой вариант реализации идеи фоко, которая строится на энергетике, активности малой группы, способной преодолеть инерцию среды.

Противоречат идее стихийности воззрения **Рендол Коллинза**, который в своем интервью говорит следующее: «Согласно результатам исследований государственных переворотов и революций, подобные драматические события происходят не потому, что низы недовольны своей жизнью, а из-за кризиса государственного управления, в первую очередь из-за кризиса госфинансов. Как правило, в этот момент народ, конечно же, тоже бывает неудовлетворен своей жизнью, но даже озлобленный народ никогда не может выиграть, если государство уже не рухнет само по себе» [34]. То есть акцентируется та точка, которую ошущают многие участники уже бархатных революций, во время которых наблюдается реальное бездействие власти. Частично оно создается определенными методами по

нейтрализации власти, например, усиленным давлением из-за рубежа, требующим исключительно ненасильственных методов наведения порядка.

Саул Алински, которого определяют как отца американского радикализма, создавал стратегию и тактику эффективной антигосударственной, антиинституциональной и антикорпоративной борьбы. Кстати, его тексты – это тексты практика, а не теоретика, поскольку всегда строятся на разборе конкретных примеров собственной борьбы.

С. Алински разграничивал либералов и радикалов. Либералы принимают резолюции и ничего не делают, радикалы являются людьми решения и действия. Либералы боятся применения силы, радикалы – наоборот. В целом можно дословно повторить следующие его слова как наиболее характерные: «Либералы протестуют, радикалы восстают» [35 – С. 22]. Или такая фраза [35 – С. 23]: «Либералы мечтают, радикалы строят мир по человеческой мечте».

Война становится основой деятельности радикальной организации. При этом это не интеллектуальная забава, поскольку в такой войне нет правил. Главным правилом тактики конфликта становится, по его мнению, использование традиций данной местности. Нарушение традиций может включить невиданные силы, в качестве примера чего приводится эпизод из французской революции.

С. Алински разрабатывал то, что в сегодняшних терминах называется «асимметричными действиями». Например, он предлагал, что если власти должны отвечать на сообщения, их следует забрасывать ими в таком количестве, чтобы заблокировать их действия. Или такой пример: в борьбе с администрацией Чикаго было предложено заблокировать все туалеты аэропорта. Только узнав об этой угрозе, администрация города пошла на попятный [36].

Кстати, по этой причине привязки к местности разведке армии, воюющей против партизан, приходится учитывать культурные традиции, чего нет в таком объеме в случае конфликта «армия против армии». Одновременно разведка должна перейти к методам анализа полицейского типа, применяемых при исследовании бандитских группировок: семейная генеалогия, матрицы ассоциаций, контактные сети [37].

В малых войнах в Латинской Америке морские пехотинцы США подчеркивают отсутствие очерченного или линейного театра операций, а также особую роль налаживания отношений с населением [38]. Во всех подобных видах войн, включая Вьетнам или Ирак, именно население становится одним из основных игроков. Кстати, и военная сила трансформируется (а в ряде случаев и рушится) при столкновении с мирным и не очень населением.

Революция как раз является революцией из-за необходимости преодолевать сопротивление другой силы. Именно поэтому перед нами возникает не чисто военная или чисто политическая конструкция, а военно-политическая ситуация. Нейтрализация контрсилы является главным компонентом революции.

Революция обладает большим числом недостатков, к ней всегда с подозрением относятся, но она одновременно обладает заражающей других энергией, в то время как властные институты как раз испытывают дефицит всего нового, включая энергетику. В революционной структуре всем нужно все, во властной – никому и ничего. Столкновение этих двух разнонаправленных энергий и определяет революцию.

Современные теории социальных движений

В области исследования социальных движений на Западе сменилось уже несколько поколений исследователей и, соответственно, произошла смена основных парадигм. Главные страны СНГ оказались не готовы к своим революциям ни со стороны практики, ни со стороны теории. В этой области есть как свои классики-практики (например, Дж. Шарп и Р. Хелви или С. Алински), так и классики-теоретики, об идеях которых и пойдет речь ниже.

Сегодня в этой области выделяется два направления: структурное и культурное (символическое), например, именно так видят данное поле **Дж. Гудвин** и **Дж. Джаспер** [39]. Структурное опирается на экономические ресурсы, политические, формальные организации. Культурное – на символические ресурсы (значения, фреймы, эмоции). Если структурное направление было исходным, то символическое направление постепенно сменяет его, что говорит о переходе от факторов материального порядка к факторам

нематериальным. Это также можно понять как типичный путь развития науки, когда сначала подлежат изучению более явные факты, потом развивается работа с менее четко проявленными объектами.

Дуг Мак-Адам подчеркивает важность следующих трех факторов для возникновения социального движения [40]:

- расширение политических возможностей;
- наличие мобилизационных структур;
- фрейминг и другие процессы интерпретации.

Изменение политических возможностей меняет конфигурацию силы, позволяя выйти на арену новым участникам. Мобилизация позволяет осуществлять коллективные действия. Мобилизационными структурами признаются те «коллективные средства, формальные и неформальные, с помощью которых люди мобилизуются и включаются в коллективные действия» [41. – С. 3].

Фреймы важны по той причине, что не структурные изменения заставляют людей выступать, но общее понимание происходящего и акцентуация общности («мы» против «них»).

Дуг Мак-Адам считает, что следует разграничивать политические возможности и другие варианты изменений, способствующих активации социальных движений [42]. Он же в свое время предложил, например, **четыре типа расширения культурных возможностей:**

- драматизация бросающегося в глаза противоречия между видимым культурным значением и принятыми социальными практиками;
- внезапно нанесенная обида;
- драматизация уязвимости системы или нелегитимности;
- наличие инновационного фрейма, позволяющего всем остальным располагать в нем свои обиды и требования.

Тут следует подчеркнуть важную, на наш взгляд, вещь. Это серьезная продуманность предлагаемых построений, которые при этом могут быть легко проиллюстрированы теми же примерами как оранжевой революции, как и любой другой.

При этом критика структуралистского подхода строится и на том, что есть варианты революций, например, в Иране, которые развивались вне предоставленных политических возможностей [43].

Система таких возможностей не порождала, но люди все равно выходили на коллективные акции протеста.

Социальное движение имеет перед собой ряд барьеров, преодоление которых является необходимым для достижения успеха. Среди них Дуг Мак-Адам выделяет следующие [44. – С. 339–340]:

- привлечение новых членов;
- поддержание духа старых участников;
- обеспечение освещения медиа;
- мобилизация поддержки публики;
- ограничения социального контроля у оппонентов;
- формирование публичной политики и действия государства.

Первые две цели являются внутренними, остальные – внешними. В принципе важно видеть и ставить подобные цели, что уже является определенным залогом эффективности действий, поскольку исчезает несистемное поведение, а все теперь подчинено конкретным целям.

Интересны также наблюдения Дуга Мак-Адама по поводу того, **как в принципе удается привлечь внимание массмедиа**. Он подчеркивает **три фактора**, способствующих этому [44. – С. 346–348]:

- действия, нарушающие публичный порядок;
- идейный (содержательный) фрейминг, например, Мартин Лютер Кинг говорил, как никто из черных лидеров до этого, акцентируя христианские темы в своих выступлениях;
- владение стратегической драматургией, когда каждое выступление было продумано в целях создания большей эффективности.

Это определенное введение сценического фактора в политику, что, кстати, было немаловажным для оранжевой революции в Киеве. И в принципе это единственная оптимальная стратегия, поскольку пройти сквозь фильтры официальных СМИ оппозиция может только с помощью порождения нетрадиционных событий.

Чарльз Тилли, еще один классик этого направления, выделил два параметра, позволившие ему построить классификацию по применению насилия [45]. С одной стороны, это степень контроля правительством всех сфер – правительственные возможности. С другой – параметр демократии как степень контроля со стороны гра-

ждан над правительственными ресурсами, людьми и так далее. При этом следует помнить, что даже демократические режимы применяют насилие по отношению к внешним врагам.

В результате образуется следующий набор стран:

- высокий уровень контроля, недемократичность – Китай, Иран;
- низкий уровень контроля, недемократичность – Сомали, Конго;
- высокий уровень контроля, демократичность – Германия, Япония;
- низкий уровень контроля, демократичность – Бельгия, Ямайка.

Здесь, как видим, существуют и демократические страны, которые все же накладывают высокий уровень контроля, в том числе и на своих граждан. Демократия увеличивает возможности по взаимодействию между имеющимися политическими акторами.

Государства с низким уровнем контроля в сильной степени уязвимы от координируемых усилий в области внутренней политики, поскольку они разрешают диссидентам и повстанцам организовываться для борьбы. Примером этого является Колумбия или близкий нам пример распада СССР, явившийся по сути результатом потери уровня контроля. Общесоюзный уровень контроля сошел на нет при сохранении уровня контроля внутри бывших республик.

Политические акторы, по Тилли, работают с политическими идентичностями, которые отвечают на вопросы: «кто ты?», «кто мы такие?», «кто они такие?» Для политических идентичностей важными являются следующие параметры:

- границы, отделяющие «нас» от «них»;
- общие истории об этих границах;
- социальные отношения между этими границами;
- социальные отношения внутри этих границ.

Политические силы делают такие политические идентичности на правильные и неправильные, легитимные и нет. До американской и французской революций не использовались национальные идентичности, люди выдвигали требования и предпринимали коллективные действия на основе религиозных и культурных традиций.

Чарльз Тилли вводит очень интересное **понятие политического предпринимателя**, функция которого состоит в создании новых связей между ранее разрозненными социальными единицами. Они активируют (или дезактивируют), координируют, соединяют, репрезентируют. В последнем случае имеется в виду выступление представителем каких-то социальных групп.

Реально политические предприниматели заняты созданием границ, историй, отношений. Когда они направлены на насилие, они воссоздают те примеры, которые обладают такой историей насилия.

А. Обершалл предложил четыре измерения для анализа социальных движений [46]:

- неудовлетворенность и обида;
- идеи и представления о справедливости / несправедливости, правильности / неправильности;
- способность действовать коллективно;
- политическая возможность.

Как видим, тут по крайней мере два параметра расположены в области справедливости / несправедливости, которую можно отнести к сфере моральности политики, которая в последнее время стала одним из факторов и избирательной борьбы.

Чарльз Тилли подчеркивал, что правительство своими действиями может вызывать сопротивление в таких случаях [45. – С. 214]:

- когда устанавливаются границы, которые по местным стандартам явно нечестны, сравнивая с теми, которые предлагаются другими;
- когда берутся ресурсы (земля, труд, деньги и так далее), которые уже относятся к местным предприятиям и общественным отношениям;
- когда настаивается на принадлежности, признании, поставке информации, вступающим в конфликт с принятыми в местных условиях.

Подобные параметры в странах СНГ проявляются в конфликтах местного уровня, когда приходят, например, новые владельцы земли, фабрик и так далее, и которых начинает защищать власть.

В коллективных протестных действиях большую роль играет стратегия. Это признают как сторонники теории и практики нена-

сильственных действий [47], так и теоретики общественных движений. **М. Ганц** задает стратегию в плане перевода ресурсов в силу. Достаточно афористично он говорит о стратегии следующее: «Стратегия это то, как мы преобразуем то, что имеем, в то, в чем нуждаемся, чтобы достичь того, что мы хотим» [48. – С. 181]. При этом он акцентирует очень важное преимущество общественных движений в борьбе против государства: «Старые организации скорее всего будут иметь меньшие стратегические способности, чем организации новые» [48. – С. 194]. Последнее связано с тем, что применение новых алгоритмов становится более выигранным, чем применение старых.

Соотношение стратегии с ресурсами создает следующие варианты сочетаний:

- «+ –» – хорошие стратегические возможности, минимум ресурсов;
- «+ +» – хорошие стратегические возможности, максимум ресурсов;
- «– –» – малые стратегические возможности, минимум ресурсов;
- «– +» – малые стратегические возможности, максимум ресурсов.

То есть возможен вариант компенсации малых экономических, политических или культурных ресурсов за счет креативной стратегии.

В качестве нового типа ресурса мы должны упомянуть и об эмоциях, учитывая также и то, что стратегия также работает с новыми ресурсами. Эмоциональность сегодня изучается как новый тип объекта в разных вариантах, включая военных, которые создали, к примеру, Институт креативных технологий при одном из калифорнийских университетов.

Дуг Мак-Адам говорит, что ни одно исследование революции не может обойтись без понятия события, называя его не простым, трансформирующим событием. Это определенные поворотные пункты, после которых имеют место структурные изменения. «Событие имеет темпоральность, достаточно отличающуюся от долговременных процессов изменений или протестных циклов» [49. – С. 102]. Например, событие захвата Бастилии является значимым для французской революции. Но тогда само понятие революции было иным. Это была пассивная, а не активная категория. Оно использовалось

по отношению к любому внезапному изменению. Только после Бастилии оно стало восприниматься как народное восстание. Революцию придумали в 1789 году, после чего она стала выполнять роль политического шаблона для всех последующих действий.

Сегодня мы имеем уже иной набор базовых понятий. С организационной точки зрения предлагается разграничивать три элементарных типа общественных движений [50. – С. 188]:

- идушие снизу модели (grassroot), характеризующиеся относительно свободной, неформальной и децентрализованной структурой, акцентирующей радикальную политику;
- модели группы интересов, направленные на влияние на политику и строящиеся на формальных организациях;
- партийные модели, акцентирующие электоральные процессы, партийную политику и строящиеся на формальных организациях.

Д. Рухт подчеркивает, что ученые пытаются рассматривать возможности как объективные, а не социально конструируемые. Но они являются именно социально конструируемыми, поскольку, во-первых, их восприятие зависит от процессов фрейминга, во-вторых, возможности сами являются целью политических движений (С. 189). Все это требует принципиального расширения концепции политических возможностей.

Синтезировав ряд подходов, Дуг Мак-Адам предлагает следующие четыре измерения политических возможностей [42. – С. 27]:

- относительная открытость / закрытость институционализированной политической системы;
- стабильность / нестабильность конфигурации элит, вырабатывающих политику;
- наличие / отсутствие союзников элиты;
- возможности государства для репрессий.

При этом ряд исследователей считает, что большинство протестных движений не связаны с процессами изменения политических возможностей [51].

Сидни Торроу, еще один классик этого направления, говорит о структуре политической возможности как о «последовательных, но необязательно формальных, постоянных или национальных сигналах».

лах социальным или политическим акторам, которые либо убеждают, либо разубеждают их на использование их внутренних ресурсов для формирования общественного движения» [52. – С. 54].

При этом выделяется **четыре основных типа таких сигналов:**

- открытие политического доступа, например, перестройка и гласность;
- нестабильность меняющейся расстановки политических сил;
- влиятельные союзники;
- конфликт внутри элит.

Элитный конфликт был характерен как для Украины, так и для многих постсоветских стран.

Анализ взаимоотношений полиция – протестующие на базе акций в Италии и Германии позволил выйти на две гипотезы, позволяющие строить ответные контрреволюционные стратегии [53. – С. 90]:

- более толерантное, избирательное и мягкое поведение полиции благоприятствует развитию протестов;
- более репрессивные, широкие, жесткие техники отбивают охоту у масс, но одновременно радикализируют малые группы.

Эти гипотезы давно пройдены на территории стран СНГ, где были и процессы активизации и расхолаживания, радикализации и умеренных протестов. Но в принципе подобные формулировки происходящих закономерностей позволяют ориентироваться в имеющих место тенденциях. Следует также отметить, что радикальные слова и поступки имеют тенденцию к более широкому распространению в рамках информационного поля и, следовательно, дают более качественные результаты и в когнитивном поле. То есть протестный фон все равно будет удерживаться на активном уровне. Тем более что радикалы создают свои циклы общественного внимания: событие – арест – суд – «летие» события / ареста. Все эти точки начинают получать усиленное медийное освещение. Радикалы активно борются за навязывание своей интерпретации происходящего, своего фрейма событий.

Фреймы задаются как «когнитивная упорядоченность, располагающая события по отношению к друг другу, это способ говорения и думания о вещах, позволяющий размещать элементы идей в пакеты [54]. По сути это элементы картины мира. Фреймы в отличие

от идеологий не говорят о ценностном компоненте. «Фреймы определяют, **как** думать о вещах, но они не указывают на то, **почему** это важно» [54. – С. 249]. Но при этом, как нам представляется, ценностный отбор здесь все равно присутствует, но он находится на более глубинном уровне, ведь выбор тех или иных ключевых элементов предполагает определенную ценностную ориентацию, поскольку отбор идет по принципу важности. Отбором тех, а не других элементов мы строим разную картинку действительности.

М. Залл говорит о фреймах в контексте «особых метафор, символических представлений и когнитивных сигналов, используемых для того, чтобы упорядочивать или распределять поведение и события в оценочном модусе и предлагать альтернативные модели поведения» [55. – С. 262] Как видим, здесь ценностный компонент уже проявляется. И появляется очень важный акцент на альтернативности. Ведь по сути фреймы важны как продвижение альтернативного взгляда на мир. Чем активнее одна из сторон будет проводить процесс фрейминга, тем больше шансов на успех будет иметь ее взгляд.

Фреймы по сути и способствуют созданию идентичности, их следует удерживать для образования и порождения коллективного действия. Возникает также проблема резонанса фреймов, которая должна ответить на вопрос, какой из фреймов, например, индивидуальные права, права человека, классовые права, будет работающим в данной культурной традиции [56]. Новые политические инициативы открывают новые каналы коммуникации и новые когнитивные фреймы, вокруг которых могут объединяться протестующие [52].

Общественное движение и порождаемые им акции протеста, как видим, поддаются изучению с помощью достаточно сложного инструментария, который выработала наука за достаточно долгий период интенсивного изучения этого феномена. Весь этот опыт демонстрирует постепенный переход к изучению все менее материальных объектов, которые, однако, являются теми типами составляющих, которые составляют суть общественного движения и коллективного действия протеста.

ПЕРЕВОРОТ / РЕВОЛЮЦИЯ КАК ИНТЕНСИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ИЗМЕНЕНИЯ БУДУЩЕГО

У

Управляемый хаос

ЖЕ АНАРХИСТЫ говорили о том, что их предвидение будущего основывается на данных наблюдения. **Петр Кропоткин** может рассматриваться нами как инициатор создания общественных неправительственных структур – достаточно любимой сегодняшней темы. Он писал: «В настоящее время замечается сильное стремление к созиданию, помимо государства и церкви, тысяч и тысяч небольших союзов для удовлетворения всевозможных потребностей: экономических (железнодорожные общества, рабочие синдикаты и синдикаты предпринимателей, кооперативы, товарищества земледельческие, для вывоза продуктов и т. д.), политических, умственных, художественных, воспитательных, для пропаганды и т. далее. [...] Будущее и прогресс лежат в этом направлении, а анархия есть выражение того и другого» [1]. Но он видит этот процесс как процесс разрушения пут, идущих от церкви и государства, то есть как модель определенной смены имеющегося строя.

При этом анархисты принципиально отказывались от законодательной деятельности, считая, что только освободительные движения могут им помочь.

Революция представляет собой введение страны в управляемый хаос. Хаос по причине того, что переход к следующей ситуации идет по нелинейному сценарию, а управляемость подчеркивает задействованность вполне определенных факторов, наличие которых создает революционную ситуацию. Находясь в точке турбулентности, где малые воздействия могут иметь большие последствия, можно перевести систему в нужное состояние. Именно это составляет суть путча или переворота, которые действуют точечно, в отличие от революции, которая подразумевает включенность более широких масс. Революция также отличается политической окрашенностью, как правило левой, путч или переворот, например военный, отличается политической нейтральностью.

При этом очень **большая часть этих факторов проявляется именно в виртуальной среде.** Создается виртуальная «буря», которая с определенной неизбежностью требует выхода в среде реальной. Последние события в Грузии проходили по тому же сценарию, что шли события в Югославии, например, когда оппозиция, не признавая результаты выборов, начинает реализовывать ситуацию общественного неповиновения.

Моделью движения при этом становится переход от виртуальной к реальной действительности, проводимый циклично несколько раз (см. рис. 8).

Рис. 8. Переход от виртуальной действительности к реальной

Эта модель не только проста и понятна, но и в достаточной мере отработана. В нее только надо вставить новые фамилии: «Долой Милошевича!» – «Долой Шеварднадзе!»

При всем имеющемся неприятии фигуры Шеварднадзе явно ощущается интенсификация данного процесса, поскольку выборы становятся одновременно предлогом для замены президента, что никак не заложено в модели парламентских выборов.

Переворот / революция – интенсивная модель введения новой макроситуации. Причем это результирующее действие является следствием микроситуации. При этом макроситуация как раз и отличается тем, что происходит внесение изменений как в пространство реальности, так и в виртуальное пространство. Революция 1917 года выбросила на свалку истории весь сонм богов прошлого, полностью переформатировав модель мира. Та же ситуация имела место и в «революции» 1991 года, которую никто не называет революцией по причине того, что смена идеологии в данном случае не отразилась на смене действующих лиц. Второй эшелон руководителей стал на место первого, первые секретари ЦК компартий стали называться президентами, комсомольцы – бизнесменами. Идеология действительно была выброшена на свалку, но на временно освободившиеся места сели те же люди.

В этой теоретической парадигме перед нами возникает конкретный набор объективных и субъективных параметров. Власть оказывается не в состоянии управлять, элита «капсулируется», население готово к тому, чтобы его позвали на баррикады. Недовольная элита должна иметь ресурсы для своей оппозиционной позиции, образуя мультиэлитные сочетания (бюрократическая + военная, интеллигенция + партийная и так далее). Кстати, мультиэлитное сочетание также является определенным индикатором создавшегося напряжения. Подобная «виртуальная сцепка» должна получить дальнейшее развитие в мире реальности: недовольство в виртуальном пространстве – недовольство в реальном пространстве.

При этом разные ресурсные возможности требуются для удержания недовольства в том и другом случае. В первом случае достаточно ресурса, который есть у интеллигенции, во втором же

нет. То есть в идеальной модели должно происходить нарастание ресурсного подключения. В случае советского варианта:

- интеллигенция художественная (плюс журналисты);
- интеллигенция научно-техническая;
- директорат;
- советская элита;
- военная элита;
- партийная элита.

При этом построенная система разрушения прошлого позволяла каждому типу элиты выжить в предлагаемой новой системе. В результате даже партийная элита в основном сохранила свои ряды.

Если принять гипотезу, что **Михаил Ходорковский** шел по своей модели, то его «нарастающий потенциал» будет выглядеть следующим образом:

- потенциал бизнеса;
- потенциал интеллигенции;
- потенциал партийный;
- потенциал парламентский;
- потенциал президентский.

Учет этого подключения разных ресурсов на разных этапах развития, вероятно, и вызвал «негодование» со стороны Владимира Путина, поскольку финансовая поддержка разноплановых оппозиционных партий со стороны Ходорковского может трактоваться только подобным способом.

Владимир Путин прореагировал на виртуальные полки тем, что применил полки реальные. При этом показательна относительно молчаливая реакция общества. Одновременно массовое сознание получило подтверждение своему негласному тезису, что все олигархи воры. Советская схема всегда признавала арестованного виновным. Сам арест уже является манифестацией вины.

Управление будущим в принципе может быть революционным и эволюционным. В результате оно может быть заметным для современников и нет. Кстати, **Рэндал Коллинс** считал, что и революция 1917 года не была заметной [2]. Это была микроситуация, которая не ощущалась как угроза для макроситуации. Более того, он замечает, что более стабильные варианты макроситуаций

должны быть устроены так, что микроситуации не должны быть связаны одна с другой и что связь должна быть рутинной. Реально тем самым он «защищает» макроситуации от каскадного эффекта, когда падение одной костяшки домино повлечет за собой все остальные.

Революция, как показал **Дж. Девис**, возникает отнюдь не тогда, когда все плохо, а когда оказываются нарушенными ожидания людей [3–4]. Когда же негативная ситуация длится несколько лет, то вероятность революционных изменений вновь затихает. Вот график Дж. Девиса из работы А. Назаретяна (см. рис. 9) [5].

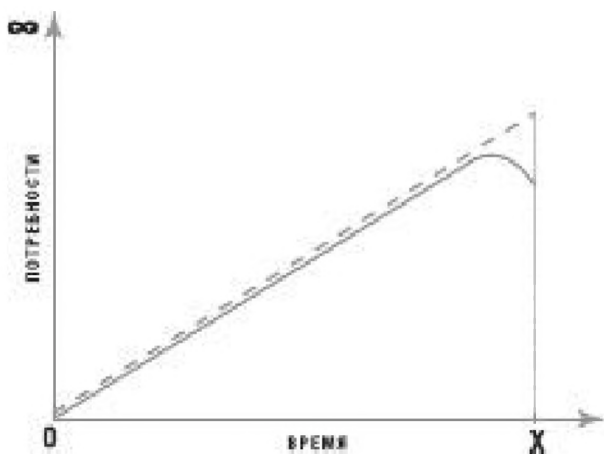

Рис. 9. Динамика удовлетворения потребностей и революционная ситуация по Davis J., 1969

Сплошная линия – динамика удовлетворения потребностей (экономический уровень, политические свободы и т. д.). Пунктирная линия – динамика ожиданий. Точка x на горизонтальной оси – момент обострения напряженности, чреватый социальным взрывом. (Взрыв происходит или не происходит в зависимости от ряда «субъективных» факторов.)

Революцию вполне можно трактовать и как коммуникативный процесс. Именно по этой причине ненасильственная методология

уделяет столь много места пропаганде, подчеркивая, что в целях эффективности целевую аудиторию следует разделить на сегменты, каждый из которых должен получать собственные типы сообщений [6].

В процессе подготовительного периода революции негативный стимул распространяется по официальным и неофициальным каналам коммуникации, захватывая разные сегменты общества. Любое такое сообщение несет две составляющих:

- единую интерпретацию происходящего;
- мотивацию на будущую смену.

Это очень важный феномен единой оценки. Психологически сегодня такую роль выполняет телевидение, и мы к ней привыкли. Но, допустим, в 1917 году какая-нибудь листовка «Смерть буржуйам» должна была обладать огромной движущей силой именно из-за того, что ей удавалось кристаллизовать общественное мнение, бывшее до этого нечетким и расплывчатым. Здесь реализуется очень важное ощущение перехода от индивидуального мнения к общему – человек начинает мыслить, как все, он не ощущает того, что является исключением. Это как результирующий крик «А роль-то голый!»

Системно революционная ситуация выполняет следующие функции:

- приводит к автономизации действий до этого синхронных различных частей системы;
- отказу от работы разных частей, что увеличивает хаотическое функционирование системы;
- переносит недовольство одного сегмента общества всему обществу;
- вводит единые интерпретации происходящих событий, в результате побеждающие официальные.

В результате легитимность власти начинает расшатываться как внутри страны, так и за ее пределами. И тут особую роль начинает играть внешнее давление, вынуждающее власть идти на уступки, как это было в период бывшего СССР. Строится следующая схема внесения асистемных импульсов, что реализовывалось в период холодной войны (см. рис. 10).

Рис. 10. Схема внесения асистемных импульсов

Достаточно долго система может удерживаться в сбалансированном состоянии, но затем хаотические явления начинают преобладать.

Советский Союз удерживал свою упорядоченность и за счет того, что не давал распространения негативным сообщениям. Система цензурировала именно их. То есть этот чисто коммуникативный способ удержания порядка в результате прятал подобные сообщения исключительно в сферу неофициальных коммуникаций (так называемые кухонные разговоры). Да и в целом холодная война большую часть ресурсов забирала именно на работу в информационном пространстве. И именно глобализация делает ее бессмысленной, поскольку снимает ограничения на распространение сообщений.

Холодная война вводила в информационном пространстве два вида сообщений:

- повествующие о правилах;
- повествующие о случаях, конкретных историях.

Разница между ними состоит в том, что если первые повествовали об абстрактном человеке и человечестве, то вторые – о конкретных Иванах Ивановичах Ивановых. Информационное столкновение шло как на уровне правил, так и на уровне историй.

Предреволюционная ситуация даже интереснее революционной, поскольку из нее существует несколько возможных вариантов перехода к другим будущим ситуациям. Такое множество вариантов говорит о максимальной нестабильности данной ситуации.

Такая промежуточная зона перехода характеризуется следующим набором:

- снятие параметров, удерживающих упорядоченность (армия, полиция центральная власть начинают функционировать в холостом режиме);
- появление новых игроков, захватывающих виртуальное пространство;
- возникновение новых ситуаций, которые были бы невозможны при прошлой системе удержания упорядоченности.

И лишь затем следует захват почты, телеграфа и банков. В этой промежуточной зоне внезапно начинают работать мини-ситуации, которые ведут к макси-последствиям.

Курршио Малапарте, считая **Владимира Ленина** стратегом большевистской революции, а **Льва Троцкого** тактиком государственного переворота, приходит к выводу, что данная стратегия связана с условиями страны в тот период, зато применение этой тактики не обусловлено никакими обстоятельствами [7]. Сама по себе стратегия не может обеспечить захват власти.

К. Малапарте подчеркивал: «Люди, знающие все труды Ленина, в особенности его заметки о технике декабрьского восстания в Москве в 1905 году, будут поражены наивностью его представлений о тактике и технике восстания в канун октября 1917 года» [7. – С. 108]. Интересно, что сам Троцкий плохо отнесся к книге Малапарте.

Но следует признать и то, что в книге Льва Троцкого действительно много конкретных замечаний, выдающих именно практика [8]. Сопоставляя февральский и октябрьский перевороты, он подчеркивает стихийность первого и организованность второго. За время, прошедшее после февраля, страна была подготовлена к новому шагу. Было реальным серьезное влияние партии на Советы, но была и диспропорция между слабой партийной организацией и имеющимся уровнем влияния. Вопрос о призыве к восстанию был связан также с тем, кто должен был призывать: Советы или партия.

Лев Троцкий описывает ситуацию того времени как такую: «Командные высоты государства продолжали оставаться в руках пра-

вительства. Но материальная база была из-под них вырвана. Министерства и штабы возвышались над пустотой» [7. – С. 383]. Кстати, еще как цель оставались банки, телефон, телеграф.

Особую роль Троцкий передает моменту определения начала действий: «В революции это все быстротечные процессы. Все тактическое искусство состоит в том, чтобы уловить момент наиболее благоприятного для нас сочетания условий» [7. – С. 274]. Если этот момент пропустить, то сила масс сменится разочарованием.

Сегодня исследователи уже строят графики, позволяющие видеть, когда идет нарастание общественного недовольства, а когда оно спадает. Троцкий считал, что возможно провести нужное развитие событий почти из любой позиции: «Теоретически рассуждая, наиболее выгодный момент для восстания сводится к какой-то точке во времени. О практическом уловлении этой идеальной точки не приходится, разумеется, и думать. Восстание может с успехом развернуться на повышающейся кривой, приближающейся к идеальной кульминации; но также и на снижающейся кривой, если соотношение сил не успело еще радикально измениться» [7. – С. 377].

Интересно, что 1917 год, который трактовался Троцким как исключительный по причине отсутствия того, что связано с представлением о восстании, не был таким, если посмотреть на передачу власти, состоявшуюся в 1991 году.

Троцкий нашел свое объяснение 1917 года: «Демонстраций, уличных боев, баррикад – всего того, что входит в привычное понятие восстания, почти не было: революции незачем было разрешать уже разрешенную задачу. Захват правительственного аппарата можно было выполнить по плану, при помощи сравнительно немногочисленных вооруженных отрядов, направляемых из единого центра» [7. – С. 384]. Но вероятным ответом на этот вопрос в году 1991-м стало то, что власть переходила из рук первых секретарей в руки президентов, однако фамилии эти совпадали. И Борис Ельцин, и Эдуард Шеварднадзе, и Гейдар Алиев, и Бразаускас, и Леонид Кравчук, как бы не выходя из своих кабинетов, меняли на них название своих должностей. Это равноценно тому, что Николай Второй написал бы на своем кабинете свою новую должность «председатель Совнаркома».

Александр Неклесса характеризует поствестфальскую систему мира как обладающую принципиальной нестационарностью, которая предполагает активный, турбулентный характер ряда процессов и постоянное употребление хаотизированной среды [9].

В последней истории мы прошли 1917-й и 1991-й, существовали также варианты событий в Тбилиси и Вильнюсе, а еще был Новочеркасск и так далее. Все это были квазиреволюционные события, поскольку они не имели последствия для макси-ситуации, так как власть все еще обладала силой, позволявшей вернуть ситуацию на круги своя. Ведь по сути «революционные» изменения после 1991 года имели место только потому, что сама власть решила так: быть революции. Реально произошла не революционная, а элитная смена: элита второго эшелона власти заняла первые позиции, объявив элиту первого эшелона во главе с **Михаилом Горбачевым** мешающей правильному развитию.

Советский Союз до этого делал существенные смены лидеров, например, Леонид Брежнев вместо Никиты Хрущева, но они не несли с собой существенной трансформации системы. Смена Борис Ельцин – Михаил Горбачев уже была иной.

Эдвард Луттвак в своей книге о перевороте формулирует три необходимых условия для осуществления подобного действия [10]:

- социальные и экономические условия страны должны быть такими, чтобы удерживать политическое участие в рамках небольшого сегмента населения;
- страна должна быть существенно независимой, а влияние иностранных государств на внутреннюю политическую жизнь относительно ограниченным;
- страна должна иметь политический центр. Если есть несколько центров, то они должны идентифицироваться и не быть этническими. Если страна контролируется неполитическим центром, переворот возможен при его согласии или нейтральной позиции.

Эдвард Луттвак был специальным советником по национальной безопасности у президента **Рональда Рейгана**, в научном же мире ему приписывается формулирование основ геоэкономики. Переворот он трактует как определенную смену внутри бюро-

кратического центра, когда одна часть бюрократии используется для того, чтобы заменить правительство в его контроле над другой частью. 1991 год подходит под это определение, поскольку Ельцин сменяет Горбачева в рамках России. Остальные республики стали следствием уже этой смены, поскольку удержать их не могли. В рамках же каждой из республик вновь повторяется бюрократическая смена по Луттваку, поскольку в большинстве из них именно партийные лидеры возглавили новые независимые государства, тут же забыв о нерушимой дружбе народов.

Правильная стратегия переворота, по его мнению, требует выдерживания двух принципов:

- максимальная скорость переходного этапа;
- нейтрализация сил, способных к оппозиции до и непосредственно после переворота.

Если посмотреть с точки зрения этих принципов на путч 1991 года, то, несомненно, эти принципы не работали. Произошло явное торможение, которое было уже в исходной диспозиции сил и их намерений. Сопротивление путчу если и не поощрялось, то и не останавливалось. Растерянность высшего уровня была продиктована вниз, в результате чего все поспешили занять нейтральные позиции, позволявшие вовремя присоединиться к победителям. Тексты поддерживающих не отличались от текстов возражавших (например, выступление **Леонида Кравчука**), такая амбивалентность закладывалась в них писавшими.

Что касается поведения нижестоящих веток иерархии, то, по Луттваку, они сохраняют свою преданность бюрократии до тех пор, пока им платят жалованье и поддерживают связь из столицы. Элиты в свою очередь должны выбирать между опасностью оппозиции и безопасностью бездействия, что, как правило, и происходит.

По проведению самого переворота Луттvak считает, что можно обойтись без руководящего центра при наличии детального планирования. Наоборот, наличие такого центра делает из него мишень для оппозиции. Лучше, если команды будут занимать заранее предназначенные цели как независимые единицы, а лидеры переворота будут разбросаны по этим командам.

Перед нами возникает повтор того, что сегодня именуется использованием системы роя, по которой, кстати, действует и «Аль-Каида». Понятно, что во многих случаях она может возникать сама по себе из-за явной неподготовленности подобных мероприятий. Неумение в этом случае становится приметой высокого умения. Нечто сходное было и в 1917 году.

В ситуации после переворота задачей становится создание ощущения безопасности для наибольшего числа военной и бюрократической элиты. Теперь от их поведения будет зависеть успешное развитие ситуации. Кстати, это четко было сделано в 1991 году, когда сознательно подчеркивалось, что специально не пошли на люстрацию, чтобы не делать из бывших членов КПСС активной оппозиции.

Особое внимание при этом уделяется средствам массовых коммуникаций. Во время путча СМИ получают самую внимательную аудиторию. И вновь ошибка августа 1991 года: ни «Лебединое озеро», ни пресс-конференция, которую сразу же обратили в «трясушиеся руки», не являются тем информационным продуктом, который требуется в такое время. Кстати, **Леонид Кравченко**, возглавлявший Центральное телевидение в тот период, в своей книжке «Как я был телевизионным камикадзе» вспоминает, что «Лебединое озеро» не специально было поставлено, а просто раньше стояло в программе [11]. Он считает, что при серьезной постановке вопроса его следовало предупредить за сутки, а не вытаскивать в последний момент с дачи. А с известной пресс-конференции Янаева и других он вынес печать неуверенности. Кстати, **Джорджу Бушу**, наоборот, специально создавали уверенность перед его первым телевиступлением после 11 сентября [12].

Задачей информационной кампании становится следующее:

- расхолаживать сопротивление путем подчеркивания силы пришедшей новой власти;
- снимать страхи, которые могут дать толчок появлению оппозиции.

Любые новости о сопротивлении будут стимулом, поскольку оппозиция не будет ощущать себя в изоляции. Поэтому в случае со-

противления, наоборот, надо доказывать, что это группки, которые не связаны ни с какой политической силой. Для всего же населения преследуется цель показать всем, что переворот не представляет для них угрозы.

При этом акцентируется следующее [12. – С. 119]: «Нашей целью является не просто контроль, а монополизация информационного потока, поэтому следует иметь дело с каждым вариантом из имеющихся средств». Все это достаточно четко и недвусмысленно выводит информационную составляющую в качестве одной из центральных для переворота.

Анализируя первые выступления революционеров / путчистов, Эдвард Луттвак видит в них четыре стиля [10. – С. 169]:

- романтический, лирический;
- мессианский;
- неподготовленный;
- рационально-административный.

Наверное, август 1991-го продемонстрировал нам неподготовленный вариант выступления, поскольку в результате него у слушавших появилось ощущение провала еще не начавшегося действия. В результате август 1991-го выступил в качестве спускового крючка для совершенно иного действия – окончательного развала СССР.

Американский устав FM 100-20 «Военные операции в конфликтах малой интенсивности» в анализе целей повстанческих движений предлагает уделить внимание следующим аспектам.

- К какой цели стремятся повстанцы? Как четко сформулированы эти цели? Как открыто они высказываются?
- Все ли повстанцы разделяют общие взгляды?
- Отлично ли желаемое состояние от того, которое публично провозглашается?
- Чем отличается желаемое повстанцами общественное устройство от правительственного?

Аналитик должен сопоставить две системы ценностей (правительства и повстанцев) и определить, какие из этих ценностей можно включить в возможную стратегию, он должен предложить программы, уводящие группы от противника к нейтральному состоянию или к поддержке.

В революционных схемах большая роль отводится лидерам, поэтому аналитику следует уделить им особое внимание. Проблемы лидерства выстраиваются в следующем порядке.

- Кто является лидерами повстанцев? Есть ли среди них доминирующий харизматический лидер?
- Насколько лидеры преданы своей идеологии?
- Привязаны ли лидеры к определенным организационным или операционным моделям?
- Следует определить разницу среди лидеров по целям и методам.
- Какая связь между лидерами и сражающимися? Участвуют ли лидеры непосредственно в акциях?
- Каков процесс принятия решений? Решения принимаются диктаторски, консенсусом или по демократическим процедурам?

Аналитик должен определить политические и физические сильные и слабые стороны лидерства и то, как можно использовать слабости, чтобы разрушить или дискредитировать их. Соответственно, следует подвергнуть анализу слабости со стороны правительства, чтобы усилить их защиту.

Революционная ситуация имеет место более часто, чем сама революция, поскольку не всякая революционная ситуация завершается революцией. Но в любом случае перед нами конструкция перехода к будущему, которая носит достаточно интенсивный характер. Как правило, она строится на активной опоре на население, то есть на имеющийся ресурс в настоящем. Даже недовольство населения – это тоже ресурс, и достаточно сильный. Революция всегда окрашивается в цвета будущего. Вспомним риторику 1917 года и всю советскую риторику, которая была очень оптимистичной. Но по сути революционная риторика совпадает с риторикой избирательной. Она строится на том, что появляется группа людей, которая заявляет, что пришла решать проблемы всех. Как правило, вся вина при этом перекладывается на власть. Революционная ситуация способствует созданию хаоса, из которого возникает возможность перехода на иной системный уровень.

В ряде случаев смена ситуации достигается вне массовых протестных движений, просто путем смены лидера. То есть возникает два варианта, только в них меняются местами ключевые элементы (см. рис. 11).

Рис. 11. Смена ситуации путем смены лидера

В современной достаточно прагматической политике и такие виды воздействия не только являются предметом реалий, но и теоретического обоснования.

Можно привести в подтверждение следующее высказывание: «Соединенные Штаты пытаются достаточно давно использовать атаки на лидеров для изменения политики и поведения враждебных государств и других недружественных деятелей» [13]. В рамках этого исследования приводятся три варианта операций, направленных против лидера:

- проведение прямой атаки на лидера;
- поддержка путча или восстания против его правления;
- использование внешних военных сил для смены его режима.

Приводится список из 24 примеров, завершающийся именами Джохара Дудаева (1996-й, Чечня), Усамы бен Ладена (1998-й, Афганистан) и Слободана Милошевича (1999-й, Сербия).

Эти действия, по мнению автора, позволяют выполнять следующие функции:

- заставить враждебное государство запретить политику или поведение, вступающее в конфликт с американскими интересами;
- не дать противнику осуществлять будущие нападения на эти интересы;
- свергать потенциально опасные режимы;

- уменьшить возможности врага по ведению войны и включенности в терроризм.

Конечно, в таком случае возникает ощущение разыгрывания шахматной партии по отношению к живым людям и реальным странам. Но такова реальность, даже если она плоха, ее следует знать и изучать.

Катрин Лотрионт дополняет данный список попытками убрать Кастро [14]. Она также ссылается на одно из исследований, которое называет две причины ослабления международных норм в этом вопросе:

- возрастающая роль нетрадиционных видов насилия, включая партизанскую войну и терроризм;
- разрушительная суть современной войны, включающая средства массового уничтожения людей.

Странным образом рассуждая о моральности такого подхода, Катрин Лотрионт пытается найти причины, которые бы позволили его применение. Среди них она перечисляет следующие:

- предотвращение еще больших жертв;
- минимизация военных и гражданских потерь;
- прекращение кровавой деятельности этого режима;
- избегание сложностей с принятием ВИП-заключенного;
- предотвращение применения оружия массового поражения.

В любом случае предлагаемая модель дает возможность выработки определенного рода критериев, позволяющих принимать решения на какой-то рациональной основе.

Паскаль Бонифейс предлагает свой набор критериев [15]:

- диктаторство;
- распространение оружия массового поражения;
- геноцид;
- государственный терроризм.

Это все, несомненно, важные параметры. Но более важным все же представляется призыв автора делать операции по смене режима в рамках международного одобрения подобных действий. Кстати, давно фиксируется потеря статуса фундаментального понятия суверенности государств. Приводимые рассуждения в очередной раз иллюстрируют именно эту тен-

денцию. Граница национального государства оказывается не на замке.

Путч характеризуется тем, что имеет место предварительное вхождение во власть отдельной группы заговорщиков, которые затем забирают ее в свои руки. Эдвард Луттвак считает, что сила и размеры современных армий и спецслужб обладают как позитивом, так и негативом, с точки зрения подобных целей [10. – С. 63]. С одной стороны, современная армия может отразить любое выступление толпы, чего не было, например, во Франции 1789 года. С другой, размеры армии и спецслужб позволяют входить в нее будущим путчистам.

Джин Шарп с коллегой различают общее сопротивление путчу и организованное [16]. Последнее возникает, когда сопротивление разворачивается в соответствии с инструкциями, получаемыми из группы, которая может состоять из членов легитимного правительства. Кстати, своей разработкой по антипутчу Шарп демонстрирует подлинное понимание стратегии, являясь сам скорее специалистом по проведению путчей. В этой антистратегии предлагается большое число методов, лишь часть из которых мы перечислим ниже:

- отвергайте путч, объявляя его лидеров нелегитимными;
- рассматривайте все декреты и указы путчистов как противоречащие закону и отказывайтесь их выполнять;
- удерживайте сопротивление в ненасильственной сфере, чтобы сделать его наиболее эффективным;
- не подчиняйтесь всем попыткам путчистов устанавливать контроль над аппаратом правительства и обществом;
- не сотрудничайте с путчистами ни в каких областях;
- поддерживайте нормальную жизнедеятельность общества в соответствии со старыми законами и конституцией;
- сохраняйте функционирование легитимных политических и общественных организаций;
- отказывайтесь предоставлять путчистам жизненно важную информацию;
- не предоставляйте путчистам припасы и оборудование;
- вступайте в дружескую «креативную коммуникацию» с функ-

ционерными и войсками, поддерживающими путчистов, демонстрируя отсутствие насилия по отношению к ним;

- отказывайтесь распространять пропагандистские материалы путчистов;
- документируйте действия путчистов.

Важным, на наш взгляд, является прослеживаемый в этих правилах призыв к сохранению старых институций, именно институты общества (формальные и неформальные) в состоянии удержать на себе нужный уровень противодействия. Это связано также и с тем, что против одних институций могут выступать другие институции, индивиды, как правило, не столь эффективны.

Ускоренные смены ситуации, предлагаемые данными подходами, все равно будут иметь место вне зависимости от рассуждений об их моральности или нет. Все равно происходит определенное «выравнивание» систематики национальной под систематику международную. Напряжение во взаимоотношениях всегда будет решаться в сторону более глобального понимания справедливости.

Агитация в систематике протеста

Протестные действия обладают своей аксиоматикой, позволяющей даже человеку с улицы различать правильную и неверную нормировки протеста. Протестные действия могут реализовываться в виде медийной составляющей, а могут и в террористической, к чему в серьезной степени мир приучили как Палестина, так и Чечня. Однако обязательным элементом в любых протестных действиях является агитационная составляющая.

Агитация в систематике протеста направлена на две главные цели:

- активация своих собственных сторонников;
- нейтрализация противников.

Протест только тогда получает успех, когда он начинает носить системный характер. Он одновременно распространяется по физическому, информационному и когнитивному пространствам. При этом можно проследить определенный повторяющийся инструментарий. Он часто дублируется вне зависимости от страны или типа протеста, который имеет место.

Одним из инструментов инженерии протеста является **приватизация протеста** одной из политических сторон. Тем самым эта сторона получает дополнительный выигрыш в виде защиты себя от нападков, поскольку именно она является главным обвинителем власти, защищая народ. Здесь важно оторвать народ от власти, задавая себя как неформального лидера при чисто формальном лидерстве власти. При этом власть в идеале пытается совместить функции формального и неформального лидера, как это было, например, в случае достаточно высокого рейтинга **Владимира Путина**.

Юрий Левада так рисует распространение протестных отношений в данном случае [17]: «С одной стороны, действует сила примера, когда каждый день по телевизору показывают, как люди протестуют в других городах. С другой – крепнет представление о том, что и таким образом можно действовать и что власть не решится пресекать выступления. Люди почувствовали, что можно чего-то добиться плакатами, призывами, сжиганием чучел. Ведь власть отдает по кусочку, а это стимул для развития протестных отношений». Здесь, по нашему мнению, следует также подчеркнуть самое важное ощущение, которое было доминирующим и во время оранжевой революции: человек вдруг ощущает, что он не один, что таких, как он, недовольных, много, а то, что говорится по телевидению, неправда. Телевизионная правда вступает в столкновение с правдой общественной, что в случае Советского Союза закончилось полным провалом правды телевизионной.

Происходит не только ритуализация новостей, но и признание населением части информационных потоков в качестве ритуальных, для которых параметр соответствия действительности уже не является существенным. Достоверность уходит к другим. Оранжевая революция в сильной степени строилась на удержании достоверности на одном канале («Пятый канал – канал честных новостей»). Причем параллельно «Пора» вела активную борьбу с недостоверностью других каналов. Кстати, это типичная ситуация, которую всегда используют религиозные секты, а не только политики, когда они признают правильным только один информационный поток – от своего собственного лидера.

Власть начинает защищаться, например, во время первых протестов в связи с монетизацией льгот российская власть заговорила о подстрекателях. Тем самым власть стремилась продемонстрировать хорошие отношения власти и населения, которые, однако, и пытаются нарушить нехорошие люди – подстрекатели. Что еще может выступать в роли подобных защитных оболочек? Это предварительная **иммунизация от отрицательной информации**, когда отрицательная информация вводится одновременно с вариантом опровержения ее. Тогда в дальнейшем отрицательная информация перестает быть страшной.

Здесь же можно отнести и **создание союзников** (например, советское «все прогрессивное человечество»), тогда чужая защита распространится и на тебя. Союзники в принципе очень важны, поскольку разная аудитория требует для себя разных героев, которых может ей дать только широкая коалиция участников.

Это расширение вовне, но не менее значимо и расширение внутри страны, когда создается ощущение общего недовольства властью. Известным способом здесь является то, что можно обозначить как **политическая индукция**, когда один выступающий милиционер становится символом всей милиции, переходящей на сторону оппозиции.

Это также не только работа со своими собственными активами, но и с **активами противника**. Например, разрушение доверия к альтернативному источнику информации или ограничение доступа к нему, что было вариантом советской схемы защиты, когда использовалось глушение западных радиоголосов.

Из противника делается виртуальный образ, с которым затем смело и красиво расправляются. Он не может опровергнуть приписываемые ему характеристики, поскольку опровержение такого рода только укрепит аудиторию в обратном. В этой области можно увидеть еще следующие варианты:

- имитация силы оппозиции № 2, которая призвана заменить основную;
- имитация раздоров в стане оппозиции, поскольку население не любит раздоры и любит единство;
- имитация паники и появления перебежчиков.

Во всех подобных вариантах особую роль играет качественно разработанная стратегия, что связано во многом и с тем, что в кризисных ситуациях достаточно велика цена ошибки, поскольку бурное и динамичное развитие ситуации никогда не позволяет вернуться вспять.

Лидеры власти, по мнению аналитиков, могут выступать против протестующих по ряду направлений [18. – С. 9–10]:

- лидеры могут трансформировать конкретную проблему в общий вопрос доверия и действовать с этого уровня;
- протестующие могут быть поданы как представляющие небольшую группу, в то время как администрация действует от имени большинства;
- лидеры власти могут вписывать протестующих в неадекватные политические категории, например, «пришлые агитаторы», «не-студенты», «разрушающие нашу демократию»;
- лидеры представляют себя как защитников гражданских свобод и порядка, в то время как протестующие подаются как действующие вне закона и иррационально;
- лидеры предсказывают ужасные последствия, если протестующие выиграют.

Стратегия агитаторов строится по следующим направлениям:

- стратегия петиции, использующая все нормальные дискурсивные средства;
- стратегия обнародования: ни одно движение не становится успешным без привлечения достаточного числа членов;
- стратегия усиления используется внутри самой группы, чему способствуют слоганы, символы, песни, внутренние публикации, революционный театр;
- стратегия поляризации, состоящая в том, что каждый, кто не примкнул к сопротивлению, поддерживает власть;
- стратегия ненасильственного сопротивления;
- стратегия эскалации / конфронтации.

Исследователи разделили содержание музыки протеста на следующие пять групп [цит. по 17. – С. 25–26]:

- невинная жертва против свирепого врага;
- сильный и храбрый против слабого и трусливого;

- объединенные и вместе против отдельных и разделенных;
- важные и ценные против неважных и несущественных;
- правые и моральные против грешных и аморальных.

Используемые слоганы организуют группу, а также отражают ее ценности и нормы. Выделяются следующие 11 целей, выполняемых слоганами [цит. по 18. – С. 27–28]:

- упрощение групповой идеологии, чтобы ее легко можно было понимать;
- подчеркивание конкретных проблем или сообщений;
- создание внимания, интереса к проблеме или группе;
- превращение людей в агитирующую группу;
- активация людей на присоединение к группе;
- создание сильной идентификации с группой;
- помощь в рационализации действий, отношений, представлений;
- призыв к конкретным действиям;
- дискредитация оппонента;
- поляризация позиций;
- борьба с оппонентом.

Сюда также хорошо относятся слоганы и речевки времени оранжевой революции, например, «свободу не спинить» («свободу не остановить»).

Большой банк слоганов представлен в работе **Константина Киселева** [19]. Например, в России **победа** и **Родина** одинаково **велики, трагичны, героичны и судьбоносны**.

Инженерия протеста обязана использовать все богатство возможностей как вербальных, так и ассоциативных. Всегда выгоднее опереться на имеющиеся в мозгу ассоциации, чем изобретать новые. Поляризация позволяет записать в свои ряды как можно больше людей, отталкивая чужих. В оранжевой революции мы были вместе, а бандитская власть – отдельно.

Протест обладает своей собственной протестной эстетикой. Он может моделировать ощущение сильного и солидного противника, а может строиться как бурное молодежное движение, эстетика которого полностью противоречит имеющемуся истеблишменту. Кстати, в случае оранжевой революции ее противники использо-

вали неудачную эстетику общественных собраний советской эпохи, которая уже не смотрится в наши дни. Визуальная и режиссерская эстетика оранжевой революции в этом плане оказалась на порядок выше, поскольку была современнее.

Протест очень четко учитывает свою прошлую историю. Современная Украина начиналась со студенческих протестов и голодовок 1990 года, когда в результате этих палаточных действий пало правительство В. Масола. Потом были целые серии протестов, вылившихся в кампанию «Украина без Кучмы». Казахстан в этом плане помнит студенческие демонстрации 1985 года. Протестная ячейка автоматически переносится из одного времени в другое, поскольку психологически является незавершенным действием. Выступающие участники прошлых протестов стимулируют аудиторию, поскольку демонстрируют безопасность этого типа действия.

Армения также имеет жесткие виртуальные отсылки к прошлому, где эта страна как носительница христианских и прогрессивных ценностей противостоит объединению варварских сил – турков и русских [20]. Этот сюжет (нарратив) просматривается и со стороны Грузии: «Грузинская и армянская «картины» сформировались еще в средние века и лишь подверглись модернизации в новое время, сохранив основной сюжет. В основе сюжета лежит повествование о некоем пограничном рубеже «цивилизованного мира», окруженного и противостоящего варварским силам. Персонажи, декорации, друзья, враги, конкретное наименование «варваров» и другие характеристики могут меняться, но сюжет остается неизменным. Скажем, на сегодня Грузия – это пограничный рубеж «цивилизованного Запада» против «варварской» («недемократической») России и ее агентов: абхазов, осетин, армян и так далее. Армения при том же сюжете – «пограничный рубеж» некоего не дифференцированного на Запад и Россию цивилизованного мира против «варваров» турок».

Интересно, что Украина также в достаточно определенном смысле рубежная страна между Западом и Россией, поэтому основная политическая линия пролегает как раз в борьбе за присоединение к той или другой стороне.

Джеф Гудвин анализировал протесты в Нью-Йорке для понимания их «драматургии», что привело его к формулировке ряда простых правил [21]:

- **размер имеет значение** – наиболее запоминающиеся протесты и те, которые стремятся освещать массмедиа, являются большими по количеству участников;
- **будьте организованными** – просто большая толпа не является эффективным видом воздействия;
- **место** – многие хорошо организованные протесты проходили вне главных институций или иностранных консульств;
- **выделяйте себя** – следует выделиться на фоне просто прохожих на переполненной улице;
- **включайте толпу** – удачный протест активирует участие аудитории;
- **положите на бумагу** – следует раздавать объяснение того, кто протестует, почему, как важно быть включенным;
- **управляйте медиа** – следует заранее информировать представителей прессы;
- **будьте зрелищны** – костюмы, привлекающие внимание, свечи на темной площади – все это создает удачную картинку;
- **погода важна** – мокрый и замерзший протестующий деморализует;
- **используйте протест для порождения протеста** – любой марш или демонстрация должны быть звеном в большой цепи.

Все это четкие и конкретные правила, где агитационная составляющая выходит за пределы чисто вербальных текстов. Это риторика невербального сообщения, которое нужно донести, используя толпу как способ передачи информации.

Роберт Хелви предлагает набор разработанных правил для взаимоотношений с прессой, среди которых есть следующие [22]:

- **не игнорируя остальных**, следует выстроить личные отношения с двумя-тремя наиболее интересными журналистами;
- следует подкармливать их информацией, чтобы установить отношения доверия;
- **сделайте себя доступным для прессы**;
- **не создавайте специальные события для медиа**;

- **информируйте прессу заранее** о событиях, которые, вы считаете, будут важными для вас и будут обладать новостной значимостью;
- помните, что на вас будет работать не только отношение прессы к вашим действиям, но и к действиям вашего противника;
- **объясняйте контексты**, связи, последствия описываемых действий;
- помните, что **разные медиа разговаривают с разными аудиториями**.

Агитация является важной частью протестной работы, поскольку позволяет достичь следующих целей:

- сделать более слабого игрока более сильным;
- сделать более сильного игрока более слабым.

Информационный ресурс, даже управляемый противоположной стороной, часто является общим ресурсом, поэтому более слабый игрок всегда ищет возможности по его использованию, тем более что он позволяет выполнять все нужные задачи, начиная с рекрутирования новых членов. Массмедиа в этом плане интересны как чужой инструментарий, который одновременно может быть активно использован другой стороной. Сравним, например, использование массмедиа **Мартинотом Лютеротом Кинготом** [23]. Сходно ни одно качественное действие оппозиции не оставалось вне освещения официальными СМИ в период до и во время оранжевой революции.

Предлагается разграничивать риторику реакции и риторику изменений [24]. Риторика реакции строится на акцентуации опасности, бессмысленности, отрицательности последствий. Кстати, это типичные и известные всем нам аргументы. Выступить против опасно, и есть риск потерять даже то, что уже имеется сегодня. Нет возможности выигрыша, это просто трата времени и ресурсов. Все это приводит к еще большему ухудшению положения.

Риторика изменений строится на контраргументах. Если риторика реакции базируется на пессимизме, то риторика изменений – на оптимизме. Каждый из аргументов реакции имеет свое про-

тивоедействие: опасность – безотлагательность, бессмысленность – действенность, отрицательные последствия – возможность. В первом случае подчеркивается риск бездействия, задается ощущение срочности. Бездействие в данный момент просто приведет к исчезновению возможности для изменений вообще. Во втором варианте акцент делается на открытых «окнах возможностей». Действие также открывает эти возможности и оставит их открытыми надолго. В третьем случае против негативных последствий работает обещание новых возможностей. Для мобилизации масс нужно постоянно удерживать оптимистический фон, поскольку другая сторона однотипно работает на удержание пессимистического фона.

Протест развивается в информационной и физической сферах, чтобы привести к результату в когнитивной сфере, что необходимо как в случае революции, так и в случае выборов. Протест является элементом стратегии более слабого игрока, выражающего свои претензии к более сильному игроку – государству. Каждая из сторон обладает как своими ресурсами, так и своим собственным инструментарием, без знания которого невозможно ведение политики.

Новостное конструирование действительности

Социальное конструирование действительности может идти с опорой на каждое из трех имеющихся пространств: физическое, информационное, когнитивное. В случае политической борьбы физическое пространство может быть насыщено символизациями в виде плакатов, листовок, стикеров, знамен. Когнитивное пространство сознательным образом форматируется под процессы избирательного восприятия, когда «не те» сообщения отталкиваются сознанием как недостоверные. Не воспринимаются также «не те» СМИ и «не те» лидеры. И самым универсальным способом социального конструирования становится новостное конструирование, когда отбор новостей не только форматирует физическое и когнитивное пространства, но и создает последующие события. Политическая борьба, кстати, создает и прошлые события, отыскивая в истории тот фактаж и тех героев, которые соответствуют сегодняшнему политическому моменту.

Новость, как показало исследование Интернета, живет 36 часов [25]. С одной стороны, этот срок говорит об определенной динамике мира, которая осуществляется с такого рода «пульсацией». Естественно, что революционные ситуации начинают поставлять новости в более ускоренном режиме, а это начинает представлять сложность для их интерпретации, что требует существенной помощи со стороны тех, кто эти новости делает. С другой – революция характеризуется жестким противопоставлением новостей: обе стороны пытаются удержать собственную интерпретацию происходящего.

Последующая новость должна либо удержать эту же интерпретацию (усилить ее), либо опровергнуть. Однако очень часто опровержение, наоборот, усиливает введенную интерпретацию, что является элементом противостояния власти и оппозиции.

Новость переводит неоформленную ситуацию в более завершенную, поскольку происходит наложение фрейма, который задает одновременно с фактами, кто прав, кто виноват в этой ситуации, кто герой, а кто враг. Все виды последствий из новостного конструирования можно представить в следующем виде:

- форматирование данной ситуации путем перевода ее в более завершенную форму;
- стимуляция появления в последующем однотипных событий, новостей;
- создание реакции на событие (информационной, событийной);
- активация сторонников данной модели мира, блокировка противников;
- увеличение известности действующих лиц, что облегчает их дальнейшее событийное и информационное функционирование.

Мы можем увидеть во всем этом определенную реализацию теории культивации **Дж. Гербнера**, когда зритель в результате просмотра телепрограмм получает искаженное представление о приоритетах тех или иных событий в реальности. Например, после просмотра «оппозиционного» телеканала у зрителя будет складываться ощущение, что:

- все против власти;
- число актов протеста достаточно велико;

- власть постоянно подпадает под уголовное преследование, нарушая закон;
- во всем мире власть свергается путем революций;
- везде в мире акции протеста очень распространены.

Новость является элементом событийной ситуации, формируя и трансформируя ее. По этой причине становятся столь значимыми как сама профессия журналиста, так и владение массмедийным ресурсом, позволяющим трансформировать реальность. Международные СМИ удерживают картинку действительности более глобальных процессов, местные – локальных.

Основной постулат этой трансформации заключается в постоянном удержании нужного варианта картинки мира. Тогда реальная картинка как альтернативная и динамичная начинает трансформироваться в сторону удерживаемой массмедиа. Борьба альтернативного представления и постоянного завершается победой постоянства, которое более частотно и более легко идет на повтор.

Одна из статей по анализу общественных движений начинается программными словами: «Общественные движения включены в борьбу за значения, поскольку они пытаются влиять на публичную политику» [26]. Сходно звучит лекция **Даниила Дондурея** – «Террор: война за смысл» [27]. Отсюда следует, что инструментарий победы спрятан именно в этой области, которая часто проходит незамеченной. Информационное пространство лишь инструмент для завоевания пространства когнитивного. **Терроризм, как и революция, работают также в физическом пространстве, создавая там события, которые по своей значимости и по своей сути являются одновременно сообщениями.**

Терроризм создает событие-новость для «выстрела» в общественное мнение. Однотипно революция создает событие-новость для активации одних и блокировки действий других. События здесь являются настолько сильными, что по сути они являются объектами иного типа, где свойства новости и собственно события оказываются объединенными.

Целями процессов фрейминга общественных движений становятся не только массмедиа, но и правительственная, избиратель-

ная и общественная повестка дня [26]. И те или иные действия в этой области являются одним из главных инструментариев общественных движений. Фреймы также связывают с организационными формами общественных движений [28]. В целом мы можем представить процесс передачи (формирования) влияния с помощью разнородных объектов в следующем виде (см. рис. 12).

Рис. 12. Процесс передачи влияния

При этом происходит трансформация одного объекта в другой, но при конструировании подобных цепочек все происходит под влиянием и требованиями конечного пункта этих трансформаций.

В свою очередь повестка дня также является многослойным феноменом, где влияние переходит от одной точки к другой (см. рис. 13).

Рис. 13. Трансформация повестки дня

Вероятно, в каждой из этих точек разрешена разная степень конкурентности альтернативных позиций. Демократия отличается разрешенным типом конкуренции. Чем менее демократична ситуация, тем меньшее число альтернатив будет попадать в эти точки. При этом новостная повестка дня как раз наиболее разрешает конкурентность, там получают отражение и действия оппозиции.

Возникают разного рода соотношения, когда акцент делается либо на новостях, либо на событиях. Украинский вариант строился на социальном конструировании протеста, то есть на новостях.

Киргизский – на событийном конструировании, когда массовые захваты зданий на юге автоматически привели к погромам в Бишкеке, то есть картинка конструировалась в реальности. Но и тот и другой варианты обязательно опираются на последующее распространение в СМИ.

При новостном конструировании также есть варианты разного типа каналов передачи информации. Если в Украине был один оппозиционный телеканал, то в Венесуэле, наоборот, один государственный против остальных частных каналов, порождавших картинку отставки президента, которой в действительности не было [29]. Украина долгое время удерживала «оппозиционные новости» исключительно в системе Интернета, не позволяя им попадать на телеэкраны.

При этом каждый тип аудитории будет иметь свои чувствительные зоны. По мнению **Глеба Павловского**, на Украине произошло восстание коммерческого пролетариата против олигархии, то есть мелкого и среднего бизнеса против бизнеса большого [30].

Тут следует также добавить, что большой бизнес всегда идет в сцепке с властью, а малый и средний имеет привилегию выбирать свой собственный путь, пока не переходит на более высокую ступень.

Большие массы людей контролируются путем управления единством их поведения. Такого рода контроль характерен для культов, которые управляют всем поведением своих членов: что он ест, что носит, когда спит [31]. Именно в результате такого единства поведения возникает и единство мышления, характерное для культов. То есть имеет место не только контроль внешнего говорения, но и внутреннего думания. Кстати, и фреймы также являются элементом такого конструирования единого типа мышления.

То есть контроль осуществляется за счет введения единых образцов во всех трех видах пространств: физическом, информационном и когнитивном. Результирующая схема контроля принимает следующий вид (см. рис. 14).

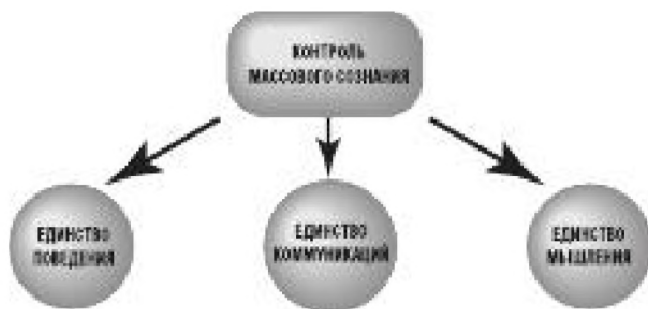

Рис. 14. Результирующая схема контроля

Эти образцы (поведения, коммуникаций, мышления) идут как извне, так и порождаются внутри страны. Глобализация резко завысила статус образцов, функционирующих вовне. Частичная потеря суверенитета современными странами также говорит о том, что статус легитимности смещается от легитимности внутреннего порядка к внешней. Такие фигуры, как Михаил Горбачев, оказались на распутье этого перехода, пытаясь внешней легитимностью заменять внутреннюю. С другой стороны, глава Северной Кореи полностью теряет внешнюю легитимность, что создает свой список проблем.

Глеб Павловский рассматривает создаваемую США конструкцию мира как «некую систему глобального дисциплинирования путем комбинации мягких, а в некоторых случаях не мягких средств при участии институтов массмедиа» [32]. То есть вновь подчеркивается важность именно массмедийного пространства, где и разворачивается существенная часть борьбы.

Мир проходит сегодня определенную смену идентичностей, что возможно лишь при интенсивной «арт»-информационной подготовке. Новые общественные движения также заняты созданием новых идентичностей. Активистами являются те, «чьи идентичности и ежедневная жизнь в сильной степени структурированы их обязательствами» [33. – С. 148]. То есть в их жизни эти новые идентичности реализуются в максимальной степени, проникая на уровень быта. Такая политизация быта является очень характерной как для революционных, так и для пострево-

люсионных условий, которые очень чувствительны к символическим приметам старой власти, с которыми ведется системная борьба.

При этом интересно, что пресса концентрируется на своих собственных параметрах при рассказе о конфликте [34]. Акцент делается на действующих лицах, а не на проблемах, рассказ ведется о том, кто противостоит кому, а не на сути разногласий. При этом такая подача не мешает введению фрейма активного противостояния. К примеру, фрейм «Украина без Кучмы» вводился даже проправительственными каналами, когда они повествовали о действиях оппозиции задолго до начала выборов.

Отсюда следует, что враг / злодей и жертва должны моделироваться не менее четко и красочно, чем сам герой. При этом привязка к реалиям остается в достаточной степени условной, поскольку как обвинения, так и хвала в этом случае являются чисто вербальными с доказательствами именно этого уровня.

Это удается сделать за счет монополизации информационных потоков, направленных на свою аудиторию. Например, как в период оранжевой революции, так и до нее происходило жесткое привязывание каждого типа аудитории к своим СМИ. Противоположные по взглядам СМИ признавались недостоверными. То есть новость начинает нейтрализоваться, если она исходит от оппонента. И новость начинает менять свою значимость в сторону увеличения, если она исходит от правильного источника.

Дополнительным доводом правильности оппозиционных новостей в случае оранжевой и других цветных революций была их поддержка международными СМИ. **Сергей Кургинян** жестко привязывает цветные революции к внешнему фактору, а также видит определенные системные отличия между обычным и цветным типом революции: «Банановый» балаган отличается от национальной (национально-освободительной) революции типом энергетики, структурой субъекта, иерархией целей, содержанием фазовых переходов... Словом, всей системной архитектурой. Очень важный элемент – поведение после взятия власти. Характерная черта – тип мутных политических убийств (Пуго в 1991 году, Кравченко в 2005-м... даже посты одинаковые!)» [35].

Эти же представления разделяют другие аналитики, видя в революции эндогенные (порожденные внутренним порядком вещей) и экзогенные (порожденные внешним воздействием) факторы. При этом общей моделью становится следующая [36]: «В ходе бархатных революций одна часть постсоветской элиты (более молодая и прозападная), используя протестную энергию широких масс населения (прежде всего учащейся молодежи), сбрасывает с политического олимпа другую часть элиты (более старую и менее лояльную по отношению к Западу)».

С точки зрения новых информационных потоков, их содержание может быть в этом случае представлено парадоксальным образом. Можно сказать следующее: **разрешено то, что было запрещено, и запрещено то, что было разрешено**. Как и в период перестройки, возникает период всеобщей критики того, что до этого было в той или иной степени «сакральным». В принципе для власти образуется принципиально негативный контекст (см. рис. 15). Любые позитивные контексты в такой ситуации оказываются запрещенными.

Рис. 15. Принципиально негативный контекст для власти

Монополизация информационных потоков позволяет пользоваться теми же методами, что и наработанный на сегодня инструментарий религиозных сект. Одна из используемых моделей при этом, восходящая к Курту Левину, состоит из трех этапов:

- «размораживание» старых представлений;
- введение новых представлений;
- «замораживание» новых представлений.

Наиболее эффективно подобные процессы происходят в ситуации стресса. Интересно, что революционная ситуация вполне сопоставима со стрессовой, поскольку происходит разрушение ста-

рой картины мира и замена ее новой. При этом разрушение идет во всех трех видах пространств: физическом, информационном, когнитивном. Для человека наиболее стрессовой является трансформация физического пространства.

Стресс может создаваться искусственно, и в этом особенность новостного конструирования ситуации. Таким типом конструирования становится раскручивание скандалов и утечка нужного вида информации. Это как раз варианты интенсивного конструирования ситуации (см. рис. 16).

Рис. 16. Новостное конструирование ситуации

Работающим механизмом при этом становится **инструментальный резонанс**, когда вводимое событие вступает в резонанс с представлениями населения, которые до этого хотя и существовали, но не имели достаточного документального подтверждения. Резонанс – это переход от когнитивного поля к полю информационному и физическому.

Аналитики вписывают скандал в один из важных элементов цветных революций [36]: «Ситуация существенно обостряется, если возникает скандал, связанный с государственным лидером и / или его близким окружением. При этом скандал может быть как следствием реальных действий представителей высшей элиты, так и результатом внешней инсценировки с целью «разогрева» ситуации. В любом случае главное – довести скандал до масс и дать ему «правильную интерпретацию».

Один из глав администрации Белого дома очень четко отделяет скандал от другого типа кризисов [37. – С. 70]. Если в случае просто политического кризиса создается команда думающих и действующих людей, которая в числе прочего будет разговаривать с прессой, то в случае скандала ставится задача изолировать ситуацию в Белом доме, подключив к ее разрешению как можно меньше людей.

Назовем подобный метод **изоляцией**, поскольку другая сторона всегда будет пытаться раздуть данный конфликт до вселенских масштабов, раздавая всевозможные типы обвинений задолго до каких-либо судебных решений. Как правило, и до судебных решений скандальные ситуации доходят редко. Это скорее новостное моделирование ситуации, где недостающие факты и обвинения просто вписываются в целях повышения эффективности воздействия.

Изоляции подвержены как люди, причастные к разрешению ситуации, так и возможные варианты информационных потоков. Так, один из советников Билла Клинтона **Джордж Стефанопулос** вспоминал, как в случае появления первой ласточки в обвинениях Клинтона он пытался сделать из этого новость только одного дня, добивался непоявления информации о пресс-конференции обвиняющей женщины на телеканалах [38].

Изоляция имеет целью постепенную нейтрализацию ситуации (см. рис. 17).

Рис. 17. Цель изоляции

Оппоненты, наоборот, стараются сделать скандал элементом политического процесса, выгодного для них. Скандальная ситуация сразу приобретает существенные символические черты, она отрывается уже от существа ситуации, становясь предметом риторики обвинения власти. Интересно, что все ключевые моменты украин-

ской истории последнего времени остаются в системе символической реальности: убийство Гонгадзе, пленки Мельниченко, отравление Ющенко. Остаются скрытыми основные игроки, мотивы и так далее, одновременно сохраняется острый символизм обвинений.

Привлечение новых сторонников является важной задачей любого общественного движения. Коллективный протест должен все время опираться на организационное ядро участников и сменяемый набор участников. Ядро может быть профессиональным, сменяемый набор начинает удерживаться с помощью иных ресурсов. Это могут быть люди из одного региона, как это было в Грузии и на Украине. Это может быть повтор административной ячейки, как это было в случае Украины, когда на Майдан выходили те или иные подразделения, отпущенные туда начальством.

Другая модель коммуникации используется религиозной сектой при привлечении своих членов. Здесь выделяются следующие три этапа [31]:

- случайное знакомство;
- первая встреча;
- бомба любви.

Эти этапы отражают постоянное увеличение степени связи человека с его окружением в рамках специально конструируемых и удерживаемых коммуникаций. Все эти этапы строятся на подчеркивании значимости «облучаемого» человека, проявлении к нему максимального интереса, уважения и любви.

Как ни странно, но Майдан характеризовался всеми как раз как атмосфера любви. Отсюда можно сделать вывод, что это общая модель вербовки новых сторонников, характерная и для политических движений. Ведь они должны продемонстрировать значимость этого отдельного человека, свое объединение с ним, общую противопоставленность власти.

Политическое противостояние характеризуется резким упрощением ситуации, сведением всего к противоположности «мы» и «они». В случае оранжевой революции «народ» противопоставлялся «бандитской власти». При этом разные кандидаты приписывались к разным полюсам.

Роберт Левин выделяет также ряд ситуаций, когда мы опираемся на резкое упрощение ситуации [31. – С. 141–144]:

- ситуация первая: когда последствия действия не являются существенными;
- ситуация вторая: когда давление ситуации заставляет вас быстро действовать;
- ситуация третья: когда приходится обрабатывать слишком много информации;
- ситуация четвертая: когда вы верите человеку, обращающемуся с просьбой;
- ситуация пятая: когда вас окружает социальное доказательство, одним из примеров чего является повтор поведения окружающих – если все делают это, то и я должен;
- ситуация шестая: когда возрастает уровень неопределенности.

Все эти ситуации одновременно описывают и революционное событие, трансформирующее реальность в ускоренном режиме.

Революция может характеризоваться следующим набором характеристик, отличающим ее от реформ:

- интенсив изменений;
- скорость изменений;
- сопротивление изменениям.

Революция всегда разрешает и порождает новые информационные потоки, которые призваны трансформировать виртуальную реальность под новые потребности. Если индийское кино разрешает свои сюжеты в рамках кинодействительности, то революция строит свою виртуальность так, чтобы разрешение ситуации происходило в реальности (см. рис. 18).

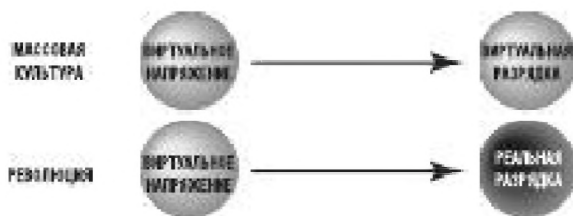

Рис. 18. Виртуальность революции

Статус новостного конструирования реальности резко возрастает в периоды социальных изменений, когда уже сами новости начинают функционировать как события. В период брежневского застоя, наоборот, ритуал начинает заменять динамику развития, поскольку происходит только то, что должно происходить. По степени интенсива изменений можно выстроить следующее соотношение: революция – реформа – застой.

Иосиф Сталин выстраивает правильную виртуальную действительность, под которую затем прямо и непрямо подгоняется реальность. Сталин при этом использует внутренний инструментарий террора. Стандартный террор приходит извне системы, сталинский террор – внутреннего порядка.

Управление стратегическим уровнем (уровнем метаправил) позволяет легко обрабатывать любые новые факты, признавая их либо правильными (то есть соответствующими метаправилу), либо неправильными.

Переход от физического к информационному и далее когнитивному пространству связан каждый раз со своим вариантом информационного механизма. Можно выделить следующие их типы:

- физическое пространство: информационное «прилипание», когда в поле внимания целевой аудитории оказывается нужный тип продукта;
- информационное пространство: информационное удержание;
- когнитивное пространство: информационное встраивание, когда создается нужный вариант идентичности с четким распределением политических акторов на «героев» и «врагов».

В результате мы имеем определенную **гиперболизацию политической реальности**, при которой политически чувствительные элементы становятся более значимыми, другие – уходят на периферию. Само по себе телевидение как особый канал способствует этой трансформации, которая идет по следующим направлениям:

- конкретная яркая картинка, а не сухой текст прессы;
- возрастающая эмоциональность, поскольку происходит передача большого объема невербальной информации;
- усиление противостояния друг / враг;

- усиленное прикрепление зрителя к точке «мы» в отличие от «они».

Такая трансформация соответствует представлениям **Рэджис Дебрея**, считавшего, что материальная передача значений трансформирует их [39]. Транспортировка является трансформацией.

Единственным примечанием к формулировке приоритетности является разграничение обсуждаемых проблем на абстрактные и конкретные. Анализ показал, что зрители отнесли, например, дефицит бюджета и ядерную гонку к абстрактным, тяжело поддающимся визуализации проблемам, в то время как проблемы энергетики и наркотиков относятся к конкретным [40]. Массмедиа имеют хороший потенциал по «раскрутке» конкретных проблем и значительно более слабый по работе с абстрактными проблемами.

Как бы ни изменялось содержание, оно не может терять свои основные целевые функции. При этом можно взять любой из подходов, используемых социальным маркетингом, чтобы увидеть варианты когнитивных трансформаций, происходящих в целевой аудитории. Это в сильной степени связано с совпадающей конечной целью социального маркетинга и избирательных технологий – направленностью на смену поведения [41]. К примеру, выделяется набор рациональных, эмоциональных, моральных и невербальных элементов, которые были очень четкими и во всех цветных революциях.

Модель воздействия строится на следующих основаниях [41. – С. 176]:

- увеличить преимущества вводимого поведения;
- уменьшить барьеры к вводимому поведению;
- уменьшить преимущества конкурирующего поведения;
- увеличить барьеры к конкурирующему поведению.

В случае оранжевой революции главным преимуществом стало «прикрепление» к Европе, точнее, к возможному европейскому уровню жизни, а главным отрицательным барьером – судимости конкурента. Эти характеристики акцентировались более всего. Все это определенного рода виртуальные характеристики. Для того чтобы дойти до целевой аудитории, они максимально насыщались эмоциональностью.

Помимо социального маркетинга для анализа протестных движений особый интерес представляет инструментарий массовой культуры, которая задается как противостоящая культуре высокой, поддерживаемой доминирующим классом. Подчиненные классы могут пользоваться только тем инструментарием, который ему достается от доминирующих классов. **Джон Фиске** констатирует: «Не может быть доминантной поп-культуры, поскольку поп-культура всегда формируется как реакция на, никогда как часть сил доминирования» [42. – С. 43]. Мы также можем констатировать, что однотипно протестное движение формируется как реакция на властные силы: как на то, что сделано ими, так и на то, что ими не сделано.

Дж. Фиске анализирует четыре характеристики народной культуры **Г. Сила**, которые вполне переносимы и на рассматриваемые политические процессы, поскольку и те и другие строятся на противоположности доминирующему классу [42. – С. 172–177]:

- народная культура задает членство в группе для ее членов, часто в оппозиции к другим группам, в политике имеем однотипную ситуацию;
- народная культура передается неформально, часто устно и с помощью примеров, четко не различая получателей и передающих, в политике протеста мы также имеем попытку резкого расширения круга акторов, в толпе все ощущают себя главными;
- народная культура функционирует вне установленных в обществе социальных институтов (церковь, образование, медиа), хотя и может взаимодействовать с ними, протест также вырабатывает свои пути функционирования (для оранжевой революции работающими были в первую очередь Интернет и улица, лишь затем телевидение и газеты);
- нет стандартной версии текста народной культуры, которая существует только как часть процесса, политическая культура протеста также из-за своей устности не имеет значимых и фиксированных вариантов текста.

Это такие маргинальные информационные потоки, которые постепенно начинают носить массовый характер. При этом можно

вспомнить феномен кухонных разговоров советского периода, которые, с одной стороны, резонировали с происходящим, с другой – поддерживались зарубежными голосами, создавая тем самым необходимый уровень достоверности и респектабельности. То есть советская действительность описывалась достаточно альтернативно (см. рис. 19.).

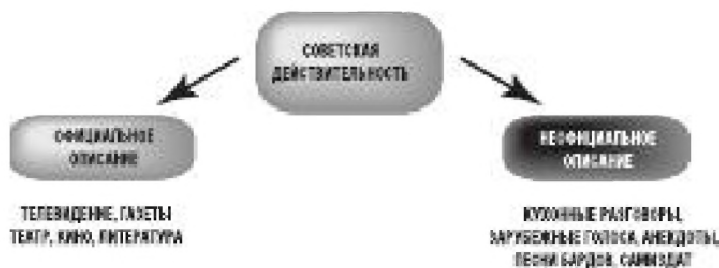

Рис. 19. Описание советской действительности

Каждый из типов фиксации (официальный и неофициальный) удерживал свой тип реальности.

Оранжевая и другие типы цветных революций строятся на выстраивании нового типа идентичности, противоположного доминирующему. При этом кандидат от оппозиции должен добиться своей идентификации с населением, власть же при этом должна быть идентифицирована с несправедливостью (см. рис. 20).

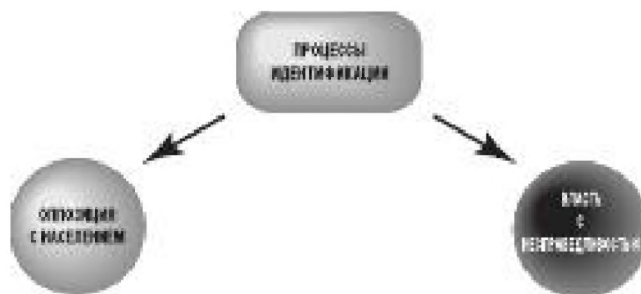

Рис. 20. Идентификация кандидата с населением

В результате оказывается задействованным весь спектр возможных вариантов противопоставлений: моральный – аморальный, справедливый – несправедливый и так далее. Идентифицировав себя с населением, можно строить дальнейшие действия уже от его имени.

Новостное конструирование реальности всегда строится на системе выстраивания доверия. При этом аудитория часто верит не потому, что это правда, а потому, что хочется верить, на чем и строятся резонирующие события. Лозунг «Мир – хижинам, война – дворцам» всегда найдет больше сторонников, чем лозунг противоположной направленности, поскольку людей, живущих в хижинах, всегда и при любой власти будет больше. Виртуальная действительность редко входит в соприкосновение с реальностью. Однако как революция, так и политическая борьба всегда будут строиться на виртуальной реальности, поскольку никакой другой в распоряжении политиков нет.

В том числе в рамках оранжевой революции в Киеве виртуальная реальность нужна была для преодоления ряда ограничений, без разрешения связанных с ними проблем движение вперед было невозможным. Перечислим эти проблемы:

- доминирование власти в телевизионном и газетном пространствах;
- необходимость активировать массовую аудиторию для вывода ее на коллективные акты протеста;
- необходимость блокировать властные силы против применения решительных контрдействий;
- избавить оппозицию от символической сцепки с властью из-за большого числа в ней бывших чиновников самого высокого уровня (премьер, вице-премьеры, министры и так далее);
- потребность привязать украинскую ситуацию к международной телеаудитории и западным властям.

Все эти проблемы в определенной степени оказались связанными друг с другом, так что решение одной из них начинало «вытягивать» другую. Плюс к этому есть серьезная медийная составляющая, которая по сути может выступать в роли заместителя некоторых задач в других областях. Например, телевизион-

ная картинка может передать массовый протест лучше, чем сам этот массовый протест, но без телевизионной картинки. Набор основных и связанных проблем предстает в следующем виде (см. табл. 15).

Таблица 15
Набор основных и связанных проблем

Проблема	Вариант решения	Связанная проблема
1	Переход на Интернет и уличную визуальную символику	2
2	Игра на разрыве между виртуальными ожиданиями и реальным состоянием	3
3	С помощью договоренностей как с Западом, так и оппозицией	5
4	Ребрендинг политических акторов в аспекте невозможности находиться в старой власти	2
5	Вписывание своей ситуации в рамки западного демократического фрейма	3

Массовая аудитория опиралась на невыполненные ожидания, которые базировались на чисто виртуальной реальности знания западного уровня жизни, подобно тому как это имело место в период перестройки, когда однотипное политическое голосование основывалось на экономических ожиданиях.

При этом **важной характеристикой всех цветных революций является полное бездействие власти, поскольку силовые действия оказываются блокированными, а несиловых в арсенале власти практически нет.** По поводу Киргизии Международная кризисная группа пишет: «Быстрота, с которой пало правительство, удивило почти всех, включая лидеров оппозиции, которые заявили, что они готовились к нескольким дням митингов на площади. Если и существовал заранее разработанный план, то они, похоже, не были о нем осведомлены» [43]. Или такое наблюдение из этого же доклада: «Реакция сил правопорядка позволяет предположить, что они знали о том, что подавлять выступления не имело смысла. Некоторые считают, что было достигнуто какое-то неофициальное согла-

шение, но этому нет никаких твердых доказательств». Украинская оппозиция также рассчитывала даже на более быстрое изменение ситуации, чем это произошло в действительности.

Общественное движение пытается использовать весь имеющийся в его распоряжении инструментарий. Это связано с принципиальной слабостью любого движения по отношению к государству. Однако основная сила общественного движения лежит в его асимметричных возможностях, поскольку государственные структуры действуют только предсказуемо и симметрично. Они повторяют те действия, которыми пользовались до этого. Асимметричность увеличивает потенциал общественного движения, делая из него настоящего актора на политической сцене.

НЕНАСИЛЬСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ ПРОТЕСТА: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

СТРАТЕГИЯ НЕНАСИЛЬСТВЕННОЙ БОРЬБЫ

Методы Джина Шарпа

СТРАТЕГИЯ ПОСТОЯННО строится на расширении своего пространства действия, что в ответ создает возможности для соответствующего расширения пространства противодействия. Расширение пространства действия характерно не только для военных действий, но и для бизнеса, который постоянно направлен на поиск новых ниш, не занятых до этого никем.

Рис. 21. Стратегия политической борьбы

Но эти же процессы протекают и в области политической борьбы (см. рис. 21), которая также вынуждена находиться постоянно в новом формате, поскольку использование старых методов уже не работает.

Стратегия выступает в роли определенного «системного лифта», поскольку моделирует скоростной переход к новому состоянию, что особенно характерно для таких явлений, как путч или революция. Ситуация в Грузии повторила ситуацию в Югославии, действуя теми же методами, исходно полученными от **Джина Шарпа**, представители которого обучали югославских добровольцев в Болгарии и Венгрии, а они уже обучили грузинских. Грузинское телевидение дважды показало фильм о югославских событиях с 1 по 10 ноября, как сообщила газета Washington Post [1]. При этом Джин Шарп, являющийся подлинным автором этих подходов, даже не упомянут в этой статье.

Сам Шарп придает очень большое значение стратегии и стратегическому планированию. «Стратегическое планирование повышает вероятность того, что будут мобилизованы и эффективно использованы все ресурсы. [...] «Планировать стратегию» – означает рассчитать последовательность действий, которые с большой вероятностью приведут от существующего положения к желаемому положению в будущем» [2]. Это в достаточной степени общие слова, но они опираются на вполне конкретные и детальные построения, например, этот исследователь подчеркивает, что стратегия должна дать ответы на большое число фундаментальных вопросов.

- Какие основные препятствия стоят на пути свободы?
- Какие факторы будут способствовать достижению свободы?
- На какие основные силы опирается диктатура?
- Какие слабости имеет диктатура?
- Насколько уязвимы источники силы диктатуры?
- Какие силы на стороне демократии и основного населения?
- Какие слабости имеются у демократических сил и основного населения и как они могут быть преодолены?
- Каков статус сторон, непосредственно не вовлеченных в конфликт, кто оказывает помощь или может ее оказать как диктатуре, так и демократическому движению, а также какими способами?

Уже этот набор вопросов максимальным образом «заземляет» выработку необходимой для достижения заданных целей стратегии. Это один из самых последних, причем не теоретических, а

вполне прикладных подходов, особенно интересных тем, что в одном из интервью Джин Шарп говорил, что его методология использовалась польской «Солидарностью», а также в период выхода стран Прибалтики из СССР. Теперь к этим примерам можно добавлять Югославию и Грузию. Нам также встретилось упоминание в этой связи о Венесуэле, но этот пример является одним из тех редких вариантов, где методология Шарпа не прошла.

При этом интересно замечание **Брайана Мартина**, который говорит об определенном непризнании идей Шарпа среди научной общественности [3]. То есть у него есть максимум прикладных результатов, в то же время наука от него отворачивается. Кстати, внимание к идеям Шарпа стало возникать в контексте выстраивания гражданской обороны против военной силы, что стало актуальным после 1968 года, когда советские войска вошли в Чехословакию и всем стало ясно, что чисто военными методами их не остановить. Как результат стали искать методы гражданские, выйдя на данный вариант ненасильственных действий.

В своей последней книге, изданной в 2003 году, Джин Шарп говорит о политическом джигу-джитсу, когда против оппонента, работающего исключительно в сфере насильственных санкций, применяются ненасильственные действия, чем создается особая, асимметричная, конфликтная ситуация [4. – С. 10]. Термин «большая стратегия» (*grand strategy*) он употребляет по отношению к концепции, которая координирует все возможные ресурсы (экономические, моральные, политические, организационные и так далее) нации или группы для достижения своих целей в конфликте [4. – С. 20]. Этот тип стратегии задает рамки для выбора более ограниченных стратегий по ведению борьбы. В стратегию также попадает развитие такой стратегической ситуации, которая может привести к успеху без открытого столкновения. «Тактикой является ограниченный план действий, основанный на концепции того, как наилучшим образом использовать имеющиеся средства борьбы для достижения конкретных целей в рамках большей стратегии» [4. – С. 21].

В целом стратегия Шарпа во многом напоминает стратегии политической борьбы, когда оппонента пытаются вытолкнуть в ту

сферу, где он менее всего подготовлен, где он реально слабее. Более того, сознательно создаются ситуации, призванные продемонстрировать его слабость для широкой аудитории. Можем построить следующую схему (см. рис. 22).

СИЛЬНАЯ СТОРОНА ИГРОКА А	СЛАБАЯ СТОРОНА ИГРОКА А
СИЛЬНАЯ СТОРОНА ИГРОКА Б	СЛАБАЯ СТОРОНА ИГРОКА Б

Рис. 22. Стратегии политической борьбы по Джину Шарпу

Тогда каждый из игроков пытается вытащить конфликт (дебаты и так далее) в тот квадрат, где его противник не является сильным.

Однотипную ситуацию мы имеем с ненасильственными методологиями Шарпа, в рамках которых игрок-государство, являющийся сильным в области насильственных действий, выталкивается в поле, где он не является сильным – поле ненасильственных действий. Армия может хорошо действовать против симметричного ей противника, но уже слабо действует против партизан, что, среди прочего, демонстрирует и война в Чечне. Милиция / полиция может активно противодействовать вооруженному противнику, но уже менее адекватна против мирной толпы. По сути метод Шарпа движется в поле психологического воздействия, активно разрабатываемого сегодня военными, особенно после 11 сентября.

Сегодня попытки воздействовать на население Германии и Японии путем бомбардировок, чтобы заставить их отказаться от поддержки своих режимов, получили неоднозначную оценку. Так, **Д. Чизхольм** считает, что незападный противник не ставит во главу угла индивидуальную личность, как это делает Запад [5]. Отсюда следует то, что Запад понимает как иррациональность то, что на самом деле коренится в систематике коллективной психологии азиатских стран. Все это требует порождения новых подходов и новых исследований именно в сфере азиатского менталитета.

Метод Шарпа строится на четком учете сильных и слабых сторон как со стороны власти, так и со стороны оппозиции. Его определение стратегии звучит следующим образом: «Стратегия представляет собой концепцию того, как наилучшим образом достичь своих целей в конфликте (насильственном и ненасильственном). Стратегия касается того, стоит ли, когда и как бороться, как достичь максимальной эффективности в достижении определенных целей. Стратегия является планом практического распределения, адаптации и применения имеющихся средств для достижения желаемых целей» [4. – С. 21]. Сам этот подход, как видим, насквозь практичен и не требует лишней теоретизации, которая часто присутствует даже в военных разработках.

Джин Шарп требует, чтобы планирование было таким, чтобы все действия основывались только на собственных силах. Это он считает основным принципом. И это понятно, поскольку приход союзников может принципиально усилить ситуацию, однако их уход может полностью ее разрушить.

Сама схема действий в этом направлении строится на следующих пяти фазах:

- фаза первая – исходная оценка и анализ;
- фаза вторая – разработка стратегии;
- фаза третья – выстраивание возможностей;
- фаза четвертая – открытая борьба;
- фаза пятая – завершение конфликта.

Исходный анализ должен определить силы и слабости обеих сторон конфликта, что дает возможность определить, какие именно источники власти оппонента должны быть ослаблены и удалены. При этом часто возникает термин «столбы поддержки». Особое внимание также уделяется третьим участникам конфликта и их ролям при их политике невмешательства. Все это дает возможность определить благоприятные и неблагоприятные факторы, понять, какие из них являются постоянными, а какие переменными.

При разработке стратегии цели борьбы должны формулироваться ясно и понятно. Можно ли достичь результата в рамках одной кампании или их должно быть несколько со своими подцеля-

ми? Стратегический план должен соответствовать целям, типам воздействия, избранной тактике и методам.

На третьем этапе следует определить, соответствует ли избранная стратегия возможностям населения. В противном случае следует либо менять стратегию, либо усилить возможности населения. Следует планировать помощь третьей стороны, но никогда нельзя полагаться на эту помощь.

В фазе открытого противостояния следует удерживать противника в неустойчивом состоянии. Следует действовать самим, а не реагировать на действия властей. Тут, кстати, на первое место выходит всегда более гибкое управление и динамичность действий со стороны протестующих, чем со стороны власти, которая из-за своей приверженности иерархической структуре управления всегда будет запаздывать.

На завершающем этапе происходит оценка происшедшего, достигнута ли победа или нанесено поражение, или результат носит смешанный характер.

Можно также привести в качестве примера последние варианты ненасильственных действий из списка Шарпа [4]:

Политическая интервенция

193. Перегрузка административной системы.

194. Раскрытие личностей тайных агентов.

195. Добиваться заключения под стражу.

196. Гражданское неповиновение «нейтральным» законам.

197. Работа без сотрудничества.

198. Двойной суверенитет и параллельное управление.

Кстати, сначала у Шарпа было только 25 вариантов ненасильственных действий, потом после работы в Норвегии, где ему рассказали о вариантах противодействия нацистам, он имел уже 65 вариантов. Сегодня их уже 198.

Источники политической силы, против которых направлены эти методы, состоят, по мнению Шарпа, в следующем:

- **авторитет** (легитимность);
- **человеческие ресурсы**, люди, которые подчиняются, сотрудничают с властью;
- **умения и знания**, в которых нуждается режим и которые предоставляются ему отдельными лицами и группами;

- **невидимые факторы**, психологические и идеологические, которые заставляют людей подчиняться;
- **материальные ресурсы**, включающие контроль и допуск к собственности, естественным и финансовым ресурсам, экономической системе, средствам коммуникации;
- **санкции** как угрожаемые или применяемые наказания для достижения сотрудничества.

Все это направлено на то, чтобы создать массовое непослушание, которое в свою очередь потребует огромных ресурсов для наведения порядка. Кстати, Эдуард Шеварднадзе в своих многочисленных интервью постоянно подчеркивает, что он не смог пойти на применение силы.

Ненасильственные действия в случае достижения успеха ведут к четырем видам последствий:

- трансформация;
- компромисс;
- ненасильственное принуждение (капитуляция);
- дезинтеграция (распад режима).

Отдельной проблемой при этом становится преодоление страха, поскольку власть обладает силой, способной изменить ситуацию. Исходной сентенцией, которая задает как эту сферу, так и весь этот подход, является следующее: ненасильственные действия не имеют ничего общего с пассивностью. То есть это такая же активная деятельность, только в иной области.

Стратегия полковника Хелви

Полковник **Роберт Хелви**, который лично обучал методам Шарпа во многих странах, включая Югославию и Венесуэлу (о его работе в Венесуэле говорит сам автор методики в своем интервью [6]). И мнение Роберта Хелви еще более практично, чем теория Шарпа, поскольку он непосредственно работал во многих странах, обучая данной методологии борьбы. Например, в Будапеште он обучал представителей «Отпора» [7]. Роберт Хелви – военный, поэтому в его голове совмещены два варианта борьбы – насильственная и ненасильственная.

Хелви был поражен первой фразой Шарпа, которой тот начал свой семинар в Бирме, где Хелви был военным атташе: «Стратегиче-

ская ненасильственная борьба построена на политической силе. Как захватить политическую силу и как не допустить к ней других» [8]. Шарп, кстати, также упоминает о том, что его лучше понимают военные, чем ученые. И сама книга «От диктаторства к демократии» была написана специально для Бирмы. Кстати, там как раз не было успеха, как говорит сам исследователь [9].

Полковник Хелви работал в Бирме с международным республиканским институтом, затем его «призвали» провести семинары с лидерами «Отпора», работавшими против Слободана Милошевича. Хелви обсуждал в своих семинарах плюралистические основы власти, источники власти, объясняющие, почему люди подчиняются власти, хотя она им не нравится. Даже просто привычка входит в этот список.

Именно представителям «Отпора» Хелви в первую очередь объяснял понятие «столбов поддержки», на которых зиждется власть. Определив их уязвимость, можно строить сообщения для воздействия на целевую аудиторию, чтобы изменить их отношение к власти и оппозиции (Хелви при этом предпочитает старый испытанный термин «пропаганда», которому уделяет достаточно внимания и в своей последней книге [10]).

Особое внимание при этом уделяется студенчеству. Как можно понять, первый такой опыт был в Бирме в 1988 году, где именно студенты стали первым таким институтом общества, который был мобилизован раньше других. Практически вся история XX века демонстрирует особую роль студенчества. Украинские студенты также с помощью голодовки в центре Киева добивались и в результате добились отставки правительства.

Хелви подчеркивает однотипность принципов войны как в военных действиях, так и в ненасильственной борьбе. Разницей является символический характер протестов, которые шлют сообщение о неудовлетворенности нынешним состоянием дел. Самым же главным оружием становится несотрудничество с властью.

Отдельной проблемой становится борьба со страхом. Акцент на этой проблеме выдает серьезные практические основы Хелви. Страх приходит инстинктивно, поэтому его тяжело контролировать. Методы Хелви направлены на то, чтобы человек никогда не оказывался один [10].

Нам представляется, что все эти методики направлены на то, чтобы создать вариант деятельности, замещающей страх. Можно построить целую таблицу таких действий, выводя ее из рассуждений Хелви (см. табл. 16).

Таблица 16
Деятельность, замещающая страх

Плохо	Хорошо
Человек один	Человек в толпе, касается других
Человек слышит звуки врага	Человек слышит звуки демонстрации
Флаг впереди не виден в задних рядах	Человек видит флаги повсюду
Человек думает о себе	Человек думает о других (один следит за правильностью ряда, другой отвечает за медпомощь, третий – за воду)
Человек не тренирован	Человек прошел тренировки

Символический характер демонстрации становится подлинной угрозой, когда в демонстрации принимают участие десятки тысяч людей. Это не только демонстрация недовольства или силы, что само по себе весьма важно. Это реализация права на альтернативное поведение, которого власть старается не предоставлять. Диссиденты всегда трактуются властью как маргиналы, что, вероятно, является для нее единственным способом занижения реальных оценок. Власть всегда усиливает себя и занижает своих оппонентов. Но, собственно говоря, однотипно поступает и оппозиция. И это связано не столько с рациональным выбором поведения, сколько приверженностью разным парадигмам, каждая из которых имеет свои собственные приоритеты. Герои и враги всегда будут находиться по разную сторону баррикад. Только герои с одной стороны становятся врагами на другой, и наоборот.

Джин Шарп подчеркивает, что харизматические лидеры во главе ненасильственных движений достаточно редки [7]. Например, это были Махатма Ганди и Мартин Лютер Кинг. Более того, Шарп считает, что харизматики даже опасны на позициях лидеров, поскольку они недостаточно разумны в плане действий и их призы-

вы к тому или иному типу поведения могут быть ошибочными. Их арест может вовсе остановить развитие ситуации.

Попытаемся суммировать характерные черты ненасильственной методологии Шарпа. Она постоянно модифицируется и получает серьезную подпитку в виде новых применений, что говорит о ее существенной жизнестойкости. Ее также можно объединить на определенном уровне обобщения с терроризмом, поскольку и тот и другой подходы выступают как действия малой силы против большой, только методы используются разные – насильственные в одном случае и ненасильственные в другом (см. рис. 23).

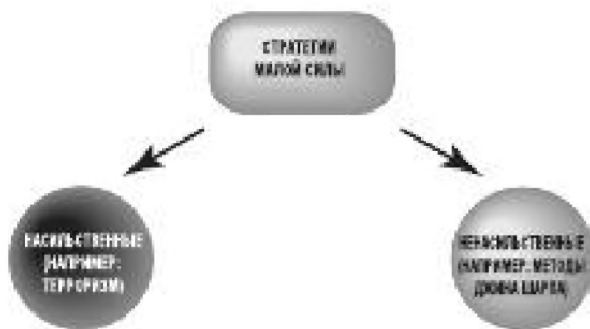

Рис. 23. Стратегии малой силы

Кстати, и в том и другом случае идет речь об определенной «приватизации» общественного ресурса. Террористов можно трактовать наравне со СМИ – они направлены на приватизацию общественного внимания, хотя применяют для этого метод насилия, чем обеспечивают себе автоматическое освещение.

Ненасильственный метод Шарпа разворачивается также в области «приватизации» общественных ресурсов. Если проанализировать направление его главного удара, то он также направлен на нематериальные ресурсы, поскольку материальные ресурсы находятся у государства и к ним сложнее подобраться. В этом разрезе метод движется по следующей схеме:

- **поиск нематериальных ресурсов** (pillars of support в его терминологии);

- **делание их материальными** (для того чтобы ими можно было манипулировать);
- **«приватизация» нематериальных ресурсов** (если это невозможно, то ресурсы создаются самостоятельно для последующей их приватизации, например, создание параллельных органов власти).

Приведем некоторые примеры. Призыв к созданию параллельных органов власти был реализован розовой революцией в Грузии. Многотысячные демонстрации – это также материализация ресурса неудовлетворенности, который до этого существует исключительно в латентной форме. Особенно интересны варианты использования этого инструментария в Югославии, где вообще был задействован как бы несуществующий до этого ресурс. Для того чтобы доказать Слободану Милошевичу неправильность подсчета голосов, после выборов были задействованы: забастовка мусорщиков, забастовка транспортников, забастовка владельцев магазинов и аптек. Этот ресурс давления на власть в принципе не существовал, был создан и успешно использован. То есть речь идет вообще о создании собственного ресурса. Вспоминая забастовку водителей в Киеве в 90-е годы, когда передвижение по городу занимало часы, а люди все равно шли на работу, можно представить себе все это достаточно наглядно. В результате за руль потом садились армейские водители, не знавшие города, что также сохраняло тревожный характер ситуации.

Но у ситуации с забастовкой водителей были принципиальные отличия. Она была опасной для власти, но одновременно в ней были блокированы возможные последствия по следующим направлениям – во-первых, она не несла политических требований, во-вторых, была локальной, не поддерживалась другими отраслями, в-третьих, не имела международной поддержки. В Югославии был классический вариант давления, отработанный еще по давлению на гитлеровскую Германию путем бомбардировок гражданского населения, чтобы создать ситуацию неповиновения. Это введение в стрессовую ситуацию для получения прогнозируемых последствий.

Вернувшись к международному аспекту, в нем можно выделить следующие составляющие, общие для многих ситуаций подобного рода:

- обязательность международного давления (один из примеров – Грузия, когда с Шеварднадзе говорили все из-за рубежа, отрицая за ним право на силовое разрешение конфликта);
- обязательная виртуализация конфликта по модели «народ против диктатора» в международных СМИ;
- обучение и поддержка протестующих извне.

В целом методология движется по одной схеме: **поскольку материальные ресурсы охраняются государством, делается попытка забрать нематериальные.** Кстати, по этой причине эксплуатируется поле морального свойства, отсюда типичные лозунги о несправедливости, нечестности и так далее. Выгодность этих лозунгов состоит еще и в том, что они срабатывают всегда, являясь не столько доказательствами, сколько типичными обвинениями против власти, которые невозможно проверить толпе. Ориентация на массы является очень характерной особенностью этого подхода, в отличие от, например, путча, который, по **Эдварду Луттваку**, имеет следующие черты: нет массового участия и нет политической ориентации [11].

Эта материализация виртуального с последующей ее приватизацией говорит о возрастании роли виртуального в современной жизни. Причем данные виды техники будут иметь продолжение и в других областях. Собственно говоря, практически таким же образом работают избирательные технологии, которые благодаря управлению информационной повестки дня могут менять реальные приоритеты на те, которые выгодны для коммуникатора.

ВАРИАНТЫ РЕАЛИЗАЦИИ НЕНАСИЛЬСТВЕННЫХ СТРАТЕГИЙ

Н

Применение ненасильственных методов

НЕНАСИЛЬСТВЕННЫЕ СТРАТЕГИИ наиболее ярко иллюстрируют возможности расширения поля возможного действия. Часто они сами создают это поле, которого до этого не было вообще, и втягивают в него власть. Это удается делать, поскольку активность, скорость принятия решений, гибкость всегда оказываются не у власти. Происходит постоянное порождение новых задач, которые в скором времени оказываются невыполнимыми для власти. Она все время пытается перейти к насильственному разрешению конфликта, что является нарушением принятых правил игры. По сути это стратегия хаоса [1]. Однако таковой она является только для одной стороны – власти. Другая сторона находится в ситуации планового развития событий, кстати, именно по этой причине Джин Шарп придает особое значение стратегии и стратегическому планированию. Методология удерживает порядок в этом беспорядке, но только для одной стороны.

Следует также отметить, что были как положительные результаты от применения данной методологии, так и отрицательные, о которых ее авторы говорят не столь активно (см. табл. 17).

Таблица 17
Применение ненасильственных методов

Положительные примеры	Отрицательные примеры
Югославия	Бирма
Грузия	Венесуэла

Кстати, и те и другие примеры касаются страны, небольшой по размерам, где любая информация может распространяться очень быстро, даже вне работы СМИ. И второй объединяющей их особенностью является «южный» тип ментальности, где реагирование на ситуации происходит скорее, более импульсивно. Рассмотрим подробнее примеры неудавшегося применения стратегии.

Бирма

Бирма вошла в массовые протесты в 1988 году, прошла через несколько сменяющих друг друга военных режимов и до сегодняшнего дня продолжает оставаться под властью военных. При этом в этой стране войска применили огонь против демонстрантов, что говорит о более серьезной роли военных, что затем проявилось в череде военных режимов.

По Бирме можно проследить следующую хронологию событий:

- массовые демонстрации, длившиеся около пяти месяцев, и уход военного диктатора Не Вина (23 июля 1988 года);
- приход к власти нового генерала, введение военного положения, арест критиков режима, начало студенческих протестов (первый митинг состоял из 200 человек), затем к нему присоединились другие (Guardian. – 1988. – August 4);
- 30 тысяч человек митинговали в Рангуне, требуя возврата к демократии, в регионах демонстрации закончились выстрелами, сумма погибших за пять месяцев достигла 200 человек (Guardian. – 1988. – August 9);

- на второй день демонстрации прошли в 26 городах, в них участвовали 10 тыс. манифестантов, среди которых были семьи с детьми, протестующие были встречены огнем в Рангуне, а также в других городах (Guardian. – 1988. – August 10);
- сообщается о том, что вчера армия 15 раз открывала огонь по демонстрантам, 33 человека убито и 59 ранено в одном Рангуне, США закрыли свое посольство (Guardian. – 1988. – August 11);
- после 18 дней правления генерал уходит в отставку (Guardian. – 1988. – August 13);
- вводится новое военное правление (Guardian. – 1988. – September 19).

Военные, по их мнению, спасают страну от дезинтеграции. При этом самым главным элементом, выступающим против них, были студенты. Такой исход событий, вероятно, связан с более серьезной ролью военных в этой стране, которых нельзя считать просто реакционной силой. Они по-своему спасают свою же страну, хотя при этом испытывают серьезное давление, в том числе и от стран АСЕАН. В целом навязанная стране стратегия студенческих протестов не только не привела к переходу к демократии, а наоборот, затормозила этот переход, что связано с недостаточным учетом роли военных.

Венесуэла

Хуго Чавес «раздражал» США тем, что поддерживал отношения с Кубой и Ливией, был первым главой государства, посетившим Саддама Хусейна после войны в Персидском заливе. Чавес с помощью референдума изменил конституцию и продлил свое правление до 2006 года. У Чавеса была не только левая риторика, но и контроль над нефтью, что для США, которые очень чувствительны к своей энергетической безопасности, является достаточно болезненным.

11 апреля 2001 года его смещает военный путч, организованный военными, бизнес-элитой и топ-менеджерами государственной нефтяной компании Petroleos de Venezuela (Pdvs), которую он до этого подверг реформированию, что вызвало в ответ забастовку. За время своего правления президент принял ряд законов,

включая земельный, которые в течение 24 часов после путча были аннулированы.

Моделью перехода к смещению стали массовые забастовки, возглавляемые в том числе и профсоюзами, которые затем завершились путчем.

Али Родригес, генеральный секретарь ОПЕК, сам родом из Венесуэлы, позвонил Чавесу и предупредил его о готовящемся путче (Guardian. – 2002. – May 13). То есть, как это ни парадоксально, даже знание не спасло Чавеса, но дало возможность подготовиться по-иному, что вскрылось значительно позднее. Хуго попал в свой «Форос», с ним был также и лидер его партии в национальной ассамблее. Однако затем Педро Кармоне, провозгласивший себя президентом, через два дня без единого выстрела отдал власть обратно Чавесу.

Загадка объяснилась тем, что парашютно-десантная дивизия была размещена в секретных коридорах президентского дворца. Лидер партии позвонил Кармоне, лидеру ассоциации бизнесменов Fedecameras, сообщив ему, что тот является таким же заложником, что и сам Чавес. Педро Кармоне дали 24 часа для того, чтобы тот вернул живым и невредимым президента, причем дворец в этот момент был окружен демонстрантами, выступающими за Чавеса. Бывший американский офицер разведки сообщил «Гардиан», что разработка планов путча заняла год. Путч стал насущной необходимостью, когда 8 и 9 апреля Ирак и Ливия вместе с Венесуэлой заявили о своих намерениях ввести нефтяное эмбарго.

В данном случае спасительным для Чавеса стало предупреждение генерального секретаря ОПЕК о готовящемся со стороны США перевороте, что позволило ему укрепить оборону дворца, что дало возможность захватить его нового правителя.

Базой недовольства стало то, что улучшения жизни населения, обещанного Чавесом при его возвращении, не произошло, уровень его популярности в результате упал с 80 до 30%. При этом он также вступил в конфликт с бизнес-элитой, особенно нефтяной. Его действия, несомненно, противоречили интересам США не только в рамках ОПЕК, но и в своей стране, поскольку он хотел удвоить поступления от американских нефтяных компаний, работавших в Венесуэле.

Хронология события была такова [2]):

- 11 апреля 2002 года протестующие пошли к зданию нефтяной компании;
- в ходе движения их развернули к президентскому дворцу, где обычно собирались сторонники Чавеса, произошло столкновение, несколько человек были убиты;
- после выступления президента с обращением на телеэкранах появились оппозиционные политики, призвавшие вооруженные силы отстранить Чавеса;
- было объявлено об отставке Чавеса и новом президенте переходного правительства Педро Кармоне;
- были закрыты национальная ассамблея, верховный суд и другие институции;
- 12 апреля генеральный прокурор заявил, что это нарушение конституции, и президент не уходил в отставку;
- силы безопасности начали аресты мэров и губернаторов, связанных с Чавесом;
- 12 апреля Чавес был задержан и в течение последующих 38 часов перевозился в разные места;
- США признали свершившееся законным, чего не сделали некоторые страны (например, Мексика и Аргентина);
- начались массовые митинги в поддержку Чавеса во многих городах Венесуэлы;
- отсутствие поддержки привело к тому, что военные отказались от своих намерений.

Интересно, что официальная версия звучала так: снайперы Чавеса убили 13 человек и ранили более ста. Президент запросил убежище на Кубе, но ему не дали уйти (Guardian. – 2002. – April 13). Командующий Веласко произнес по телевидению красивые слова, которые наверняка могли бы попасть в учебники истории, если бы события шли по запланированному сценарию: «Мы просим у народа Венесуэлы прощения за сегодняшние события. Мистер президент, я был предан вам до конца, но сегодняшние смерти нельзя простить» (Guardian. – 2002. – April 12).

До апреля шла шестимесячная кампания протестов, связанная со сменой менеджмента государственной нефтяной компании

(Guardian. – 2002. – April 10). Чавес в апреле уволил ряд руководителей со словами: «Не будет ни переговоров, ни разговоров, мы уже достаточно наговорились» (Guardian. – 2002. – April 8). Эти движения важны, поскольку Венесуэла стоит на четвертом месте в мире по экспорту нефти.

Следует также не забыть об особой роли телевидения в этой ситуации, поскольку оно сообщило о якобы добровольной отставке, что было частью плана по смещению. Телевидение находилось в руках противников Чавеса.

В январе уже 2003 года в Венесуэлу прилетал бывший президент США **Джимми Картер** с предложением провести референдум, который при неблагоприятном голосовании привел бы к отставке Чавеса (Guardian. – 2003. – January 22).

О неудавшемся перевороте был создан фильм, который был показан не только в Венесуэле, но и в Великобритании, Ирландии и других европейских странах (Guardian. – 2003. – November 22). Соответственно, предлагаемая в фильме версия событий отличается от той, которая демонстрировалась телевидением в апреле 2002-го. В самом Каракасе было показано шестиминутное видео, снятое в июне и демонстрировавшее вмешательство ЦРУ во внутренние дела, что было опровергнуто посольством США (Guardian. – 2003. – October 23).

Есть определенные объективные причины, стимулирующие такие активные действия. **Эдвард Луттвак** видит следующие возможные факторы ослабления системы современных государств, облегчающих проведение путча [11. – С. 63]:

- серьезный и продолжительный экономический кризис с большим объемом безработицы и высокой инфляцией;
- долгая и неуспешная война или серьезное поражение, военное или дипломатическое;
- хроническая нестабильность при многопартийной системе.

Аренд Лейпхарт оценивает два параметра с точки зрения их возможного влияния на продвижение к демократии [3]:

- уровень экономического развития;
- степень интенсивности противоречий между разными сегментами общества.

Во втором случае речь идет о возможности создания большой коалиции сегментов общества.

Югославия и Грузия

Югославия и Грузия строились на обратном – на невозможности сотрудничества. Временем для акцентуации этого был избран поствыборный период, результаты которого признавались недействительными. Решением была «приватизация» определенных нематериальных ресурсов одной политической силой, которая была представлена как самая активная оппозиция.

«Седой лис» Шеварднадзе был исходно плох, но для негрузинского общества об этом говорил скорее **Игорь Гиоргадзе**, которого как раз не допускают к выборам. Шеварднадзе обладал своим ресурсом внутреннего свойства. Ресурс оппозиции «подпитывался» извне, что также понятно, поскольку внутренние ресурсы были «приватизированы» исключительно президентом. Столкновение этих двух ресурсов привело к исчерпанности ресурса Шеварднадзе, поскольку активная часть населения оказалась не на его стороне. **Михаил Саакашвили** в интервью киевскому «Пятому каналу» (14 декабря 2003 года) подчеркнул, что Шеварднадзе не мог отдать приказ на применение силы, поскольку его уже никто не слушал. Он перечислил ряд моментов, отражающих невозможность управления с его стороны:

- охрана отказалась охранять;
- контрразведка отключила все телефоны и слушала мобильную связь;
- команда персонального вертолета не подчинилась;
- аэропорт был заблокирован;
- вокруг дворца стояла многотысячная толпа противников Шеварднадзе.

В интервью «Итогам» (9 декабря 2003 года) Михаил Саакашвили говорит о том, что первые выступления против начались осенью 2001 года, когда Шеварднадзе пытался закрыть телеканал «Рустави-2». Саакашвили также утверждает, что Шеварднадзе не только отдал приказ о выведении на улицы армейской техники и об аресте оппозиционных лидеров, но и о его физическом устранении.

Эдуард Шеварднадзе в своем интервью говорит о демократичности информационного пространства Грузии: «Теперь просто невозможно закрыть какой-то телеканал или газету: вы посмотрите, как меня все последние годы ругали в газетах, разве это не демократия?» («Итоги», 9 декабря 2003 года).

Саакашвили и сегодня ощущает определенную опасность от свергнутого президента, поскольку подчеркивает в интервью «Итогам», что хотел бы, чтобы Шеварднадзе уехал куда-нибудь читать лекции.

Несколько иную интерпретацию свержения демонстрирует Аджария. Аджарские женщины стояли перед парламентом, сторонники Саакашвили – перед канцелярией. **Майя Бурчуладзе** из Аджарии рассказывает: «Если бы мы туда не пришли, вряд ли все закончилось бы так мирно. Саакашвили набрал молодых парней из сел, понимаете? Он сказал, что это его сторонники. А это были его головорезы. Кто знает, что они сделали бы с Шеварднадзе, если бы не аджарцы. Нас было несколько тысяч, и мы сказали им, что не допустим кровопролития» («Власть», 8–14 декабря 2003 года).

Ресурс оппозиции, реально финансируемой извне, поскольку по-другому он бы действительно не мог быть ресурсом, состоял из следующего:

- телекомпания «Рустави-2»;
- молодежное движение «Кмара» (слово в переводе означает «Хватит»);
- обученные организаторы протестов.

Плюс на Шеварднадзе осуществлялось активное международное давление, что также очень важно, поскольку в этом случае включается в действие еще один очень важный фактор – жизнь свергаемого лидера после его ухода. Такие переговоры обычно предоставляют или гарантии его существования в новой среде, или новое место пребывания, если лидер стремится к этому.

«Независимая газета» (8 декабря 2003 года) включила в число факторов армянское лобби в США, а Шеварднадзе постоянно упоминает Джорджа Сороса, что позволило «Итогам» назвать свою статью о нем «Распутин эпохи глобализации» [12]. Автор статьи перечисляет попытки удалить Фонд Сороса в Югославии и Хорва-

тии, а также реализованное такое решение в Белоруссии. Канадская газета «Globe and Mail» говорит о 500 тыс. долларов для движения «Кмара», которая с апреля начала визуальную кампанию против Шеварднадзе в виде постеров и граффити [4]. «Рустави-2» получала деньги от Сороса с 1995 года.

Во всех этих случаях действие и противодействие разворачиваются в ряде плоскостей:

- контролируемое / неконтролируемое внутреннее информационное пространство;
- контролируемое / неконтролируемое международное информационное пространство;
- контролируемое / неконтролируемое внутреннее политическое пространство, то есть в данном случае пространство улицы;
- контролируемое / неконтролируемое внешнеполитическое пространство.

Подведение итогов

Грузия, Югославия, Венесуэла демонстрируют, что информационное пространство (как внешнее, так и внутреннее) является важным элементом воздействия. Оно направлено на разрушение единства (реального или виртуального). Сегодня исследователи отмечают, что однопартийная система в нестабильном обществе является важной цементирующей силой. Так и информационное пространство может быть стабилизирующей или дестабилизирующей силой. По поводу Венесуэлы исследователи пишут: «Массмедиа, в частности телевидение, стали главным инструментом военного переворота [...] Массмедиа запустили систематическую кампанию, направленную на то, чтобы разрушать правительство Чавеса, предоставляя предубежденную информацию» [2]. Здесь мы снова видим пример того, что глобализация сделала информационное пространство участником политических и других действий.

Прозвучал также анализ освещения событий в Венесуэле разными массмедиа [5]. Корреспондент Би-би-си действительно снимал в июне демонстрацию из 100 тыс. человек против Чавеса, однако он также снял демонстрацию в 200 тыс. поддерживающих его

людей. Об этом последнем событии американские газеты не рассказали. Снимая протестующих и поддерживающих, **Грег Паласт** подчеркивает, что против были богатые белые, за – 80% жителей другого цвета кожи, для которых Чавес является их Нельсоном Манделой. Отречение от власти Чавеса было фиктивным, под дулами пистолетов его увезли на вертолете. И только благодаря одному из охранников, который дал ему мобильный телефон, ему удалось связаться с друзьями и семьей.

Если посмотреть на разрешенность / неразрешенность появления сообщений с антинаправленностью в истории СССР в разных сферах, то видна понятная динамика (см. табл. 18).

Таблица 18

Разрешенность / неразрешенность появления сообщений с антинаправленностью в СССР

Правление / Инфосфера	Личная	Официальная	Публичная
Иосиф Сталин	–	–	–
Никита Хрущев	+	–	–
Михаил Горбачев	+	+	+

Постсоветское пространство разрешает критичность, вплоть до обвинений в любых преступлениях (X – коррупционер, Y – казнокрад, Z – убийца), но эта критичность сегодня практически не имеет силы, поскольку задано негативное пространство, которое рассматривается как норма.

Эдуард Шеварднадзе назвал Украину второй страной после Югославии, где было создано движение, аналогичное «Отпору» и «Кмаре» (ИТАР-ТАСС, 1 декабря 2003 года). Николай Ковалев, экс-директор ФСБ России, говорит о лагерях в Сербии в 70 километрах от Белграда, где шла подготовка, в том числе полгода находился там и Михаил Саакашвили. В числе других работе с улицей учились представители Украины, Молдавии, Армении, Азербайджана [6]. Затем уже сербские активисты провели трехдневный семинар в Грузии, где обучили тысячу человек (www.day.az). Кстати, по стандартам американских военных, 30 человек, выполняющих разные функции, могут управлять толпой в 10 тыс. человек. Если ухудшить эти

условия до ста человек на 10 тысяч, то подготовленных людей хватило бы на стотысячную демонстрацию.

О направленности обучения говорит реплика самого Шеварднадзе: «Вы знаете, что они говорили народу накануне моей отставки? Не подчиняться, остановить железную дорогу, предприятия, не ходить в школы, в институты» («Известия», 4 декабря 2003 года). Кстати, это сходно с демонстрациями в Бирме, где руководители отпускали своих работников на демонстрации. И с Югославией, где шли последовательно включавшиеся забастовки: мусорщиков, владельцев магазинов и аптек, транспортников. В принципе это интересный срез действительности. Ее как бы нет, мы ее не замечаем, когда она работает, но стоит ей забуксовать, как она сразу становится мощным воздействующим фактором, она сразу материализуется из небытия.

Другим важным аспектом воздействия является разрушение связки «власть – силовые структуры» [7]. Именно на это были направлены визуальные коммуникации как в Югославии, так и в Грузии (о начале этой кампании в Грузии см. [8]). Эта плакатная война началась с апреля и была приурочена к парламентским выборам, параллельно с этим изменилась риторика выступлений лидеров оппозиции. То есть развитие протестной ситуации идет следующими волнами (см. рис. 24).

Рис. 24. Развитие протестной ситуации

Газета «Версия» привела возможные расценки для Грузии на уличную войну («Версия», 4 декабря 2003 года): демонстранты на проспекте Руставели – до 50 тыс. человек получали по 12–20 лари на человека, что составляет 6–10 долларов. Невмешательство ОМОНа

обошлось в 1 млн. долларов. Лидер Аджарии **Аслан Абашидзе** также называет выплачиваемые суммы: «Людям раздавали деньги от 5 до 30 лари (это где-то от 2 до 12 долларов), разогревали толпу спиртным и наркотиками. Выплачивая людям ежедневно деньги на массовые беспорядки, оппозиция в конце концов добилась своего» [9].

Но это форма организации протеста, для достижения изменения в мозгах модель перехода должна была быть иной: на первое место должна была выйти когнитивная война, которая среди прочего должна была отвести от Шеварднадзе как его близких соратников, так и элиту (см. рис. 25).

Рис. 25. Вариант развития протестной ситуации

Закрепление когнитивных изменений (по теории Курта Левина) удачно производить на фоне стрессовых ситуаций. В грузинском случае это были экономическое истощение страны (и тут вина самого Шеварднадзе огромна) и протестная эйфория, создававшая чисто психологическое ощущение гибели режима до его реальной отставки. То есть были объективные и субъективные основы отставки (см. рис. 26).

Рис. 26. Объективные и субъективные факторы отставки Эдуарда Шеварднадзе

В целом данный инструментарий интенсивного изменения ситуации оказался эффективным как из-за своей новизны, так и из-за эксплуатации совершенно новой сферы ненасильственных действий, которая составляет уязвимое место любой власти.

С другой стороны, существует версия, подобная развитию событий в Украине и Киргизии: передача власти была сознательной для недопущения продвижения вперед Аслана Абашидзе: «Президент Шеварднадзе выбрал меньшее из двух зол, передал власть группе молодых воспитанников и рядом маневров нейтрализовал действия Аслана Абашидзе, посылавшего в столицу тысячи своих сторонников. Передачу власти Эдуард Шеварднадзе осуществил весьма изящно, полностью расчистив путь своим воспитанникам» [10]. То есть перед нами каждый раз оказывается более сложная конструкция, чем та, которая предстает на первый взгляд.

ОРАНЖЕВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И НЕНАСИЛЬСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ СВЕРЖЕНИЯ ВЛАСТИ

П

Применение протестных методов

РЕЗИДЕНТСКАЯ КАМПАНИЯ-2004 в

Украине вытекала из сложившегося на тот момент сочетания экономических, политических, психологических и информационных ситуаций. С экономической точки зрения, был рост на макроуровне, который не переходил на микроуровень. С политической точки зрения, сформировалась достаточно сильная оппозиция, с психологической – постепенно сложилась ситуация, когда власть отделилась от населения, что было в чем-то подобно разрыву, существовавшему в советское время. Все это происходило на фоне существенного контроля власти над информационным пространством, в первую очередь телевидением, который нарушался только одним оппозиционным телеканалом.

Революцию можно трактовать как смену объекта организованной любви, поскольку государство не только является организатором насилия, но и организатором любви. Революция меняет направленность этой любви с X на Y, при этом промежуточный, собственно революционный этап акцентирует в качестве объекта любви сам народ. Так что революция в этом плане проходит три этапа:

- этап первый – народ любит X;
- этап второй – народ любит народ;
- этап третий – народ любит Y.

Происходит принципиальная смена сценариев: от сценария власти к сценарию оппозиции. С этой точки зрения, сценарий оппозиции становится более сложным, поскольку ей надо пройти и удержать два этапа, а власти только один. Оппозиция может это сделать только при определенной ее слабости или подковерной смене власти.

Олесь Доний, один из организаторов первой студенческой революции 1990 года, называет три фактора, которые сработали на победу в 2004-м [1]:

- наличие оппозиционного телевидения;
- объединение трех ветвей оппозиции (Виктор Ющенко, Юлия Тимошенко, Александр Мороз);
- психологическое единство, созданное активным использованием оранжевого цвета.

Однако сюда следует добавить еще два момента, представляющих, по нашему мнению, особую важность:

- наличие единого лидера;
- предоставление в качестве единого кандидата от власти принципиально неизбираемого по причине двух судимостей кандидата.

В целом созрела ситуация, требовавшая перемен, которую ощутили все слои населения. Однако эта кампания имела важный компонент, направленный на работу после выборов, направленный на то, чтобы результаты их были признаны сманипулированными властью. И во второй части этой кампании власть моделировалась как еще больший враг общества, чем это было в первой части.

В протестное пространство втягивалось все большее количество людей, что было обусловлено следующим набором факторов:

- активные действия оппозиции;
- бездействие власти;
- давление Майдана;
- международное давление.

Это затем отразилось и на последующем голосовании, как то

минимальное, что может сделать человек, не примкнувший к акциям протеста. Максимум – выйди на Майдан, минимум – прояви себя на избирательном участке (см. рис. 27).

Рис. 27. Поведение человека, не примкнувшего к акциям протеста

Поле общественного мнения было проиграно властью параллельно с информационным пространством, достоверность ее слов и действий оказалась ниже достоверности слов и действий оппозиции, именно поэтому, например, даже один телевизионный канал, принадлежащий оппозиции, мог играть на равных с набором провластных.

Против истеблишмента всегда работают молодежь, маргиналы и политическая оппозиция. Революции, вероятно, всегда молодежны по своей сути, поскольку молодежи нечего терять. С другой стороны, именно она наиболее чувствительна к фальши настоящего, поскольку старшие поколения или привыкли к ним, или смирились.

Несомненным фоном всех действий было **недовольство режимом**, которое существует везде и всегда, но в данном случае был определен синергический эффект отсутствия консенсуса, связанный с тем, что Украина разделяется на украино- и русскоязычную. Кризисная ситуация начала усугубляться сепаратистскими решениями ряда регионов, когда стала разворачиваться ситуация непризнания результатов выборов.

Исходный контекст жизни был таков, что возможный карьерный рост оказался связан только с исполнительной властью. И бизнес, особенно крупный, также возможен только в сцепке с этой властью. По этой причине общество получило только один канал роста, что затрудняет возможности вертикальной мобильности элиты.

Самым важным в протесте является **мобилизация своих сторонников**. Но одновременно это и типичная задача, решаемая в избирательных технологиях, когда необходимо создать у избирателя ощущение важности его голоса, чтобы заставить его выйти на выборы.

Президентская кампания в Украине в 2004 году вылилась в результате в целую серию протестных действий, опирающихся на непризнание результатов выборов, что схоже с процессами в Югославии и Грузии, которые привели к последующей смене власти. Это позволило целому ряду внешних наблюдателей подчеркнуть зависимость данных действий от иностранных государств.

Газета *Guardian*, добавляя в список стран и Белоруссию, где данный инструментарий не принес победы, подчеркивает следующее: «Молодые демократы-активисты мобилизовали обычно политически пассивную Украину, и она уже не будет прежней. Однако, хотя Украина получит все достижения оранжевой «революции каштанов», эта кампания – творение американцев, утонченное и блестяще спланированное учение по массовому маркетингу и продвижению западного бренда, которое было использовано в четырех странах за четыре года для спасения фальсифицированных выборов и свержения непривлекательных режимов. Кампания, спонсируемая и организованная американским правительством с привлечением американских консультантов, социологов, дипломатов, двух ведущих американских партий и неправительственных организаций, впервые была использована в Белграде в 2000 году для обеспечения поражения на выборах Слободана Милошевича» [2].

Об этом же западном влиянии говорил **Глеб Павловский** в программе «Апельсиновый сок» (НТВ-Мир, 28 ноября 2004 года), подчеркивая, что обучение России теперь произойдет на примере Украины, как Россию обучали единству действия Басаева. При этом в числе ошибок России он называет следующие:

- невключенность в выборы на уровне отбора кандидата;
- смена правил игры в ходе кампании (образ Глеба Павловского был таков: мы выиграли в шахматы, а к нам пришли с оранжевыми бейсбольными битами).

Павловский подчеркивает, что вместо политтехнологий начали использоваться революционные технологии, а контрреволюция

является достаточно серьезным делом, к которому надо готовиться долго и тщательно.

Вячеслав Никонов в программе российского телевидения «Вести+» (РТР-Планета, 24 ноября 2004 года) также заявил, что близость методов (Сербия, Грузия, Украина) объясняется тем, что планировщики во всех случаях были одни. Однако, как нам представляется, важной составляющей Украины-2004 была визуальная сторона, которая выполняла, помимо эстетической, вполне конкретные функциональные задачи, чем формально кампания принципиально отличалась от других.

Разработчики кампании избрали ее символом просто **оранжевый цвет**, который в бесконечном количестве шарфиков, ленточек и тому подобных предметов появился буквально везде, особенно перед вторым туром 21 ноября 2004 года. Что дает опора просто на цвет? Цвет не является конкретным слоганом, поэтому он может быть использован в любой ситуации: например, ленточка на человеке, на дереве, на машине.

Функционально множество цвета создавало элемент раскрепощения, поскольку демонстрировало множественность присутствия сторонников данной политической силы. Цвет выступил в роли объединителя, с одной стороны, и определенного «раскрепостителя» от страха – с другой. Кстати, оппозиционные телеканалы активно демонстрировали фильм «Убить дракона» по Евгению Шварцу, вероятно, также вписав его в арсенал действия. Яркий оранжевый цвет захватывает гораздо больше пространства, чем он реально занимает, привлекая всеобщее внимание. Цвет в этом плане обрел информацию, перестав быть чисто физической сущностью.

Другим важным элементом было создание в обществе **постоянного источника «напряжения»**, в роли которого выступали, **взаимосменяясь, три элемента: телевидение, Майдан и лидеры оппозиции**. Майдан как центр массового протеста выступал в роли места по порождению событий и новостей, поскольку нехватка информации, точнее, однообразный характер подачи ее по телевидению в виде телемарафона с бесконечным числом выступлений в результате сделал из информационного потока «масляную кашу». Дополнительно к этому в ходе этой ситуации основные каналы,

транслировавшие сторону власти, перешли к более сбалансированной системе подачи информации, то есть они стали однообразными, лишив возможности потребителя в более облегченной манере искать «свой» тип информации.

Интересна в этом плане функция Майдана, которая имела несколько основных направлений:

- удержание напряжения во взаимоотношениях «власть – население»;
- создание определенного варианта легитимизации своих действий;
- функционирование в плане подачи сигналов ЧП;
- создание социальной сети своих сторонников;
- мобилизационная.

Каждую из этих функций могла выполнять другая отдельная единица, например, движение на улицах машин с выставленными флагами и постоянной подачей звуковых сигналов, однако суммарной функцией (прототипом) любой другой подобной единицы был Майдан.

Собственно говоря, в этой же роли выступило и телевидение («Пятый канал»), которое задолго до самих этих событий воспитало своего собственного пользователя путем тиражирования одних и нетиражирования других сообщений, что является своим вариантом цензурирования, когда попадание одной точки зрения на экран имеет большую вероятность, чем попадание другой.

Майдан удерживался все время, хотя оппозиция несколько раз подписывала соглашения, которые требовали того, чтобы люди ушли с площади, а административные здания были разблокированы. Но каждый раз находились новые доводы, почему этого делать не следует. Например, мы ничего не будем подписывать, пока правительство не уйдет в отставку, мы не управляем людьми.

Оптимальные протестные технологии базируются на **жертве**, что позволяет сделать более едиными по своим реакциям всех действующих лиц, как политиков, так и протестующие массы. **Лев Вершинин** в программе «Именно тот» (УТ-1, 22 ноября 2004 года) говорил о гибели в августовском путче 1991 года трех очень четких символических фигур: военного, молодого бизнесмена, ин-

теelligentного еврейского мальчика. Это явно «дети перестройки». Однако самым интересным был его акцент на документальном подтверждении того, что именно такие фигуры и должны были погибнуть по планам, хотя фамилии их могли быть другими.

Жертвой в оранжевой революции мог быть сам Виктор Ющенко, отравление которого стало частью президентской кампании, а также, вероятно, и сам украинский народ, волеизъявление которого было сфальсифицировано. Получается, что есть два варианта действий в таких случаях:

- жертва может быть вынесена из толпы (например, как при массовых протестах в Чехословакии или Румынии);
- жертва может быть приравнена самой протестующей толпе (например, Украина).

Жертва призвана усилить остроту ситуации, которая получает в результате сверхкризисный характер. Жертва, приравненная к протестующей толпе, делает все реакции жестче, поскольку происходит превращение из наблюдателей в действующих лиц. Это, вероятно, характерная черта революций, когда не остается наблюдателей вообще или их число резко уменьшается. Революция представляет собой резкое возрастание числа именно активных участников.

Бурно развивается символизация, противоположные стороны обрастают четкими символическими ярлыками: «бандюки», «бандиты» для одной стороны и «нашисты», «бандеровцы» – для другой. При этом те или иные выгодные для кампании «обмолвки» начинают широко внедряться в новых контекстах, например, «мы не козлы, козлы – не мы».

Что касается других характеристик, то следует отметить следующий набор ситуаций, наложение и самоналожение которых создают тот индивидуальный набор, формирующий восприятие действительности сквозь набор этих рамок, роль которых состоит в **«подведении» ситуации под известные широким массам модели**. Демонстрации всегда ведутся за свободу или демократию.

Важным компонентом кампании является ее четкая организация, поскольку следовало не только привести людей, но и дать им кров и еду, что очень сложно для таких количеств людей. Следовало также обеспечить безопасность, что делали активисты органи-

зации «Пора». Газета Wall Street Journal указывает, что этим занималась группа из ста человек, связанных радиосвязью, в числе прочего следящих за периметром и дорожным движением [3].

Стихийное массовое действие во многом не было таковым, что можно увидеть из следующих его характерных особенностей.

Психологически протестант ощущает себя прикоснувшимся к подлинно историческому событию, когда история творится на его глазах. Так было в 1991 году, вероятно, в 1917-м также. Это переход из состояния свидетеля события к его участнику. Это ощущение создавалось сознательно и настойчиво, поскольку выступающие на митинге все время обращались к слушателям, требуя от них одобрения или осуждения, поэтому главными словами стали «слава» и «ганьба».

Интересной и важной особенностью ситуации является то, что **официальные тексты начинают опаздывать**. Тексты (в виде официальной реакции власти) опаздывают все время, поскольку включена система более динамичных изменений реальности. Приходящая от власти интерпретация событий уже заранее натывается на созданную ранее со стороны оппозиции либо с помощью проведенного действия (типа приведения к присяге), либо введенной лидерами оппозиции или оппозиционными телеканалами. В принципе происходит ускоренная динамика, против которой бюрократическая машина часто оказывается бессильной, поскольку не имеет столь же оперативной системы информирования населения.

В целом ситуация характеризуется порождением **нарастающего потока интерпретаций** с помощью одного («Пятый канал»), затем трех («Пятый канал», Киев и телекомпания «Эра»). Тут следует подчеркнуть, что «Пятый канал» единственный в стране ввел заранее ежечасовую подачу новостей, а после второго тура перешел на трансляцию митинга просто в прямом эфире.

Опережающие действия оппозиции являются весьма существенным компонентом, наличие такого плана всегда ставит власть в ситуацию цейтнота, когда непринятие вовремя решения затрудняет его принятие на последующих этапах. В информационном плане следствием становится чисто комментирующая роль власти, что приводит в действие картинку, движимую другими.

Борьба за легитимизацию. Здесь находится признание Виктора Ющенко президентом городскими советами ряда областных городов, как и собственно само принятие присяги в стенах верховного совета. В этой же области лежит и исходно употребляемое в кампании обозначение Ющенко как народного кандидата в отличие от кандидата от власти, что впоследствии позволило употреблять обозначение «народный президент».

Молодежный характер кампании. Акцент на молодежи определил не только, например, акцент на цвете, но и на проведении митингов, которые на Майдане Незалежности проходили в манере эстрадных концертов. Студенты не просто являются наиболее мобильной частью населения, которая не имеет опыта общения не только с советской репрессивной системой, но и с той, с которой связано все население, что затрудняет применение к ним силы со стороны правоохранительных органов. И это свойственно всем революциям. Например, касаясь Сальвадора, А. Гренье отмечает: «Университеты предоставили большую часть людских ресурсов, как и городской анклав, откуда могут прийти политическая мобилизация и даже восстание» [4. – С. 319].

Затруднение нормального функционирования. Этот аспект однотипен, например, с Белградом. В Киеве это перекрытие улиц, попытка блокады правительственных учреждений, создающие определенное политическое давление, а также дающие конкретное физическое функционирование для масс протестующих, поскольку от них все время исходит требование действовать. Социально протестанты стремились к налаживанию отношений, особенно с милицией, стоящей в оцеплении. Затруднение нормального функционирования было важным элементом давления в Белграде, где череда разного рода забастовок как раз и привела к смене режима. То есть толпа выполняет и такую функцию, а не только легитимизирует чьи-либо действия.

Официальная и неофициальная международная поддержка высокого уровня проявилась сразу после второго этапа выборов, что также однотипно с Грузией и Сербией. В современном мире это достаточно важно, подобного типа давление способствовало выработке тех или иных шагов Михаила Горбачева, поскольку изоля-

ция по типу Александра Лукашенко не является сегодня предпочтительным действием.

Роль России в этих процессах шла по нарастающей: чисто моральная в случае Югославии, нечеткая в случае Грузии и вполне определенная в случае Украины. Возникли беспрецедентные по своей масштабности предложения с стороны кандидата Виктора Януковича: изменение статуса русского языка и введение института двойного гражданства, под которым имелось в виду российское.

Основными действующими элементами всей этой **системы политического давления** стали:

- лидеры оппозиции;
- телеканалы;
- выведенные на улицы протестанты, в первую очередь молодежь;
- организации-радикалы (типа «Поры»), которые могли удерживать определенную «электризацию» больших городов, где всегда есть большой объем студенческого населения, которые всегда направлены против «истеблишмента».

Политическое давление оказалось действенным инструментом, поскольку оно вышло за пределы собственно политического поля, а сформировало уличные действия, причем не разовые, а на постоянной основе, хотя и со спадом активности к концу срока.

Подлинное давление выразилось в ряде конкретных действий с их последующим и даже оповещающим наперед освещением. Среди них были такие:

- перекрытие уличного движения;
- блокирование административных зданий;
- приезд тысяч людей в столицу.

Информационное давление выразилось в череде присоединяющихся к протестующим известных и неизвестных лиц, к числу последних относились люди в погонах, которые выражали свою солидарность с экраном и на Майдане. Данная акция создавала ощущение эффекта расширения, когда принадлежащими к протесту, казалось, становились все.

Общей моделью стала активная работа с внутренним и международным информационным пространством по неофициальным

каналам, например, через множественность неправительственных организаций, что является приметой социальных сетей современного типа [5].

Экзит-полы стали важной составляющей осуществления информационного давления и мобилизации. Как писала Guardian 26 ноября 2004 года: «Они без сомнения производят сильный мобилизационный эффект, облегчая задачу по убеждению людей в том, что они должны бороться с гражданским неповиновением или захватывать государственные учреждения на основании несоответствия официальной статистики с результатами опросов, что свидетельствует о том, что выборы были попросту «украдены» [6].

Митинг, объединяющий массы людей, начинает строиться по законам массовой культуры. Любое явление **массовой культуры** всегда определенного рода эклектика, собрание разных методов и стилей, поскольку массовая культура отбирает все, что кажется ей эффективным на данный момент. Она имеет право как на всеохватность аудитории, так и на всеобщность инструментария воздействия. Назовем несколько таких отклонений от стандарта массового протеста в сторону именно массовой культуры.

Депутат одного из прошлых созывов Верховной рады **Юрий Болдырев**, глядя на оранжевый шарфик своего оппонента в телемарафоне канала «Интер» (27 ноября 2004 года), заговорил о **карнавале**. Карнавал предполагает иные роли, противоположные обычным, с одновременным пониманием игрового характера этого действия. Но карнавал имеет разрешенные роли обличительные, но они не могут переходить в реальность. Здесь же, вероятно по совету умелых психологов, все время поднимается тема доброты участников митинга, чтобы удерживать возбуждаемую агрессию в рамках допустимого.

В этот же день (27 ноября 2004 года), выступая поздно вечером на митинге на Майдане, Юлия Тимошенко выступила с чисто **религиозным текстом**, где подчеркивала, как она любит всех, и впервые на Украине будут лидеры, которые любят свой народ, а народ любит своих лидеров, что сейчас сбывается предсказание о великой роли Украины, где закладывается будущее развитие человечества. Все это можно было бы списать на то, что в этот день у Юлии Тимошенко был день рождения, но если вслушаться в слова и

всмотреться в поведение демонстрантов, то в ней также явно присутствуют типичные элементы поведения представителей религиозных сект по отношению к тем, кого они хотят завлечь в свои ряды. Имеется в виду отношение к двум потенциально агрессивно к ним настроенным типажам: милиции и представителям Виктора Януковича, приезжающим из восточных регионов. Милицию встречают речевками «народ и милиция едины» и цветами, которые всовывают в их щиты, донецких – хлебом-солью. И с теми и с другими делятся едой, поскольку им ее стало не хватать после нескольких дней противостояния. Кстати, и сами речевки, провозглашаемые толпой, так же напоминают функционирование определенных религиозных мантр. Уже давно и Ющенко, и Тимошенко воспринимались на Западе Украины как единственно возможные избавители, откуда сам термин «мессия» по отношению к лидеру.

Сам по себе митинг невозможно отличить от **рок-концерта** для большой молодежной аудитории. Даже 24 ноября 2004 года, когда ЦИК объявил о победе Януковича, концерт после эмоциональных выступлений лидеров оппозиции спокойно продолжился. Тональность рок-концерта удерживается и выступлениями, и речевками, и самой продолжительностью действия. Отсюда сложности и для организаторов, которые состоят в том, чтобы одновременно и поднимать накал борьбы, и удерживать протестующих от активных действий.

Здесь же следует отнести и всегда получающее распространение в массовой культуре **снятие определенных запретов**: в данном случае действующий президент показывался на эстраде то в виде живой куклы политического театра, то карикатурного графического изображения, то в оскорбительном словесном лозунге. Нарушенный запрет также расширял территорию разрешенности протестных форм.

Проявилась и **многосерийность** – важное качество массовой культуры, поскольку митинг принимал бесконечный характер, что заставляло и телевидение отражать его в многочасовых трансляциях. Многосерийность – это и герои, и события, к которым привыкаешь и от которых ждешь новых поступков. Она создает хорошую основу для телетрансляции событий, поскольку телевидение также строится на этом факторе.

К этой же форме собственно массовой культуры можно отнести и разного рода **речевки**, которые электризовали толпу при частом их повторении, создавая ее единство. Это скандирование имени кандидата, акцентирование близости милиции и народа (кстати, работа с милицией была одной из важных тем всей кампании). Одновременно выкрик «народ и милиция едины», вероятно, призван снимать страх у протестующих, поскольку работа в этом аспекте всегда является важной частью организации массовых протестов.

Массовая культура создает определенные **поведенческие аттракторы**, которые способны охватить большое число людей. В данном случае это тип одежды с наличием оранжевого цвета и западный знак победы в виде двух пальцев – V. Кстати, исходно они появились у Черчилля, а до этого – после столетней войны, когда французы рубили эти два пальца, чтобы солдат не мог стрелять из лука. Английские стрелки демонстрировали эти свои два пальца французам, демонстрируя свою силу и мощь.

Отметим также два важных **организационных момента**, которые в то же время определяли и задавали наполнение информационных потоков, идущее от протестующих и их депутатов. Кстати, телевидение (провластное) в ходе начавшихся протестов тоже сразу изменило свое наполнение, к тому же уволило с постов главных редакторов информации В. Пиховшека и Д. Киселева, но сохранила за ними их еженедельные программы. Организация информации со стороны протестующих выразилась в следующем:

- собственный страх и страх окружающих по отношению к протестующим снимался речевками и рассказами о позитивной ауре Майдана;
- любые отклонения от заявленного поведения объявлялись несуществующими, чем создавался достаточно частотный переход как бы с неканонической в каноническую форму рассказа о данном событии.

Самоорганизовалась также психотерапевтическая служба, направленная на поддержку протестующих, позволявшая «изымать» людей с отклонениями, а также бороться с депрессивными настроениями в большой массе людей, которая не может все время находиться в состоянии героического поступка. Напряжение, в котором находятся

люди, никогда не оставляет их. Особенно трудно одиночкам, которые приехали вне группы, поскольку им некому выговориться вообще.

Владимир Погорельй, глава этой службы, в интервью «Пятому каналу» (6 декабря 2004 года) говорит о типичных проблемах людей: тревожность, отсутствие информации, неизвестно, что делать, ощущение того, что лидеры бросили. В службе работали 40 психотерапевтов и 120 психологов, но не все время, а дежурствами по четыре часа. Для людей, возвращающихся в регионы, он также просит создать подобные службы, чтобы выводить их из реактивного состояния, дать им выговориться.

Проблему, с которой столкнулись психологи, хорошо передают слова профессора **Татьяна Титаренко**: «Если вначале все радовались общему дружелюбию, покладистости, взаимопринятию, то в последние дни в массы проникало и быстро распространялось разочарование, нетерпимость к компромиссам, раздражение» [7]. И это понятно, поскольку были активные слова, но не было активных действий, куда бы могла уйти энергия.

Сходны ли революции последнего времени с бархатными революциями 90-х, когда страны бывшего социалистического лагеря избавлялись от своего прошлого, сбрасывая просоветские режимы? Следует признать, что идет ускоренная смена элиты, которая и тогда, и сейчас начала нарушать законы политического долгожительства. И если в советское стабильное время долгожительство можно было понять, то динамическое постсоветское время никак не выдерживает столь долгие сроки одних и тех же элитных прослоек. Развитие мира ускорилось, а смена элит замедлилась, что является явным противоречием.

Александр Ципко в программе «Времена» (ОРТ-международное, 28 ноября 1991 года), работавший во времена польских событий в ЦК ПОРП, выступил против сближения этих вариантов революций, назвав в связи с этим следующие три отличия бархатных революций в Восточной Европе:

- это был стихийный массовый протест, а не планируемое действие;
- это была подлинная революция в плане существования риска для людей, сегодня никто ничем не рискует, выходя на улицу;

- это было население, то есть взрослые люди, а не молодежь и студенты.

Отсюда вновь следует (подразумевается) вывод, что чужие революции были правильными, а революции современные – неправильными. В них народ выступает лишь фоном, а не активным участником действий. **Андрей Федоров** в этой же программе даже употребил термин «сценарные революции».

Можно ли согласиться с этим взглядом? Планируемый характер, вложенные в закупку палаток деньги все же нельзя признавать таким резко отрицательным действием. И те и другие революции развиваются на основе явного недовольства населения, только оформление этого неудовлетворения, его упаковка происходят по-разному: в одном случае более стихийно, в другом – более профессионально. Кстати, и бархатные революции также не происходили сами по себе. Вспомним, что в Чехословакии была псевдожертва в виде погибшего при разгоне демонстрации студента, который потом оказался не только в живых, но и даже сотрудником спецслужб. В Румынии при сбрасывании **Николае Чаушеску** были задействованы уже две спецслужбы – советская и американская, которые предварительно готовили людей на территории Венгрии. Методология ненасильственных действий Джина Шарпа работала и в случае польской «Солидарности», и в случае прибалтийских государств.

Основным организационным компонентом событий в Украине стала так называемая гражданская компания «Пора», которая усиленно позиционировала то, что она в принципе не является организацией, то есть членство в ней не подлежит никакой юридической фиксации.

Оранжевая революция была несомненно организована, но это не является причиной, по которой она должна быть отвергнута. Любая революция, начиная с XIX века, характеризуется существенной плановой составляющей. Тем более, что тот же Джин Шарп выпустил и книгу «Анти-путч», дающую возможность всем подготовиться к походу его ненасильственного воинства.

Однако каждая революция всегда своя, она развивается по своим собственным канонам, которые лишь частично будут переданы дальше. Суммарно факторы, которые были активно задействованы

в украинской оранжевой революции, можно представить в следующем виде:

- недовольство политической и экономической ситуацией, которое, правда, существует всюду и везде, поэтому должно быть специально активировано;
- имевшееся сужение информационного поля, создавшее и закрепившее недоверие к власти;
- этническая неудовлетворенность в реализации проектов развития украинского языка, культуры и общества;
- людской ресурс, позволивший обеспечить массовость протестов (студенчество, население Западной Украины);
- международное давление;
- технологический ресурс (в виде подготовленных специалистов по протестам);
- удачная визуальная форма революции;
- неудачный кандидат от власти;
- опора на технологии двойного назначения (избирательные и революционные одновременно).

Мы видим множество факторов, работавших на успех революции. А учитывая реальное бездействие власти, становится понятным, что подобное движение имело во многом беспроигрышный характер.

Информационно-политическая технология

Самой главной приметой оранжевой революции следует признать **резонансный характер ее механизмов**. Нам представляется это верным объяснением, поскольку реальных экономических причин для такого развития событий не было. Если в Грузии объективно было экономическое ухудшение, то столь же объективно следует признать, что в Украине наступило экономическое улучшение. В таком случае речь может идти о нарушенных ожиданиях, состоящих в медленном варианте улучшений. Эти ожидания, вероятно, можно сознательно активировать, поскольку так происходило не раз. Вспомним, что одно из первых реальных голосований на территории Украины проходило под влиянием прогноза «Дойче банка» по поводу наилучших стартовых экономических условий Украины.

Резонанс возникает, когда, например, факты подтверждают слухи, которые давно ходили в обществе. Например, на слухи о коррупции накладывается арест имущества какого-нибудь министра. Такой факт облетит все население очень быстро. Резонанс демонстрирует тот феномен, что малое событие может разрушить большую систему, если это оно резонирует со структурой системы, ее потенциальными дефектными состояниями.

В случае оранжевой революции резонанс как способ разрушения системы должен лежать в несоответствии определенных действий системным представлениям, за счет чего может произойти разовое разрушение системы. Резонанс можно увидеть в том, что оппозиция «разбудила» нереализованные желания 1991 года. Действительно, многие участники митинга повторяли, что это было так, как тогда, когда все выходили на бесконечное количество митингов периода перестройки.

Возникает потребность определения конкретных лозунгов, которые вели к тем мотивациям, которые могли активировать массовое сознание. Мы предлагаем разграничить поверхностные и глубинные мотивации и соответствующие лозунги. Набор лозунгов может предстать в следующем виде:

- свобода, социальные изменения;
- экономическое улучшение;
- против фальсификации выборов, против преступного режима.

Следует также подчеркнуть, что более действенными, следовательно, тяготеющими к поверхностному использованию являются лозунги «против», по этой причине лозунги «за» уходят в число более глубинных. Итак, лозунги «против» – это против фальсификации выборов, против преступного режима, лозунги «за» — это за свободу, социальные изменения, экономические улучшения.

По отношению ко всем бархатным революциям, включая и оранжевую, возникает закономерный вопрос: являются ли они революциями. Проблема состоит в том, что сегодня нет нужды выводить всех на площади, достаточно транслировать эту картинку на экране телевизора, чем создается соответствующий эффект присутствия. Компонент «народ» в бархатных революциях трансформировался в компонент «телезритель».

Если в революцию 1917 года победа должна была быть достигнута в физическом пространстве, за чем последовали информационные и когнитивные изменения, то бархатные революции идут по другой модели: сначала информационное пространство, затем когнитивное и лишь затем физическое (см. рис. 28).

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА

ОРАНЖЕВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 2004 ГОДА

Рис. 28. Структура достижения победы

Собственно говоря, это модель любой избирательной технологии, которая сначала убеждает, потом подводит к конкретному физическому действию – голосованию. Это вариант политической войны, а не собственно революции.

«Дракон» Евгения Шварца, который в виде фильма «Убить дракона» активно транслировался в этот период оппозиционными телеканалами, все же мог дать только очень косвенный результат, поскольку аналогии, лежащие в основе, являются слишком условными. Для уличной борьбы нужен театральный плакат, а не акварельный рисунок. Но все равно это было попыткой подвести ситуацию под вполне конкретное метаправило.

Визуальная картинка была сделана для внутреннего и внешнего глаза. Внутренний работал на создание объединения в единую силу

тех, кто находился за пределами Майдана, внешний работал на создание внешнего прессинга. По этой причине толпа жестко удерживалась от каких бы то ни было насильственных действий. В этом плане интересно наблюдение над явлением, как его обозначил автор, «показной цивилизованности»: «Одни из лучших его проявлений – армянские и грузинские митинги и «революции». Казалось бы, эмоциональный, недисциплинированный, горячий в повседневной жизни армянский или грузинский парень, превращаясь в митинговую или революционную толпу, должен быть вдвойне подвержен эмоциям. Ан нет. И одна из причин в том, что армянин или грузин, которому всегда кажется, что «весь мир следит за ним», воспринимает свой митинг как очередной месседж, невербальное послание в «большой мир». Грузинская революция – прекрасный пример. Никто не будет бить витрины, поджигать и переворачивать автомобили и прочее. Не потому, что «МИ» такие «хАрошие», а по другим причинам, в том числе по той, что в такие моменты для «нас» намного важнее «казаться», а не «быть». «Мы» пишем коллективное невербальное письмо» [20]. Это снова внешнее поведенческое и визуальное требование. Подобно тому, как все научились показывать знак победы двумя поднятыми вверх пальцами, что опять-таки стало чисто визуальным знаком, привнесенным из другой культуры.

Интересно замечание **Ярослав Лесюка**, что теплые тона оранжевого цвета не могли полностью раскрыться в июле во время выдвижения, свой максимальный позитивный эффект они раскрыли зимой на Майдане [21]. Оранжевый цвет был действительно находкой этой кампании, поскольку позволял понять, какое большое число людей находится на этой стороне. В этой же роли выступили и массовые акции протеста. Как пишут аналитики: «Украинский народ постепенно привыкал к мысли, что выйти» [10].

Вспомнили также PR-опыт Ленина и Октябрьской революции в виде красных бантов и сделали кампанию «Оранжевая лента», чтобы показать, что нас много, что есть чувство локтя, братство незнакомых людей [11]. В результате возникает свой собственный вариант символизации, не сводимый к чужим вариантам.

Оранжевая революция также закрепила свой вариант когнитивного взрыва, разрушившего прошлые идентичности. Хотя подоб-

ные попытки несколько раз предпринимались и до этого, именно в этот период окончательно закрепилась новая идентичность, оттеснившая старые представления на периферию.

Можно представить три этапа введения разрушающих прошлую систематику сообщений:

- введение неоднозначных сообщений;
- введение противоречащих системе сообщений;
- введение новых сообщений.

Соответственно происходит разрушение прошлой системы ценностей и построение новой, которая затем обязательно закрепляется. В переходный период будут люди, владеющие двумя системами, затем старая постепенно станет уходить в сторону.

Закрепление нового набора ценностей происходит тем же способом, что и имело место в случае прошлых ценностей:

- создание своего канонического набора (например, Ющенко – наш президент);
- выделение своих «жрецов», отвечающих за правильность / неправильность высказываний;
- популяризация своего набора в массовом сознании;
- закрепление своего набора в массовом сознании.

Одним из методов популяризации и закрепления является «запуск» этой систематики в массовую культуру, когда возникает сообщение с тем же содержанием, но выданное в иной форме – например, Майдан породил песенные варианты своей идеологии. То есть виды популяризации при сохранении канонического текста таковы:

- смена говорящих;
- смена формы при переходе в массовую культуру (песню, политический театр и так далее);
- смена слушающих;
- смена пространства: захват физического пространства в виде блокировки зданий;
- смена коммуникаций: вербальная в визуальную (оранжевый цвет).

Это позитивные трансформации, но одновременно идут негативные трансформации действительности, которые оперируют с негативными стимулами:

- блокировка чужих источников информирования (информационная и физическая);
- тиражирование своих сообщений с запретом на тиражирование чужих;
- вытеснение чужих авторитетов;
- создание карикатурного образа чужой действительности;
- разрушение чужих систем коммуникации и принятия решений;
- перевод на свою сторону колеблющихся;
- введение остракизма по отношению к главным символическим фигурам прошлой системы.

Ситуация когнитивного взрыва не дает возможности адекватно интерпретировать действительность, поскольку произошли два существенных изменения:

- трансформировалась действительность;
- трансформировался инструментарий по ее интерпретации.

По сути, в ситуации оранжевой революции имели место два типа основных потоков, направленных на массовое сознание:

- интенсивный информационный поток, который поставлял события и их интерпретации;
- интенсивный психологический поток, если можно воспользоваться таким обозначением, задачей которого стала активация массового сознания с помощью подключения его к точке зрения, объявленной победившей.

Вернемся еще раз именно к психологическому контексту, что будет более точным словом. Здесь ставились две задачи:

- разбудить социальную активность, доведя значимость Майдана до максимума, по аналогии с выборами, где подчеркивается важность голоса, здесь подчеркивалась важность присутствия на Майдане;
- заблокировать противника, что особенно удалось на Западной Украине: если в Киеве выход с бело-голубой символикой был как бы неприличен, то на Западной Украине просто невозможен.

Информационный поток реализовывался в газетах, листовках, стикерах. Новым для коммуникации можно считать захват физического пространства (палатки на Крещатике, блокирова-

ние административных зданий), что также действовало коммуникативно, создавая ощущение досрочно достигнутой победы. Это одновременно с массовостью моделировало именно наличие революции.

Возникла своя **информационная аксиоматика Майдана**, когда два кандидата были полностью заданы только позитивными или только негативными характеристиками:

- народный президент – антинародный кандидат;
- моральная сторона – хозяйственная сторона;
- власть – бандиты.

Из подобного «словаря» можно было построить только заранее планируемый тип текста. В результате из Януковича получился «оппозиционный» кандидат, который никак не сочетался с будущей властью. Информационное пространство предопределило пространство политическое.

Массовое сознание требует четких признаков нужного варианта сигналов, поэтому был продемонстрирован ряд понятных вариантов **управления ситуацией новыми силами**, что выразилось в следующем:

- демонстрация своей легитимности и нелегитимности власти;
- демонстрация своей силы и бессилия власти;
- демонстрация своей поддержки населением и отсутствие такой поддержки у власти;
- демонстрация информационной поддержки: все СМИ постепенно перешли на сторону оппозиции;
- демонстрация международной поддержки.

Получали развитие **две параллельные линии: избирательная и революционная**, причем революционная могла идти то в виде фона, то становилась основной. На третьем туре выборов они стали одновременно основными:

- **этап первый** (до начала выборов) – избирательное доминирование, революционный фон;
- **этап второй** (после второго тура выборов) – революционное доминирование, избирательный фон;
- **этап третий** (переголосование второго тура) – революционное доминирование, избирательное доминирование.

Захват внимания происходил на нескольких уровнях, среди которых наиболее важными были следующие:

- захват телевизионных потоков;
- захват внимания международных игроков.

Это удалось сделать за счет преобразования Майдана в отдельного политического игрока. Майдан стал наглядной демонстрацией протестных отношений в обществе, из которого можно было делать как телевизионную картинку, так порождать процессы легитимизации своих действий, так осуществлять попытки управления с помощью силы.

Оранжевая революция реализовала новый вид управления – **управление с помощью ультиматумов**, когда требования на данный момент легитимной власти выдвигает на данный момент нелегитимная власть. В ультиматуме содержится, как правило, требование кардинальной смены ситуации, для принуждения к выполнению которой требуется демонстрация силы. Отсюда захваты и блокирование административных зданий и улиц, митинги и демонстрации. Сила для действенности ультиматума обязательно должна быть продемонстрирована. Демонстрация протекает в рамках физического и информационного пространств.

Управление ультиматумами становится возможным только после завоевания своей собственной легитимности, поскольку в противном случае требования будут отвергнуты. Легитимность же завоевывается не за один день.

Можно выделить следующие типы порождения **легитимности**:

- **легитимность освещением**: чем положительнее освещение, чем безальтернативнее оно проводится, тем создается большая легитимность, что достигается захватом физического пространства;
- **легитимность действием**: чем больше действий оказываются разрешенными в физическом пространстве, тем большая легитимность присутствует, поскольку при этом совершается переход от объекта контроля к субъекту контроля;
- **легитимность «когнитивного взрыва»**: определенный «когнитивный взрыв», под которым мы будем понимать смешение норм, правил и запретов, вносит сумятицу в когнитивную

картину мира, если не разрешая, то уже не столь остро отрицая то, что было до этого запрещено;

- **легитимность, создаваемая обвинением оппонента:** оппонент, как правило, заранее вплетен в нарратив революции, поэтому его неправильные действия служат оправданием нарушения системности поведения, а оправданное поведение уже заранее объявляется верным;
- **легитимность, создаваемая дискредитацией институций:** если первый вид разрушения направлен на личности, то здесь он направлен на имеющиеся институции, если они неверны, то неадекватно и поведение, которое они инсталлируют.

Революция движется по пути нарастания, которое делает неотвратимым планируемый результат. Этого необходимо достичь с помощью выполнения следующих двух задач:

- расширение своего пространства;
- сужение чужого пространства.

Причем речь идет не просто о захвате: речь идет об **установлении контроля чужого пространства**, поскольку свое контролируется по определению.

В случае оранжевой революции под **вариант контроля физического пространства** можно отнести следующее:

- блокировка административных зданий;
- установление палаток на Крещатике;
- проведение непрекращающегося митинга на Майдане Незалежности.

Контроль информационного пространства состоял в переходе от провластной к прореволюционной позиции в один момент всех каналов ТВ от ситуации, когда на таких позициях стоял только один «Пятый канал».

Контроль когнитивного пространства становился результатом контроля физического пространства (например, множество оранжевого цвета как сигнал всеобщности) или пространства информационного. Все это становилось прямым и косвенным сигналом доминирования новой силы.

Образовывались такие убеждающие цепочки:

- митинг – телевидение – переход на сторону;

- блокирование административных зданий – освещение в газетах – переход на сторону;
- цветы в штиты ОМОНа – нейтрализация.

Нельзя сказать, что это была беззатратная цепочка. К примеру, подсчеты оппонентов говорят, что Майдан обошелся в 5–6 миллионов гривен ежедневно (Тарас Чорновил в программе «Постскриптум» 11 декабря 2004 года).

Устная передача информации всегда строится на более ярких и «кричащих» примерах, чем коммуникация официальная, поэтому такие способы удержания внимания должны были быть во всех семи вариантах коммуникаций, которые были на Майдане:

- лидер – толпа, где был разговор с трибуны;
- командир – группа, куда подпадет и организация жизни в рамках палаточного городка и организация пикетов;
- член группы с другим членом группы;
- протестующие – киевляне;
- протестующие – домашние за пределами Киева;
- протестующие – милиция;
- журналист – зритель / читатель.

Нахождение на площади должно было также стать событием жизни для всех. Кстати, визуальная сторона была наиболее сильной частью этой кампании со времени выдвижения Виктора Ющенко: она идеальна для глаз и для телекартинки. Недаром возникло название именно оранжевой революции.

Существенной проблемой для лидеров стало удержание протестующих от агрессивных действий с одновременной борьбой с наступающей депрессией от их отсутствия. По отношению к милиции нужно было заранее порождать неагрессивность, чем снимается чувство боязни у самих протестующих. Нужно было также создать и усилить ощущение единства у них, чему способствовала большая повторяемость речевок и событий на Майдане. Треугольник «Майдан – лидеры оппозиции – телевидение» действовал синхронно, когда нужно, подменяя один другого. Причем символически подчеркивалось главенство именно Майдана, хотя фактически управление было в руках лидеров. Когда же они не хотели подчиниться, они говорили, что люди их не слушают.

И конфликтная тактика в виде управления ультиматумами также держалась на коммуникативной составляющей. Кстати, здесь проявилась сильная сторона нескольких депутатов-агитаторов, способных удерживать толпу, как и вся режиссура протестного действия.

Когда есть только один источник информирования, пользующийся авторитетом (лидеры оппозиции плюс «Пятый канал» как ретранслятор), то это уже потенциальная возможность для любых искажений. По крайней мере, две решаемые задачи можно было увидеть в ситуации общения на Майдане:

- постоянная отсылка на стоящих на площади по модели одобрения («Вы так решили?» – «Да!»);
- раскрепощение, мобилизация активности масс с помощью своих собственных слов и действий, которые в обычной ситуации могут быть запрещены;
- отрицание правильности любых других источников информирования.

Большое число людей само по себе автоматически становится объектом внушения, подчинения не своему, а коллективному разуму. Сам человек никогда бы себя так не вел ни на футболе, ни на митинге. Он, с одной стороны, становится в толпе анонимным, с другой – его влекут высокие порывы коллективной души. А реагирование в рамках протеста оказывается возможным только с помощью черно-белых кодов: только «за» или только «против». Есть также такой закон: когда люди стоят локоть к локтю, они находятся на пике внушаемости.

Искусственное удержание людей в состоянии активности столь длительный период времени привело в результате к созданию особой психологической службы, направленной на снятие напряжения. Исходную ситуацию смены настроений на Майдане хорошо описывают наблюдения профессора **Татьяна Титаренко**: «Состояние эйфории, возникшее после решения верховного суда, снова сменилось тягостной неопределенностью. Толпа, как маленький ребенок, плохо переносит такие перепады. Ей требуется ежедневная подпитка в виде встреч с лидерами, авторитетных комментариев по поводу происходящего, четко артикулируемых планов на ближайшее будущее» [12]. Кстати, все это чисто информационные функции.

Что касается поднимаемой сразу после Майдана проблемы возникновения информационного общества, то следует сказать нечто обратное: вряд ли сейчас можно говорить именно об информационном обществе. Информация просто стала нужнее, что всегда является приметой кризисной ситуации. Но ее отсутствие не может быть характеристикой информационного общества. Тут можно скорее говорить о появлении активного сетевого сообщества, объединенного своим протестом, которое выросло в противовес влиянию провластных СМИ.

При наличии информационного вакуума, резко возросшей динамики происходящего колоссально вырос спрос на информацию. Возникла представленность другой точки зрения во всех СМИ. Задачей теперь становится сохранение двух точек зрения и в дальнейшем. Общество выговаривается, и ему в таких ситуациях не надо мешать.

Оранжевая революция с точки зрения маркетинговых коммуникаций

Маркетинговые коммуникации по определению направлены на предоставление информации о новом товаре своей конкретной целевой аудитории [13]. Новый товар должен иметь ясное преимущество перед другими. Политика, особенно это касается выборов, живет в этой же парадигме, поскольку выбор избирателя должен опираться на явно представленные различия предлагаемого. Дик Моррис также в свое время подчеркивал, что идеи важнее денег [14]. Качественная идея потребует меньших ресурсов, чем та, которая или уже была запущена, или не интересуется широкие массы населения.

Одним из основных стимулов оранжевой революции стало сильное желание социальных перемен, выразившееся в требование свободы, проводимое на фоне экономического улучшения, что не позволяло акцентировать чисто экономические причины, более понятные и привычные для избирателя. Именно жажда социальных перемен стала главной, например, для студенческой молодежи.

Революции осуществляются не в период экономического ухудшения, а в период нарушенных ожиданий, что заявленное эконо-

мическое улучшение не приходит быстро. Для Украины можно выделить ряд таких вариантов **нарушенных ожиданий**:

- **экономическое**: замедленный рост благосостояния на фоне благоденствия большого бизнеса;
- **социальное**: достигнутый малым и средним бизнесом денежный статус никак не «переводился» в социальный статус;
- **иерархическое**: ограниченная вертикальная мобильность, поскольку все стремятся к вхождению во власть, бизнес, наука и так далее перестали быть комфортной областью для роста;
- **молодежное**: молодежь жаждет сразу получать позитивные результаты своего труда, чего реально не бывает не только в Украине, но и во всем мире, хотя другой средний уровень как-то компенсирует эти притязания.

Каковы были основные моменты восприятия украинской действительности массовым сознанием? Сформулируем семь таких моментов, фиксируя каждый аспект их определенным ключевым словом. Они таковы:

- сформировался высокий уровень неудовлетворенности, первым сигналом чего была победа оппозиционного блока Виктора Ющенко на парламентских выборах 2002 года, зафиксировавшая высокий уровень **протестных отношений**;
- отвечая на это создаваемое напряжение, власть пыталась контролировать телевизионную картинку событий (по аналогии с Россией), не допуская на экраны выражение неудовлетворенности, особенно в лице лидеров оппозиции, что создавало у населения ощущение **телевизионной неправды**;
- происходящий экономический рост оказался незамеченным населением, что объясняется как его перераспределением в пользу более богатых, так и тем, что власть просто не смогла доказать населению, что рост есть, в отличие от оппозиции, доказывавшей отсутствие роста, что говорит о **потере доверия к власти**;
- как процессы глобализации, так и все постсоветское развитие страны включали Украину в Запад, но не реально, а на уровне чисто визуальной картинки, что усиливало чувство **разочарования**;

- старая элита стала восприниматься как тормоз, возник вариант мини-брежневского **застоя**, в то же время новая элита была лишена возможности роста, находясь в оппозиции;
- население стало возлагать свои **надежды** на Ющенко в том числе и потому, что не было адекватного третьего кандидата ни от власти, ни от оппозиции;
- особой роли не играет, соответствуют ли эти представления действительности, если они соответствуют тому, во что верит само массовое сознание, **вера** оказывается сильнее действительности.

Оранжевая революция представляла собой «канализацию» социального взрыва путем захвата новых областей физического, информационного и когнитивного пространств. В основе лежали не столько выдвигаемые обвинения в подтасовке результатов выборов, сколько требование социальных перемен, особенно значимое для молодежной аудитории. На фоне явного экономического улучшения именно требование ускоренных перемен оказалось главным стимулом для активизации социального протеста. Дополнительно к этому базой для протестных настроений всегда остается национально-этническая неудовлетворенность, чего нет в такой степени, например, в России. Именно поэтому Западная Украина выступила в роли такого катализатора событий и закрыла необходимые организационные потребности в людях.

Базисную неудовлетворенность каждой из социальных групп можно представить в следующем виде (см. рис. 29).

Рис. 29. Базисная неудовлетворенность социальных групп

Интересную особенность можно проследить, сопоставляя набор предыдущих выборов в Украине и России. Во всех выборах «продавалась» тревога и ее разрешение. Подобные конструкции – тревожные для всех, героические для мужчин, мелодраматические для женщин – хорошо научились создавать и продавать в кинематографе. Это эмоциональный продукт, которого в столь интенсивной форме зрители лишены в реальной жизни и поэтому хорошо покупают в жизни виртуальной. Это делает кино, это делает телевидение, это делает бестселлер. Конструкция «тревога – разрешение» хорошо понимается и хорошо продается.

Однотипно эта конструкция работает и в избирательных технологиях. Прошлые варианты выборов привязывали тревогу к приходу конкурента власти. И в России, и в Украине это был представитель коммунистической партии, которого побеждали с помощью активации у аудитории негативных стимулов, связанных с прошлым – то вновь заходила речь о репрессиях, то демонстрировали пустые прилавки магазинов. Оппозиция четко привязывалась к прошлому, а кандидат от власти – к будущему. Тревожность активировалась в связи с приходом к власти оппозиции. На выборах 2004 года все произошло с точностью до наоборот. Тревожность оказалась соединенной с представителем власти, чему способствовала акцентуация двух факторов: прошлых судимостей и распространения на всю Украину донецкого бизнеса. И общий лозунг «бандитской власти» объединял и закреплял эту тревожность. Тем самым единственным избавителем от тревоги становился представитель оппозиции. То есть в конструкцию, к которой избиратель даже уже успел привыкнуть, были вставлены новые герои (см. рис. 30).

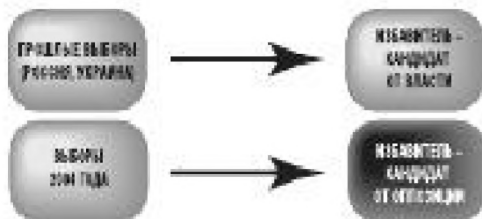

Рис. 30. Использование тревожной конструкции в выборах

Коммуникативная революция строится на информационном захвате максимально возможного количества социальных групп. Но поскольку это коммуникативная революция, то работа здесь состоит в показе многим неудовлетворенности немногих. Вариантом этого подхода в период холодной войны была трансляция мнений диссидентов сквозь разные голоса назад в страну. Возникает определенного рода психологическая ловушка. С одной стороны, какой-то тип аудитории укрепляется в своем мнении, ощущая, что он не один. С другой – иной тип аудитории ощущает, что он не прав, поскольку все, как оказалось, думают по-другому.

Типичной моделью при этом становится следующая: трансляция неудовлетворенности одной социальной группы на всю страну, в результате чего другие социальные группы ощущают, что они являются исключением, хотя на самом деле именно они являются большинством. В период холодной войны такой точкой отсчета была избрана интеллигенция. Перед началом оранжевой революции этой базой стало студенчество, в рамках оранжевой революции основным людским ресурсом стало население западных областей Украины.

Активное порождение одной точки зрения, удержание ее в поле внимания массового сознания убирает другие мнения на периферию. В блокировке другого и состоит феномен спирали молчания. Можно увидеть три этапа в подобной активации в массовом сознании одной точки зрения:

- этап первый – создание активного неудовлетворенного данным политическим режимом социального сегмента;
- этап второй – интенсивная трансляция этой неудовлетворенности на всю страну;
- этап третий – блокировка неприсоединившихся к этой неудовлетворенности социальных групп.

То есть в любом случае нужна базисная, модельная неудовлетворенность. В данном случае ее основой оказалось население западных областей Украины и студенчество. То есть мы увидели в действии хорошо уже известные до этого модели трансляции неудовлетворенности и спирали молчания.

Цели, которые вольно или невольно стояли перед сценаристами и планировщиками событий, можно представить в следующем виде, где каждая последующая цель опирается на предыдущую:

- захват непубличного пространства;
- захват неконтролируемого публичного пространства;
- захват контролируемого публичного пространства;
- захват официального пространства;
- захват «сакрального» пространства.

На каждом из этих этапов было свое соотношение физического, информационного и когнитивного пространств. Кроме того, каждый уровень характеризуется своей стратегией и своим видом информационной активности.

Непубличное, или бытовое, пространство захватывается легче всего, поскольку противодействие здесь, как правило, личностное, а не институциональное. Даже когда оно институционально, например, церковь может продиктовать тот или иной выбор, все равно в бытовых условиях внешний контроль минимизирован. Это был захват когнитивного пространства в пользу того или иного решения.

К неконтролируемому публичному пространству мы отнесем очередь, транспорт, к бытовому пространству – семью. Даже в этих пространствах, в которых обычно мыслят синхронно, были созданы внутренние конфликтные ситуации, хотя обычно люди в семье голосуют одинаково, только молодое поколение является всегда более либеральным. Теперь же люди реально ссорились по политическим причинам дома, в транспорте, в очереди.

Захват контролируемого публичного пространства выразался в его физическом, а не управленческом захвате. Информационное пространство, наоборот, было захвачено когнитивно при сохранении системы управления: просто журналисты стали освещать события с позиции другой стороны.

Официальное пространство было захвачено частично и вновь чисто физически. Только отдельные администрации западных регионов попытались заранее объявить Ющенко законно избранным президентом, что в результате привело и к попытке поклояться на Библии в здании верховного совета. По поводу первого и второго

скоро сделали вид, что этого не было вообще, поскольку эти события перестали упоминаться.

Захват сакрального пространства, к которому мы отнесем юридическое закрепление выборов президента, мог пройти только не в революционной, а юридически законной парадигме, поскольку таким каждый раз является требование Запада по отношению к любой революции.

Следует отметить ряд маркетинговых стратегий, которые получили активное развитие во время оранжевой революции.

- Поскольку (например, по теории Г. Клейна) люди в кризисных ситуациях принимают решения по аналогии, а не заново разбирают ситуацию, порождая в результате альтернативные решения, то и здесь Майдан был подведен под коллективную реакцию 90-х годов, под многочисленные варианты кампаний «Украина без Кучмы», которые имели место после этого. Обладатель такого опыта будет в новой ситуации принимать решение автоматически по своему старому варианту принятия решений.
- Человек принимает решения не только рационально, а чаще иррационально. Майдан активно использовал эмоциональный компонент, поскольку все выступающие взывали к чувствам, к голосованию сердцем призывает и телевизионная реклама Виктора Ющенко, для которой были характерны следующие слоганы: «мы вместе», «нас миллионы», «Украина может все», «Украина – это мы».
- Маркетинговые коммуникации всегда учитывают процессы стимулирования потребителя. В данном случае сюда можно отнести раздачу еды, одежды, символики, проведение концертов на площади.
- Статус и значимость участника Майдана все время завышались акцентом на его роли в происходящих политических процессах. С Майданом все время разговаривали лидеры оппозиции, усиливая и подкрепляя те реакции, которые работали на общие цели.
- Использовалась очень четкая канонизация содержания, которая бесконечно повторялась в разных формах. Любое откло-

нение от канона сразу вызывало противодействие («этого не может быть») или высмеивалось (как произошло с выступлением жены премьера).

- Коммуникативно использовались факты сразу с интерпретацией (так называемые фреймы), например, «народный президент Ющенко», «преступный режим Кучмы», «бывший президент Кучма», «криминальная власть». Как только парламент проголосовал против правительства, сразу же Янукович стал «бывшим премьером».
- Символы кампании, особенно выбранный оранжевый цвет, следует отнести к несомненным находкам. Визуальная сторона кампании, организация ее перформансов также соответствовали требованиям качественной телевизионной «картинки», начиная с выдвижения Виктора Ющенко в кандидаты на Спивочем поле.

Планирование маркетинговых коммуникаций состоит из такого набора этапов [13]:

- **первый этап** – определение возможных затруднений и благоприятных возможностей;
- **второй этап** – определение целей;
- **третий этап** – выбор целевой аудитории;
- **четвертый этап** – выбор маркетинговых коммуникаций-микс;
- **пятый этап** – выбор стратегии маркетинговых обращений;
- **шестой этап** – выбор средств доставки маркетинговых обращений;
- **седьмой этап** – определение бюджета;
- **восьмой этап** – реализация стратегии;
- **девятый этап** – оценка результатов.

По каждому из этих пунктов явно можно написать конкретный набор, которым руководствовались создатели кампании. Торговая марка кампании «Так!» также была отработана целой группой специалистов.

Все это требует соответствующего финансирования. Народный депутат **Александр Третьяков** назвал сумму в 20 млн. гривен, перечисленных на революцию за 12–15 дней, при этом подчеркивая, что сама акция строилась на самокупаемости [15]. **Сергей Таран**

назвал подсчитанную им необходимую для оранжевой революции сумму в 1,6 млрд. долларов, чтобы доказать невозможность такого уровня финансирования.

Следует подчеркнуть определенный развлекательный характер избранной формы, которая временами напоминала просто рок-концерт. **Стив Хейер**, возглавляющий маркетинговую работу «Кокка-колы», выступая на конференции журнала Advertising Age, подчеркнул следующее [16]: «Нас ведут идеи. Идеи, которые приносят развлекательную ценность нашим брендам, и идеи, которые интегрируют наши бренды в развлечения [...] Мы будем использовать разнообразный набор развлекательных возможностей, чтобы проникнуть в сердца и разум. Именно в таком порядке. [...] Потому что именно идеи, которые всегда находятся в сердцевине историй, которые вам рассказывают, содержания, которое вы продаете... будь то кино, или музыка, или телевидение... уже не являются более интеллектуальной собственностью, это эмоциональная собственность». **Майдан объединил две формы: протеста и развлечения**, что составило его принципиальное отличие от других вариантов революционных форм. Такое сочетание позволяло, вероятно, удерживать агрессивность на безопасном уровне.

Роберт Хелви предложил и такую стратегию по отношению к власти, как несотрудничество, различая его общественный, экономический и политический варианты [5]. Он считает это одной из важнейших категорий ненасильственных действий.

Следует упомянуть также и о такой технологии двойного предназначения, как компания «Пора», которая в результате в конце разделилась на три: черную, желтую и красную ветви. Мы говорим о двойном предназначении, поскольку она может быть и военизированной, и просто массовой организацией в зависимости от смены задач.

«Пора» выступила в роли определенного скелета, модели, задающей будущее поведение населения. Неудовлетворенность населения (нечестностью выборов, аморальностью власти, нелегким экономическим положением) как базовая точка отсчета была поднята на штыки «Порой», которая моделировала протест населе-

ния. Когда же население увидело это движение в действии, оно и само решилось на более активные формы протеста. Образовалась следующая цепочка (см. рис. 31).

Рис. 31. Модель реализации протестного поведения населения

«Пора», заняв палатки, создала прецедент действительной силы, к которой затем более легко присоединились собственно народные массы. Этот переход полностью соответствует теории фоко Че Гевары и Дебрея как партизанской ячейки, которая может стать примером для населения, «выталкивая» широкие массы на сходные виды поступков. То есть первый шаг делался оппозицией, второй – «Порой» и лишь третий – собственно населением.

Все это нормально и адекватно современному миру, хотя, вероятно, следует различать плановые и стихийные варианты революций. И в том и в другом случае более важным компонентом становится преодоление сопротивления власти. Чем выше уровень планирования, стратегии, как подчеркивает **Джин Шарп**, тем выше шансы на успех.

Глеб Павловский также выделил определенный «алфавит» революции, говоря, что современное искусство революций отличается хорошей предпродажной подготовкой. Он подчеркивает: «Новые революции похожи на набор «Сделай сам» из массовых продуктов – концерты, блокбастеры, курсы молодежной политики, СМИ и Интернет. У нас ужасаются тому, что появляются менеджеры революции, такие «блокбастерфюреры». Ну а вам кто мешал? Спроектируйте контрреволюцию сами» [18]. В любом случае сильная игра требует сильных проектов как со стороны революции, так и со стороны контрреволюции.

Революция усиливает уже имеющиеся в обществе настроения. Как и в случае пропаганды, усиление напряжения обязательно должно сопровождаться демонстрацией выхода. Революция – это действительно выход из ситуации, созданной искусственно или естественно введенным напряжением. Чем большее число людей увидят в революции выход для себя, тем более успешной она будет. Оранжевая революция давала выход в виде голосования, чем легитимизировала свое движение вперед.

Оранжевая революция должна была решать ряд задач и в среде своих сторонников, среди важнейших назовем следующие:

- разбудить (поднять) активность массового сознания;
- удержать активность (агрессивность) на определенном уровне, не выходя за его пределы;
- вооружить своих сторонников аргументацией для бесед с их противниками.

Оппозиция должна все время инициировать определенные действия, одновременно запрещать определенные действия, чтобы не было массовых беспорядков, но к которым все равно призывали некоторые члены комитета национального спасения.

В принципе **революция занята конструированием нестабильности, в то время как власть занята конструированием стабильности**. Если в семиотическом плане оппозиция порождает знаки нестабильности, например, массовые шествия, блокирование зданий, то власть должна порождать знаки стабильности (например, колонны милиции). Однако и нестабильность должна носить приметы системности и цивилизованности, чтобы не выходить за пределы, как это было в случае погромов в Киргизии-2005.

Леонид Бляхер говорит о социальном хаосе, характеризуя поведение в нем следующим образом: «Человек, ввергнутый в социальный хаос, стремится как-то компенсировать обнаружившуюся ущербность, лишенность. Он ищет группу, в которой возможно обретение желательной статусной ренты, воссоздание наглядности картины мира, интерсубъективной реальности» [19]. То есть явно присутствует желание получить от кого-то и картину мира, и определенную социальную защиту. Кстати, революция также требует принятия определенных решений, что

также непросто для человека массы. Вероятно, более удобным путем становится присоединение к какому-то харизматическому лидеру, что и должно в результате обеспечить весь набор нарушенных потребностей.

Революция «продает» одновременно страх и счастье. Страх активно присоединяется к представителю власти, счастье – к представителю оппозиции. Украина-2004 сделала власть бандитской, в то же время население в пропаганде другой стороны должно было подготовиться к разделению на первый, второй и третий сорт. Киргизия-2005 наглядно продемонстрировала, что в результате лучше согласиться на любую власть, чем на погромы. Страх делает человека активно впитывающим новую картину мира, поскольку старая не дает ему безопасного существования. Предложение выбрать между «страхом» и «счастьем» имеет только одно решение.

Следует поддержать правильность мнения **Юрия Соллозובה**, который заявил следующее: «Успех восстания во многом определяется тем, что всякая революция реализуется не против конкретного политического лица в пользу другого лица. Скажем, «единого кандидата от оппозиции», каким бы привлекательным (или наоборот!) не было это лицо. **Революция всегда направлена против сложившегося дисциплинарного порядка.** Например, киевское городское восстание вовсе не сводилось к «свержению Януковича». Оно не было также выступлением «всех украинских сил против России». Целью оранжевой революции был демонтаж опостылевшего «коррупцированного режима», а также изменение принципов легитимности власти в пользу устойчивой процедурной демократии» [20]. То есть речь идет не только об искусственных, но и о вполне объяснимых естественных процессах.

Сегодня Россия не понимает механизмов революции и не принимает ее. **Станислав Белковский** заявляет, что в основе развития украинско-российских отношений лежит «субъективное отношение Владимира Путина к прошедшей оранжевой революции, которую он ненавидит постольку, поскольку не понимает ее причин и механизмов. Несмотря на это, Кремль сформулировал официальную доктрину, согласно которой в оранжевой револю-

ции виноваты Соединенные Штаты, политико-технологический ресурс которых существенно превосходит российский, поэтому Россия не смогла ничего поделаться, хотя и была убеждена в необходимости победы Виктора Януковича. В глубине души Путин знает, что обязательства, которые США взяли на себя в июне прошлого года и которые заключались в том, что Вашингтон не будет мешать победе Януковича, выполнялись достаточно безукоризненно вплоть до декабря. Больше того, посол США в Киеве предотвратил захват администрации президента Украины, надавив на Виктора Ющенко» [21].

Революция ускоряет те процессы, которые уже начались, придавая им более успешные форматы. Она частично трансформирует подлинную реальность и существенно реальность виртуальную. Ее поле действия / бездействия в первую очередь расположено в виртуальной плоскости. Власть, обладая исключительными возможностями по работе в подлинной реальности, уходит из нее. В этом особенность бархатных революций, которые совершаются в первую очередь в пределах виртуальной реальности, которая для этого расцветается жертвами, героями и врагами. Это именно требование виртуальной реальности, подобно тому как любой товар лучше продается в опоре на рекламу с известным лицом, то есть также с объектом из виртуального мира. Виртуальный мир власти оказывается сильно изношенным за время ее правления, поэтому происходит смена одного виртуального мира на другой.

Оранжевая революция: политический и PR-инструментарий

Революция моделирует ситуации разрыва с прошлым состоянием, причем переход этот может носить как насильственный, так и ненасильственный характер. Интенсивный разрыв отличается от естественного разрыва активным включением разного рода процессов разрушения старых структур. Для молодого поколения такого рода разрушение не является столь же болезненным, как для поколения старшего, поскольку у них нет личностного эмоционального включения в старые структурности.

Стратегия разрыва характеризуется следующими чертами:

- увеличением скорости трансформации;
- переходом к новым возможностям объектов, например предельным состояниям людей;
- открытием новых пространств для движения вперед.

Из этих трех характеристик явной становится возрастающая роль ошибки. В принципе стратегия часто и строится на введении своего противника в пространство ошибок, чему способствует среди прочего и сознательное введение его в заблуждение.

Стратегия преодолевает сопротивление среды, которое в случае революционных изменений вообще достигает максимума, хотя оно не менее велико и в случае более стандартной трансформации фирмы, учреждения, страны. Теория организационных изменений всегда требует учета этого вида сопротивления.

Революционная стратегия по отношению к противнику, то есть власти, строится также на нейтрализации возможностей власти по построению помех. Именно по этой причине и важна стратегия, поскольку здесь происходит наложение действий двух сторон, развитием ситуации руководят из двух центров одновременно, пытаясь опереться даже на те же самые ресурсы, стараясь перетянуть их на свою сторону.

Перед нами возникает задача удержания своей стратегии с одновременной попыткой добиться срыва стратегии противника. Эти задачи однотипны как для власти, так и для революционеров.

Власть обладает для этого большим ресурсом, революция обладает большей поддержкой населения. Революции, как правило, «забирают» население у власти, выводя их на открытые формы протеста, которые в свою очередь начинают служить моделью для других, создавая соответствующий каскадный эффект.

Сегодняшняя глобализация создала прецедент открытости, когда внешние параметры играют в развитии страны не меньшую, а то и большую роль, чем параметры внутренние. Внешнее давление столь же эффективно сегодня, как и давление внутреннее. Можно представить следующий набор вариантов позитивного / отрицательного внешнего / внутреннего давления на власть (см. табл. 19).

Таблица 19
Варианты давления на власть

Внутреннее давление	Внешнее давление	Комментарий
Позитивное	Позитивное	Почти несуществующий вариант
Позитивное	Негативное	Вариант внешней войны
Негативное	Позитивное	Поддержка внешних союзников
Негативное	Негативное	Вариант бархатных революций

Задачей революционной составляющей в поле принятия решений противников является максимальное затруднение принятия адекватных решений, чему, среди прочего, служит и внешнее давление. Например, и в Грузии, и на Украине в кризисные моменты раздавались однотипные звонки Р. Бейкера и К. Пауэлла, на которые не ответили ни Э. Шеварднадзе, ни Л. Кучма.

Вообще близость югославского, грузинского, украинского вариантов носит системный характер. Это в сильной степени связано не только с близостью планировщиков, но и с определенными аспектами глобализации, в которую вступило человечество. Сегодня ряд реальных объектов могут существовать и удерживаться с помощью поддержки виртуальной действительности, которая обеспечивается с помощью механизмов глобализации. Политическая глобализация продвигает вперед однотипные институции, трансформируя реальную действительность под требования действительности виртуальной.

К числу таких требований сегодня относится и такое: «Для последующих «революций» принципиально важно дать пример наличия болезненного, но не катастрофического выхода для экс-властей. Революционеры, придя к власти, могут оказать своим коллегам из других стран медвежью услугу, переборшив с, возможно вполне справедливым, преследованием недавних противников. Понятно желание сделать так, чтобы впредь неповадно было (деятелям той же страны, да и властям других стран), но есть опасность поставить противников дальнейших революций в ситуацию уверенности – любые средства хороши, только бы не отдать власть, иначе никакие гарантии потом не помогут. Необходимо, скажем, создание ситуации, когда поражение «преемника» Пути-

на или неудача с каким-нибудь из продвигаемых властью сценариев конституционных преобразований не означала бы ничьих личных катастроф» [22].

Оранжевая революция позиционировала себя как прогрессивная, как движение в будущее в отличие от регрессивного движения в прошлое своих противников. Борис Ельцин во время противостояния с коммунистами также активно использовал лозунг «Купи еды в последний раз», PR-инструментарий был направлен на закрепление за противником отрицательных характеристик. Это выстраивание «забора» вокруг оппонента, в своем же случае следовало максимально расширять свою электоральную базу.

Оранжевая революция была поддержана в первую очередь двумя основными классами: молодежью и малым / средним бизнесом. Молодежи (как и представителям разразившейся впоследствии «ситцевой», «седой» революции пенсионеров в России) нечего терять. Одновременно молодежь и бизнес обладают гораздо большей динамикой в принятии решений, а также ориентацией на либеральные ценности, которые пока на территории СНГ остаются западно-ориентированными, а не носят собственного характера.

Таким образом, молодежь и бизнес обладали следующими сходными чертами:

- отсутствие страха;
- быстрое принятие решений;
- приверженность либеральным ценностям.

В этом плане это была ценностная, идейная революция, в рамках которой **Виктор Ющенко** закрепил за собой образ «европейского политика», несущего «европейский образ жизни» [23]. Увеличивала фиксацию именно этого направления максимальная включенность в избирательный процесс символических фигур (к примеру, Леха Валенсы) и действий с западной стороны, а также сочувственное изложение ситуации на страницах западной прессы.

Революция предполагает максимальную мобилизацию масс. Выборы-революция отличались максимальным объемом принявших участие в голосовании. Практически никто не смог уклониться от собственного принятия решения, в связи с этим люди чувствовали себя творцами истории, участниками уникального действия [23]. Это

ощущение того, что ты выигрываешь и побеждаешь лично, а не опосредованно и возможно. Сегодня и сейчас становятся главной координатой поведения, поскольку ничего нельзя перенести на завтра.

Модель социального взрыва всегда покоится на определенном организационном ядре, которое призвано придавать нужные направления очертаниям массе. Эта форма в отличие от содержания массовости, создаваемого народными выступлениями, «жесткая» и «мягкая» составляющие одного и того же процесса. В роли жесткой составляющей выступили лидеры оппозиции и организация «Пора», а также жители Западной Украины, из которых формировались отряды по блокированию административных зданий. В роли «мягкой» составляющей – вышедшие на улицу в первую очередь киевляне и примкнувшие к ним жители других городов (см. табл. 20).

Таблица 20
Составляющие оранжевой революции

«Жесткие» составляющие	«Мягкие» составляющие
Лидеры оппозиции	Киевляне
Общественная компания «Пора»	Жители других городов
Жители Западной Украины	

В случае российской ситцевой революции также имеются сходные черты базового ресурсного компонента:

- пенсионерам (как и молодежи) нечего бояться;
- пенсионеры обладают своими структурами – советами ветеранов и так далее.

Здесь жесткой составляющей, к которой затем могут присоединяться другие, становятся пенсионеры, которые внезапно переместились с позиций массовой опоры власти в лице Владимира Путина на ее критиков.

Сама ситуация такого рода имеет серьезные и далеко идущие последствия. Как пишет **Андрей Дмитриев**: «Бунт пенсионеров показал актуальность старого эсеровского лозунга «в борьбе обрешь ты право свое». Власть впервые пошла на уступки массам, признав «некоторые отдельные ошибки монетизации» и вернув пенсионерам часть льгот. А маленькие победы, как известно, вдохновляют

сильнее всего. Теперь уже никто не скажет, что выходить на улицу не имеет смысла. Произошли изменения в сознании граждан» [24].

Оппозиция как часть элиты имела сложные задачи, поскольку население традиционно относится к элите с недоверием. Как пишут исследователи, элита «не обладает своим собственным авторитетом, отличным от авторитета Государя и им не подкрепленным. Она авторитетна только до тех пор, пока действует от имени Государя. Как только она начинает выступать от себя, она оказывается нелегитимна и противна народу» [25]. Конечно, мы можем отнести это замечание к далекому прошлому, что в демократическом, а не монархическом варианте устройства общества все это отнюдь не так, но элемент правды в нем есть – элита как бы вторична при первичности Государя и Населения.

В случае оранжевой революции легитимность новой элиты строилась также на присоединении к новому «государю» – президенту Виктору Ющенко, который задавался символически как народный президент еще до завершения выборов. Модель украденного президентства в этом плане укладывалась в схему фальсификации выборов. Кстати, Югославия шла однотипно по сходной модели борьбы с фальсификацией, где шла однотипная подготовка именно жестких составляющих этой борьбы [26]. В этом случае это были лидеры, активисты и представители 40 городов Сербии и Черногории, где у оппозиции было больше силы и власти.

Модель украденных выборов сходна по своим основам с крестьянскими бунтами, когда Емельян Пугачев и другие выступали в роли настоящих правителей, пришедших для того, чтобы избавить народ от страданий. Интересно, что Пугачева при этом приветствовало именно торгово-промышленное сословие, которое выступало против предоставления свободы торгово-промышленной деятельности дворянам и крестьянам [27. – С. 291]. То есть в этой роли выступал новый класс, а в киевском случае это малый и средний бизнес, который, ощущая подавление возможностей для своего роста, поддерживает смену модели власти даже революционного порядка.

Петерим Сорокин как свидетель революции 1917 года считает причиной любой революции подавление базовых инстинктов

большинства населения. При этом он выделяет шесть видов такого подавления накануне революции 1917 года [28. – С. 282–283]:

- подавление инстинкта самосохранения среди 50–60 миллионов мобилизованных солдат;
- подавление инстинкта группового самосохранения – следствие постоянных поражений, беспомощности властей, государственной измены ряда деятелей;
- подавление пищеварительного инстинкта в связи со сложностями продуктового обеспечения городов, обострившегося в конце 1916 года;
- подавление инстинкта свободы, связанного с военным положением в стране (цензура, трибуналы, деспотическая политика);
- подавление собственнического инстинкта, вызванного обнищанием населения;
- подавление сексуального инстинкта населения беспутством правящих кругов и распутинщиной.

Данные системы подавления в той или иной степени легко переносятся на украинскую ситуацию.

Эта точка зрения позволяет П. Сорокину ответить на вопрос, какие социальные группы становятся революционными, в какой степени и почему. Это те индивиды и группы, чьи базовые инстинкты репрессированы больше других. Правда, рост репрессий является относительным. П. Сорокин цитирует **Г. Патрика**, который говорит о новом типе лишений – отсутствии автомобиля, яхты или виллы в Ньюпорте.

Это такая материальная теория революции в отличие от современных идейно-ориентированных, когда роль материальных факторов переходит на факультативные позиции.

Есть также теория мобилизации ресурсов, в рамках которой прослеживаются следующие параметры [цит. по 29]:

- набор ресурсов, требующих мобилизации;
- связь общественного движения с другими группами;
- зависимость движения от внешней поддержки;
- тактика, используемая властями для контроля движения.

Джин Шарп, создатель теории ненасильственного сопротивления, на первое место выносит нейтрализацию систем поддержки

власти. Так, в случае украинской революции оказались нейтрализованными спецслужбы, которые постфактум разъяснили, что были на самом деле на стороне революции [30]. Правда, нынешний глава службы безопасности Украины **Александр Турчинов** не столь восторженно оценил их помощь.

Сегодня активно обсуждается то, что даже музыка на Майдане играла по совету западных спецслужб с целью удержания в пределах агрессивности толпы [31–32]. И это действительно является существенной проблемой, поскольку управление большими массами людей, которых постоянно поднимают на те или иные действия, является сложной задачей. В дневное время люди с Майдана постоянно двигались по центру города, поскольку на самом Майдане никаких задач не было.

Исследователи культов подчеркивают наличие простых методик по введению людей в определенный транс [33]. Это и музыка, и ритмические повторы слов, и так далее. Вероятно, отсюда те бесконечные рассказы об особой ауре, к которой прикоснулся каждый на Майдане. То есть большие массивы людей можно удерживать в пределах определенных поведенческих рамок только с помощью определенных и вполне конкретных действий, блокирующих иное и в принципе разнообразное поведение, концентрируясь на нужных вариантах.

Одной из целей последней кампании Джорджа Буша стало опускание интенсивных коммуникаций из сферы публичных в частные коммуникации. Было задействовано несколько миллионов волонтеров, которые получали соответствующие задания, например: встретиться / обзвонить сто знакомых людей. Задания носили ежедневный характер и ежедневно проверялись. Это самое большое число волонтеров за всю историю президентских кампаний в США.

При этом кампания доводится до «кипения», что было и в случае президентских выборов 2004 года в Украине, когда и публичные, и частные коммуникации строились на порождении высокого уровня конфликтности. Все это по результатам функционирования очень напоминает секту, которая не допускает инакомыслия. **Артур Дейкман** интересно заметил, что мы, сами того не замечая, постоянно входим в ситуации, близкие к сектам, когда нам прихо-

дится безоговорочно соглашаться с чужим мнением [33]. В случае секты, а с нашей точки зрения и в случае высокого уровня противостояния в политике, мы имеем следующие типы правил:

- согласие с группой;
- зависимость от лидера;
- занижение посторонних;
- избегание иного мнения.

Секты жестко выстраивают информационные потоки, не разрешая никаких отклонений от заданных «эталонов».

Главная «нейтрализация» кампании прошла по линии первого лица, поскольку свидетели говорят о фразе, которую произнес Леонид Кучма Владимиру Путину после второго тура, что он не может передать власть Януковичу, поскольку тот донецкий бандит [34]. То есть и сам Кучма вовсе не собирался передавать власть, в этом случае строится иная картина, объясняющая отсутствие действий со стороны власти. С одной стороны, Кучма не избирался на третий срок, с другой – не хотел передавать власть Януковичу.

Россия сегодня создает собственные протестные циклы уже времен Владимира Путина. **Станислав Белковский** считает, что сам Путин не сможет возглавить протестное движение, перехватив его лозунги: «Сегодня народ разочарован в Путине и, в отличие от ситуации годичной давности, не поддержит пролонгацию путинских полномочий. И не поверит ни в какие революционные призывы со стороны власти, даже если они последуют. Главное же, что Путин психологически не способен к таким призывам. Он не народный вождь, не лидер, не трибун. Он политик абсолютно бюрократического толка. Он может комфортно себя чувствовать только в аппаратной среде, где все решают деньги и административный ресурс. Никакой энергетикой революции он не может быть заряжен по определению» [35].

Казахстан, например, также сегодня проходит сходный протестный цикл [36–38], в рамках которого есть и закрытие партии, и разгон демонстрации, и создание антикризисного центра [39–40]. При этом однотипно с Украиной и Грузией максимально активные позиции занимают внешние игроки [41].

Все это создает нужный вариант опыта взаимодействия, мифологии и героики, который не сможет быть разрушен простыми действиями властей. Речь идет о долговременной стратегии разрушения, когда модели сопротивления и восстания вводятся в массовое сознание. **Дуг Мак-Адам** (вслед за Чарльзом Тилли) говорит о другой темпоральной логике в подобных случаях, которая включена в модель политического процесса общественных движений [42]. Выступления уже нельзя останавливать кратковременным инструментарием, поскольку через некоторое время они возобновятся вновь, как это имело место с массовыми протестами против бывшего президента Леонида Кучмы. По сути перед нами столкновение сценарного планирования со стороны тогдашней оппозиции как долговременного и краткосрочных чисто пожарных методов реагирования со стороны власти. Власть могла сделать многое, но не сделала, в то же время оппозиция могла сделать немного из-за ограниченности внутреннего ресурса, но сделала все возможное.

При этом сегодня подчеркивается, что избирательная кампания Виктора Ющенко не смогла выполнить большинства поставленных перед ней задач, среди которых были следующие [43]:

- разрешение проблемы массмедийной изоляции;
- получение более сильных электоральных позиций на Востоке и Юге;
- опровержение набора мифов вокруг имиджа Ющенко, созданных его противниками;
- расширение предвыборной коалиции;
- создание механизма противодействия фальсификации выборов.

При этом следует подчеркнуть, что эти недостатки не помешали выиграть выборы, так что их роль и значимость становятся не такими существенными.

Произошедшие изменения стали головной болью для соседних государств постсоветского пространства. Россия «закрывается» акцентированием внешних игроков украинской ситуации, занижая при этом роль внутренних, собственно Майдана [44]. Отсюда обвинения в сторону США и Европы как главных действующих лиц на украинской сцене. Азербайджан устами председателя одной из

партий Рашада Рзакулиева видит ситуацию в своей стране под углом зрения оранжевой революции в следующем [45]:

- революция – это кризис, вынужденная мера, когда исчерпан диалог между властью и обществом;
- социальных предпосылок в Азербайджане более чем достаточно;
- для предотвращения революционного развития ситуации следует дать институциональный, квалифицированный выход новым центрам силы и влияния, чтобы кто-нибудь другой не взял их под себя.

Подчеркнем важность последнего предложения, поскольку украинская ситуация также характеризовалась определенным торможением вертикальной и горизонтальной мобильности населения, вызванной концентрацией интересов для роста только в системе исполнительной власти, тогда как в советском прошлом и профессор, и учитель, и актер были вариантами успешного развития карьеры.

Анализируя в журнале «Эксперт» революцию 1905 года, **Максим Соколов** говорит о предсказуемости поведения властей, что соответствовало контексту эпохи, когда и в демократических Британии, Франции и Америке с несанкционированными демонстрациями обращались столь же жестко [46]. То есть все игроки получают и сами производят ожидаемые действия. Украинский результат потому и классифицировался как революция, что имел маловероятный исход. Революции осуществляют определенный переход через желания властных элит к следующему состоянию своего развития.

Бывший президент Киргизии **Аскар Акаев** уже заранее выражал свою озабоченность происходящим в республике, акцентируя то, что «теперь появились квалифицированные тренеры, научившиеся из провокаций делать разного цвета революции» [47]. То есть вновь акцент делается не на внутренних, а на внешних факторах. При этом следует признать, что внешние факторы во многом лишь приводят в соответствие возможности оппозиции и возможности власти, опирающейся на административный ресурс.

Только сегодняшние революции активно используют при этом не только инструментарий ненасильственной борьбы, но и PR-ин-

струментарий, что позволило газете Neue Zuercher Zeitung написать [48]: «В отличие от борцов «Солидарности» революционеры Киева ни одной секунды не были в одиночестве, включенные в сети телекоммуникаций и поддержанные зарубежными специалистами в области PR, они пошатнули господство Кучмы».

Бархатная революция должна обладать следующим обязательным коммуникативным набором:

- обеспеченной передачей телевизионной картинке на Запад;
- связью с национальными СМИ и журналистами;
- качественной PR-поддержкой политических акций.

Исходным содержанием телевизионной картинке становится выражение массовой неподдержки власти, в случае оранжевой революции – Майданом. Это активировало другие массы людей на подобного рода поступок, совершая эффект домино. При этом осуществляется в первую очередь передача эмоционального состояния, происходит определенное эмоциональное заражение, которое всегда характерно для толпы.

Бывший министр иностранных дел Словакии, консультировавший и оранжевую революцию, **Павел Демеш** говорит в газете Le Nouvel Observateur о поведении властей: «На протяжении всей предвыборной кампании пресса всего мира следит за каждым их шагом. И они отказываются стрелять по толпе в прямом эфире CNN. Именно в этот момент их можно свергнуть» [49].

Все это говорит об особой роли СМИ, которые не только вербуют своих новых сторонников, но и могут блокировать те или иные действия власти.

Большую роль играла чисто организационная составляющая, поскольку большие массы людей не могут существовать в свободном плавании. **Роман Бессмертный** говорит газете Guardian: «Мы создали систему, параллельную государственной, потому что только система может победить противника, поддерживаемого всем государством» [50]. Объемы подготовки передают следующие цифры: за 30 месяцев 150 тыс. человек прошли через курсы, семинары и мастерские, наблюдатели получили более 10 тыс. камер для фиксации нарушений на выборах. Газета Guardian передает слова организаторов: «План кампании был оригинальным и амбициоз-

ным: они организуют в центре города рок-марафон, ежедневно длящийся 10 часов. Он станет главным мероприятием длительной демонстрации, которая парализует жизнь города. Рядом с площадью Независимости, где будет проходить концерт, появится палаточный лагерь, достаточно большой для того, чтобы властям трудно было его убрать, не прибегая к рискованной демонстрации силы». Было подсчитано соотношение войск и демонстрантов: на 15 тыс. киевских военнослужащих нужно было выставить не менее 50 тыс. протестующих, тогда войска не пойдут на разгон.

Оранжевая революция, как и другие крупные действия в физическом пространстве, имела свои цели в сфере влияния на других. Действие будет тем успешнее, чем более четко оно обрисовано заранее в когнитивном пространстве. Если совершается контрдействие по отношению к заданному в когнитивном пространстве, то оно требует дополнительного ресурса. Так, в числе задач, которые ставились планировщиками избирательной кампании Ричарда Никсона, была борьба с мнением о невозможности его избрания (см., например, [51]). Операции влияния покоятся на определенной инструментарии (алфавите) влияния, отработанном как в экспериментах, так и в реальных кампаниях.

Успешные операции влияния строятся на сочетании ходов одновременно во всех трех пространствах: физическом, информационном и когнитивном. Результат в когнитивном пространстве всегда будет тем сильнее, если он будет поддержан действиями в других пространствах. Например, чистый переход из информационного в когнитивное пространство недостаточен, он должен быть подкреплён действиями в пространстве физическом. В ряде случаев возникают чисто символические события, которые условно могут быть отнесены к физическому пространству как пространству их манифестации. В избирательных технологиях, например, такие явления получили название «псевдособытий».

Возникают соответствующие задачи воздействия на власть при помощи подобных «псевдособытий». **Роберт Хелви**, реализующий идеи Джина Шарпа на практике, предлагает разграничивать возможности и интенции власти [52]. Если возможности меняются замедленно, то интенции изменяются гораздо быстрее. Ставится также задача рек-

рутировать в ряды оппозиции друзей и родственников «опор режима». Трудно применять газ против демонстрантов, среди которых находится твой сын. То есть эти и подобные дилеммы сознательно конструируются, чтобы затруднить принятие решений для властей.

Стратегический уровень управления ситуацией требует создания не только «псевдособытий», но и «псевдоисторий», формирующих действительность под определенный фрейм, задающих, в числе прочего, и лагерь героев, и лагерь врагов. Герои, конечно, должны победить врагов, потому что за героями стоит народ. **Джордж Лаккофф** в этом плане проанализировал ряд историй, на которых базируется мифология республиканцев и Джорджа Буша [53, см. также 54]. Как информационный, так и виртуальный уровни строятся таким образом, чтобы легитимизировать процессы смены власти.

И последнее – начинает переосмысливаться и роль России. Как заявил **Михаил Маргелов**, например: «В начале года по приглашению Российского общества солидарности с народами Азии и Африки (ОСНАА) в Москве побывали лидеры киргизской оппозиции – Курманбек Бакиев, Омурбек Текебаев, Роза Отунбаева. Мы общались с ними, проясняя их позицию, и рассказывали о своей. Отрадно, что из Бишкека достаточно быстро прозвучали слова о неразрывности связей с Россией, о сохранении российской авиабазы в Канте. О том, что новые лидеры Киргизии не собираются выходить из жизнеспособных институтов СНГ, к которым, в первую очередь, относится Договор о коллективной безопасности» [55]. То есть Россия оказывается активно задействованной в переговорах именно с оппозицией, а потому спокойно относится к смене власти. В результате образуется гораздо более сложная конструкция, чем просто противодействие США и России: «Хотя острие оппозиционного демократического движения в Киргизии, открыто финансируемого США, было направлено против дружественного Москве президента Акаева. Заметная «фоновая» помощь США в бишкекских событиях, о чем подробно писала газета New York Times, уже совершенно не раздражает Россию. Кремль каждый раз добросовестно выполняет предписанные ему Вашингтоном функции «**доброго следователя**» для **постсоветских режимов**» [56]. Идет существенная трансформация действительности, но она имеет место с согласия всех участников.

СМЕНА РЕЖИМОВ ИЗВНЕ И СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ОТ НЕЕ

ФОРМАТИРОВАНИЕ БУДУЩЕГО

Легитимизация стратегии

США ГОВОРЯТ о форматировании будущего под задачи своей национальной безопасности как о вполне реальной задаче. К сожалению, прозвучавшие в стратегических оценках 1999 года эти проблемы потом исчезли из открытой печати, что вполне понятно, поскольку тогда оппоненты могут оказаться во всеоружии. Все равно следует считать, что исследования такого рода ведутся, правда, вне внимания широкой общественности, в противном случае теряется их смысл. Поэтому мы можем лишь восстанавливать возможные направления развития данного подхода, иногда именуемого как *shaping of the future* (формирование / форматирование будущего). **Ричард Куглер** подчеркивает, что в «анализе мировой системы имеют значения сегодняшние структуры, но процессы, производящие изменения, формирующие будущее, более важны» [1].

Все это говорит вообще о транзитивном характере всего сегодняшнего состояния, поскольку параметр движения оказывается более существенным, чем параметр стабильности. Фиксированное состояние по сути не является таковым, если не достигнут нужный результат перемен.

Дэвид Гомперт говорит, что форматирующие и реагирующие функции вооруженных сил должны находиться в гармонии [2]. Принятая в прошлом тактика фиксированного расположения вооруженных сил является анахронизмом, поскольку места будущих угроз сегодня неизвестны. Вооруженные силы должны иметь возможность быстрого перемещения в точки подобных будущих угроз.

В мире, с точки зрения США, должны присутствовать следующие определяющие составляющие:

- жизнеспособность и безопасность демократического ядра, живущего по законам свободного рынка;
- интеграция переходных стран в это ядро;
- победа над странами-изгоями или маргинализация их или иных групп, угрожающих интересам и ценностям ядра;
- уменьшение ущерба от проигрывающих стран.

Это как бы основополагающие параметры системы, которую следует удерживать в предлагаемом состоянии. Пути, которые позволят удержать систему в этих параметрах, являются:

- сдерживание конфликтов;
- поддержание международной поддержки и кооперации;
- улучшение коалиций с партнерами;
- уменьшение возможностей реальных или потенциальных врагов;
- проведение реформы обороны.

Разные регионы требуют разных вариантов применения этих методов. Но это все равно достаточно обобщенные параметры, чтобы было возможно их удерживать в реальной практической работе. Подлинный инструментарий должен быть гораздо более конкретным и детальным.

Продолжая тематику форматирования будущего, **Мартин Либишки** видит 2018 год сравнительно с 1998-м как такой, что будет свободным от сюрпризов [3]. Он выстраивает трехмерный мир, в котором один вектор отражает больших противников, другой – тех, кто обладает неприятными технологиями, третий – создание неприятных ситуаций. Каждое альтернативное будущее (или враг) образуются при комбинации двух или трех измерений. Например, Россия может стать больше и получать новые технологии. Наобо-

рот, Япония и Европа имеют ресурсы для того, чтобы быть большими державами, но они решили быть вместе с США в проблемах общей безопасности. Кстати, **С. Переслегин** в своем интервью «Авианосцы как трансляторы цивилизационных смыслов» [4] утверждает, что рано или поздно России придется выбирать между двумя геополитическими противниками – Европой и США.

В качестве примера форматирования будущего можно посмотреть на действия Петра Первого, который вел на поверхности борьбу с бородами и крестьянским платьем, на самом деле продвигая процессы вестернизации страны, которая давала ему возможность совершить ее модернизацию. По сути именно здесь можно увидеть основной вариант инструментария:

- этап первый – разрушение старых моделей;
- этап второй – введение новых моделей как промежуточная цель;
- этап третий – выведение новой системы как конечная цель.

При этом борьба идет между разными фрагментами старой модели и новых моделей, хотя реально вводится новая система. Просто ее введение будет облегчено первыми двумя шагами. Петр Первый был конструктором новой социальной реальности, при этом его даже не смущало, что как раз в этот период черти в храмах изображались безбородыми и в немецком платье. Отсюда возникновение спасительной идеи, что Петра за границей подменили. Тогда его действия становились вполне системными, но только с точки зрения старой системы.

Есть также отработанные модели «промывания мозгов», используемые среди прочих и тоталитарными сектами. Три этапа их коммуникативного воздействия являются следующими:

- этап первый – «размораживание» старых представлений;
- этап второй – введение новых представлений;
- этап третий – «замораживание» новых представлений.

Во всех подобных случаях надо снять имеющуюся защиту прошлых представлений, чтобы затем иметь возможность ввести новую. Эпоха перестройки шла по этому же пути, поскольку предварительно должна была уничтожить старую символическую защиту, что было сделано введением того, что именовалось гласностью.

Интересно, что даже слово это вышло из употребления сразу после определенного периода применения этих процессов.

- Этап первый – гласность как уничтожение старых символических поддержек.
- Этап второй – введение новых «говорящих».
- Этап третий – введение и закрепление новых представлений.

Перестройка строилась на введении новых коммуникаторов. Мы подчеркиваем важность этого понятия здесь, поскольку в сектах, как правило, есть один коммуникатор, слова всех тотальных, включая родственников, признаются исходящими от дьявола, а потому изначально неверными. Создается только один коммуникативный поток. При работе с большими массивами населения этот путь является невозможным. Здесь следует переключить массовое сознание от старых коммуникаторов к новым. Это делало в первую очередь телевидение, а там первенство держал «Взгляд». В реальном информационном вакууме, с точки зрения старой системы, внимание концентрировалось на едином источнике подлинной информации.

Если **Петр Первый** вознаграждал ненаказанием за выполнение своих правил, то здесь вознаграждением становилась иная информация. **Иная система покоится на иной информации, как старая система покоилась на старой информации.** **Джон Арквила** был прав, когда ввел понимание информации не только в коммуникативном (то, что передается), но и в организующем аспекте (то, на чем базируется данная структура). Иная информация стала в ответ порождать иную структурность, из которой в результате выросла иная система.

Следует одновременно признать, что как раз Советский Союз обладал самыми серьезными результатами в области того, что сегодня получило название «концептуального» управления как противопоставленного директивному управлению. «Концептуальный метод управления – это такой метод управления организационными и общественными системами, а также отдельно взятыми индивидами, при котором объект управления, ощущая себя свободным, действуя по собственному разумению и в свое благо, тем не менее, находится в створе разрешенного в данной системе множест-

ва стратегий» [5]. При директивном управлении объект не только подчинен субъекту в явном виде, но допускаются и иные, кроме информационных, методы воздействия.

Хотя следует также подчеркнуть и то, что подобное определение концептуального управления как раз и является очень похожим на собственно паблик рилейшнз, поскольку в этом случае объект должен принимать свои решения сам, он не должен ощущать, что ему это решение навязывается (силой или информационно). Ведь паблик рилейшнз и были созданы как раз для управления свободным, а не подчиненным человеком.

Если посмотреть на форматирование действительности, то серьезным образом это форматирование реализовывалась так, чтобы открыть путь действия имеющимся «драйверам», вероятно, предполагая, что дальнейшее будет более или менее автоматическим. По крайней мере именно так можно представить себе историю распада СССР. Суть ее состояла в том, чтобы открыть ворота для движущих сил, которые форматировали Запад, потому изначально были сильнее. Не встретив на своем пути сопротивления, они должны были переформатировать реальное и виртуальное пространство СССР. Такова наша гипотеза по поводу этого типа воздействия (см. рис. 32).

Рис. 32. Гипотеза распада СССР

Снятие защиты позволило полностью разрушить советские драйверы, сохранив их для меньшей части населения, что отражается в постоянстве голосования за компартию на выборах.

На территорию СССР были открыт вход для сил западного варианта: свободная информация и свободный рынок. Свободная информация, а в данном случае свободой стало просто снятие защи-

ты с охраняемых в прошлом поддерживающих столпов советской идеологической системы (например, Ленин, партия, комсомол). Конечно, это шло нелегко, сначала недомолвками, потом косвенными шокирующими предложениями вроде вынесения тела Ленина из мавзолея, к чему призывал **Юрий Карякин**. Это было настолько шокирующим, что не произошло до сегодняшнего дня. Но это сработало как разрушитель идеологических столпов прошлого.

Рассмотрев все перечисленное, можно понять, что форматирование будущего может идти по двум направлениям. С одной стороны, мы форматируем его, вводя определенный инструментарий в реальность, и тогда в ответ начинает формироваться с разной степенью скорости новая реальность. С другой – прodelываются однотипные операции с виртуальным пространством, имея целью как форматирование и захват его, так и последующий захват пространства реальности (см. рис. 33).

Рис. 33. Форматирование будущего

При этом именно виртуальность обладает долговременным воздействием на реальность. Любые социальные потрясения, например, начинаются с форматирования виртуальности («мир – хижинам, война – дворцам» 1917 года меняли сначала картину мира). Или такой пример: **Маргарет Туввайлер**, ставшая заместителем министра иностранных дел США в области публичной дипломатии, выступая на сенатских слушаниях 24 февраля 2004 года, заявила: «Мы должны лучше работать, чтобы выходить за пределы традиционных элит и правительственных чиновников. Мы не прилагали достаточно усилий, чтобы достичь также не-элиты, которые сегодня гораздо больше, чем вчера, являются существенной силой в своих странах»

[6]. Как видим, новой целью провозглашаются не-элиты, поскольку они становятся в современном мире таким же формирующим компонентом, как элиты до этого. Идет изменение воздействия на расширение, углубление и омоложение аудитории.

Осуществляется вход в виртуальную реальность, захват ее, например, с помощью новой героики и отрицания героики старой, за которой следует переход к трансформации реального пространства. Например, **Владимир Ленин** как герой прошлого кино невозможен в кино настоящем, а если и возможен, то рассказ о нем сделает из него сумасшедшего или сифилитика.

Ленин как элемент советской мифологии не является опасным в новой системе, он становится индикатором неработающей прошлой системы. Одновременно общественное мнение не воспринимает позитивную героику этого типа, поскольку произошла трансформация старой системы. Если раньше невозможно было «породить» негатив об этом герое, на что среди прочего работала официальная цензура, то теперь однотипно невозможно породить позитив об этом герое, на что работает неофициальная цензура. Это очень странный парадокс все равно сохраняющегося цензурирования при смене объектов для хвалы и хулы.

Проблема со стратегией состоит не только в ее выработке и имплементации, а в легитимизации. Примеров неудержанных стратегий очень много. Нас же интересуют примеры, когда стратегия теряет или не достигает нужного уровня легитимности. Это известный эффект Си-эн-эн с выводом в результате американских войск из Сомали. Это вьетнамский синдром, когда общество не захотело поддерживать военную стратегию. Это определенного рода проигрыш Советского Союза, приведший к его распаду, когда стратегия построения коммунизма не была удержана.

Необходимость в легитимизации стратегии одновременно является определенным формирующим компонентом, что видно по функциональной роли, например, **Виктора Хэнсона** как одного из «проводников» стратегии Джорджа Буша в глазах американского общественного мнения. Виктор Хэнсон создает тот фон, в рамках которого стратегия Буша является не только оптимальной, но и единственно возможной. Хэнсон действует по аналогии, связывая

события современности с событиями древней истории. Но он делает это как бы в перевернутом виде. Есть два варианта сочетания старого и нового события, которые будут объединены реальной или навязанной аналогией. Типичный историк, например **Владимир Ключевский**, находится в прошлом, возникающие аллюзии скорее появляются у читателей, а не у автора. Современность не является его объектом. В. Хэнсон, наоборот, и в первую очередь в своей публицистике он удерживает современность, находя аналогии в древности. Таким образом, перед нами два пути оперирования с прошлым:

- прошлое как иллюстрация настоящего;
- настоящее как иллюстрация прошлого.

Виктор Хэнсон, говоря о западной форме войны как выросшей из античности, находится в современности, поэтому он является необычным типом историка, тем самым привлекающим внимание читателей. Возможно также, что сами читатели также совершают перенос из одного времени в другое, находя те или иные варианты параллелей. Хэнсон защищает идею, что жизнь греческих городов-государств не может быть понята вне войн, которые они вели, поскольку все общество зависело от того, где, как и против кого они воевали [7. – С. 199]. Но однотипно он рассматривает и наше время, поскольку, к примеру, 11 сентября вызвало такую же смену реалий, как и войны античности.

В случае построения новой виртуальной действительности речь в первую очередь будет идти о переформатировании старых объектов и введении новых. Переформатирование старых должно способствовать облегчению введения новых объектов, поскольку до этого именно на старых в той или иной степени «крепились» защитные функции. Уничтожение символической фигуры Саддама Хусейна в Ираке позволяет форматировать все остальные объекты и вводить новые, которые будут опираться на новую точку отсчета.

Введение новых объектов более оптимально движется исключительно по косвенному пути. Например, во всем мире никто не занят продвижением американизации, но только глобализации. Соответственно, в случае СССР вводились свобода информации и рынок, но которые в результате выступают в роли драйверов, способных совершить изменение социальной среды.

Форматирование будущего должно также иметь два принципиальных различия. Форматирование будущего, идущее извне страны, – это один вариант. Второй – форматирование изнутри страны. США, например, естественным образом излучают форматирование, осуществляемое извне [8] (см. рис. 34).

Рис. 34. Внутреннее и внешнее форматирование

При движении извне всегда возникает проблема проекции собственной силы. Вероятно, возможны суррогатные заменители классического варианта силы – военной. Тогда, как это было в случае холодной войны, активно используется культурный, политический, социальный импульсы силы. Под последним понятием мы будем понимать проекцию силы на расстоянии. Например, роль французского кино в СССР. Поскольку холодная война не способствовала входу на экраны страны американского кино, входило французское, где главными в списке были комедии, так как любой серьезный фильм был не особенно возможен. Но французские комедии столь же активно форматировали виртуальное пространство, как и любой другой фильм. Получается, что целью такого рода внешнего импульса является постоянное поддержание «иносистемности», которая на следующем этапе начинает порождать свой вариант эрзац-модели в данной действительности, даже если она по сути враждебна проецируемой.

Такая передача возможна как в рамках виртуального пространства, так и в рамках реального пространства. В результате все равно образуются разного рода взаимозависимости и переходы между ними (см. рис. 35).

Рис. 35. Трансформация действительности

Даниэль Гур связывает возникший в последнее время акцент на форматировании будущего с тем, что после холодной войны силы, создающие беспорядок, прекратили свое существование [9]. Возникли перманентные кризисы, и на первое место вышла теория хаоса. Однако хаос маскирует реальные процессы: или перед нами реструктуризация международной системы, или создание новой системы.

Американские военные пришли к точке зрения, что предупреждающее размещение военных сил может индуцировать политические изменения. Отсюда возник термин «заблаговременное присутствие» (forward presence). При этом возникает обсуждение всех этих терминов, поскольку на сегодня их можно понимать по-разному. Гур вообще настроен достаточно скептически ко всей этой идее, поскольку заявляет очень четко: «Зашитники заблаговременного присутствия как инструмента американской внешней политики должны признать, что нет эмпирических данных, подтверждающих данный случай».

Однако есть и другие исследования, как раз базирующиеся на разборе ряда конкретных примеров [10]. Есть в рамках РЕНД ряд исследований по теме nation-building, где анализируется американский опыт в послевоенной Германии, Японии и ряде других

стран. Так что нельзя отрицать жизненность этой идеи, хотя бы по тому, что она поддержана как со стороны руководства министерства обороны, так и со стороны аналитического сообщества. В одной из статей приводится такой пример: когда в Ирак летел военный транспортный самолет, то пассажиры его читали книги о Японии и Германии, но не об арабском мире [11]. И действительно, пример этих стран четко демонстрирует возможности по трансформации реального пространства в нужном направлении, точнее там трансформировались сразу все три пространства: реальное, информационное и виртуальное.

Э. Роудс с коллегами анализировали исторические примеры по ряду параметров, среди которых были следующие.

- Каковы были военные возможности великой державы?
- Какими были другие ресурсы, какие существовали ограничения на поведение?
- Могла ли великая держава форматировать мирную ситуацию в соответствии со своими предпочтениями?

Как видим по этим вопросам, ученых интересовала в первую очередь проекция силы, которая позволяет форматировать физический мир. Для исследования были отобраны шесть конкретных ситуаций:

- Британия в Восточном Средиземноморье в 1816–1852 годы;
- Британия в Восточном Средиземноморье в 1919–1937 годы;
- Британия в Южной Америке между 1850 и 1890 годом;
- США в Карибском бассейне в 1903–1920 годы;
- Франция в Западной Африке в 1960–1970 годы;
- Франция в Центральной Африке между 1970 и 1995 годом.

Все случаи достаточно детально анализировались с учетом вышеназванных трех вопросов. Во многих ситуациях объектами воздействия были не страны, а повстанческие движения, поведение которых подвергалось форматизации. Анализ позволил сделать следующие выводы.

- Первый – нет общей картинкой, позволяющей определить тип вооруженных сил, необходимых для форматирования.
- Второй – одна модель не может соответствовать всем случаям.

- Третий – поскольку противник обладает достаточной гибкостью, вооруженные силы должны иметь широкий круг возможностей.
- Четвертый – очень важна скорость реагирования.
- Пятый – важно хорошо понимать региональных игроков и их политику, чтобы учиться и быстро адаптироваться.

Это выводы всего лишь из одного предложения (второго) данного анализа. Все же они таковы.

Предложение 1: Присутствие на месте имеет значение.

Предложение 2: В целом присутствие должно соответствовать военным возможностям противника.

Предостережение к данному: символическое присутствие может быть достаточным для слабо мотивированных противников.

Предложение 3: Большее присутствие не всегда лучше, чем меньшее.

Предложение 4: В зависимости от обстоятельств и целей форматирования присутствие должно быть реализовано на берегу.

Предложение 5: Технологии не предоставляют магических пуль.

Предложение 6: Обучение, дисциплина и профессионализм играют роль.

Предложение 7: Нахождение важно не только в пространстве, но и во времени.

Предложение 8: В случае демократических государств общественное и законодательное мнение устанавливает параметры для политики форматирования.

Предложение 9: Победа в головах является ключевым элементом форматирования.

Предложение 10: Форматирование внутренней политики является очень сложным.

Обратим внимание на девятое предложение, акцентирующее как базовое трансформацию именно виртуального пространства, что, собственно говоря, и дает долговременный результат. Именно поэтому сегодняшняя война в Ираке дублируется войной за умы в арабском мире.

Публичная дипломатия как самый актуальный и одновременно достаточно модный аспект работы в области международных от-

ношений задается как «продвижение национальных интересов с помощью информирования людей, увлечения их и влияния на людей по всему миру» [12. – С. 13]. Исходной точкой этого анализа стала констатация того, что враждебность к Америке достигла шокирующего уровня. При этом США потратили 600 млн. долларов за год на поддержку американской политики и 540 млн. на «Голос Америки» и другие варианты вещания [13]. Из всей этой суммы только 150 млн. ушли в мусульманские страны.

Следует признать при этом, что предложения являются в достаточной степени традиционными. Это программы по поддержке обучения английскому языку, расширение программ по созданию Американских уголков, открытие центров американских исследований, создание американской библиотеки на арабском языке. Параллельно ведутся большие программы по расширению вещания на арабском языке. Все это форматирование именно виртуального пространства. До этого арабоязычный мир в сильной степени был закрыт своей культурой и языком от подобных виртуальных интервенций системного порядка.

Дэвид Фрам и **Ричард Перл** подводят следующую идеологическую подоплюку под этого рода активность. «Не зная, что сказать, мы становимся молчаливыми. Молчание 2004 года непристойно и опасно как рабелепный стиль коммуникации, который мы практиковали в 2001 году. Если мы не рассказываем свою собственную историю, другие расскажут ее за нас» [14. – С. 150]. Это то стандартное пристальное внимание к информационному и виртуальному пространству, которое характерно для США и менее характерно для остального мира. Это можно понять не только исходя из того, что США уже находятся в рамках информационной цивилизации, а мы еще нет, но и исходя из того, что битва может длиться часы, а ее последствия в рамках информационного или виртуального пространств вечны, подобно тому как мы сегодня изучаем уроки Пелопоннесской войны.

Виртуальные войны

Существенную опасность при этом представляет уже само понятие виртуальных войн, при которых, как считает Джеймс Дер Де-

риан, Соединенные Штаты смогут вести виртуальные войны, представляющие собой «технологическую организацию и актуализацию насилия на расстоянии» [15]. Понятно, что модель при этом возникает следующая:

- инициация беспорядков;
- наведение порядка военными методами извне;
- гуманитарная интервенция, позволяющая удерживать военное присутствие.

Подобная модель, вероятно, и должна именоваться **управляемым хаосом**. Кстати, роль гуманитарных интервенций в последнее время непропорционально возросла. То ли происходит размытие роли военных вообще, то ли действительно резко выросло число ситуаций, приближающихся к хаосу, что в ответ требует классифицировать применение военной силы как гуманитарную интервенцию.

Вырастает следующий вариант перехода, ведущий к смене имеющейся системы (см. рис. 36).

Рис. 36. Модель управляемого хаоса

При этом существуют более многочисленные примеры создания элементов хаоса именно в виртуальном пространстве с целью дестабилизации ситуации. Можно привести два примера [16]:

- во времена Рональда Рейгана с целью дестабилизации режима Муаммара Каддафи была развернута дезинформационная кампания, в результате которой Wall Street Journal напечатал то, что посчитал правдивой историей, хотя на самом деле все было подготовлено в самих США;
- бывший журналист New York Times К. Стерлинг выпускает

книгу о терроризме, где связывает КГБ со всеми террористическими актами в Европе, директор ЦРУ У. Кейси, размахивая этой книгой перед своими аналитиками, говорит, что он узнал из нее больше, чем от своих сотрудников, впоследствии оказалось, что книга Стерлинга была построена на более ранней дезинформационной кампании ЦРУ.

И в том и в другом случае введение хаоса становится процессом, нейтрализующим прошлые правила и, соответственно, дающим право на введение новых. Даже наличие виртуального уже отвергает реальные силы от решения других проблем, тем самым уровень хаотичности с неизбежностью повышается.

Лица, принимающие решения, всегда отталкиваются от сценариев, даже если они выстроены только в их голове, а не на бумаге. **П. Шварц**, его учитель **П. Век** подчеркивают, что сценарии имеют две составляющие: мир фактов и мир восприятий [17]. Сценарии как инструментарий позволяют менять представления о мире. Создание сценария структурирует разные варианты представлений о мире. **П. Шварц** задает понимание как процесс идентификации движущих сил, заранее заданных элементов и критических неопределенностей. Если не определены движущие силы, становится невозможным построение сценария. Движущие силы (драйверы) двигают сюжет сценария, непосредственно воздействуя на результирующие элементы. Заранее заданные элементы могут быть следующими:

- **медленно меняющиеся феномены**, например, рост населения, строительство физической инфраструктуры, ресурсное развитие;
- **связанные ситуации**, например: Украина должна интенсивно развивать торговлю и экономику, учитывая возрастающее число пенсионеров в будущем;
- **фиксированные данные**: известно, каким будет молодежное поколение, это число может изменить только иммиграция для США или эмиграция для Украины;
- **неизбежные столкновения**, например, борьба за ограниченные бюджетные ресурсы.

Критические неопределенности вытекают из заранее заданных элементов. Это то, что мы знаем, но не до конца. Например,

хватит ли бюджетных денег на армию или науку. Чтобы принимать качественные решения, необходимо менять картину восприятия, отталкиваясь от имеющихся допущений, то есть быть чувствительным как к реальности, так и к виртуальности.

Выстраивая события, ведущие к нужному варианту будущего, можно управлять теми элементами, которые подлежат такому управлению. Очень сложно работать с тем, что нечувствительно к нашему воздействию. Вероятно, именно по этой причине в ряде случаев и используется инструментарий управляемого хаоса, позволяющий резко переформатировать имеющиеся элементы, не ожидая того, что они сделают это сами за неизвестный период времени. Грузия-2003 может трактоваться как яркий пример такого рода, когда были прерваны все существующие ситуации, укреплены ресурсной поддержкой новые ситуации, что в результате привело к смене власти.

Югославия-2000 продемонстрировала, как к власти был приведен наиболее незаметный политик, юрист по специальности Воислав Коштуница. Зоран Джинджич по этому поводу говорил: «Надо выдвигать такого, кто не вызывает у людей отторжения. За меня, например, никогда не проголосует ни один сторонник социалистической партии, ни один националист. У Коштуницы небольшое число сторонников, но и противников у него немного. Я хочу выиграть этот матч, а для победы нужно, чтобы центрфорвард забил гол. Я не могу забить гол, потому что мне не дадут пас. Я с этим смиряюсь, поэтому ишу центрфорварда» [18]. Здесь по сути выбор определялся от противного: был избран человек, который в рамках виртуального пространства был наиболее нейтрален. Он существовал физически, но отсутствовал в виртуальном пространстве. Это наиболее технический кандидат, поэтому Джинджич, который как раз максимально заявлен в информационном и виртуальном пространствах, отдает ему пальму первенства.

Сегодняшняя структура действия строится в рамках трех взаимозависимых пространств: реального пространства, информационного и виртуального. Мы видели выше, что во многих случаях целью становится именно виртуальное пространство как

воздействующее на все остальные. Но одновременно понятно, что обеспечить интенсивную смену виртуального пространства можно с помощью проекции физической силы, на чем построены выводы, например, в рамках военно-морских подходов, приведенных выше.

Информационное пространство

Информационное пространство выступает в роли промежуточного между реальным и виртуальным. Оно может выступать в роли изменяющего реальное пространство (например, приказ) и в роли изменяющего виртуальное пространство (например, «мыльная опера»). Информационное пространство в этом плане является наименее инерционным и потому наиболее динамичным. Изменения в рамках физического пространства или виртуального пространства носят более замедленный характер.

Карл Роув, например, считает, что в основе всего лежит контроль информационной повестки дня страны [19]. Он говорит: «Наша способность находиться в фокусе состоит в том, как мы можем контролировать повестку дня». То есть ключевая точка контроля закладывается в контроль не реального, а информационного пространства. И это понятно, поскольку информационное пространство предопределяет как определенные ситуации реального, так и виртуальное пространство целиком.

Здесь уместно привести в качестве примера ответ на вопрос одного из сотрудников Карла Роува [20. – С. 135]. Тот спросил его, думает ли американский народ о войне с терроризмом как о второй мировой войне. Роув после минутного раздумья сказал очень точно: «Нет, они так не думают, они хотят, чтобы **мы** думали, что это похоже на вторую мировую войну». Именно этот ответ задает особую роль, отводимую виртуальному пространству. Все остальное начинает выстраиваться именно под него. Приняв за точку отсчета вторую мировую, под нее начинает выстраиваться информационное и идеологическое обеспечение военных действий.

Виртуальное пространство может разрушать информационное, если оно вступает с ним в противоречие. **Дэвид Фрам** приводит

свои впечатления от выступления Джорджа Буша 12 сентября с авиабазы. Это была голая комната с электронным оборудованием, совершенно неподготовленная и непривычная для президентского выступления. «Слова были правильными и убеждающими. Однако образы были иными... Он выглядел и звучал как преследуемый, а не как преследователь» [20. – С. 199]. То есть тот же текст, высказанный в другом контексте, получил бы иную эффективность. В этом случае не слова, а объекты в поле зрения зрителей «включили» иную виртуальность, которая и вступила в противоречие со словами. А виртуальность всегда права. И это имеет место как при столкновении с информационным пространством, так и при столкновении с реальным.

Можно построить следующие типы возможных направлений по форматированию будущего, которые, естественно, потребуют дальнейших исследований:

- **форматирование виртуального пространства под контролем реального;**
- **форматирование реального пространства под контролем виртуального.**

В первом случае мы имеем физическое присутствие силы, облегчающее нужный вид трансформации. Во втором определенное идеологическое обеспечение, которое, как виртуальный экран, защищает недостающие элементы реальности. Виртуальный экран может активировать определенные действия и приостанавливать развитие других. Например, понятие «джихад», под которым первоначально понимались военные действия мусульманского государства, затем подчеркивался оборонительный характер и мирные средства распространения ислама [21]. Однако сегодня джихад вновь стал катализатором военных действий, и виртуальное стало реальным.

Революция 1917 года, перестройка 1985–1991 годов шли по модели виртуального форматирования действительности, за которым следовало физическое изменение. Это был интенсивный переход, но и все варианты естественных переходов также строятся на появлении первоначальных изменений в каких-то сегментах виртуального пространства. Происходит «эрозия» виртуального сегмен-

та, которая впоследствии позволит заменить одни правила другими. Подобный процесс имеет сегодня место и в Америке, когда критические голоса начинают звучать все громче, чему способствует и проходящая президентская избирательная кампания.

Трансформация виртуального пространства может также затруднять нужную трансформацию пространства реальности, о чем говорит известный феномен эффекта Си-эн-эн, когда американские войска были выведены из Сомали под воздействием общественного мнения, шокированного продемонстрированными новостями. По этой причине в преддверии войны в Афганистане Колин Пауэлл дал совет военным «держаться подальше от Си-эн-эн», чтобы избежать подобного давления [22. – С. 87]. Правда, сегодня уже трудно выдержать подобную информационную изоляцию, хотя для ее искусственного моделирования создаются разного рода методы, создающие определенные помехи действиям журналистов.

В преддверии войны в Афганистане Джордж Буш собирал свою коммуникативную команду, состоящую из К. Райс, К. Хьюз, Д. Барлетта и на тот момент пресс-секретаря А. Флейшера. Смыслом его обращения стало создание понимания у американского народа, что предстоит долгая и трудная работа и от того, как Белый дом сможет объяснить свои цели, будет зависеть успех всей кампании. Позже Буш сказал: «Я продукт эры Вьетнама. Я помню президентов, которые вели войну, бывшую непопулярной, а нация была разделена» [22. – С. 95]. То есть перед нами возникает иной статус как информационного, так и виртуального пространства, без которых невозможно сегодня обеспечить победу в пространстве реальности.

Виктор Хэнсон справедливо говорит о войне на многих фронтах, перечисляя не только военный и дипломатический, но и философский, и культурный [23]. При этом он движется именно в рамках войны виртуальной, чему собственно и посвящена вообще его публицистика и научная работа. Так, он восхищается примером, когда на В-52 было написано NYPD, то есть нью-йоркское полицейское управление. Он исправляет массмедиа, которые больше говорят о том, чего не делает Америка (не воюет с исламом, с арабским народом), чем о том, что именно она делает (защищает западную цивилизацию, свободы, религиозную и политическую

толерантность). Практически все это работа только на одном фронте – виртуальном, хотя он и не употребляет этого понятия. Данная статья завершается словами: «Эта война действительно ведется на всех фронтах, как нам говорится. Наши лидеры должны напомнить нашим друзьям и одноклассникам, что мы так же уверены в наших ценностях и идеях, как в наших авианосцах и командос» [23. – С. 74]. В. Хэнсон не просто стимулирует патриотизм в стране, он одновременно защищает осязаемую им атаку на виртуальные объекты, которые не могут существовать без внутренней поддержки. Им требуются не только виртуальные игроки (героические солдаты и командиры и любимые им героические пожарные и полицейские Нью-Йорка), но и одновременно потребители виртуальных объектов (само население). Одно без другого невозможно, поскольку виртуальные объекты живут и существуют только в наших головах. Это хорошо было известно советской системе – одной из самых мощных в мире по порождению и поддержке виртуальности. Ведь советский мир был в основном виртуальным. Он часто вступал в противоречие с миром реальным, но виртуальность всегда была сильнее.

Борьба с неопределенностью как основная задача стратегии также оказывается возможной с помощью опоры на виртуальный компонент. **Дуглас Фейт**, являющийся заместителем министра обороны США, подчеркивает, говоря о **Дональдсе Рамсфелде**: «Его большой стратегической темой является неопределенность. Необходимость работать стратегически с неопределенностью. Невозможность предсказывать будущее. Границы нашего знания и границы нашего интеллекта» [24]. Он также характеризует Рамсфелда как такого, кто не любит предсказаний: «Мы также не работаем с «ожиданиями». Ожидания слишком близки к «предсказаниям». Они нас не радуют. И это одна из наших серьезных стратегических предпосылок».

Если проанализировать работу с неопределенностью, то с неизбежностью мы должны опираться на виртуализацию. Можно увидеть три возможных этапа такой работы:

- виртуальное заполнение;
- структурирование;
- оценка достоверности.

Мы заполняем неопределенность нашими представлениями, затем структурируем их, потом оцениваем по степени достоверности.

Еще одним вариантом полноправного включения виртуальности можно считать правило, которое **Т. Соувелл** обозначил как «думание за пределами первого шага» [25]. При этом многие решения социальных проблем могут быть достигнуты с помощью компромиссов, возможных на следующих этапах.

Приведем несколько недавних примеров столкновения виртуальности и реальности, вызвавших серьезные протесты. В этих случаях осуществляется определенный перенос реальности в виртуальность, к которой оказывается не готовым массовое сознание. Буш использовал образы 11 сентября (уже виртуальные) в своей рекламе в рамках президентской кампании, что вызвало одновременно бурю возмущения. **Карен Хьюз** следующим образом пытается оправдать этот поворот: «11 сентября не просто отдаленная трагедия из прошлого. Она действительно задает наше будущее. Она изменила навсегда нашу национальную публичную политику, и важно, чтобы следующий президент знал, что мы все еще воюем сегодня из-за этого дня. Мы воюем с террором» [26]. Эта аргументация призвана утихомирить голоса протеста.

Реалити-шоу «Большой брат» в такой арабской стране, как Бахрейн, также вызвало бурю протестов после показа на экране поцелуя в щеку между юношей и девушкой [27]. При этом, чтобы избежать подобных оскорблений, мужчины и женщины вообще жили в разных секциях специального дома, имели отдельные комнаты для молений. Они могли встречаться только в гостиной, кухне и саду. Не было кадров из женских спален. В результате все заговорили об этом поцелуе. А поскольку это было начало шоу, то разгневанные зрители писали в газеты: «Если это начало, то каким же будет конец?»

Третий пример пришел из Китая, где к 2020 году ожидается 40 млн. неженатых мужчин. Такая ситуация образовалась из-за политики одного разрешенного ребенка в семье и из-за предпочтений в пользу мальчика, а не девочки. Теперь в некоторых деревнях развешаны плакаты, которые сообщают: «Девочки так же хороши, как и сыновья» [28]. То есть виртуальное вступило в противоречие с реальным, что привело к кризисной ситуации.

Здесь вновь законы виртуальности вступили в противоречие с законами физического мира, поскольку публичная виртуальность наиболее символична, к ней наиболее чувствительно массовое сознание, что произошло как в случае США, так и в случае Бахрейна по однотипным основаниям. Китайский пример демонстрирует существенное влияние виртуальности на форматирование реальности. Сходную ситуацию можно отметить в Ираке, когда американцы постарались срочно заменить динары с изображением Хусейна. **Дуглас Фейт** говорит по этому поводу: «Интересно, как это важно и связано со всей проблемой того, думают люди, что Саддам может вернуться» [24].

Внимание к виртуальности необходимо всем постсоветским странам, поскольку они оказались вне своих героев. Невозможно, соответственно, создавать и удерживать какой-либо вариант национальной идеи как объединяющей всей мини-идеологии, если не будет своей героики. По этой причине следует совершить ряд конкретных действий:

- провести «аудит» внутренней героики;
- провести «аудит» внешней героики, которая уже присутствует в виртуальном пространстве;
- проанализировать возможные пути движения создания своей новой героики;
- сделать попытку реализации этой героики в виде текстов массовой культуры.

Задав свою героику, можно построить свой вариант виртуального пространства, обладающий собственными предпочтениями и запретами. Как следствие, подобная «виртуальная платформа» сможет способствовать порождению в рамках действительности правильных, с ее точки зрения, поступков и отбрасывания неправильных. Это и будет вариантом форматирования реального пространства под контролем пространства виртуального.

Одним из самых действенных использований виртуального пространства следует считать «звездные войны» времен Рональда Рейгана, о которых сегодня говорят как о «виртуальном шите

против атаки» [29]. Но этот тип риторики втянул Советский Союз в расточительные для него экономические расходы, которые в принципе не могли принести ничего выигрального.

Однако и реальные события часто являются по сути виртуальными, поскольку их также начинают трактовать как сообщения, а не как чисто физическую реальность. Так, **Роберт Макнамара** в период кубинского кризиса отказался от бомбардировок и вторжения, отдав предпочтение блокаде и карантину. Однако при этом он рассматривал карантин как вариант коммуникации от Кеннеди к Хрущеву, а не как военную операцию [30]. То есть здесь также строится мощная виртуальная картина, хотя для этого используются непривычные физические средства. Именно из-за их непривычности американцы не могли понять, дошли ли до советского руководства их сигналы.

Более того, сегодня, вспоминая ту ситуацию, Роберт Макнамара, которому уже 87 лет, подчеркнул интересную подробность [31]. От Хрущева к Кеннеди пришло два послания, одно жесткое, другое – более мягкое. При том что большинство советников говорили о том, что следует отвечать на жесткое послание, посол США в СССР Томпсон занял противоположную позицию, сказав: «Не отвечайте на жесткое послание. Вы ошибетесь, мистер президент».

Сходный вывод Макнамара делает и в случае войны во Вьетнаме, подчеркивая, что тогда не было таких советников. Отсутствие эмпатии по отношению к вьетнамцам послужило непониманию сути конфликта, по его мнению. Вьетнам трактовал американцев в качестве замены французов, рассматривая все это как колониальную войну. В то же время США рассматривали данный конфликт в контексте холодной войны. Так и сегодня, как считает Макнамара, в правительственных кругах очень мало людей, которые могут понимать мышление и мотивации врага.

Образуется дополнительная конфликтующая структура в виртуальном пространстве, которая не дает возможности правильно понимать мотивации противника (см. рис. 37).

Рис. 37. Вьетнам: колониальная или холодная война?

Интересным примером форматирования последнего времени стал акцент на положении женщин в арабских странах. И в период войны в Афганистане (особенно), и в период войны в Ираке эта тема стала чуть ли не центральной. Конечно, ее можно трактовать как привлечение внимания общественного мнения к правильности своих действий, то есть это делается для американского общества. Но по сути ее можно понимать и как направленную на разрушение определенных характеристик мусульманского общества, которое в результате должно привести к его форматированию в нужном направлении.

Это можно прочесть из аргументации **Дэвида Фрама** и **Ричарда Перла**, которые обосновывают именно такое направление форматирования по следующим причинам [14. – С. 174–178]:

- общество, рассматривающее женщин как рабов, обучает своих мужчин жестокости и насилию;
- незнание порождает фанатизм, общество, которое содержит своих женщин в незнании, будет обществом, где все будут находиться в незнании;
- безработные молодые люди в любых культурах не могут жениться, в культуре, где секс вне брака порицается и есть высокий уровень безработицы, образуется большое число напряженных, разгневанных молодых людей;

- разочарование также может объяснить ненависть к Западу, поскольку он считается главным соблазнителем, источником всех мирских грехов;
- в обществах, где женщины имеют политические права, они выступают против социальных конфликтов и идеологического радикализма.

В Пакистане, где три четверти женщин не умеют читать, США поддерживают программу ООН, оплачивающую родителям нахождение их детей в школах. Например, есть программа «масло за школу», когда каждая девочка, отсидевшая в школе 20 дней в месяц, получает четыре литра масла.

Получается, что в результате создается модель трансформации массового сознания с помощью трансформации женского сознания, что, возможно, связано с тем, что трансформация мужского сознания уже затруднена из-за его сформированности (см. рис. 38).

Рис. 38. Массовое сознание

В каком-то другом, но близком направлении действуют, вероятно, и все типы программ по развитию гендерных исследований, которые столь активно поддерживаются, в том числе и на территории бывшего СССР. Пол Вулфовиц упоминает, что 50% населения арабских стран составляют женщины [32]. И это еще один ответ на вопрос о путях трансформации массового сознания.

Косвенно эти же цели, вероятно, преследует и французский запрет на мусульманские платки в школах. Это также попытка разрушить замкнутый сегмент, который может хранить в себе ростки любого антидействия, поскольку любое внешнее проявление ино-системы всегда маркирует невозможность входа и виртуальный

мир. Ярким примером чего являются секты, которые сразу же закрывают любые несанкционированные информационные потоки для своих последователей.

Можно также говорить, что подобные подходы закладывают определенные «когнитивные бомбы», которые способны через некоторое время разрушить когнитивные схемы данного общества или, по крайней мере, создать активные возможности для такого разрушения. Как правило, в таком случае идет подведение ресурса под удержания конкретного аспекта в рамках повестки дня данного общества.

В свое время антисоветское форматирование было направлено против примет советскости в виде конкретной символики (Ленин, партия, комсомол). Но это не были религиозные символы, хотя и выполняли в чем-то их функции. В случае мусульманского общества невозможно направить стрелы против религиозных символов, поэтому направленность удара характеризуется максимальной косвенностью – речь, казалось бы, идет всего лишь о положении женщины в данном обществе. На самом же деле перед нами опять возникает возможность уничтожения одного из столпов, на котором зиждется данный тип общества. Сходным образом в войне против Японии нельзя было разрушать образ императора, поскольку это вызвало бы отторжение, поэтому пропаганда была направлена против «неправильных» генералов при «правильном» императоре. Кстати, типичная антивластная риторика всегда строится на системе «правильный» народ и «неправильные» руководители.

Следует подчеркнуть, что сегодня мы наблюдаем в определенной степени странный симбиоз из виртуальных и не виртуальных объектов, их взаимосвязь позволяет, меняя одну составляющую, получать результат в другой. Сегодня часто содержание и форма сообщения стали равноценными. Если в прошлом форма диктовала форму, то сегодня часто, особенно в политике, форма начинает диктовать, какое именно содержание нужно. Именно против этого выступал **Пол О'Нил**, который будучи министром финансов и сталкиваясь с ролью Кларка Роува, понял, что это не соответствует его представлениям, что внешнее лицо должно формироваться сутью, а не требованиями идеи дня [33. – С. 33]. Однако он забывает о том, что стратегические требования могут диктовать как необходи-

мость в данной точке пространства и времени того или иного содержания, так и той или иной формы. Вспомним понятие «псевдо-события», введенного **Д. Бурстином**, как именно продиктованного стратегией, а не появившегося в жизни естественным путем.

Дэвид Фрам приводит пример форматирования речей Джорджа Буша под женского избирателя в период первой президентской кампании, называя это переводом, который инициировала К. Хьюз, пытавшаяся захватить именно женского избирателя [34. – С. 38]. Бизнесмен становился нанимателем, слово «родители» было запрещено, вместо него говорили «мамы и папы». Карен Хьюз ненавидела глаголы. Если от глаголов нельзя было избавиться, они должны были стать максимально нечеткими. И больше всего она не любила слово «но», поскольку оно создавало конфликт и конфронтацию. Поэтому президент не мог говорить: «Мы много сделали, но мы должны сделать больше». Вместо этого ему писалась фраза: «Мы много сделали, и мы должны сделать больше». В тот период **Карл Роув** и **Карен Хьюз** находились в определенной конкуренции. Д. Фрам приводит мнение одного из сотрудников: «Президент уважает Карла, но зависит от Карен». Кстати, в той избирательной кампании они имели разные целевые группы: Роув хотел работать с белыми евангелистами и средним классом испаноговорящих, а Хьюз – с женщинами.

Здесь также следует упомянуть понятие «мягкой силы», введенное **Дж. Наем**. При этом он считает ошибкой откидывать мягкую силу как вопрос имиджа или паблик рилейшнз, поскольку это реальный способ получения нужных результатов [35].

Виртуально-реальный mix является главным объектом управления сложной ситуацией. Возможно, это связано с тем, что набор решаемых задач принципиально не может быть разрешен только в реальном пространстве. Что должна делать стратегия по отношению к формированию будущего? Можно представить себе следующий набор ситуаций:

- объединение двух разрозненных объектов;
- переход от реального объекта у будущему, еще не реализованному в действительности;
- создание контекста, способствующего появлению объекта;
- создание контекста, не способствующего появлению объекта;

- формирование набора однотипных объектов;
- формирование объекта с исключительными свойствами.

Есть интересный пример на последний вариант. **Максим Кононенко**, создающий в рамках сайта vladimir.vladimirovich.ru рассказы о Владимире Путине, говорит русской службе Би-би-си: «Путин – блеклый человек. И быть может, в этом и заключается его феномен. Он как картинка-раскраска, у которой только контуры нарисованы, а дальше каждый человек сам себе может дорисовать все что угодно... Мы ничего не знаем про семью Путина, мы ничего не знаем про его дочерей, мы их даже никогда не видели. И этот вакуум чем-то обязательно должен заполниться. Здесь администрация президента, как мне кажется, рискует в определенный момент столкнуться с ситуацией, когда реальный Путин вообще перестанет кого-нибудь интересовать. А интересовать будет только эта мифология, в создании которой я посильно участвую» [36].

Виртуальная война в Ираке

Приведем следующие примеры таких виртуально-реальных переходов для случая войны в Ираке, поскольку принципиально жесткая реальная ситуация требует в ответ порождения адекватных виртуальных объектов:

- **война в Ираке и ее обоснование;**
- **подвиг Джессики Линч.**

Война в Ираке была начата из-за якобы донесений разведки о наличии оружия массового поражения. Сегодня оказывается, что разведка подобных данных не давала. Это был результат работ подразделения-дубля, созданного в недрах Пентагона под руководством Фейта и Люти. Созданный виртуальный продукт по сути запустил реальный – войну в Ираке. Но исходно была реальная потребность к переходу к реальному результату (войне), для чего и был сконструирован виртуальный продукт – связка Саддам Хусейн и оружие массового поражения, Саддам Хусейн и «Аль-Каида», Саддам Хусейн и 11 сентября.

Последовавшая затем буря возмущения уже не имеет значения, реальный продукт был построен [37, 38]. Появились также воспоминания человека, находящегося внутри Пентагона в момент формирования данной псевдоинформации [39, 40]. Пропагандист-

ский продукт был подан в виде информационного, – вот в чем суть обвинений Квятковски. Потребность в этом пропагандистском продукте понятна, война всегда покоится на демонизации противника. Поэтому виртуально приходится дополнять то, чего не достает в реальности. Выступая на **Fox News**, Квятковски подтвердила, что факты ЦРУ не использовались, а все содержание как пропагандистских выступлений, так и текстов выступлений президента осенью 2002 года пришли из иных источников [41].

Джессика Линч стала героем. Но не потому, что была такой. Просто в войне нужен был герой. Этим героем оказалась женщина. Выход фильма и книги о Джессике Линч, которая была ранена, спасена в иракском госпитале и затем освобождена американскими солдатами, также достаточно ярко иллюстрирует закономерность. Создатель книги о ней говорит, что ее изнасиловали, что не подтверждается врачами, которые говорят, что изнасилование в ее состоянии просто привело бы к смерти [42]. То есть реальность говорит одно, а виртуальная реальность потребовала другого. Как поется в песне, «я его слепила из того, что было».

В принципе есть и более сложные варианты, когда реальный мир начинает двигаться из-за заданных по-новому виртуальных объектов. Например, возникает набор слов, описывающих ситуации по-иному, проходит процесс реидентификации, который на следующем этапе позволяет принимать иные решения. Из последних таких серьезных новых идентификаций следует назвать «ось зла» или «страны-изгои». Интересно, что при этом происходит переход от виртуального пространства к реальному с помощью информационного (см. рис. 39).

Рис. 39. От виртуального пространства – к реальному

Дэвид Фрам, которому все приписывают создание фразы «ось зла», на самом деле написал несколько другую фразу [34]. В декабре 2001 года он получает задание для написания очередного ежегодного обращения к нации, где Герсон, возглавляющий спичрайтеров Белого дома, потребовал от него создать «оправдание войны». Текст Фрама по этому поводу ушел к Герсону, где была фраза «ось ненависти», которая затем в процессе переработки и стала фразой «ось зла». Это изменение Фрам объясняет тем, что Герсон хотел использовать более теологический язык, который стал свойственен Бушу после 11 сентября.

Следует подчеркнуть, что М. Герсон принимает участие в заседаниях в ситуационной комнате [43]. Понятно, что это помогает более реально оформить текст, который лучше будет соответствовать тому, что, собственно, и хочет сказать президент. Можно понять, что есть две параллельные задачи. С одной стороны, подобные тексты представляют собой конкретное сообщение миру. С другой – оно должно прояснять саму ситуацию и для тех, кто сам порождает данные тексты. Например, по поводу выступления Джорджа Буша в ООН в сентябре 2002 года М. Герсон говорит следующее: «Мы хотели создать ощущение, оправданное доказательствами. Президент любит предлагать четкие и прямые альтернативы. А это организация, которая к этому не привыкла, что и добавило драматичности в этот момент». Герсон также четко видит и перенесение акцента президентства Буша во внешнюю политику: «Все остальные вещи остаются важными. Но ты начинаешь понимать, что есть более широкая история, частью которой ты являешься».

Интересно, что Герсон как спичрайтер оказался настолько важен для Буша, что его роль сравнивают с ролью Т. Соренсена во времена Джона Кеннеди, поскольку после не совсем четкого избрания Буша президентом именно его выступления должны были задать нужный уровень доверия. Есть и оценка речей Буша со стороны **А. Долана**, бывшего главным спичрайтером Рональда Рейгана и создавшего тогда фразу «империя зла», который рассматривает выступления Буша после 11 сентября как, возможно, самые запомнившиеся в истории.

Это целая система по порождению определенных когнитивных ориентиров, когнитивных подсказок. К. Квятковски, например, отслеживает некоторые вербальные разработки, сделанные в недрах министерства обороны в последующих выступлениях и даже статьях во влиятельных газетах [39].

И «ось зла», и «империя зла» сделали гораздо больше по своему влиянию на ситуацию, чем многие другие разветвленные проекты, поскольку они задали легитимность дальнейших действий. Подобные когнитивные подсказки, однажды внедренные в массовое сознание, начинают в дальнейшем собирать вокруг себя тексты одного типа. Это когнитивные аттракторы, формирующие и задающие мышление, поэтому их роль столь велика. Исследование покупок книг показало эффект эха: покупающие либеральные книги покупают только другие либеральные книги, а покупатели консервативных книг – только другие консервативные книги [44].

Френсис Фукуяма, выступив достаточно критично по отношению к развитию послевоенной ситуации в Ираке, в своей новой книге о строительстве государств считает, что США имели 18 попыток такого строительства в XX столетии, но только три из них оказались успешными [45]. Это Япония, Германия и Южная Корея. Во всех этих случаях американские войска находились в этих странах на протяжении двух поколений. Соответственно, и случай Ирака может потребовать от 15 до 20 лет американского присутствия. Фукуяма объясняет недооценку данной ситуации в Ираке тем, что **Дональд Рамсфелд** был заинтересован только в быстрой победе над Саддамом Хусейном, не имея эффективной стратегии по строительству нового государства. Единственным объяснением для этого, с точки зрения Фукуямы, является, вероятно, то, что военные имели в головах смену режимов в Восточной Европе, которая прошла по законам бархатной революции.

СМЕНА РЕЖИМОВ ИЗВНЕ КАК СПОСОБ ТРАНСФОРМАЦИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

У

Возможны варианты...

УКРАИНА И РОССИЯ находятся в поле, в котором более активно чужое целеполагание, чем свое собственное. С чем может быть связана подобная ситуация, когда страна выстраивается под чей-то большой проект, отказываясь от своего собственного? Рассмотрим некоторые варианты, ведущие к такому решению, в первую очередь, элит, поскольку именно элиты диктуют основной массе населения направление будущего развития. Элиты могут делать это прямо, порождая соответствующего типа политические дискурсы, а могут и косвенно – демонстрируя своими вариантами поведения, своим отбором объектов для любви / ненависти, что именно следует любить, а что ненавидеть.

В мире всегда существует определенное число разнообразных решений, которые в той или иной степени были реализованы в действительности. Каждый из этих вариантов признан плохим / хорошим с точки зрения той или иной системы ценностей. Поэтому построение своего варианта развития в сильной степени затруднено как из-за давления реального мира, так и из-за давления со стороны мира ценностей. И тот и другой реально диктуют нам, что именно следует делать на каждом следующем шаге, куда именно следует идти. Мы рассмотрим несколько таких вариантов:

- наличие более универсального большого проекта;
- наличие более сильного чужого проекта;
- строительство внутреннего проекта внешними силами.

Следует также признать, что все эти варианты относятся к области стратегии, поскольку работа происходила с еще не реализованными объектами, которые достраиваются до нужной конфигурации. При этом существует множество отдельных игроков и разных направлений. Подобная многофакторность, многофактурность и характеризуют стратегию. Рассмотрим эти варианты подробнее.

Вариант первый: наличие более универсального большого проекта. В этом случае мы, строя свой собственный проект, все равно приходим к универсальным принципам, в рамках которых различия являются не столь существенными. Именно так сегодня подается, например, глобализация, которая должна быть выгодной всякому, кто к ней подключается.

При этом Япония, являясь современной страной, продолжает сохранять свои собственные традиции, что, возможно, связано также и с тем, что она признает важность этих традиций и потому не отказывается от них. Традиции оказались в числе приоритетов. В этом случае стране легче было это сделать, поскольку она и исходно принадлежала иной культурной традиции.

Универсальный большой проект легко продвигается вперед, поскольку теряет приметы национального проекта, чем снимает возможный вариант защиты против него, которая бы возникала в противном случае. К нему также легко присоединяются, надеясь, что риски будут нести другие. Примером такого проекта является глобализация. **Генри Киссинджер** при этом признает: «Глобализация привела к беспрецедентному, хотя и неравномерному, процветанию, и необходимо еще выяснить, не ускоряет ли она кризисные явления с таким же успехом, с каким порождает всеобщее благоденствие, не создает ли она тем самым предпосылки глобальной катастрофы» [1. – С. 9].

Универсальные проекты распространяются также из-за имеющейся тенденции к унификации, свойственной человеческому развитию вообще. Как правило, удачные технологии легко преодолевают любые барьеры, вероятно, и в том числе такие ме-

гетехнологии, как универсальный большой проект, называемый глобализацией.

Вариант второй: наличие более сильного чужого проекта. В этом случае происходит естественный дрейф в сторону более технологического, более модернизированного варианта. Холодная война в головах жителей бывшего СССР велась не столько по идеологическим основаниям, сколько на основе мира вещей. Как отмечал, например, **Сергей Кара-Мурза** – победила витрина. Другим примером более сильного чужого проекта являются империи, которые удерживают в поле своего влияния других. Причем даже после распада империй эта зависимость, хотя и другого уровня, сохраняется.

При столкновении с более сильной цивилизацией автоматически происходит ее экспансия в более слабый вариант с последующим поглощением:

- **первый этап** – информационное поглощение;
- **второй этап** – культурное поглощение;
- **третий этап** – экономическое поглощение;
- **четвертый этап** – политическое поглощение.

Естественно, что происходит не тотальное поглощение, поскольку вводятся иные механизмы функционирования, а захват физического порядка. Смена механизмов приводит к порождению новых объектов. При этом старые объекты, «аборигены», могут выпускать, но только в периферийных областях.

В случае бывшего Советского Союза при наличии всех продвижений сразу все же главной стала политическая трансформация, построенная на борьбе элит: смена элиты дает возможность в последующем проводить остальные трансформации. Кстати, Советский Союз дал даже более сложный случай – произошла смена легитимизации элит при их физическом сохранении. В результате секретари ЦК стали президентами, и все это стало называться «демократией».

Самым важным является то, что страна сама начинает стремиться к этому полюсу. Уже Петр Первый, а еще ранее его отец, начали процесс вестернизации России, снимая защитные барьеры достаточно авторитарными методами. То есть для этого варианта

очень важным является наличие элит, заранее настроенных на чужой проект.

При этом следует подчеркнуть, что два различающихся проекта – американский и советский – одновременно имели набор достаточно сближающих их характеристик. **Иммануил Валлерстайн** видит это сходство в следующих шести параметрах, подчеркивая, что хотя формулировки могли различаться, суть их оставалась сближенной [2. – С. 53]:

- они отстаивали принцип самоопределения наций;
- они выступали за экономическое развитие всех государств;
- они заявляли о своей вере в наличие универсальных ценностей;
- они подчеркивали ценность научного знания;
- они верили, что прогресс человечества неизбежен;
- они заявляли о приверженности к народовластию.

Все это говорит о том, что системы, находящиеся в серьезном противопоставлении, все же вполне могли уживаться, что прямо и косвенно подтверждается отсутствием прямого военного конфликта между ними.

Вариант третий: строительство внутреннего проекта внешними силами. Этот вариант в отличие от предыдущего является искусственной имплементацией чужого, в то время как прошлый вариант был естественным повтором чужого. В утрированном виде мы можем различать их как мягкий (привлекательный) и жесткий (принудительный) варианты. Но, как правило, в действительности имеет место гибридное сочетание этих двух подходов.

Следует также разграничить, по нашему мнению, краткосрочные и долгосрочные проекты. К числу краткосрочных мы отнесем силовые варианты типа военных действий или путчей, а также достаточно редкий вариант уничтожения лидеров.

С. Хосмер подчеркивает, что атаки на лидеров имеют следующие цели [3]:

- заставить враждебные государства отказаться от политики и поведения, враждебного американским интересам;
- удерживать противников от будущих атак на эти интересы;
- свергать потенциально опасные режимы;
- уменьшать возможности врага по ведению войны и участию

в терроризме.

Более общий список целей выглядит следующим образом: принуждение, сдерживание и вытеснение режима. Сделать это оказывается возможным при помощи следующего вида инструментария, направленного на лидера:

- проведение прямой атаки на личность;
- поддержка путча или восстания против его правления;
- использование внешней военной силы для прекращения его режима.

При этом подчеркивается, что прямые атаки на лидеров обычно являются неудачными, а даже тогда, когда они все же имеют место, то они редко приводят к нужным эффектам. В другом месте, ссылаясь в числе прочего на опыт Израиля, говорится о том, что подобные виды атак могут приводить даже к катастрофическим результатам. Единственным удачным вариантом такого рода было уничтожение японского адмирала Ямато 18 апреля 1943 года. К отрицательным выводам об успешности подобных процессов приходят и другие исследователи [4].

К. Лотрионте перечисляет ряд позитивных моментов такого развития событий, которые должны принимать во внимание планировщики событий [5]:

- предотвращение еще больших зверств;
- минимизация военных и гражданских потерь;
- прекращение жестоких действий режима;
- уход от сложностей с содержанием заключенных высокого ранга;
- предотвращение использования оружия массового поражения.

С другой стороны, директор Института международных и стратегических отношений в Париже **Паскаль Бонифас** подчеркивает, что неправильность режима не делает военные акции правильными [6]. В случае Саддама Хусейна принятое лечение оказалось еще хуже болезни.

Долгосрочные проекты более многочисленны, центральным из которых является построение новой модели страны. В американской терминологии подобный проект именуется «строительством нации» (nation building), хотя часть авторов предлагает пользо-

ваться словами «постконфликтная реконструкция» (postconflict reconstruction) по следующим причинам [7]:

- строительство нации отдает главную роль местным силам, поэтому о международном влиянии лучше говорить другими словами;
- подчеркивается важность преодоления легальности конфликта;
- отсутствие исторических параллелей, связанных с проблемами строительства наций в случае послевоенных Японии, Германии и Кореи.

Как видим, обширная практика этой сферы уже такова, что позволяет дифференцировать варианты возможных подходов даже чисто терминологически, задавая нужные типы нюансировок.

Неудавшиеся государства (failed states) как объект такого воздействия вызывают определенный набор вариантов реагирования [7. – С. 86–88]:

- невмешательство вообще;
- карантин;
- признание государства недействительным, вместо него начинают функционировать его маленькие части;
- интеграция или абсорбация разрушающегося государства;
- создание международного временного правления;
- создание системы мониторинга из соседних стран;
- поддержка одной из сторон конфликта в надежде на последующее наведение ею порядка;
- разработка стратегии постконфликтной реконструкции.

Кстати, сама проблема акцента на неудавшихся государствах как раз и отражает, по нашему мнению, тот новый феномен потери суверенности, возникший в последнее время. В ответ возникает мотивация для трансформации подобных государств.

Сегодня проделан большой объем исследований трансформации стран, который проведен для того, чтобы выработать соответствующий инструментарий для постсаддамовского Ирака. При этом особое внимание уделяется Японии, а не Германии, что, вероятно, связано в первую очередь с иной культурной системой этой страны, что в этом плане совпадает с моделью работы с Ираком.

Д. Гринберг увидел в качестве условия успеха в Японии полную военную победу США [8]. В связи с тем, что Япония первой напала на США, весь мир поддерживал трансформацию японского общества. США не только изменили экономику и политику страны, но и построили иную образовательную систему. Произошло перераспределение земли, что сделало японское общество более равным экономически. Хотя была создана новая конституция, но император Японии остался у власти, став чисто символической фигурой.

Профессор Массачусетского технологического института **Джон Доуэр**, который в 1999 году выпустил книгу, анализирувавшую поражение Японии, перечисляет ряд аргументов, объясняющих успешность оккупации того времени [9]. Япония сдалась без всяких условий. Япония прошла модернизацию в XIX столетии, когда были заложены ростки демократии и гражданского общества. Эта страна имела традиции социального единства и не разделена так по религиозным, этническим, племенным и региональным параметрам, как Ирак. В Японии США защищали самодостаточность страны, в Ираке вся реконструкция отдана иностранным корпорациям. Вывод профессора Дж. Доуэра таков: генерал Дуглас Макартур, возглавлявший оккупационные силы в Японии и бывший стойким республиканцем, сейчас должен переворачиваться в своем гробу.

Майкл Игнатъевф акцентирует, что секрет силы состоит и в контроле времени, что британская империя, создавая иллюзию постоянства, обеспечила себе долгое выживание [10]. Национальные интересы не могут быть обеспечены людьми, которые ожидают своего ухода. Он также подчеркивает, говоря еще об Афганистане, что происходит неадекватное разделение функций между местным населением и иностранными специалистами: «Строительство нации не должно быть примером колониализма, но отношения между местными и иностранцами точно колониальные. Местные переводят, моют, водят машины, в то время как иностранцы строят грандиозные имперские планы. Местные жалуются, что иностранцы ничего не понимают, даже не знают местных языков». Британия называла реализуемый подход непрямым правлением, когда реальные решения принимаются не на месте, а в имперской столице.

Япония оказалась интересным примером сохранения символики старой власти. Императора не трогали и до этого: в пропагандистской войне, которую вела Америка, император всегда оставался положительным героем, просто его окружали отрицательные типажи генералов. Кстати, не совсем точно говорить, что Япония сдалась без условий. Условия безопасности императора оказались единственными, выдвинутыми японцами [11].

Япония также интересна идеей демократизации экономических возможностей: 80% населения должны были получить экономические возможности, чтобы они затем поддержали демократическое развитие. Видимо, в определенной степени похожие задачи пытались решать и с помощью ваучеров в российской и украинской экономиках. Но в нашем случае безрезультатно.

Теория смены режима

Теория смены **режима** за последние 15 лет опиралась на четыре варианта сценариев. Однако набор этих факторов не столь однозначен. Сами варианты сценариев таковы [12].

- **Диктаторство.** Однако можно ли избавиться от всех диктаторов? Кто может принимать такое решение? Должна ли принимать такое решение каждая основная региональная сила в границах своего влияния?
- **Распространение оружия массового поражения.** Является ли это достаточным основанием для смены режима? Не было дано до сегодняшнего дня четкого определения страны-изгоя.
- **Геноцид.** Это наиболее понятный случай, однако в прошлом (и, ожидается, в будущем) международное сообщество не действовало единогласно против режима, обвиненного в геноциде.
- **Государственная поддержка терроризма.** Определение терроризма в истории все время изменялось. Кто по закону должен принимать решение по таким режимам?

Другой вариант теории смены режима покоится на возможности его легитимности. Аналитики видят зависимость режима от двух институций: селектората и победившей коалиции, которая

удерживает группу у власти [13]. Селектором назвали множество граждан, у которых есть перспектива стать членами действующей победившей коалиции. В случае демократического государства любой гражданин имеет теоретическую возможность подняться по уровню политического влияния выше, в то же время в случае монархии или военной хунты только небольшая часть населения может этим воспользоваться.

Победившая коалиция необходима для удержания победителя у власти: если часть из ее членов уходит в оппозицию, а новые не занимают их позиции, то на смену придет новая победившая коалиция. Одновременно члены победившей коалиции обладают определенными привилегиями, которых нет у тех, кто не входит в их число. Автократии имеют малую победившую коалицию, демократии – большую.

Одновременно победившая коалиция может опираться на психологическую и физическую поддержку от иностранных государств и акторов негосударственного уровня [14]. Политические лидеры и их режимы распределяют среди членов победившей коалиции общественные и частные блага. Чем коалиция больше, тем скорее осуществляется переход на распределение общественных благ, поскольку частных для этого не хватает. Демократии, где по определению большие победившие коалиции, покоятся на политике общественных благ для того, чтобы сохраниться у власти.

Д. Фаренкруг выдвигает следующий набор гипотез.

- Режимы с большими победившими коалициями ослабевают при неработающей политике публичных благ.
- Режимы с малыми победившими коалициями ослабевают при неработающей политике частных благ. К числу частных благ относятся выгодные контракты, взятки, судебный фаворитизм.
- Режимы ослабевают при невозможности предоставлять внешние блага.

Последняя гипотеза говорит об отсутствии у режима международной поддержки. Образуется следующая таблица существующих благ трех уровней (см. табл. 21).

Таблица 21
Блага трех уровней

Категория	Публичные блага	Частные блага
Экономическая	Национальная экономика	Личное благополучие
Безопасность	Национальная безопасность	Личная безопасность
Услуги	Публичные услуги	Привилегии

Эта таблица позволяет понять, что атака на экономику может помочь в случае большой победившей коалиции, но ничего не даст в случае малой. Экономическая атака в последнем случае должна быть направлена против элит.

Угрозы национальной безопасности и потери в боевой силе плохи для большой победившей коалиции, в случае малой коалиции роль общественного мнения по поводу потерь не будет столь значимой. В этом случае удар должен быть направлен на силы, обеспечивающие личную безопасность.

Службы в случае демократии – это полиция, транспорт, дороги, образование. В случае автократии – это выгодные налоги, личная роскошь, назначения в правительство. Потеря публичных служб не имеет значения для автократии и важна для демократии.

Внешние блага характеризуются не столь четкими возможностями по воздействию. Против них могут накладываться разного рода санкции.

В целом коллективное диссидентство увеличивается при увеличении вероятности победы. Кстати, это наглядно наблюдалось в 1990–1991 годах, когда митинговые формы протеста стали нормой. От слабого режима сразу отходят.

Поскольку Фаренкруг анализирует действия коалиции, то он вновь подчеркивает, что чем более демократичен режим, тем больше коалиция должна концентрироваться на публичных благах. В этом плане анализу подвергается смена режима Линдона Джонсона, поскольку его победившая коалиция из-за увеличения стоимости войны, числа погибших, массовых форм протеста стала терять поддержку.

Режим Дьема во Вьетнаме падает, поскольку будучи автократическим, не смог обеспечить частные блага своей коалиции. В этом

случае минимальная мощь авиаударов по официальным лицам режима или структурам его безопасности приводит к потере легитимности.

Буено де Мескита подчеркивает, что если публичные блага потребляются всеми, то частные блага потребляются только членами победившей коалиции [13]. Поэтому при большой коалиции, чтобы удержаться у власти, следует концентрироваться на распределении ресурсов через выдачу публичных благ, при малой – частных.

Подобный поиск точек уязвимости режима важен из-за отсутствия безмерных ресурсов для воздействия, позволяя концентрироваться исключительно на тех аспектах, которые с большей долей вероятности ведут к победе. Ярким примером обратного рода явилось применение санкций против Ирака, которые никак не отразились на самом режиме, хотя привели к тяготам для населения.

Поль Дэвис и **Брайан Дженкинс** сформулировали ряд точек уязвимости, которые представляются важными для террористов [15]. Такая систематика позволяет более адекватно строить стратегии воздействия. Этот набор получил следующий вид [15. – С. 48] (см. табл. 22).

Все это представляет собой вариант политической войны, где особую роль начинают играть идеи и информация. При этом многие из этих задач переносятся с самих США на другие страны (Саудовскую Аравию, Пакистан и другие). В любом случае это четкое определение конкретных точек для воздействия, которые в результате должны вызывать соответствующие варианты изменений. Получается при этом, что имеет место смена с военного компонента на политический, поскольку именно он более адекватно отражает ситуацию воздействия на данный конкретный объект.

Объекты такого рода обладают своей историей существования, что затрудняет воздействие на них из-за накопившихся норм поведения. И это наиболее ярко демонстрируют подобные стратегии, направленные на атаку объектов второго рода, более глубинных, но одновременно более важных для последующей трансформации. Это работа с причинами, а не следствиями.

Таблица 22
Точки уязвимости для террористов

Террористы и их ценности	Что могут сделать Соединенные Штаты
Лидеры	
Власть	Обратите лидеров друг против друга с помощью дезинформации и обмана
Причины	Убедите их, что атаки против США работают против них, поднимите оперативные риски
Семья, племя, братство	Заставьте государственных лидеров предотвращать вознаграждение семьям террористов
Солдаты	
Причины	Поднимите оперативные риски, с победами США на микро- и макроуровнях демонстрируйте безумие их планов
Семья, племя, братство	Заставьте государственных лидеров предотвращать вознаграждение семьям террористов
Финансисты	
Причины	Дискредитируйте их причины внутри ислама и общества
Богатство, власть, жизнь	Создавайте ситуацию потери богатства, смерти и бесчестья
Семья, племя, братство	Заставьте государственных лидеров предотвращать вознаграждение семьям террористов
Государственная поддержка	
Власть	Ограниченные удары и операции, введение военных, политических и экономических санкций, борьба с теми, кто поддерживает терроризм
Собственные политические цели	Убедите их, что атаки на США не помогают им, предоставьте другие пути достижения их целей

Террористы и их ценности	Что могут сделать Соединенные Штаты
Население	
Выживание	Предоставляйте надежду (мирный процесс, помощь, либерализация)
Горечь, вина	Расширяйте объем обсуждаемых идей и мнений
Причины	Напоминайте им о силе США
Религиозные лидеры	
Власть, статус	Дискредитируйте их, предупреждайте их, отслеживайте их деятельность, сокращайте финансирование
Личное и семейное благополучие	Ведите к тюрьме, смерти, бесчестию, предотвращайте выгоду для семей

Трансформация действительности искусственным путем не всегда является отрицательным явлением. Более того, часто она ведет к положительным результатам, поскольку инерционный характер действительности затрудняет проведение положительных трансформаций. Построение новой действительности является во многом типичным проектом, который часто реализуется в истории человечества.

ВОЗМОЖНОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ЗАЩИТЫ ПРОТИВ ФОРМАТИРОВАНИЯ СОБСТВЕННОГО БУДУЩЕГО ИЗВНЕ

В

Механизмы делегитимизации

ВОЕННАЯ СИТУАЦИЯ, привносимая извне, является способом уничтожения имеющихся в данном обществе механизмов по порождению структурности как физической, так и виртуальной. Так действует не только война, но и путч или революция. Структурность может также не уничтожаться, а трансформироваться, что будет в определенной степени эволюционным процессом. Структурность может, наоборот, усиливаться, что часто происходит в кризисные периоды, включая военные конфликты, когда вступает в действие, например, цензура, а население естественным путем группируется вокруг лидера.

Все это в целом представляет собой борьбу либо за делегитимизацию имеющейся власти, либо за усиление ее легитимности. Сталин, уничтожая своих граждан, также усиливал легитимность своего режима, поскольку тем самым создавал вариант внутреннего единства страны. То есть перед нами проходят три варианта оперирования с имеющимися механизмами структурности:

- уничтожение механизмов структурности;
- трансформация механизмов структурности;
- усиление механизмов структурности.

Предназначение механизмов структурности состоит в удержании рамок своей страны как в физическом, так и виртуальном пространствах. Другие виды пространств (военное, политическое, экономическое, социальное) по сути служат поддерживающими по отношению к физическим и виртуальным рамкам. Например, мы военными или политическими силами отстаиваем право на свое существование. Разрушение их приведет на следующем этапе к разрушению физического и виртуального существования страны.

Интересно, что террористические сети пользуются чужими пространствами для удержания своих виртуального и физического существования. А это в свою очередь затрудняет борьбу с ними. Реально они «паразитируют» на чужих видах коммуникации. Попытки разрушить их сразу будут наткнуться на сопротивление со стороны гораздо более широкого круга граждан, чем просто террористы.

Т. Эш говорит о мыслительных барьерах, которые состоят не из колючей проволоки, а из мыслей, чувств и слов [1]. И этот тип барьеров не менее значим, чем тот, который встречается в реальном пространстве.

В систематике разрушения структурности речь идет в первую очередь о контроле над механизмами делегитимизации, поскольку от силы и мощи оппозиции и зависят возможности по выстраиванию этого процесса, которое ведется во внутреннем и внешнем поле. Например, кассетный скандал, вызванный записями майора Николая Мельниченко или многочисленные коррупционные скандалы эпохи Бориса Ельцина, например, дело Павла Бородина. Причем нас в данном случае не интересует суть обвинений, а сами механизмы делегитимизации власти. Этот и подобный виды скандалов идут по одной модели:

- появление негативной информации;
- распространение ее с помощью разного рода СМИ;
- легитимизация обвинений с помощью легитимных источников (например, парламента);
- подключение внешних источников давления (пресса, власть);

- политизация скандала с помощью выведения людей на улицы (митинги и демонстрации).

То есть вводится четыре вида прессинга власти: информационный, юридический, внешний и политический.

На каждом из этих этапов власть пытается реагировать, сначала с помощью молчания, потом происходят робкие попытки опровержения. Получается, что главной конечной целью при этом становится перевод скандала в русло обыденности: когда массовое сознание привыкает к чему-то, оно перестает быть основой для политизации.

Возьмем американский пример – ситуацию с Моникой Левински. Однако до Моники были и другие попытки делегитимизации – одна из них была связана с Полой Джонс со сходным набором обвинений против президента Билла Клинтона.

Советник Клинтона **Джордж Стефанопулос** приводит набор действий Белого дома при появлении первых обвинений Клинтона со стороны Пола Джонс [2]. Это была действительно серьезная проблема, поскольку в результате несколько последующих выступлений такого рода породили для Белого дома проблему Моника Левински.

В случае Пола Джонс Стефанопулос подчеркивает: «Моей целью стало размещение Пола Джонс в той же категории, что и Конни Хамри, – женщины, чьи рассказы были столь подозрительны, что их изложение не должно было удостоиваться внимания массмедиа» [2. – С. 267]. Отдельной задачей стало не допустить показ ее пресс-конференций по телевидению. И Стефанопулос лично связывается с представителями основных телесетей: Эн-би-си, Си-би-эс, Си-эн-эн. Целью было похоронить эту ситуацию в одном выпуске газеты. Здесь мы видим как приемы манипулирования информационным пространством в работе с телесетями, так и манипулирование когнитивным пространством, когда Стефанопулос пытается создать из Пола Джонс недостоверный источник.

Мы видим достаточно четкие задачи, которые пытался решить Белый дом:

- остановить распространение информации, замкнув его на однодневное событие;
- разрушить достоверность источника негативной информации;

- ограничить ареал распространения негативной информации печатными СМИ, не допуская ее до телеканалов.

Когда же остановить подобные действия в информационном пространстве в связи с появлением обвинений Моники Левински оказалось невозможным, возникла проблема с покаянием президента. Как нам представляется, в результате их удалось отбить, когда в массовое сознание внедрили разницу личной и президентской жизни Клинтона. Именно в этот момент, который четко продемонстрировали опросы населения, Билл Клинтон и выступил со своим покаянием, закрепив достигнутый успех.

Интересно в этом плане высказывается **Дик Моррис**, консультант Клинтона, который на тот момент официально уже не сотрудничал с Белым домом. До этого следует упомянуть, что он подчеркивает важность стратегии, иронически говоря о своих оппонентах: «Зачастую, особенно в предвыборных штабах республиканской партии, путают боеприпасы и стратегию, так что иногда план звучит так: «Будем палить негативными снарядами, пока не кончатся» [3]. Что же касается скандала с Моникой Левински, то в этом случае он считает, что сексуальные скандалы не входят в число приоритетов избирателей. Как, кстати, и скандалы коррупционного порядка, которые избиратель как бы не «видит», если они не доходят до суда.

Тем более что в ряде случаев власть обладает возможностью предупреждающего удара, что позволяет разрушить планы оппонентов в самом начале. Это однотипно использованию информационных операций в военных ситуациях. Например, в ситуации Косово констатируется, что задолго до наступления критической ситуации миротворцы работали с албанскими и сербскими лидерами и влиятельными группами, чтобы модифицировать их отношение и поведение [4]. В качестве такой критической ситуации упомянуты и выборы, когда были инициированы личные встречи между противоборствующими лидерами, чтобы избежать политического насилия. Сходно в ситуации возникающих атак вновь инициировались встречи лидеров, раздача листовок населению и усиленное патрулирование, чтобы предотвратить продолжение насилия. То есть здесь дискуссия является способом предотвращения насилия.

Перед нами возникает разрешение конфликта не внутри конфликтной ситуации, а как бы с метауровня. Именно третья сторона, обладающая нужным уровнем авторитетности, а в данном случае и силы, становится таким метарегулятором конфликта. При этом ее роль моделируется как нейтральная, хотя на самом деле она является одним из участников.

При этом существуют варианты искусственного возникновения третьей стороны, когда обе стороны конфликта начинают обращаться, например, к международной общественности. При этом для одной из сторон это становится возможностью вынесения начавшихся процессов разрушения легитимности на международный уровень.

Советский Союз разрушался по сходным моделям. Идею «империи зла» усиленно поддерживали, в то же время уходя в сторону от освещения позитивных характеристик того же объекта. Освещение в западной прессе получали только негативные стороны, подрывающие легитимность действующей власти. При этом именно внутренняя оппозиция всегда более значима, чем любая внешняя, поэтому она в виде диссидентства активно поддерживалась извне.

Как видим, имеют место разнообразные попытки разрушения легитимности власти для последующей ее смены или трансформации. Всякий вариант внешнего строительства новой властной структуры (как, кстати, и внутреннего) имеет набор своих собственных точек уязвимости, позволяющих если не остановить, то хотя бы замедлить внешнее строительство. Например, для Ирака существенным моментом оказывается продолжение войны, что не позволяет в полной мере развивать внутренние структуры трансформации.

Выстраивание проекта извне требует **удержания ресурсного, информационного, социального и других ключевых параметров будущей системы (или ее трансформаторов)**. Например, команды реформаторов всегда поддерживались извне в процессе перехода от социализма к капитализму. Их можно трактовать как определенные аттракторы, которые в имеющемся хаосе собирают вновь систему управления, ориентируя ее на новые типы целей.

Внешний игрок создает свой аналог внутри новой системы, пытается таким образом трансформировать ее. В этой роли, например, выступали диссиденты в советское время, когда, с одной стороны,

их поддерживали ресурсно для создания внутри страны иной точки зрения, с другой – эта точка зрения уходила вовне, а потом возвращалась сквозь западные СМИ для распространения внутри страны.

Функционально это определенная «антиячейка», выстроенная в определенной контрсистеме, что не только держит систему в напряжении, но и создает условия для распространения новых таких же элементов. Система начинает наполняться инородными элементами, в долговременной перспективе ведущими к разрушению системы.

Подобный взгляд извне можно увидеть, например, в систематике построения реформы армии в исламских странах (речь идет о Египте, Пакистане и Сирии) путем увеличения гражданского контроля [5]. Уже сама формулировка задачи понятна, поскольку она направлена на определенное разрушение самодостаточности армии как общественного института. Политический инструментарий, способствующий такой трансформации, принимает следующий вид:

- **поддержка местных реформаторов;**
- **поддержка гражданского контроля над военными;**
- **усиление позитивного влияния с помощью выдвигаемых условий.**

Перед нами достаточно четкий инструментарий, который, вероятно, применяется не только и не столько для построения армии, но и во многих других проектах. Каждый из этих инструментов (и в сумме, и в отдельности) направлен на создание условий для трансформации объекта в нужном направлении. Местные реформаторы должны создать условия для продвижения нужной трансформации изнутри. Гражданский контроль должен разрушить закрытость военных как системы. Открытые системы скорее поддаются трансформациям, чем закрытые. Внешние рамки в виде условий в обмен на те или иные действия должны создать необходимое внешнее давление на систему. В сумме выстраивается как внутреннее, так и внешнее давление на систему. Координация этих усилий и призвана трансформировать систему.

Планировщики военной игры Unified Quest'05, проведенной в сентябре 2004 года в США с задачей влияния на умы и сердца противника, исходили в своих рассуждениях не из настоящего момента, а из точки в будущем [6]: каким должен быть этот регион, когда войска уйдут из него. Соответственно, необходимым было решение проблемы проведения тех операций, которые могут привести к такому результату.

Угрозы и псевдоугрозы

Внутренняя трансформация может идти ради большой цели или преодоления большой угрозы. Тогда система естественным образом начинает реагировать, поскольку «раздражитель» явно переходит пороговые величины.

Пример большой цели – строительство БАМа.

Пример большой угрозы – нападение 22 июня 1941 года.

При этом цели и угрозы могут быть как настоящими, так и искусственными, чтобы обеспечить нужный вид трансформации. Цели и угрозы могут создаваться сознательно, чтобы достичь нужных результатов. К примеру, Советский Союз в довоенный период боролся с «врагами народа» даже там, где их не было. Подобная искусственная угроза позволяла (конечно, за счет населения) получать лучшие результаты экономического строительства, что позволило называть такую экономику мобилизационной.

Внутренняя трансформация отвечает на вызовы, как настоящие, так и искусственные, что может быть продемонстрировано следующим образом (см. рис. 40).

Рис. 40. Внутренняя трансформация и ответ на вызовы

Следует также вспомнить примеры по созданию внешней или внутренней угрозы, которая также способна трансформировать внутренние структуры. **Генерал Шарль де Голль** возвращается к власти с помощью инициации псевдопутча в Алжире в 1958 году, **Борис Ельцин** возглавляет страну после псевдопутча в августе 1991-го. И в том и в другом случае появляется спаситель нации, к которому обращены все взоры. Массовое сознание электризуется и... бросается к ногам.

Дик Моррис пишет о ситуации с де Голлем: «Президенту Франции Рене Коти и Фламлену (премьеру. – Г. П.) было ясно, что выбора, кроме как идти на поклон к де Голлю, у них не остается. В противном случае это сделают за них парашютисты из Алжира. 28 мая Фламлен ушел в отставку. Президент Коти направил послание национальному собранию: «Я обратился к самому прославленному из французов, к тому, кто в мрачнейшие годы нашей истории возглавил борьбу народа за свободу и кто, объединив вокруг себя всю нацию, ради установления республиканского правления с негодованием отбросил саму идею диктатуры» [7. – С. 74].

Псевдоугроза создает напряжение массового сознания, которое разряжается в нужную сторону. То есть когда трансформировать реальность естественным образом нельзя, происходит создание искусственного виртуального аналога проблемы в ином поле (виртуальном, информационном, когнитивном), за которым следует разрешение проблемы уже в поле реальности. **Мезенцев** назвал этот виртуальный аналог «информационным фантомом» [8].

Таково эмоциональное нагнетание страстей не только в случае псевдопутчей, но и в ситуации выборов, когда также создается ситуация черно-белого выбора, где каждый из двух кандидатов предстает единственно верным спасителем человечества. Причем риторика строится таким образом, чтобы поднять значимость каждого, без его голоса развитие данной страны несомненно остановится (см. рис. 41).

Рис. 41. Искусственно конструируемый переход

В этой искусственной конструкции перехода оказываются задействованными все виды нематериальных пространств: информационного, когнитивного, виртуального. Образуются следующие типы переходов (см. рис. 42).

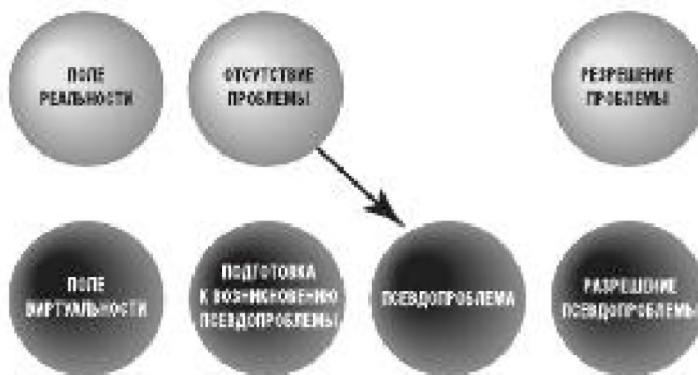

Рис. 42. Типы переходов

В случае подготовки виртуальность начинает очень сильно коррелировать с реальностью. Идут танки, стоят заводы – все одновременно очень напоминает кино. Кстати, все, кто следил за событиями 11 сентября в живом эфире, подчеркивали ощущение киноэффекта, а не реальности происходящего. Можно представить три основных типа трансформации реальности (см. рис. 43).

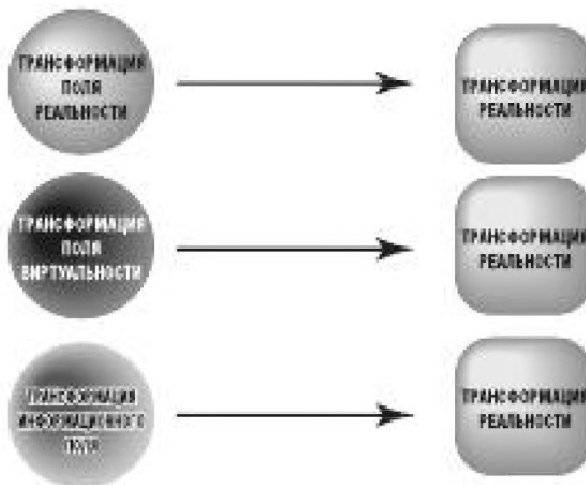

Рис. 43. Типы трансформации реальности

В первом случае военные и последующие миротворческие операции серьезным образом трансформируют реальность страны, начиная в последующем удерживать только те ее компоненты, которые оказываются нужными для нового проекта. Например, старые лидеры / элита отодвигаются, новые лидеры / элита выдвигаются на первое место.

Во втором случае разрушается старое виртуальное поле и выстраивается новое, ярким примером чего является перестройка, в рамках которой как раз процесс под названием гласность и отражал процесс виртуальной трансформации. Выстраивается новый набор «сакральных» объектов, старые оттесняются на периферию. На следующем этапе на первое место выходят те, кто разными способами «обслуживает» эти новые сакральные объекты: журналисты рассказывают, писатели повествуют, режиссеры ставят пьесы, а политики легитимизируют эту новую виртуальную действительность. Причем интересно то, что происходит замена одного несуществующего в реальности проекта другим: «коммунизм» был заменен не менее виртуальной «демократией», о преимуществах которой речь шла только в аспекте будущего, которое, кстати, так и осталось нереализованным до конца. Причем за это время слово «демократ», совершив круг, стало вновь носить отрицательный оттенок.

Потемкинский проект можно представить себе как виртуальное строительство, носящее временный характер. Екатерина проехала, ресурсы на удержание виртуальности не подводятся, сцепка «виртуально-реальных» структур разрушается. Иосиф Сталин активно использовал подобные вещи в кинематографе, создавая нужный тип виртуальности, за которой должна была следовать по принципу эквивалентности и реальность. Однако переход от реальности к виртуальности носит более законченный характер, чем переход обратного свойства. Реальность переходит в виртуальность почти автоматически, в то время как виртуальность переходит в реальность только при соответствующей ресурсной и организационной поддержке.

Трансформация информационного поля является весьма важным компонентом, поэтому информационная защита разных видов способствует удержанию системы в заданных параметрах. Лю-

бое нарушение информационного поля страны, фирмы и так далее требует соответствующих вариантов «ремонта», что часто именуется словами спин-докторинг, управление информационной повесткой дня, репутационный менеджмент.

Трансформация информационного поля воспринимается не так «болезненно», как трансформация поля реальности, по следующим причинам:

- это в принципе трансформируемое поле, которое в норме также все время подлежит изменениям;
- это нанесение удара по инфраструктурным точкам, которые не так легко считываются для того, чтобы организовывать сопротивление;
- это работа с последствиями, которые на сегодняшний день не видны.

Принятие решений покоится не только на информационной составляющей, не менее важными точками уязвимости является другой компонент массового сознания, который можно обозначить как система желаний. В этом плане кинематограф выступает как определенная машина желаний, поскольку он очень четко формирует этот уровень человеческого мышления. Советский Союз распадается при потере своего собственного видения именно на этом уровне, поскольку все остальное является следствием утери целей. Исчезновение своих целей приводит к замещению их другими. Цели выступают как мотивы последующих вариантов поступков людей.

Машина желаний

Австралийский ученый **М. Бурке** расширил привычный набор «факты – информация – знания» дополнительными компонентами «чувства – желания – мысли» [9, 10]. Чувства задаются как значения, полученные из информации и других чувств, и эмоции как раз относятся к области чувств. Желание – это значение, полученное из информации и других желаний. Хотение находится в области желаний.

Эмоциональная составляющая, которая до этого находилась вне возможностей более объективного и формализованного изучения, сегодня активно исследуется в целях прикладного использования

Пентагоном, который создал для этого специальный Институт креативных технологий [см., например, 11–14].

Воздействие на систему желаний менее контролируемо, поскольку общество с меньшей опаской относится к действиям с долгосрочными последствиями. Как правило, желание порождается внутри индивидуума, а не привносится извне. В самом исходном сообщении даже может не быть подобного сигнала на переднем плане, это скорее контекст, который впоследствии формирует нужный вид сообщения, что делает контроль такого рода информационных потоков практически невозможным.

Мы говорим о коррекции информационного пространства и пространства желаний, но для этого нужно в принципе иметь «машины» по порождению элементов этого уровня. Если же они поступают готовыми извне, то коррекция должна идти с помощью собственных объектов того же уровня.

Мы можем построить **общую типологию защитных действий** следующего вида:

- наращивание собственных возможностей в критических точках, например, собственная массовая культура, функционирующая на равных с внешне привнесенной;
- выстраивание защиты в критических точках, пример советского времени – цензура, которая защищала информационное поле от внешних воздействий;
- направление «иноэнергии» на фиктивные цели типа создания псевдообъектов или псевдолидеров, например, как предложение **Дж. Аркви́ллы** создать параллельно с Бен Ладеном нового лидера «Аль-Каиды», на которого переключить все медиавнимание.

Защита тогда проявляет свою эффективность, когда она переходит от неявных, интуитивных оснований к осозанным и четким. Если сегодня ставятся задачи по коррекции поведения, то должны точно так же выстраиваться инструментарии по защите от этого вида коррекции.

В принципе внешний источник трансформации направлен на две цели:

- отключение внутренних механизмов, удерживающих единую рамку;
- включение механизмов по удержанию новой рамки.

Это создание определенного рода поля, внутри которого более возможен нужный вид трансформации, которая, получив «льготные» условия, может происходить самостоятельно.

В качестве примера такого отключения может быть определенный гибрид – создание дискуссий внутри самого этого общества, в результате чего некогда «сакральные» объекты получают не только новую трактовку, но даже возникновение простой динамики будет их разрушать. Собственно гласность как процесс разрушила советскую систему, поскольку дискутируемыми оказались ранее закрытые для обсуждения объекты. Создание дискуссионных потоков внутри арабского общества стало одним из решений, предлагаемых аналитиками RAND в войне с терроризмом [15].

Дискуссия разрушает «сакральность» объектов, позволяя в результате даже совершить самопроизвольную их реинтерпретацию. Закрытость объектов от дискуссии ведет к сохранению фиксированной интерпретации.

Дискуссия обладает одной очень важной составляющей – **она переводит процесс из внешне инициированного в свой собственный**. Именно это является слабым местом любых усилий внешних проектов, когда они отвергаются просто как чужие. **Дж. Андерсон** говорит в этом аспекте о неудаче менеджмента сверху в отличие от менеджмента, идущего снизу, приводя в качестве примера Вьетнам [16]. Тогда военные решили построить школы в деревнях. Школы были построены, речи произнесены, снимки сделаны. А потом вьетнамцы сожгли эти школы. Один из ответов состоит в том, что местные жители не были включены в решение или строительство.

Внешний источник трансформации, а на его позиции также нужно становиться, действует исходя из своего набора мотивов, работа с которыми может остановить эту трансформацию. Сегодня подчеркивается наличие трех видов мотивов: политических, юридических и моральных [17]. При этом войну в Ираке можно объяснить только наличием всех трех плоскостей. Образуется возможность компенсации одной из плоскостей другой: отсутствие санкций ООН компенсировалось усилением моральной аргументации.

Мартин Уайт видит приход нескольких волн «революционизма», основанного на моральной солидарности [цит. по 17]. Это войны религий, французские революционеры и тоталитаризм XX века. Четвертой волной становятся современные радикальные религиозные движения. Действительно, во всех подобных случаях присутствует очень мощный моральный фактор, с которым еще не научились качественно работать, чтобы приостанавливать его движение.

С точки зрения **Д. Фаренкруга**, атака на идеологические основания вовне позволяет сдерживать внешнюю поддержку [18]. Это можно понять как возможность по разворачиванию дискуссии в обществе – источники о правомерности такого рода поддержки / неподдержки режима страны-реципиента.

Внешний источник трансформаций также будет действовать в рамках традиционного определения стратегии [19]:

Стратегия = Цели + Пути + Средства.

Возможно выстраивание защит и на этом мета-уровне, как и в случае мотивов, рассмотренных выше. Именно **воздействие на чужую стратегию** считалось высшим искусством в древнекитайских представлениях. То есть развитие чужой стратегии может быть приостановлено как на тактическом, так и на стратегическом уровне. Возникает возможность отражения как на уровне путей, так и на уровне целей и уровне средств.

Одним из таких примеров в современной международной практике стало наличие у страны ядерного оружия, что сразу блокирует некоторые типы действий против нее. «Верхняя Вольта с ядерной бомбой» еще более опасна из-за возрастания в этом случае неопределенности. Подобная страна даже без своего желания работает на уровне метастратегий, перекрывая возможные варианты стратегий для других. По этой причине страны подобного рода очень четко учитываются и отслеживаются. **Д. Макгрегор** в своем выступлении перед Комитетом по вооруженным силам 15 июля 2004 года говорит, что Иран готовится создать ядерные боеголовки для уже имеющегося арсенала баллистических ракет, а Пакистан, обладая ядерным оружием, может легко перейти в исламистский лагерь [20]. Как видим, подобная страна, с одной стороны,

привлекает трансформационные возможности других, с другой – к ней относятся настороженно в случае военного конфликта. Собственно говоря, это была и модель работы с бывшим Советским Союзом, который трансформировался без доведения его до ядерного конфликта.

Внешний источник трансформации может встретить ряд реакций со стороны общества, на которое осуществляется воздействие:

- **противодействие**, когда реагирование ведется в той же среде, что и воздействие;
- **перенаправление**, когда энергия уходит на другие менее опасные с точки зрения трансформационных особенностей объекты;
- **запрет**, наименее интересный случай реагирования, поскольку сегодня трудно удерживать общества в закрытом состоянии;
- **мимикрия**, когда трансформация имеет место, но она не является настоящей;
- **карнавализация**, когда трансформация принимает карикатурные формы;
- **сегментация**, когда трансформация проходит только по ряду сегментов;
- **дистанционное реагирование**, когда трансформация активизирует разрушительные тенденции, применяемые за пределами объекта воздействия, примером чего являются 11 сентября и Чечня.

Эти семь видов ответного воздействия связаны с общей целью – создать сопротивление трансформациям, которые по той или иной причине не признаются благоприятными данным сообществом.

Во многом перед нами прошли методы трансформации действительности, которые направлены на интенсификацию процессов изменений. В обычной среде действительность изменяется медленно, в искусственных средах такие изменения протекают более интенсивно. Поэтому создаются **специальные контексты, способствующие изменениям**. Сопротивление изменениям призвано «впитать» энергию этих изменений, задержав разрушение имеющихся структурностей и механизмов по их удержанию.

Мы можем также построить более упрощенную типологию, идущую вслед за физическим представлением процесса изменений. Тогда центральными механизмами станут следующие:

- отключение;
- переключение;
- увеличение мощности;
- торможение.

И действительно, иная структурность может входить в чисто физических терминах, что позволяет также чисто физически ей противодействовать. Актуальность самих этих процессов демонстрирует и существование уже частных фирм (а не только государственных организаций), которые берут на себя задачи по модификации поведения чужого населения [21]: «С помощью специально созданных кризисных коммуникационных программ персонал по модификации поведения тщательно натренирован для облегчения местного притяжения целей вашей организации на всех уровнях данного общества: от лидеров развивающихся стран до враждебных местных групп и общин». Здесь ставится как бы уже обратная задача – отражение неприятия будущей трансформации, что приводит к следующей триаде:

- трансформация;
- защита (= борьба с трансформацией);
- борьба с защитой (= борьба с борьбой с трансформацией).

Ситуация в результате становится более многослойной, что затрудняет оперирование с ней как одной, так и другой стороны. Но в любом случае понимание неслучайности подобных процессов позволяет выстраивать более системные варианты защиты от них.

ТЕОРИЯ АНТИПУТЧА ДЖИНА ШАРПА И КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ

П

Путчи большие и малые

ПУТЧИ АКТИВНО используются в современной политике. Достаточно вспомнить только ряд примеров: 1966 год, Гана – в результате путча президентом становится Кваме Нкрума; 1969 год, Ливия – Муаммар Каддафи приходит к власти; 1973 год, Чили – пало правительство Сальвадора Альенде; 1991 год, Москва – августовский путч, направленный на сохранение СССР, проваливается.

Последний вариант путча хорошо известен каждому из нас. Одновременно все помнят, что он не вызвал поддержки у населения, с одной стороны. С другой – поднявшие головы лидеры национальных республик, естественно, также не хотели идти на поклон, а хотели действовать в качестве самостоятельных руководителей. В сумме это привело к нулевому результату. Путчисты не смогли применить силу, а без нее никто уже не хотел возвращаться к старому порядку. Августовский путч завершился арестом самих путчистов. И от него осталась только телевизионная картинка пресс-конференции с трясущимися руками Геннадия Янаева.

Джин Шарп и **Б. Дженкинс** определяют путч как быстрый захват физического и политического контроля над государственным аппаратом путем неле-

гальных действий группы заговорщиков, опирающихся на угрозу применения насилия [1]. Они же предлагают и свой вариант антипутчевых стратегий. Что вполне естественно, поскольку теоретики путчей вполне могут быть и теоретиками антипутчей, смешаясь по разные стороны баррикад.

В обществе, где массы не мобилизованы, путч проходит безболезненно, поскольку никто не оказывает сопротивления – все пассивно следует новым директивам. Основой путча является такая ситуация, когда гражданское общество слабее военных сил.

Путчи протекают быстро, в течение нескольких часов. Как правило, группы, их инициирующие, используют контроль над одним сектором общества, который они имеют или получают в первые часы, над всеми другими секторами. Однако часто путчи проваливаются из-за несотрудничества с мятежниками государственного аппарата, то есть от физического контроля нет автоматического перехода к контролю политическому.

Три варианта путчей привлекли пристальное внимание этих исследователей.

Германия, 1920 год. Берлин захватывают бывшие военные и гражданские, выступавшие против Веймарской республики под руководством доктора Вольфганга Каппа. Но начались процессы неподчинения, забастовки рабочих. Квалифицированные люди отказались занять посты министров, а Рейхсбанк – финансировать путчистов. 17 марта Капп бежал в Швецию.

Франция, 1961 год. 21–22 апреля французские военные части в Алжире вышли из-под контроля. Следующим шагом должен был стать захват власти в Париже. Де Голль выступил с речью, копии которой распространялись в Алжире, 24 млн. рабочих начали символическую забастовку, на аэродромах были готовы машины, чтобы блокировать посадочные полосы. Алжир был подвергнут финансовой и морской блокаде. 25 апреля де Голль приказал оставшимся верным частям стрелять по мятежникам, но в этом уже не было нужды. В ночь с 25-го на 26 апреля парашютный полк, захвативший столицу Алжира, покинул город.

СССР, 1991 год. 19 августа было сделано объявление о захвате власти, причем с достаточно прозрачным юридическим прикрыти-

ем в виде болезни Михаила Горбачева. Десятки тысяч людей вышли на улицы в Москве, Ельцин объявил о неподчинении указам путчистов. На следующий день Министерство обороны вывело свои войска из Москвы.

Дж. Шарп и Б. Дженкинс формулируют свой главнейший принцип антипутчевой деятельности: **отрицание легитимности путчистов**. Поскольку путч строится на пассивности населения, неподчинение становится главным принципом. Именно в этом состоит второе предложение авторов: сопротивление путем **несотрудничества с ними и открытого неподчинения**. Происходит то, что мы обозначим как **борьба в нематериальной сфере**.

Авторы говорят, что люди борются не за здания и географические пункты, а непосредственно за свои институции, общество и свободы. Правда, при этом некоторые здания вдруг начинают носить символический характер, и борьба разгорается именно за них, примером чего может служить народная защита литовского парламента или российского Белого дома. Военные в таком случае не хотят кровопролития, многочисленных жертв, и такая защита становится эффективной. Политика защиты, по их мнению, должна строиться на двух составляющих:

- недопущение легитимности путчистов;
- недопущение сотрудничества с путчистами.

В первом случае речь идет о нужде путчистов в том, чтобы их контроль над государственным аппаратом был признан людьми и институциями, на которых держится моральная и легитимная политическая власть в стране. Это могут быть моральные авторитеты страны. Это могут быть органы самоуправления. Это может быть королевская чета там, где монархия существует. Все они должны выказать свое одобрение происходящего. В противном случае без такой подсказки невозможно нейтрализовать действия тех, кто сопротивляется путчистам.

Понятно, что этот список не может быть системным. Речь идет о нарастающем вале признания, выражении правильности действий тех, кто захватил власть неконституционным путем. Во втором случае речь идет о том, что путчисты нуждаются в том, чтобы гражданские лидеры и население сотрудничали или хотя бы были просто

пассивными. Соответственно и журналисты должны делать то, что им говорят. В целом, если путч не получает легитимного признания, если с путчистами не сотрудничают, то дни путча будут сочтены.

Действия путчистов направлены на захват важных географических пунктов и значимых зданий. Как правило, народные защитники не мешают этому, поскольку им противостоит военная сила. Иногда в случае важного символического значения таких зданий защита их все же происходит. В 1991 году была защита Белого дома в Москве и литовского парламента с помощью человеческих баррикад, то есть человеческих цепей между путчистами и зданиями.

Дж. Шарп подчеркивает важность плановых акций, одновременно подчеркивая, что даже импровизационные действия демонстрируют, насколько мощной силой может быть социальное действие. Он выделяет два вида сопротивления: общее сопротивление и организованное. Общее касается тех точек, которые заранее идентифицируются как важные и которые должны обороняться без дополнительных инструкций. Это попытки признания режима легитимным, попытки переделки судов, введения новой конституции, ограничения свободы слова, попытки контроля над независимыми институтами общества. Все это должно служить сигналом для населения к выступлению против путча и путчистов.

К числу такого инструментария относятся:

- отказ подчиняться путчу, признание лидеров путча нелегитимными, что должно быть поддержано моральными, политическими и религиозными лидерами;
- рассмотрение всех декретов путчистов как противоречащих закону и отказ от их выполнения;
- выдерживание всего сопротивления жестко ненасильственным;
- отказ от попыток путчистов установить контроль над правительственным аппаратом и обществом;
- несотрудничество с путчистами во всех видах;
- поддержание нормального функционирования общества в соответствии с предшествующей конституцией;
- сохранение функционирования легитимных политических и общественных организаций;

- отказ в предоставлении путчистам и их помощникам важной информации;
- отказ в предоставлении путчистам оборудования и товаров, пряча их, когда нужно;
- участие в дружеской «креативной коммуникации» с функционерами и войсками, связанными с путчистами;
- отказ в распространении пропаганды путчистов;
- документирование деятельности путчистов.

Организованная защита представляет собой действия по инструкции от лидеров антипутчистов. Это могут быть члены легитимного правительства, комитет по борьбе с путчем и так далее. Организованная защита – дополнение к защите общей. Это могут быть демонстрации, короткие забастовки, звон церковных колоколов, организованные голодовки, выражения скорби по поводу актов насилия со стороны путчистов.

Активное использование ненасильственного сопротивления даст следующий набор результатов:

- достижение симпатии и поддержки;
- уменьшение числа жертв;
- разочарование в среде оппонентов;
- привлечение максимального участия в ненасильственной борьбе;
- получение широкой поддержки.

Дополнительным фактором помощи может стать международная поддержка. При этом не следует романтически верить в ее всеисильность, она станет действенной только при наличии настоящего внутреннего сопротивления путчу.

Какие доводы приводились в период до оранжевой революции, чтобы поверить в невозможность бархатной революции по грузинскому или югославскому сценарию в Украине? Перечислим некоторые из них. Это малый объем населения. Это отсутствие экономического ухудшения. Это южный темперамент в Грузии или Югославии, которого нет в Украине. Все это в сумме задавалось как факторы, снижающие вероятность революционного сценария. Сегодня близкие доводы приводят аналитики других постсоветских республик, включая Казахстан и Россию. Однако, как оказалось, суть не в этих параметрах, а в каких-то иных.

Превентивная политика

Любая революционная стратегия встречается с противодействием, с контрреволюционной стратегией. В зависимости от умения создателей той и другой и образуется конечный результат. Важным фактом при этом становится не только умение мыслить, но и умение действовать. Причем здесь возникает действие иного типа – это действие на контрходе, под которым мы понимаем тип действия, для которого очень значимо реагирование оппонента. «Ловушки» как тип действия вообще строятся таким образом, что ход оппонента более важен, чем свой собственный.

Глеб Павловский, вернувшийся после провала своей политконсультационной миссии в Украине, заявил в «Независимой газете»: «Проблема превентивной контрреволюции является главной темой моей политической биографии, из-за нее я несколько раз приходил в политику и уходил из нее, а потом опять возвращался. Киев – очень серьезный звонок для России» [2]. Из интервью видно, что Павловский – сторонник силовых решений, по крайней мере в данном случае. Кстати, Майдан в другом своем интервью он увидел как городскую революцию именно Киева, а не Галичины [3].

Если Глеб Павловский нашел свое счастье в создании превентивной контрреволюции, то Марат Гельман предлагает создание параллельной действительности в виде России-2, где можно спрятаться от взрывов домов и войны в Чечне, не уходя в диссидентство [4–6]. Оба варианта, кстати, строятся для решения проблем, которые еще не наступили в России, но для которых созрели все предпосылки.

Революционные стратегии представляют собой стратегию дестабилизации, задачей которой является как изоляция центров принятия решений, так и асинхронизация действий всего властного механизма. Контрреволюционные стратегии должны включать объединяющие механизмы, сохраняющие действия власти под любого варианта прессингом. Действия власти имеют внутреннее и внешнее функционирование. Есть четыре варианта соотношения такого функционирования (см. табл. 23).

Таблица 23

Соотношение внутреннего и внешнего функционирования власти

Внутреннее функционирование власти	Внешнее функционирование власти	Интерпретация
Есть	Есть	Норма
Нет	Нет	Уничтожение
Есть	Нет	Кризис
Нет	Есть	Самовыживание

Первый и второй варианты понятны: власть работает и власть не работает. Четвертый вариант, когда принятия решений власти уже нет, а отдельные ее организмы работают, является самовыживанием власти, которая функционирует вне имеющихся иерархических взаимоотношений. Третий вариант, когда принятие решений наверху присутствует, но они не выполняются, можно обозначить как кризис, который еще может быть преодолен.

Власть по сути предоставляет определенные мета-правила, оппозиция вводит множество разрозненных правил, которые разрушают систему асинхронностью. Это наличие нескольких центров управления, наличие событий, протекающих вне правил. Тут интересен чисто теоретически американский опыт «культурного котла», который разрешает разнообразие форм этнического поведения при сохранении общей системы. В нашем случае система сразу начинает разваливаться, не выдерживая такого объема разнообразия. Власть проявляется у нас чисто физической синхронизацией поведения в разных точках и пространства, и времени.

Власть также выступает в роли главного интерпретатора действительности. Переход чужих интерпретаций (в данном случае оппозиции) с маргинальных на доминирующие демонстрирует паралич власти, поскольку в этом случае уничтожается синхронность виртуального пространства вслед за уничтожением такой же синхронности пространств физического и информационного.

Приведем примеры такой асинхронности, то есть функционирования этих пространств по разным законам, в результате чего они уже становятся не единым целым, а сегментами разных систем:

- асинхронность физического пространства: блокировка административных зданий;
- асинхронность информационного пространства;
- асинхронность когнитивного пространства.

Можно представить себе два основных варианта собственно контрреволюционных стратегий:

- реактивные;
- проактивные.

Сильный игрок действует упреждающе, превентивно, слабый – повторяет стратегию другой стороны. Причем в таком случае он может не заметить, как сам попадет в ловушку, созданную для него другими, поскольку, как учит теория фоко Че Гевары, скорость и мобильность являются главным инструментарием партизанской войны.

Гарольд Лассвелл употреблял термин «превентивная политика», когда речь идет о реагировании на ранней стадии на развитие событий, а не тогда, когда ситуация уже получила свое развитие [7].

Есть одно важное правило, которое не учитывали те, кто пытался противодействовать оранжевой революции. Сформулируем его следующим образом: Берлинская стена падает один раз, но навсегда. Мы понимаем под ним то, что отступлений быть не может, поскольку невозможно вернуться на то же место снова. Следующая развилка приносит не выигрыш, а новый вариант отступления, которые только накапливаются. Революция в этом плане является суммой таких отступлений власти, у которой постепенно забирают контроль над физическим, информационным и когнитивным пространствами.

Если оппозиция движется через захват физического и информационного, а за ним и когнитивного пространств, то для власти характерным является потеря когнитивного пространства, то есть потеря способности принимать решения. Именно это ключевой вопрос всех революций, нейтрализующих на определенном этапе способность властей принимать решения.

Что лежало в основе этой потери власти способности принимать решения? **Александр Квасьневский** в интервью «Киевская миссия» говорит о панике как со стороны Виктора Ющенко, так и Леонида Кучмы [8]. Виктор Ющенко не имел правовых оснований

для своих действий, но имел за собой тысячи демонстрантов, а Леонид Кучма как действующий президент сидел под Киевом, не имея возможности попасть в свой кабинет. Паника как раз и говорит о неспособности адекватно оценивать ситуацию.

Есть теория шока, лежащая в основе достижения быстрого доминирования, разработанная не для партизанских, а для обычных военных сил [9]. Но задача стоит та же: повлиять на волю оппонента, его понимание и восприятие происходящего.

Одним из первых примеров такого рода в военной истории стали римские легионы, которые, будучи малочисленными, держали в повиновении всех своих противников. Они достигали этого, создав у противника ощущение своей непобедимости, с одной стороны, с другой же было понимание того, что при любом восстании возмездие всегда все равно придет.

Для современных войн в рамках этой концепции предлагается следующий набор характеристик:

- враг сам выбирает время и место конфликта;
- мы достигаем контроля над инициативой за счет превосходящих скорости, знаний и способности действовать и реагировать;
- наши силы воспринимаются как непобедимые, бои должны убеждать противника, что у него нет надежды;
- боевые действия должны быть безжалостными и постоянными в любых точках пространства и времени;
- союзнические операции должны быть качественно интегрированными, включая психологическую войну;
- враг должен быть атакован в областях, представляющих для него наибольшую важность.

Подчеркнем еще раз принципиально превентивный характер такого ведения войны с акцентом на волю противника. Противника как бы заранее лишают возможности предпринимать те действия, которые представляются опасными.

Контрреволюция

Революции также мотивированы волей. Они возникают на том пике активности, которая вызвана контрпродуктивной деятельно-

стью властей, когда протестные массы направляют свои усилия против усилий властей.

Майдан дал людям ту возможность, которую не дала власть в своих попытках жестко удержать информационное пространство, – возможность **выговориться**. Это определенное психоаналитическое действие, работающее только в случае массового сознания. Именно здесь произошел тот **резонанс**, о котором мы говорили ранее. Табуированные темы получили свое развитие, чем закрепилось доверие к Майдану. То есть модель управляемого властью информационного поля не привела к успеху, а, наоборот, стала питательной средой для активации оппозиционных отношений. Для того чтобы совершить этот резонанс, все коммуникативные средства оппозиции были построены на подчеркивании того, что должно активировать массовое сознание: украли ваш голос, вы так решили, без вас мы не сможем и так далее. Кстати, даже по характеру обвинений все равно получается, что голос не украли, а голос «добавили», поскольку речь шла о вбрасывании дополнительных бюллетеней.

Активированный Майдан и работающие интенсивно оппозиционные лидеры дали возможность продвигать в жизнь асимметричные решения типа блокировки административных зданий, на которые власть не решилась отвечать с помощью силовых методов.

Мы можем представить себе следующее соотношение долгосрочных / краткосрочных угроз и ответов на них периода оранжевой революции (см. табл. 24).

Таблица 24
Соотношение долгосрочных и краткосрочных угроз периода оранжевой революции

Угроза	Ответ	Пример
Долгосрочная	Долгосрочный	В ответ на угрозу захвата вокруг здания администрации президента выставляется ОМОН со щитами, техника
Долгосрочная	Краткосрочный	Использование машин-водомеров против толпы
Краткосрочная	Краткосрочный	Для блокирования проезда по улицам ставятся «КамАЗы», груженные песком

В принципе можно изобрести соответствующий контрреволюционный алфавит, строя противодействие против вполне конкретных угроз. Так, если ставится цель захвата физического пространства, то противодействием становится предварительный захват близлежащего физического пространства, что не дает возможности им воспользоваться еще кому-то.

Таким образом можно расписать **множество действий следующего вида, направленных на «срыв» революции:**

- захват физического пространства, не позволяющий воспользоваться им другим (открытого – площади, улицы, подземные переходы и закрытого – кинотеатры, дома культуры, музеи, которые используются для ночлега);
- блокировка распространения дестабилизирующей информации (газет, листовок и так далее);
- усиление стабилизирующей информации (августовский путч 1991 года, например, работал первые дни в информационном вакууме);
- порождение упреждающих событий, то есть событий новых, под которые нет готовых интерпретаций, которые требуют времени для реагирования;
- упреждающая блокировка «разрывных» событий, производимых другой стороной;
- делегитимизация действий противной стороны;
- выдвижение на первое место отвлекающих событий или людей;
- усиленное внимание альтернативным оппозиционным лидерам, способным увести за собой массы;
- усиленное распространение информации о негативе внутри команды соперников;
- присоединение своей команды к более сильным игрокам метауровня (в случае оранжевой революции одна команда присоединяла себя к России, другая – к Западу).

Все эти виды действий можно разделить на три класса:

- захват физического пространства;
- захват информационного пространства;
- захват когнитивного пространства.

Причем если эти пространства функционируют в режиме или / или (в них может занимать доминирующее положение или я, или мой противник), то все равно можно обозначать свое присутствие в этом пространстве, хотя бы на маргинальном уровне.

Какие превентивные методы возможны? Один из них предложил **Марат Гельман** как создание России-2. Но по сути чем сильнее будет эта виртуальная Россия, тем разрушительнее она будет для России-1. Значит, речь должна идти не только о трансформации виртуальной страны, но и страны реальной. Давайте постараемся перечислить ряд факторов, которые могут и должны работать в нормальной стране и которые были определенным образом приостановлены:

- нормальная информационная среда, которая дает возможность не просто выговориться, но и является питательной средой для выращивания будущей элиты;
- нормальная политическая среда, в которую, а не на удар по существующей среде, уходит политическая энергия;
- нормальная элитная среда, требующая построения новой системы образования;
- новые системы иерархического личностного роста, позволяющие человеку находиться в комфортных условиях не только в политике или парламенте, но и в бизнесе или литературе и искусстве;
- усиление помощи молодежной среде, которая не должна оказываться перед закрытыми воротами после получения высшего образования.

То есть перед нами возникает система, в которой не закрыты, а открыты переходы между разными состояниями. И в ряде случаев государство способствует ускорению этих переходов.

Глеб Павловский находит аналогию избирательных и революционных технологий в следующем: «Это все вход не с парадного подъезда, а через боковую дверь. Это все попытки с помощью тех или иных практик, приемов запустить в нестандартном режиме стандартный институциональный механизм. Может быть, вся проблема в том, что демократия просто становится нефункциональна в отношении своих задач?» [3]. 1999–2000 годы в России он видит

как вариант ситуации, когда революцию сбили контрреволюцией. И набор этих методов зафиксировался в управлении страной. Например, работа с медиа: «Он сложился в борьбе с «гусинской» медиа-политикой. Но «гусинской» медиаполитики больше нет, нет готовности аудитории воспринимать себя как политиков при просмотре телепередач – а стандарт контроля остался. В этом смысле победители 2000 года живут в остановившемся революционном времени».

Смысл многих этих замечаний состоит в том, что невозможна замена реальной политики информационной, что общество должно получать реальные сигналы, а не заменители их. Вероятно, давным-давно эти же наблюдения были сформулированы в следующем виде: от повторения слова «халва» во рту слаще не станет.

Возникает почти автоматический вариант порождения легитимности – он всегда идет снизу: «Оппозиция исключает законность общественной сложности, например, существование угнетенных и в то же время равноправных групп. Прав только угнетенный, а угнетен тот, кто назначен таковым. Всегда имеется свой любимый «пролетариат» – класс-идеал, который рассматривается ею как образцово страдающий, как оптимально угнетенный и, исходя из этого, – передающий ей неограниченную санкцию на любые действия по отношению к власти» [10].

В системе, сложившейся на территории СНГ, власть автоматически фиксируется как неправая, любые действия против нее легитимны по определению. Если Иосиф Сталин «закрывался» от подобного подхода созданием мощных аппаратов репрессий и пропаганды, то у последующих поколений лидеров ничего подобного нет. Они входят на модусе искренности, который быстро исчерпывается. Это и Михаил Горбачев, и Борис Ельцин, это Владимир Путин, это и Михаил Саакашвили, и Виктор Ющенко. Они могут моделировать честность и искренность (Горбачев и Ельцин), могут быть действительно таковыми (Ющенко). Но все равно требуется последующий этап.

Глеб Павловский уверенно заявляет: «Мы не уменьшим присутствие и участие в политике тех стран, где размещены наши интересы. Участие на Украине и в Абхазии было только первой ласточ-

кой. Оно частично неудачно, особенно по стилистике и инструментальному обеспечению. Инструменты будут созданы, стилистика будет выправлена» [11]. Однако это рассказ о будущем, а не о настоящем.

Контрреволюционный проект должен защищать свои ресурсы от посягательств на них революционной стороны, он также должен бороться за легитимизацию своих действий и делегитимизацию действий оппонентов. Делегитимизация может идти как в рациональной, так и в нерациональной областях. Странным образом противник может представлять то как страшный, то как смешной одновременно. Одним из инструментариев делегитимизации становится борьба за достоверность, а также за широту поддержки. Обе стороны пытаются доказать широким массам, что «наше дело правое, и мы победим!».

События 2005 года в Киргизии привели к такой формулировке действий по отражению революции: «Контрреволюция возможна только тогда, когда ее предметом становится не власть, а закон. То есть если задача революции состоит в том, чтобы навязать обществу собственную процедуру взамен официальной, подменив одну другой (грубо говоря, противопоставить волю площади воле большинства избирателей), то задача контрреволюции, напротив – делегитимизировать площадь в качестве источника каких бы то ни было решений. Необходимо создавать ситуацию, при которой воля площади политически игнорируется большинством безотносительно к тому, сколько на площади собрано народу, какие лозунги они выдвигают и какие действия предпринимают. Это должно быть предметом интереса для полиции, но не для политики» [12].

Однако это может оказаться благим пожеланием, поскольку революция как раз всегда отбирает те типы технологий, которые слабо отражаются современной ей властью. Например, методология ненасильственных действий Дж. Шарпа уже заранее предполагает, что власть, обладая аппаратом как раз насилия, не сможет построить адекватный ответ на ненасилие. Иное возражение можно найти в разных плоскостях действия и предлагаемого контрдействия. Революция строится в эмоциональной сфере, тогда как делегитимизация носит рациональный характер.

Если мы посмотрим на Киргизию-2005, то мы вновь увидим те же типы действий со стороны оппозиции и запрет на возможные ответные действия со стороны властей. Ненасильственные действия оппозиции строятся исключительно на ненасилии власти, нежелании власти оставаться и дальше властью.

Более того, Киргизия демонстрирует чисто PR-революцию, поскольку трудно себе представить, как 700 человек, пришедших в Бишкек, могли совершить смену власти. Произошло другое: они выступили в роли яркой PR-картинки, которая легитимизировала смену власти. Сначала яркое зрелище было развернуто на юге Киргизии, при котором офицеры органов правопорядка, уходя, оставляли ключи на столиках. Потом обошедшие телеканалы всего мира погромы магазинов в самом Бишкеке. Физик-президент Аскар Акаев меняет в последний момент руководителей силовых ведомств, но, возможно, как раз для того, чтобы осуществить требуемую передачу власти.

В роли контрреволюционной волны предлагается использовать не власть. **Кирилл Зубков** пишет: «Ответ на вопрос: «Кто станет русской «кровавой собакой»?», лежит на поверхности. Это парамилитионные структуры, костяк которых составляют ветераны Кавказских войн» [13]. То есть государство отдает выполнение своей функции той силе общества, которая способна ее выполнить. Понятно, что это относительно законное решение. Но одновременно точно так же понятно, что это единственный вариант работающего в условиях бездействия власти решения.

Это развитие идеи **Егора Холмогорова** по поводу возможных контрреволюционных стратегий, который написал: «Однако нам интересна не столько технология контрреволюции, которая может сильно отличаться от страны к стране и от региона к региону, сколько ее политология, базовый принцип которой вполне очевиден. В условиях крушения старой власти и ее неспособности выполнить роль «кровавой собаки» самостоятельно единственным шансом на хотя бы частичное спасение страны и сохранение в ней порядка и суверенитета является **встречная революция**, то есть создание новой власти, процесс формирования и укрепления которой войдет в противоречие с революционным потоком, **которая бу-**

дет не защищаться, а наступать, и которая не будет связана формальными и неформальными ограничениями прежнего режима. Именно в процессе создания «фактора власти» встречная революция способна раздавить революцию первоначальную и снять хотя бы самые острые ее симптомы. Строго говоря, именно такая революция, в отличие от простого подавления, и заслуживает названия **контрреволюции** в точном смысле этого слова. Контрреволюция формирует новый порядок, на защиту которого, подобно революции, мобилизует не упадочное чиновничество и силовые структуры, а новые добровольные объединения, куда могут входить и соответствующим образом настроенные чиновники, и военные, и полицейские, и просто сочувствующие – «партизаны порядка», но на совершенно иных, чем при старом режиме, началах. В этом случае революция сталкивается не с разлагающимся, а напротив, – **с учреждаемым государством**. Причем таким «общественный договор» заключен буквально вчера, и его участники воспринимают его как личное дело и личное достижение. В столкновении с таким учреждаемым государством шансы «революции», особенно «оранжевого» класса, то есть революции, использующей системные дыры в распадающейся недогосударственности, исключительно малы» [14].

Это странное и еще раз странное предложение. Но пока оно выглядит как единственно возможное, поскольку действительно революцию может остановить только встречная революция, а отнюдь не падающий режим, который несомненно хочет совершить определенные действия, но уже не может. Он силен своим прошлым, а сейчас пришло время соревнований за сильное будущее. И здесь происходит смена правил игры.

В обсуждении ситуации в Киргизии возникло интересное различие революции и гражданской войны в систематике того, что имеется у сторон и на что направлен захват. **А. Тарасенко** подчеркивает следующее принципиальное различие: «В большинстве тех конфликтов, которые принято называть гражданскими войнами, на поверхность четко выступает факт **наличия аппарата власти и управления у обеих сторон**. Этот аппарат может строиться на одинаковых политических принципах, как в Гражданской войне в

США, или же на принципиально противоположных, как в российской Гражданской войне начала прошлого века. Но этот аппарат есть, и только его наличие позволяет нам говорить о гражданской войне, а не каком-то другом «действе». Во время революции или дворцового переворота у стороны, стремящейся к захвату власти, есть, конечно, какие-то организационные структуры и центры, но центр власти находится не в ее руках. И если даже после удачного переворота выстраивается система власти, совершенно непохожая на предшествующую, то все равно поначалу используются готовые структуры государственности. В гражданской же войне никакой из сторон нет необходимости захватывать власть как структуру, ибо эта структура у них уже имеется. Борьба идет исключительно за территориальное господство» [15].

Интересно, что **Александр Дугин**, говоря о **неоопричнине**, выходит на эту же тему с несколько другой стороны [16]. По сути, он также пытается опереться на пассионарные слои общества для выполнения тех функций, которые неадекватно выполняются современной государственной машиной.

Правда, в преддверии киргизских событий были названы два параметра бархатной контрреволюции: честные прозрачные выборы и человеческое отношение к людям [17]. Еще работа с потенциальными диссидентами, постоянная работа на местах. Все это несомненно лежит в области как информационного, так и событийного противодействия. И все это самые понятные и самые адекватные меры. Это норма, вне которой, к сожалению, функционируют все страны СНГ.

Была также отвергнута идея экспорта революции: «Произошедшие события нельзя считать экспортом революции. Я вообще противник той точки зрения, которая сейчас озвучивается и российскими политологами в том числе, что якобы в Киргизии был повторен украинский и грузинский сценарии. Революционная ситуация и нестабильность в Киргизии наблюдалась в последние несколько лет, и если не сейчас, то в конце этого года во время президентских выборов в любом случае оппозиция пошла бы ва-банк» [18].

При этом Россия отчетливо понимает, что, как и в 1991 году, нестабильность придет к ней из сопредельных территорий [19]. Тогда это были Украина, Прибалтика, Грузия. Сегодня это называется

эффектом домино. То есть нестабильность движется по своей логике и по своим законам. Эффект домино интересен еще и тем, что удар при нем происходит с неожиданной стороны, к которой государственная машина оказывается неготовой. При этом Россию ожидает куда более серьезная трансформация: «Технологии оранжевой революции приведут к брожению в обществе, и на политическую и социальную авансцену выйдут новые, еще не задействованные в текущих раскладах силы. Оранжевая революция обязательно перерастет в другую – красную, и совсем не бархатную» [20].

Революцию может остановить также ее виртуальное переформатирование. Это война интерпретаций, когда власть пытается стать защитником справедливости. **Роберт Хелви**, активно реализующий идеи Джина Шарпа, увидел свой проигрыш в Венесуэле против Хуго Чавеса в том, что правительству удалось представить конфликт как строящийся по расовым и экономическим линиям, когда бедные и цветные люди поддерживают президента, а богатые, средний класс и белые выступают за оппозицию [21]. Однако такая же методика, примененная в Киргизии, когда восставшие были представлены как южные наркокланы, не принесла никакого успеха властям.

А. Столяров поднимает на шит национальную идею, под которой скорее всего надо понимать определенный национальный проект. Именно в национальной идее он видит вариант спасения: «Существует техника безопасности на производстве – тот набор элементарных правил, который помогает работнику избежать гибели или травмы. Такую же технику безопасности необходимо иметь и в обществе – например, при работе с высокими социальными потенциалами. Не надо ждать, пока действительно полыхнет. Не надо гадать: грянет или не грянет? Громоотвод ставят раньше, чем в дом ударит молния. Национальную идею России следует создавать немедленно в опережающем безопасном режиме. Только так можно будет направить энергию социального термояда в позитивное русло» [22].

Можно также воспользоваться рекомендациями по борьбе с террористами, которые достаточно прозрачно могут быть трансформированы в новые [23].

- Считается, что террористический потенциал роевого (биолого-популяционного) типа психики относительно легко побеждается инфицируемым в нее «потребительским идеалом». Товарное совращение и поддержание регулируемого уровня потребления.
- Разрушение деструктивной этнокультурной традиции и коллективной идентичности «этносов легализованного терроризма» путем содействия их ассимиляции (подобная методика применялась в СССР в отношении «репрессированных народов»).
- Трансформация возрастного экстремизма в ответственный охранительный патриотизм (пример – организованное Кремлем движение «Наши»).
- Деконструкция образа террориста – создание ему непривлекательного, отталкивающего имиджа (выявление и организационное уничтожение через выведение из правового поля, дискредитация «программной идеи» и изоляция лидеров и т. д.).
- Усиленное социальное патронирование людей, попавших в кризисное состояние, лишившихся привычных ритуалов (семейных, трудовых, корпоративных и прочих).
- Информационная блокада прямой и скрытой пропаганды терроризма в СМИ, мешающая потенциальному террористу вовремя получить «подсказку».

Это, с одной стороны, вполне конкретные рекомендации, с другой – они осваивают поле долговременных действий, которое столь же важно, как и поле реагирования.

Еще более конкретен министр внутренних дел Казахстана **З. Турисбеков**, записка которого от 21 января 2005 года уже объявлена фальшивой [24]. В ней достаточно четко перечисляются факторы, которые привели к падению киевской власти, среди них [25]:

- не были приняты меры по ограничению доступа иногородних в столицу;
- власти разрешили проведение митинга на центральной площади Киева;
- не принимались эффективные агентурно-оперативные меры по установлению организаторов активных участников митингов, их нейтрализации;

- не были приняты меры по организации слаженных действий правоохранительных и специальных органов, усилению пограничного, таможенного и миграционного контроля за лицами, прибывающими в страну;
- сторонники оппозиции привезли с собой и беспрепятственно приобрели на складах и в спортивных магазинах палатки, матрасы, походные электростанции, кухни и фонари, в швейных и художественных мастерских свободно были размещены заказы на изготовление транспарантов, флагов и другой атрибутики;
- правоохранительные и специальные органы должны владеть достоверной информацией о применяемой оппозицией политехнологии, изучать механизмы их финансирования, объективно оценивать оппозицию как возможного организатора беспорядков в стране.

Это и ряд других предложений демонстрируют серьезность отношения властей Казахстана к возможному будущему развитию событий по революционному сценарию.

Все это работа по противодействию именно организационной составляющей революции. Ведь именно она позволяет выполнить две задачи, необходимые для революции:

- продержат состояние протеста как можно дольше;
- вовлечь в него как можно больше людей.

Газета **Le Nouvel Observateur** [26] и **Guardian** [27] опубликовали наиболее полные организационные «отчеты» о том, как делались цветные революции, что позволяет строить, опираясь на них, соответствующие схемы контрдействий.

Здесь предлагаются конкретные типы завлечения властей в ловушку, которые опираются на современные технологии: «На манифестации, которая обещает закончиться столкновениями, поставьте в первые ряды молодых девушек в белых блузках. И ждите атаки полиции. Эффект гарантирован: после нескольких ударов на белых блузках будет немного крови (или много, к несчастью). И получатся превосходные кадры, которые обойдут экраны всего мира... И режим будет дискредитирован» [26].

Сама революция начинает протекать по очень детализированному сценарию, в рамках которого продуманы многие виды действий. Например, предлагается **следующее построение кампании**:

- **этап первый** – создать группу молодежи, которая станет инструментом революции;
- **этап второй** – запустить эту новую «марку»;
- **этап третий** – найти финансирование, что сделать можно только за границей;
- **этап четвертый** – набрать максимум активистов;
- **этап пятый** – начать одновременно две кампании, скрывая, что они идут из одного источника. Цель первой – выборы, цель второй – разоблачение режима;
- **этап шестой** – совершать эффектные действия на улицах без применения насилия;
- **этап седьмой** – обеспечить сохранение группы, например, путем создания не единоличного, а коллегиального руководства;
- **этап восьмой** – научиться управлять страхом.

Имена и «Кмары», и «Поры» соответствуют требованиям «раскрутки»: «Имя революционной группы должно быть коротким, не больше двух слогов, легко запоминающимся, как Levi's или Coca, и сильным, как слоган. Это будет подпись, «марка» революции».

В этой модели революции как-то сразу падает доля стихийного и непредсказуемого, строится конструкция, которая ведет к намеченному результату, в рамках которой расписаны все роли.

Одновременно требуется реализовывать массу бытовых вещей. Газета Guardian приводит слова **Романа Бессмертного**: «На площади были не только красивые вещи, которые вы видели по телевидению. Было почти 300 туалетов, которые каждый день надо было чистить. Надо было кормить людей. Каждый день мы предоставляли 5 тыс. тонн каши и 10 тыс. буханок хлеба. Надо было дать людям возможность согреться. Каждый день нам требовалось около 200 баллонов, один-два обогревателя на палатку, спальные мешки. Каждый день мы вывозили 11 грузовиков мусора» [27].

Кстати, ни до этого, ни после этого Киев не имеет системы общественных туалетов, которые появились в городе только на момент революции.

Для случая организации митинга в центре Киева **Роман Бесмертный** подчеркивал: «Мы знали, что если мы распространим в Киеве полмиллиона приглашений, придет 8 тысяч человек. Если радиостанции диапазона FM в течение недели будут передавать объявление сто раз в день – придет 200 тысяч. И если мы привлечем 35 тысяч человек из регионов и добавим киевлян, на площади будет как минимум 100 тысяч. Цифры были приблизительными, мы вывели их исходя из опыта» [27].

Из всего этого можно увидеть, что революция имеет идеологическую составляющую, но также и организационную и материальную. Выигрыш возможен при одновременном выигрыше по всем трем фронтам. Чисто идеологической составляющей, хотя именно она стоит у всех перед глазами, никогда не будет достаточно.

Время перемен всегда существует: любая система требует обновления. Революция просто является слишком быстрым и часто неконтролируемым процессом, который может привести к непредсказуемым последствиям, когда к власти приходят те, кто неспособен вести страну дальше. Потенциальная неадекватность возможных революционных действий и заставляет думать о разработке и наработке того, что, вероятно, и следует именовать контрреволюционными стратегиями. И, как справедливо заметил один из глав администрации Белого дома, «нельзя придумать систему кризисного менеджмента, когда кризис сваливается вам на голову» [28. – С. 69]. Аналог этого высказывания: готовь сани летом...

ВИРТУАЛЬНЫЕ
РЕВОЛЮЦИИИСПОЛЬЗОВАНИЕ
ВИРТУАЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ
ПРИ СМЕНЕ ВЛАСТИ

Дестабилизация системы

ВИРТУАЛЬНЫЕ ОБЪЕКТЫ активно используются человечеством для целей стабилизации социальной системы. Христианство, как и любая другая религия, компенсирует неадекватность социального настоящего разного рода виртуальными конструкциями (например, вознаграждением в загробном царстве). Возникшая сегодня теория менеджмента террора (terror management theory) пытается определить механизмы, которые позволяют человеку сохранять осмысленное существование в очень сложном мире, поскольку человек, в отличие от животных, может смотреть и в будущее.

Теория менеджмента террора **Дж. Гринберга** и других видит основной источник тревоги у человека в страхе смерти, который может занижаться путем подключения либо к модели мира, свойственной данной культуре, либо к высокой самооценке, что блокирует мысли о смерти. Эксперименты демонстрируют, что люди, обладающие высокой самооценкой, менее болезненно реагируют на раздражители, связанные со смертью. Напоминание людям об их

смертности должно в ответ порождать потребность в самооценке и подключении к культурной модели мира.

Культура как социальная конструкция способствует максимализации стабильности данного варианта мира, поскольку начинают действовать следующие правила:

- культурные модели мира дают человеку значение и стабильность в рамках нестабильного и непредсказуемого мира;
- культура дает человеку чувство ценности и самооценки, если он следует правилам, свойственным данному обществу;
- культурные модели предоставляют символическое бессмертие (в детях, книгах, результатах труда и так далее).

Один из авторов этой теории **Шелдон Соломон** в интервью журналу **Psychology Today** объясняет реагирование на носителей других культурных образцов [1]: «Теория менеджмента террора занимается и тем, почему людям тяжело быть с теми, кто является другим. Если культура выполняет функцию отрицания смерти, то люди, являющиеся другими по культурной традиции, подрывают нашу защиту против страха смерти. Мы отделяем эту группу как исчадие ада. Наиболее мягкой формой становится занижение угрозы, исходящей от альтернативной картины мира. Мы также можем попытаться убедить других отказаться от своих идей и принять наши, как это делают миссионеры. Наиболее бесчувственно мы можем убить культурно отличных, чтобы доказать, что наш путь является самым сильным. Для радикального ислама, представленного Усамой бен Ладеном, Запад является злом и должен быть уничтожен. С другой стороны президент Джордж Буш объявил этот конфликт крестовым походом, определяя, что наш бог лучше, чем их».

Интересно, что это культурное столкновение один в один напоминает столкновение между Советским Союзом и США времен холодной войны, когда одна сторона видела возможность своего развития только в направлении уничтожения таких же возможностей для другой стороны. Если Рональд Рейган говорил об «империи зла», то с советской стороны мы четко знали об «оскале американских империалистов», они же «поджигатели войны». Справедливость своей собственной позиции обе стороны никак не подвергали сомнению.

Мощные пропагандистские системы Советского Союза или Китая демонстрируют процессы стабилизации через виртуализацию, когда тиражируются виртуальные образцы правильного поведения и героики. В качестве «мягкой силы» практически то же самое делает западная система, направленная на порождение и удержание своей собственной модели мира. При этом обладая самыми мощными на сегодня «машинами» по порождению картины мира с помощью массовой культуры, США имеют возможность распространять свою картину мира далеко за своими пределами. Американская массовая культура реально вытесняет любую другую.

Не менее активно виртуальные объекты используются для целей дестабилизации системы. Дестабилизация как процесс не получает пока достаточного объема исследовательского внимания. Так, **Владимир Серебрянников** подчеркивает: «Теория социального взрыва достаточно слабо разработана, особенно что касается современного периода» [2].

Лариса Никовская видит схему развертывания социального взрыва в следующем виде [2]:

- нарастание трудностей, которое приводит к ситуации, когда становится невозможным одновременное противодействие натиску нуждающихся в решении проблем;
- выход из строя существующего механизма согласования и принятия решений;
- потеря многими людьми и организациями способности действовать в соответствии со своими целями и функциями.

Все эти характеристики напоминают постепенное нарастание хаоса, который затем может вылиться в существенные социальные изменения.

Интересно, что **Игорь Пантин** связывает социальный взрыв не столько с экономическими или социальными условиями, как с психологической детерминантой: «Социальный взрыв связан с характером переживаний массой населения изменений, новых ситуаций, трудностей, с характером реакции на них» [2]. Он подчеркивает, что год французской революции был самым благополучным в экономическом отношении, хлебные затруднения в России были уже в 1916 году. Виртуальная составляющая несомненно опирается на вышеотмеченную психологическую детерминанту.

Вводимые в случае дестабилизации виртуальные объекты направлены на точки уязвимости имеющейся социальной системы, например, для власти это будет подрыв доверия к ней, для военных – умение вести войну, для милиции – бороться с преступностью.

Исследователи отмечают сочетание трех параметров, характерных для протестных движений [3. – С. 4]:

- нахождение вне процессов принятия решений;
- требование существенных социальных изменений;
- сопротивление требует более чем просто дискурсивных методов убеждения.

В результате соответствующей ресурсной поддержки введенных виртуальных объектов образуется несоответствие: **виртуальное пространство начинает стремительно меняться, в то время как реальное пространство движется со старой скоростью. Это несоответствие является главным источником «слома» системы, если ей не удастся замедлить скорость изменений виртуального пространства.** Но одновременно, как показывает опыт бывшего Советского Союза, это замедление, например, путем введения того или иного варианта цензуры носит лишь временный характер, поскольку сегодняшнее глобальное общество может «простреливаться» со всех сторон, независимо от уровней защиты его виртуального пространства.

Виртуальные дестабилизаторы включают в себя определенный набор обязательных характеристик, что продемонстрировали очень активно события времен гласности и перестройки. Эта модель виртуальной революции обязательно включала следующие компоненты:

- жертва (при этом она может быть как индивидуальной, так и коллективной, например, использование саперных лопаток в Тбилиси);
- массовость и зрелищность протеста (обычно народные волнения предполагают «стирание» старых правил и возможность создания новых, протест должен быть зрелищным типа палаток голодающих на Крещатике в Киеве, чтобы это могло снимать телевидение);
- обязательность молодежного (студенческого) участия, поскольку они не только символизируют будущее, но и более

легки на подъем, не связаны социальными условностями, а также проживают компактно в общежитиях, поэтому с ними легче работать агитаторам;

- включенность международных информационных потоков для обратной циркуляции в страну и создания соответствующего международного давления;
- наличие зрителя, без которого все эти действия не имеют смысла, у зрителя же начинает разрушаться имеющаяся модель мира, что, вероятно, и является главной целью подобных действий;
- определенная временная зависимость, поскольку привыкание к ситуации снимает ее «горящий» характер, с другой стороны, например, в Ираке американские специалисты видели опасность в возникновении «идеологии сопротивления» [4].

Модель смены власти тогда выглядит как создание прецедента массовых волнений, которые могут представлять достаточно зрелищное мероприятие, пригодное под стандарты телевидения. Власть, изображая спокойствие, рано или поздно не выдерживает и срывается, пытаясь убрать беспорядки с улицы. При этом возникает жертва (жертвы). Это могут быть не только случайные смерти, но и аресты, которые также носят символический характер, создавая необходимый ореол мученичества, что резко усиливает символический характер происходящего, напрямую воздействуя на виртуальное пространство.

Мы говорим о существенной виртуальной составляющей во всех этих случаях, поскольку обе стороны, власть и протестующие, сражаются в первую очередь в виртуальном пространстве, пытаясь обеспечить себе победу именно там. Сидящие в палатке студенты не могут рассматриваться в физической реальности как бойцы, но они являются бойцами виртуальной реальности, создавая образы борцов с режимом (преступным, коррупционным и так далее). Также все пять вышеотмеченных параметров носят четко выраженный виртуальный характер. Они как бы созданы под виртуальную раскрутку, под удержание постоянного напряжения, под освещение в СМИ. Создается как бы принципиально незавершенная виртуальная конструкция, завершением которой может быть только смена власти. Последней ре-

ализацией такого рода стала Грузия, которая даже обозначалась виртуально как революция роз. Протестная стихия легитимизировала захват власти новыми игроками. Седой Лис **Эдуард Шеварднадзе**, кстати, столь же виртуальный из-за своей максимальной неоднозначности, как и вся ситуация переворота, не решился на сопротивление.

Типичной моделью такого виртуального «взрыва», за которым следует «взрыв» социальный, можно считать следующую цепочку событий (см. рис. 44).

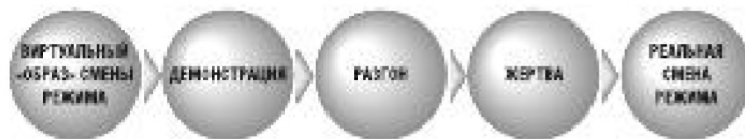

Рис. 44. Модель виртуального взрыва

Европа

Интересно, что такая цепочка сразу виртуализируется так, чтобы сразу отвести подозрения в насильственной смене власти. Вспомним названия: **бархатная революция** (Прага), **революция роз** (Тбилиси). Ничто плохое не может называться столь красиво. Революция же венков в Армении в 2004 году уже не удалась, да и название как-то подгуляло.

В Армении в марше протеста 12 апреля 2004 года приняли участие, по оценкам полиции, 6–8 тысяч человек, по оценкам оппозиции – 50 тысяч. Ночью призывы к смещению президента перемежались концертными выступлениями. В два часа ночи полиция применила водометы, наутро были произведены аресты представителей оппозиционных партий [5]. Однако это был не первый митинг, их была целая серия, начиная с 1 марта. В этом случае, в отличие от Тбилиси, власть сохранила свои позиции.

Виртуальный «взрыв», ведущий к последующей реальной смене власти, строится по модели, сходной с той, по которой вводятся и

закрепляются новые представления в тоталитарных сектах. Там присутствует три процесса:

- «размораживание» старых представлений;
- введение новых представлений;
- «замораживание» новых представлений.

Теперь посмотрим, как действуют митинг или демонстрация. Они направлены на создание контекста, максимальным образом способствующего виртуальной «ломке». Перечислим некоторые принципиальные моменты такого рода введения конфликтующих с доминирующими на данный момент ментальными конструкциями:

- маргинальная или запрещенная ранее точка зрения обретает публичность, что переводит ее в иной статус;
- митинг и демонстрация направлены на анонимизацию каждого участника, что делает для него возможным те типы поведения, которые он не практиковал ранее;
- митинг или демонстрация создают ситуацию физического контакта, который невозможен в обычной жизни;
- в случае применения силы против демонстрантов возникает еще более объединяющее «мы» против «них»;
- возникающая стрессовая ситуация «намертво» закрепляет вводимую информацию;
- в рамках митинга / демонстрации вводимая точка зрения никогда не опровергается.

Все это создает благоприятные возможности для интенсивного манипулятивного воздействия со стороны организаторов митинга / демонстрации.

Грузия-2003 и Армения-2004 обладали общими параметрами в виде низкого жизненного уровня и малой численности населения, когда даже без СМИ любая информация может распространяться без ограничений. Кстати, в однотипной модели лишения власти Слободана Милошевича протестующие оставили вне забастовок, которые тогда охватили очень многое, кафе, которые, вероятно, могли служить определенными коммуникативными ретрансляторами. Возможным ответом на разные результаты в Тбилиси и Ереване является наличие / отсутствие давления извне, а также потеря внутренней «энергетики» самим Шеварднадзе, который слишком давно находил-

ся у власти. Дополнительно к этому могла сыграть свою роль и большая / меньшая близость к России, поскольку в последнее время с ним у России не всегда были хорошие отношения.

В принципе и виртуальная война, и виртуальная революция требуют не одного, а целого набора сообщений, поскольку разные целевые группы должны получить то, что требуется именно им.

Е. Месснер писал: «Агитация во время войны должна быть двуличной: одна полуправда для своих, другая – для противника. Но и двуличия мало – требуется, так сказать, многоличие: для каждого уровня сознания, для каждой категории нравов, склонностей, интересов – особая логика, искренность или лукавство, умственность или сентиментальность» [6. – С. 115]. Это содержательные отличия, но не меньшее разнообразие имеется и в вариантах каналов коммуникации, которые должны доставить выбранное сообщение до целевой аудитории.

В этом плане интересно мнение министра обороны США **Доналда Рамсфельда**, высказанное им на встрече с редакторами газет, что следует готовить специалистов по разным регионам со знанием языка и культуры, что их следует вознаграждать за это знание, а не наказывать, поскольку это определенное отклонение от нормальной армейской карьеры [7]. Здесь значимо это замечание о снятии сопротивления военной среды для такого типа специалиста.

Все вышесказанное позволяет сформулировать определенное правило виртуализации. **Виртуальный объект может усилить свою воздействующую силу, если он строится, учитывая модель воздействия, наиболее эффективную для данной целевой аудитории, поскольку тогда он не меняет имеющуюся картину мира аудитории, а, наоборот, опирается на нее.** Степень сопротивления такому объекту будет резко меньше.

Мы можем рассмотреть вышеназванные параметры виртуальной революции на нескольких вариантах смены власти: двух удачных (Чехословакия и Румыния) и одном неудачном (Китай). Мы построим наше изложение по одному пути, отталкиваясь от жертвы как ключевого элемента, задающего главный элемент сюжетности, легитимизирующей смену власти. Более точно следует сказать, что смена власти легитимизируется предвари-

тельной виртуальной частью, обвиняющей власть. Жертва, скорее всего, лишает власть права на защиту, тем самым выступая в роли своеобразного блокиратора дальнейших действий с ее стороны.

В Чехословакии жертвой стал студент Мартин Шмид, убитый в результате применения силы полицией при разгоне демонстраций. Эти протесты проходили в Праге 17 ноября 1989 года. Однако ключевое событие оказалось постановочным. Студент не только реально не погиб, но даже оказался сотрудником секретной полиции [8]. Сама секретная полиция организовала эти протесты, чтобы заставить уйти с политической арены коммунистическое руководство страны.

Жертва оказалась вмонтированной в студенческие протесты, закрывая возможность для власти выйти на новые варианты борьбы с демонстрациями. Жертва выступает в роли определенного блокиратора таких будущих действий. В символической (виртуальной) плоскости это становится закреплением вводимой виртуальной конструкции, например, обозначения власти как «диктаторского режима», который не способен на демократизацию.

В Румынии на роль жертвы попал венгерский проповедник Ласло Текеш, арест которого сдетонировал события в Тимишоаре. Священника часто посещал второй секретарь американского посольства США в Бухаресте Денис Керри [9]. Фильм немецких документалистов «Шах и мат» и последующее обсуждение его в венгерской и румынской печати показали, что в данном случае работали совместно американские и советские спецслужбы, поскольку обучение происходило в лагерях на территории Венгрии.

Было подготовлено несколько десятков тысяч «профессиональных протестующих», борьба с демонстрантами на следующем витке парализовала власть. Николае Чаушеску профессионально «спасают» навстречу его гибели. Спасают те, которые его тут же расстреливают.

При этом власть в Тимишоаре действует неадекватно, отказываясь даже просто принять требования манифестантов. Все это закрепляет представление о власти как о «диктаторском режиме», поскольку власть всеми силами демонстрировала закрытость.

Китай

Китайские события стали предостережением для Михаила Горбачева, как заявлял **Андрей Грачев**, цитируемый историком холодной войны **М. Уолкером** [10]. В 2004 году отмечалась пятнадцатилетняя годовщина этих событий. При этом и сегодня китайские власти защищают правильность принятых тогда решений, хотя отрицают разумность культурной революции 1966–1976 годов [11]. Их аргументация лежит в области необходимости сохранения стабильности.

Китайские события 1989 года, вероятно, оказались исключением из правил по двум причинам:

- они получили сверхмощное освещение, поскольку на тот момент в Пекине собралось большое число журналистов в преддверии визита Михаила Горбачева;
- студенты сначала находились на площади законно (или почти законно) в связи со смертью 15 апреля партфункционера, бывшего генсека Ху Яобана.

18 апреля, через три дня после смерти Ху Яобана, студенты движутся к центру Пекина, 20 апреля власти впервые применяют силу, чтобы отогнать студентов от правительственной резиденции. 22 апреля проходят похороны, студенты передают петицию, требуя встречи с премьером государственного совета Ли Пэнном. 15–18 мая состоялся визит Горбачева. До этого на площади разбивается палаточный городок, 13 мая несколько сотен студентов начали голодовку. 20 мая в некоторых районах Пекина вводится военное положение.

30 мая на площади Тяньаньмынь студенты воздвигают десятиметровую статую «богини демократии». 4 июня ночью войска разгоняют студентов, очищая площадь, в том числе с применением огнестрельного оружия.

По сути, Китай впервые столкнулся с неуправляемой ситуацией, которая активно освещалась мировыми СМИ. Все это происходило на фоне борьбы за власть в самой Коммунистической партии Китая.

В результате с 28 апреля газеты, телевидение и радио стали отражать то, что происходило на площади, чего не было до этого. 10-часовая студенческая демонстрация 27 апреля почти не освещалась [12. – С. 9].

4 мая является юбилейной датой в Китае, связанной с движением 1919 года, поэтому студенческие демонстрации в этот день привлекли много зрителей. Впервые к демонстрантам присоединились журналисты со своими собственными лозунгами. Они требовали права «говорить правду». Выход на улицы журналистов способствовал привлечению к этим протестам интеллигенции.

Уроки освещения событий в Пекине повлияли на последующее освещение событий в Восточной Европе, Персидском заливе и Советском Союзе [13. – С. 5]. Например, американские медиа обращались за интерпретацией событий к китайским студентам, проживающим в США [13. – С. 70].

Следует признать значимую роль в развитии событий как самих студенческих выступлений, так и их освещения, то есть роль информационного и виртуального пространств была не менее значимой, чем роль событий реального пространства. С 28 апреля по 20 мая – время введения военного положения – пресса публиковала достаточно много статей о студенческом движении и его требованиях. Можно сделать следующий вывод: **освещение становится неотъемлемым элементом самого события. Нет освещения – нет и самого события.** Тут действует видоизмененное правило Иосифа Сталина: вместо великой мысли «не важно, как голосуют, важно, как считают» начинает действовать другая великая мысль – «не важно, как делают, важно, как освещают».

17 и 18 мая на улицы Пекина вышли уже миллионные демонстрации в поддержку студентов. И к управлению ситуацией приходят сторонники жесткой линии. Ситуация завершается введением военного положения, постепенно восстанавливающего статус-кво. Произошла не смена системы, а перегруппировка властной элиты, позволившая путем применения насилия сохранить власть.

Студенческие демонстрации являются типичными для такого рода социальных смен. Они были в Германии, Иране, Гаити, Украине, если вспомнить только небольшую часть из них. Студенты вообще символизируют новую виртуальную картинку, поскольку уже по определению являются представителями будущего. Одновременно они являются представителями всех общественных классов, тем самым гальванизируя все общество. Любые их дей-

ствия всегда будут привлекать внимание. Такое центральное положение студенчества всегда может попадать в резонанс со всем обществом.

Виртуальность как система

Суммарно следует подчеркнуть, что социальные смены являются периодами интенсивного порождения виртуальностей. Во многом это связано с тем, что требуется блокировать реальность, не давая как протестующим, так и зрителям выходить за пределы четко очерченного виртуального пространства. Отключение от него становится возможным только при наличии его соответствующего закрепления, в противном случае эта работа будет бессмысленной.

Облегчает порождение виртуального пространства активное подключение СМИ, особенно телевидения. Но СМИ в данном случае порождают не новости, это определенного рода квазиновости, поскольку четко задано мелодраматическое разделение на героев и злодеев. Растянutosть во времени события, что является нехарактерным для новостной системы, но является нормой как раз мыльной оперы, выдвигает на особую роль именно зрителя, а не тех, о ком повествуется с экрана. Ведь по сути нарушается основная закономерность телевидения – отсутствие времени, что заставляет сжимать сюжеты. Как заявил **У. Кронкайт**: «Одной из проблем с телевизионными новостями является то, что у нас так мало времени на телевидении: 23 минуты или около получаса, чтобы закрыть весь мир и такую очень сложную страну, как наша» [14. – С. 27].

«Бесконечная» новость по сути перестает быть новостью, переходя в другой жанр. Возникает, например, эмоциональность, которой нет в новостях, возникает максимальная включенность зрителя, который обычно отстранен от других типов новостей. И эта эмоциональность всегда свойственна протестным движениям, и она почти автоматически перетекает к зрителю, особенно в случаях прямой трансляции. Теоретик и практик движений радикалов **С. Алинский** подчеркивал, что радикальные организации создаются для конфликтов, для вечной войны [15]. При этом важным становится не просто достижение победы, но и то, каким образом это будет сделано, поскольку чувства, энергетика и агрессия людей и

организации составляют ее специфическое оружие (см. рис. 45). Как видим, квазиновости идут по модели мыльной оперы, вовлекая зрителя в сочувствие развитию событий.

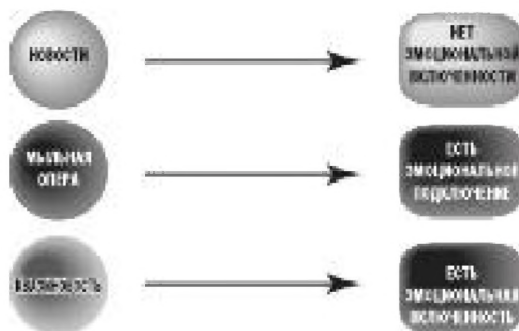

Рис. 45. Телевизионное освещение протеста

Переключение в виртуальную реальность как характерное для подобных социальных сдвигов может трансформировать и мировосприятие человека, который в соответствии с законом избирательности восприятия теперь во всем будет видеть только приметы «милой ему» виртуальности. То есть виртуальность будет активно порождать новую виртуальность.

Интернет создал новые возможности для виртуального воздействия. Вероятно, каждый тип виртуальности, связанный с доминированием того или иного канала, давал свои варианты социальных, политических или военных последствий. Книга формирует свою виртуальность, кино – свою, телевидение – свою. Довоенный взлет киноиндустрии сформировал тоталитарные государства, поскольку и немецкое, и советское кино реально было частью политики, а не искусства. Телевидение создало эффект Си-эн-эн, и под влиянием телевидения приходилось сворачивать или существенно корректировать действия военных (Вьетнам, Сомали, первая война в Персидском заливе, первая чеченская война). Сегодня время Интернета, породившего сетевые структуры, включая «Аль-Каиду». Следует повторить вслед за Маклюеном, слегка изменив его мысль, что канал – это не только передача, но и другой тип мышления. Иллюстрацией этого может быть следующее: постоянный

отход от книги под влиянием подключения нового доминантного средства коммуникации.

Использование Интернета дало возможность небольшому повстанческому движению в Мексике захватить внимание мирового сообщества. Данный феномен сразу стали изучать военные аналитики [16]. Но они не изучают того, что это одновременно влияние нового механизма по порождению виртуальности. **Каждый тип виртуальности серьезным образом базируется на типе машины по порождению виртуальности: то ли это литература, то ли кино, то ли телевидение.** Телевидение, к примеру, специализируется на моделировании действительности, хотя новости на самом деле не являются прямым отражением действительности, обладая определенным концептуальным искривлением ее. Телевидение показывает жизнь, деформируя ее с помощью своего показа.

Интернет создает виртуальность нового типа, которая максимальным образом индивидуализирована (демассифицирована) как по получению информации, как по ее поиску, так и по ее восприятию, поскольку, подобно книге, дает возможность дополнения ее в соответствии со своими стереотипами. Книжного героя, в отличие от героя кино или телевидения, получатель информации мог визуализировать так, как хотел сам. Интернет снова повторяет этот опыт, только на других уровнях.

Терроризм максимальным образом воспользовался возможностями этого нового типа виртуализации действительности, где, кстати, в области рекрутирования новых бойцов всю эксплуатируется вариант использования «мягкой силы». Веб-сайты террористических организаций сориентированы на три вида аудитории: существующие и потенциальные сторонники, международное общественное мнение, население вражеских стран [17].

Интересны данные по распределению оптимистов / пессимистов среди аудитории российского Интернета. В этом случае оптимисты составляют 68%, в то время как среди всего населения только 27% [18. – С. 39]. Это важная характеристика, поскольку, как правило, оптимист сам строит свою жизнь, а не ждет помощи со стороны. И одновременно можно считать, что перед нами две

разные картины мира. Значит, картина мира пользователя Интернета более оптимистична.

Кстати, специфическая роль «Аль-Джазиры» зиждется на новых именно для арабского мира возможностях другого средства – телевидения. Идеологический подтекст функционирования этого спутникового канала можно увидеть в интервью с создателем документального фильма о канале **Дж. Нуджемом** [19, 20]. «Аль-Джазира» подается как единственное средство информации, которое смотрит каждый в арабском мире, которым гордится каждый араб. Это что касается ее распространенности. Что же касается картины мира, присутствующей там, то она задается как «последняя существующая база арабского национализма».

При этом и сама «Аль-Джазира» подвергается давлению со стороны США: госсекретарь Колин Пауэлл обратился к правительству Катара по поводу этого спутникового канала [21]. США были возмущены решением Би-би-си показать кадры, прежде показанные каналом, с американским военнопленным. Все это проходит на фоне скандала с фотографиями, где американские солдаты явно пытаются иракских солдат. Reuters процитировали одного из редакторов арабской газеты, который сказал: «Освободители хуже, чем диктаторы» [22].

Образование и культура создают долговременные картины мира, СМИ работают над кратковременными. Они дают интерпретации сегодняшним событиям, в то время как образование и культура работают на уровне метаправил, которые и позволяют давать подобные интерпретации. Образование и культура – это виртуальное пространство, СМИ – информационное.

В кризисных ситуациях скорость интерпретаций должна совпадать или даже опережать скорость реальных трансформаций. Как правило, происходит наоборот: образуется запаздывание, в результате чего изменение реальной среды идет быстрее изменения информационной, то есть порождения интерпретаций по поводу происходящих трансформаций. Создаваемый разрыв в скоростях заполняют слухи, порождение которых всегда активизируется в подобные периоды.

Д. Ронфельдт в свое время предложил типологию нестабильности, включающую три типа [23]:

- **спорадическая нестабильность**, когда беспорядки возникают в ответ на текущие события, но остаются относительно изолированными и не представляют опасности для политической системы;
- **системная нестабильность**, когда беспорядки распространяются, расшатывая основы правящих институтов, что может приводить к коллапсу, конституционному кризису, военному путчу;
- **эволюционная нестабильность**, когда общество не может перейти к новой системе, когда оно фиксируется на существующем состоянии, застряв на процессе перехода.

Каждый из этих типов нестабильности должен теоретически опираться на свой вариант виртуальности. Например, бывший Советский Союз встречался со случаями спорадической нестабильности, что было с волнениями в Новочеркасске, и эта виртуальность была ответом на нехватку продовольствия, что было направлено против властей местного уровня. Системная нестабильность, введенная или подхваченная перестройкой, создала виртуальность, полностью конфликтующую с доминирующей на тот момент, где все главные символические ценности были полностью перечеркнуты. Это естественно привело к полностью иной системе власти. Эволюционная нестабильность характерна для сегодняшних состояний Украины и в меньшей степени России, когда общество пытается выйти на новое состояние. В этом случае конфликт двух виртуальностей, доминирующей и оппозиционной, совершается в основном в виртуальной же плоскости.

Нестабильность является материальным выражением конфликта в виртуальном пространстве. Сильный игрок сначала меняет доминирование в виртуальном пространстве, затем переходит к пространству реальности. Процесс этого перехода от одного доминирования к другому и сопровождается разного уровня беспорядками, что продемонстрировало, среди прочих, развитие событий в Чехословакии, Румынии и Китае.

Суммарно модель успешного воздействия в этих случаях, а также в ряде других, включая распад бывшего Советского Союза и Грузию-2003, состоит из таких компонентов:

- наличие интенсивных информационных потоков внутри страны;

- поддержка этих потоков международными, которые в ряде случаев создают как давление на власть, так и заменяют по воздействию внутренние информационные потоки, когда тем чинятся препятствия;
- постепенный отказ власти от продолжения борьбы, сделанный то ли под международным давлением, то ли за счет сегментации власти на тех, кто готов и кто не готов поддерживать социальные изменения;
- активная, энергичная политическая сила внутри страны, как правило, ресурсно поддерживаемая извне, которая пытается вступить в резонанс со всем обществом;
- готовность общества воспринять новую виртуальную картину мира, что отнюдь не всегда связано с материальными недостатками.

Все эти компоненты удерживают конфронтационную картину мира, перенося конфликт постепенно из виртуального пространства в пространство реальности. При этом сопротивление власти в реальном пространстве становится бессмысленным, когда победа уже достигнута в виртуальном.

При этом следует обеспечить переход между виртуальностями, как это было, например, в Грузии-2003: диктатор – экс-диктатор, оппозиционер – президент. Образуется целая цепочка переходов, где другой участник цепочки может сместиться на ступеньку дальше, если первый участник освобождает ему место, сам смешаясь на следующую ступеньку (см. рис. 46).

Рис. 46. Переход между виртуальностями

Тут следует быть более точным и помнить о том, что виртуальный ярлык диктатора или коррупционера также требует определенного ресурса для его приклеивания и удержания. Что требуется для удержания такой виртуальной структуры? Это целый ряд действий:

- ярлык диктатора / коррупционера начинает поддерживаться как внутри страны, так и за ее пределами;
- он постоянно должен подкрепляться новыми примерами;
- негативные характеристики должны усиливаться, поскольку происходит привыкание массового сознанию к определенному порогу;
- окружение, дети также начинают функционировать как пример (например, дети Саддама Хусейна);
- увеличивается число «обвиняющих» со стороны международных кругов, которые всегда трактуются массовым сознанием как более объективные;
- параллельно поднимается фигура «небесной чистоты» оппозиционера, которая начинает набирать очки уже от самой критики другого даже без всяких собственных действий.

Виртуальный объект выступает в роли своеобразного тарана, направленного на разрушение имеющейся властной структуры. Сильными сторонами именно виртуального объекта в подобной роли является то, что его сложно опровергнуть, поскольку это мифологический, то есть принципиально непроверяемый объект. Его сила лежит в другой области. Можем перечислить ряд таких усилителей:

- **удачная вербальная формулировка**, например, модель «маємо те, що маємо» Леонида Кравчука, которая в свою очередь позволяет интерпретировать действительность;
- **удачная метафорическая форма**, например, обозначения «ось зла» или «империя зла», примененные США в разные периоды своей истории;
- **удачная когнитивная форма**. Как показывают исследования **П. Бойера** и других специалистов в области когнитивных наук, не все символы одинаково проходят сквозь когнитивные фильтры, некоторые из них более легко вспоминаются, следовательно, будут более удачными для последующей трансляции.

В этих случаях **виртуальный объект теряет свою связь с тем, что является всего лишь коррелятом реальности, для массового сознания он сам становится реальностью.** Реальность же отличается от своего коррелята тем, что не подлежит проверке как таковая, поскольку уже по определению является правильной.

Выстраивание новой картины мира требует значительных ресурсов и времени, поскольку виртуальное пространство обладает значительной инерционностью. США, например, 45 лет борются с Кубой без видимых результатов. Сегодня под влиянием голосов избирателей Флориды Джордж Буш одобрил план по использованию военного самолета ЕС-130 для трансляции испаноязычного телевидения и радио, а также резкого увеличения финансирования для кубинских критиков правительства Фиделя Кастро [24]. Речь идет о сумме в 59 млн. долларов, самолет обойдется в 18 млн. То есть планируется интенсивное введение новой модели мира извне.

Инерция одновременно базируется на определенных когнитивных ограничениях, связанных с работой головного мозга, о которых пишет **П. Бойер**.

Сильный игрок, вероятно, может вырваться из навязываемой извне виртуальности, слабый идет на поводу у нее или делает вид, что не замечает ее, тем самым лишь усиливая такое внедрение. Поскольку виртуальность инерционна – на определенном этапе уже практически невозможно отойти от навязанной ментальной картинки, происходит фиксация, и вся последующая информация в соответствии с законом избирательности восприятия фильтруется так, что противоречащая введенной ранее отвергается как неправдивая. Круг замкнулся, виртуальность восторжествовала.

ДИНАМИКА ВИРТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В РАМКАХ ВИРТУАЛЬНОЙ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ

В

Протяженность во времени

ВИРТУАЛЬНЫЕ ОБЪЕКТЫ могут как разрушать реальность, так и создавать ее, пытаясь удерживать с помощью ключевых конструкций новую реальность. В качестве примера можно вспомнить бывший Советский Союз с ролью искусства в нем, в первую очередь литературы и кино, писателей Иосиф Сталин вообще именовал «инженерами человеческих душ». Создаются определенного вида виртуально-реальные конструкции, в рамках которых элементы, отсутствующие в реальности, заменяются виртуальными объектами.

Виртуальное пространство способно не только фиксировать путем накопления изменения в социальной системе, но и само выступать в роли движущей силы таких изменений. Однако со временем вновь происходит накопление определенного рода «усталости» виртуальной системы, когда она уже не может удовлетворять выдвигаемым к ней требованиям. Каковы возможные варианты выхода из этого «истощения» виртуального потенциала системы? Есть несколько основных возможностей, по которым идет дальнейшее развитие системы.

В первом варианте имеет место разрушение системы с заменой ее новым вариантом виртуальности.

Это произошло с бывшим Советским Союзом, система которого оказалась неспособной адекватным образом объяснять расширяющийся разрыв между уровнем жизни на Западе и в СССР. Старая модель виртуальности (Ленин, партия, комсомол) была заменена новой (рынок, демократия, капитализм). При этом многие старые игроки сохранили свои руководящие места, поскольку быстро овладели новой риторикой, то есть новым виртуальным инструментарием.

Во втором случае мы имеем возможность сохранения старой системы путем ее трансформации. В качестве примера можно вспомнить Китай, который не утратил коммунистическую ориентацию, а в качестве модернизации ее ему пришлось допустить в свою аксиоматику до этого полностью отвергаемый элемент – бизнесмена, которого даже стало возможным принимать в партию. В этом случае старые игроки вообще остаются неизменными, поскольку сохранены даже старые институты. Просто в систему добавляются новые участники процесса.

Третья модель интенсивного изменения полностью отбрасывает старых игроков вместе со старой виртуальностью. В качестве примера можно взять Грузию, где старая виртуальная система была вдруг переименована в коррупционную, а новая стала демократической, что потребовало полной смены команды. Ее также можно трактовать как подвариант первой модели, если мы будем принимать во внимание ограниченный набор факторов.

Четвертая модель реагирования на истощенность старого виртуального пространства состоит в его ритуализации. Советский Союз перевел свое прошлое в определенную степень ритуала, сходного с религиозным, где были запрещены любые отклонения от фиксированных оценок и стандартного набора информации. Для удовлетворения потребностей функционирования на всех уровнях Владимир Ленин, например, существовал в нескольких ипостасях: Ленин-ребенок (для октябрят), Ленин-студент (для молодежи), Ленин-взрослый (для официальной агнографии). Такой же канонической была и иконография образа, которая также имела четкие временные привязки.

Каждый этап интенсивной смены социальной системы требовал своей ритуализации, чем и создавалась нужная динамика, обес-

печившая переход к новому состоянию. Современную модель смены власти сегодня дают уже не ученые, а журналисты, поскольку она достигла уже такой прозрачности, что не требует дополнительных исследований. Приведем пример такой периодизации, акцентируя в нем как раз виртуальные аспекты [1].

- **шаг 1 – выборы.** Грузинская оппозиция воспользовалась парламентскими выборами (ноябрь 2003 года), армянская – президентскими (март 2003 года). Оппозиция сразу объявляет о фальсификации выборов и начинает оспаривать их результаты. Ее требования, как правило, начинают легитимизироваться с помощью международных организаций, то есть идет присоединение к более сильному виртуальному объекту, который как бы «делится» своей легитимностью.
- **шаг 2 – выдвижение требований.** Оппозиция начинает виртуальные интервенции, например, на инаугурации президента Армении отсутствовали представители оппозиционных партий. В свою очередь президент отвечает в том же виртуальном пространстве, что действия оппозиции наносят ущерб имиджу страны.
- **шаг 3 – митинги и народные волнения.** Митинги и демонстрации символизируют неудовлетворенность имеющейся виртуальной системой, ее диспозицией, они дают право на введение новой системы. Митинг не просто интенсивно вводит новую информацию, он и в определенной степени легитимизирует ее, делая публичной.
- **шаг 4 – силовое воздействие.** 5 апреля Армения приостановила вещание российского канала НТВ, а с 12 апреля прекратила продажу российских газет. Как нам представляется, дело тут вовсе не в информации, поскольку она все равно передается. Сообщения российских газет и телевидения по сути легитимизируют эту ситуацию, поднимая ее на новый виртуальный уровень. Затем в Армении произошел разгон демонстрации, чего не было в Грузии.
- **шаг 5 – действия по обстоятельствам.** Грузинский вариант включал давление на Эдуарда Шеварднадзе со стороны ино-

странных политических игроков, которые предоставили ему определенные гарантии в случае неприменения силы.

Как видим, на каждом шаге происходит работа с теми или иными вариантами виртуальности. Причем при исчерпанности внутренней системы происходит обращение к двум источникам:

- **митинг-демонстрация**, позволяющий вводить новые виртуальности в интенсивном режиме;
- **поддержка извне**, которая дает возможность подключиться к чужой виртуальности и с опорой на нее породить уже свою внутреннюю.

При этом виртуальности опираются на стандартный набор идеологем, который выводит легитимность из народного волеизъявления. Поскольку и та и другая сторона считает, что именно она является единственной выразительницей народных чаяний, то каждая из них направляет свои усилия не столько на свою легитимность, сколько на делегитимизацию своего оппонента.

Практически любую имеющуюся идеологему мы можем привести к ее исходному мифологическому противопоставлению, откуда она родом. Практически все идеологемы пытаются либо легитимизировать, либо делегитимизировать те или иные ситуации. При этом они пытаются работать на более завышенном уровне, где функционируют такие понятия, как, например, «патриотизм», и им подобные.

Интенсивная смена социальной системы просто обязана опираться на уже существующие типы связей. Виртуальные интервенции и виртуальные войны в этом случае создают своеобразные мифологические «изломы», позволяющие стимулировать переход к новой реальности. Одним из основных противопоставлений становится противопоставление свой / чужой. Оно активно вводится в человеческое сознание с самых древних времен. Например, главная героиня сказки «Красная Шапочка» наказана за нарушение запрета разговора с чужим, поскольку в чуждом всегда таится опасность, даже если она на сегодняшний момент неизвестна.

Делегитимизация власти во времена переворотов строится на «выталкивании» власти на позиции «чужой». Оппоненты пытаются доказать ее коррупционность, отсутствие с ее стороны реальной за-

боты о народе. Все это связано с работой на мифологию, с попыткой навязать новую интерпретацию. Автоматически освобождающееся место должна занять оппозиция власти, поскольку предполагается, что тот, кто критикует, сам не обладает этими же пороками.

Виртуализация может выступать в роли своеобразной **ловушки сознания**, когда революцией роз начинает именоваться обыкновенный переворот. Сознание идет вслед за виртуальной структурой, которая обладает более сильной объясняющей силой, чем реальность. В принципе лозунг «мир – хижинам, война – дворцам» всегда будет собирать большое число голосов, поскольку хижин в мире всегда будет больше, чем дворцов.

Как остановить динамику социальных трансформаций или, наоборот, ускорить ее? Для этого, в первую очередь, применяются лидеры мнений и социальные движения, которые несут в себе достаточный динамический потенциал. Система начинает получать большое число сигналов, противоречащих доминирующим. Она может либо выдержать их, либо они попадают в резонанс и начинается разрушение системы, которое может идти либо слева, либо справа. **Эдвард Луттвак** подчеркивает, что революции делаются левыми, а путчи правыми [2. – С. 26].

Евгений Месснер в свое время призывал к созданию психоразведки: «Нет задач деликатнее и сложнее, чем те, что лежат на психоразведке: врач-психоаналитик имеет дело с одной ненормальной душой, а психоразведка – с душами народов, больных войной и мятежом» [3]. И сегодня потребность в знании именно этой сферы сохраняется на том же уровне.

Оперирование виртуальными объектами в случаях стабилизации / дестабилизации позволяет построить определенного рода аксиоматику такого использования виртуальностей. Перечислим семь возможных вариантов работы с виртуальностями.

- **Увеличение общего объема виртуальных объектов.** Столкновение интерпретаций, борьба одной картины мира с другой автоматически способствует увеличению числа виртуальных объектов. Например, перестройка привнесла виртуальные объекты типа «рынок», «либерализм», «капитализм» и подобные, которые мимикрировали под реальные, хотя и до сегод-

нышнего дня они не стали реальными на постсоветском пространстве. Последствием становится то, что слабая система уже не справляется с их отслеживанием и работой против в случаях их антисистемной направленности. Затрудняется выработка прогнозов поведения.

- **Увеличение числа разноориентированных виртуальных объектов.** Для делегитимизации системы важно не просто увеличение числа объектов, а увеличение числа антисистемных объектов, поскольку именно в них содержится иная картина мира, способная в потенциале разрушить доминирующую картину.
- **Увеличение разнообразия «своих» виртуальных объектов.** Политическая борьба, как правило, не удовлетворяется однотипными объектами, их следует наращивать, создавая принципиально новые объекты, годные для самых разных ниш. Вспомним, как в советское время, например, о Ленине написал и Андрей Вознесенский. В перестроечное время Михаил Шатров писал свои пьесы, где также Ленин появлялся в облике нового типа.
- **Создание препятствий (по распространению, дискредитации) для «чужих» виртуальных объектов.** Антисистемные объекты, появившиеся в общем виртуальном пространстве, сразу же подвергаются атаке. Как следствие, они либо уничтожаются, либо выживают за счет создания более качественных вариантов, которые оказываются сильнее атакующих объектов.
- **Увеличение числа «будущих» объектов, которые способны облегчать переход к будущим состояниям.** Например, создаются новые каналы коммуникации, на первый план выходят люди, несущие новую картину мира, как бы временно закрывающие то, чего нет в настоящем.
- **Разрушение «настоящих» объектов, способных представлять опасность в будущем.** Объекты обладают разной потенциальной динамикой: виртуальные объекты чужой направленности, способные выйти из периферийного состояния, всегда привлекают пристальное внимание со стороны строителей системы.

- **Закрепление с помощью виртуальных объектов измененных состояний действительности.** Например, «переворот» никогда не называется переворотом теми, кто его делает. Термин «августовский путч 1991 года» принадлежит другой стороне, которая выиграла, а не проиграла.

Виртуальная система носит инерционный характер. Однако социальный интенсив требует от нее перехода к динамическому функционированию. Такая динамика не может носить долговременный характер. Существенные изменения в виртуальной системе происходят дважды. Первый раз – когда имеет место разрушение старой системы. Второй раз, даже более интенсивный, но и более растянутый во времени, – процесс закрепления сложившихся изменений. Например, и после 1917 года, и после 1991-го переименовывались улицы и площади, устанавливались новые памятники и сбрасывались старые. Происходила существенная смена элит.

Смена виртуальности может идти с опорой на определенные «связки» с реальностью. Нужны определенные опорные пункты, «ячейки» реальности, на которых может базироваться новая виртуальность. Жертва создает такие точки для массового сознания, для индивидуального же сознания такой опорной точкой становится месть. Вспомним, что Ленин сказал «Мы пойдем другим путем», отвечая на репрессии против собственного брата. Эдвард Луттвак также говорит о семейных связях как таких, которые способны противостоять лояльности вышестоящему армейскому руководству [2. – С. 81]. Практически все палестинские шахиды имели жгучее желание отомстить за погибших от рук израильтян близких и друзей [4].

Отсюда следует, что определенные реальные структурности, какими бы индивидуализированными или атомизированными они ни были, могут противостоять доминирующим ментальным структурам. В этом случае, вероятно, создаются свои защитные ментальные структуры, которые дают возможность противостоять доминирующим структурам. **Виртуальная защита, в отличие, например, от реальной, – это всегда нападение.** Слабый игрок здесь обладает иными возможностями, чем это имеет место в реальном пространстве. Он может получить в руки меч короля Артура и превратить-

ся в сильного бойца. Причем наличие этого меча не всегда заметно до начала битвы.

Это особенно важно, поскольку любые изменения связаны с определенными рисками. Как пишет **Джон Питни**: «Все политические и военные конфликты включают как риск, так и неопределенность. Независимо от того, как много знают стратеги, они никогда не могут предвидеть последствия с полной уверенностью, они только могут оперировать шансами. Это и есть риск. Намного чаще стратегам не хватает информации, которая может изменить их ощущение шансов. Это и есть неопределенность» [5]. В такой ситуации любые конструкции (реальные или ментальные), которые способствуют обеспечению перехода в желаемое будущее, всегда приветствуются.

Стандартные положения

Есть также и стандартные модели противостояния виртуальностей – это политическая оппозиция, которая пытается удержать иную картину мира, борясь с доминирующей на данный момент. В однополярных режимах в качестве ресурса может выступать поддержка новых политических субъектов, поддержка со стороны армии и других силовых структур, деятельность транснационального капитала, помощь соседних государств, как, например, польское правительство в Лондоне [6]. Все это способы получения легитимности за счет иных видов ресурсов.

Террорист также является оппозиционером, только использующим насильственные методы для продвижения своей виртуальной картины мира. Поэтому вариантом борьбы и становится, например, то, что предложил **Джеймс Смит**, директор Института исследований национальной безопасности ВВС США [7]. Он считает, что основным в борьбе должна стать маргинализация сообщения террористов, поскольку террористы шлют свои сообщения через целевую публику к целевому правительству. Все, чего террорист хочет достичь, зависит от передачи его сообщения. Заблокировав террористическое сообщение, можно победить стратегию терроризма. Это вновь выводит нас в виртуальное пространство, как раз в рамках которого и действует терро-

рист в области своих содержаний. Только формой его сообщений является насилие, содержание же чисто политично. У обычного политика и форма, и содержание лежат в области политических действий. У террориста формой сообщения является насилие.

11 марта 2004 года со сменой властей и политики Испании в ответ на террористический акт продемонстрировали реальность еще более сложных конструкций. **Джессика Стерн** пишет в газете *Boston Globe*, что террористическое движение создает не только столкновение цивилизаций, но и столкновение внутри цивилизации [8]. Это совершенно новый вывод. Он базируется на том, что США исходно после 11 сентября стали терять своих союзников. Подобное разрушение виртуальной системы возможно только при наличии серьезных проблем в реальном пространстве. В результате **виртуальное и реальное пространство не могут двигаться в разных направлениях, разрыв в одном из них ведет к серьезным последствиям в другом.** Это интересный феномен несовпадения динамики этих двух пространств.

Если террорист действует с помощью сообщений, выстроенных в рамках реального пространства, то точно так же может действовать и другая сторона. Например, Пентагон в Кении строит колодцы, помогает с ветеринарной и медицинской помощью [9]. Поэтому в рамках материального мира возможно выстраивание двух типов сообщений (см. рис. 47).

Рис. 47. Два типа сообщений

Это, кстати, конкурентные виды сообщений. Уже начиная с Афганистана армия США постоянно работает в таких двух конфликтующих плоскостях сама, например, прекращая бомбардировки в дни праздника Рамадан. Подобные типы сообщений из разных источников работают друг против друга (США и «Аль-Каида»), пытаясь создать более выгодную для себя виртуальную картину мира. Однако подобные сообщения из одного источника уже работают на когнитивном уровне, не давая получателю этих сообщений создать единую оценку происходящего.

Во Вьетнаме подобная программа действовала в течение пяти лет. Однако она имела как сторонников, так и противников, которые обвиняют морских пехотинцев в романтизме [10].

Сегодня США, например, развернули большие объемы подобных конструктивных действий в Афганистане на границе с Пакистаном на сумму 2,5 млн. долларов, куда помимо медицины попали дороги, фермы, новые резервуары и даже краска для мечетей [11]. Понятно, что для яростно настроенных противников США это не сработает. Но несомненно и то, что другая целевая аудитория сможет получить ту информацию, которая способна изменить ее отношение. Когнитивный диссонанс требует, чтобы при столкновении с моделью «враг делает доброе дело» мы принимали решение либо в сторону «это не доброе дело», что в данном случае сомнительно, либо в сторону «это не враг», что вполне возможно.

Конкурентная среда при построении виртуального пространства может возникать и при столкновении разных каналов коммуникации. В этом плане конкурируют не только «Аль-Джазира» и «Аль-Хурра», но и официальная точка зрения с неофициальной, порождаемой слухами. Так, когда повстанцы подорвали водоочистную станцию, приняв ее за отделение иракской полиции, то взрывы привели к выделению хлора и отравлению людей. Слухи же проинтерпретировали эту ситуацию по-своему: США тайком завезли оружие массового поражения и теперь используют газы против гражданских лиц. Американцы в ответ на распространяющиеся слухи опираются на флаеры, городские собрания, объявления по радио, пресс-конференции и свой телеканал [12]. Идет постоянная война между двумя картинками мира. Слухи, кстати, очень четко порождают ответы на возникающие вопросы, исходя из имеющейся картины мира (см. рис. 48).

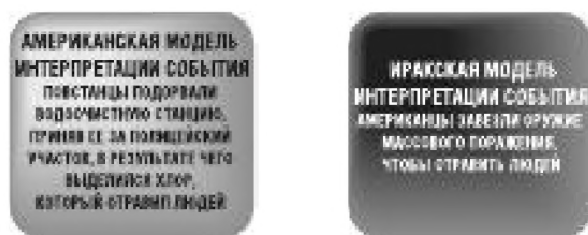

Рис. 48. Интерпретация реальных событий

И та и другая модель строится на объяснении конечного факта – отравления людей. Но каждая из них выбирает свой путь этого объяснения, который не противоречит имеющейся картине мира, а лишь подтверждает ее еще одним примером.

Еще один конкурентный водораздел лежит в том, как именно подается информация. **Дик Моррис**, бывший советником Билла Клинтона, говорит о контексте ситуации с Моникой Левински: «Ключевым моментом в сокращении ущерба от скандала становится принцип «не лги». Редко вас достает сам скандал, это все делает ложь. Одна ложь вытягивает другую, и вскоре то, что было замешательством, начинает граничить с помехами правосудию» [13]. Д. Моррис подчеркивает, что когда Клинтон обратился к нему за советом, он привел ему в качестве примера ситуацию с Ричардом Никсоном, у которого одна ложь следовала за другой. Он попросил провести социологическое исследование, которое показало, что публика могла ему простить сексуальные отношения с двадцатидвухлетней практиканткой, но не простила бы лжесвидетельство.

Суммарно мы назвали три противопоставления, где может происходить столкновение виртуальных картин мира:

- материальное – вербальное сообщение;
- публичные и непубличные (например, слухи) каналы коммуникации;
- степень удаленности предлагаемой интерпретации от правды.

В борьбе с чужой картиной мира часто на первое место выходит противодействие работе иного ресурса. Например, США оказывают давление на «Аль-Джазиру» и открывают собственную те-

лекомпанию. В Иране студенческие протесты приводят как к закрытию университетов на неопределенный срок, так и к глушению оппозиционной телевизионной станции, вешающей из Лос-Анджелеса, призывавшей к восстанию против исламистского правительства [14]. Мы как бы видим два вида борьбы:

- борьба с информацией, примером чего может служить опровержение;
- борьба с источником информации, примером чего может служить цензура.

Одна борьба ведется в рамках только информационного / виртуального пространства, другая привлекает инструментарий реального пространства для борьбы в рамках пространства информационного.

Примеры того и другого достаточно многочисленны, как в случае демократических, так и в случае диктаторских режимов. США закрывают газету в Ираке, а Доналд Рамсфельд оправдывает эту ситуацию тем, что газета закрыта только на 60 дней, а также тем, что она призывала иракских жителей к насилию, публикуя неправдивые истории [15]. Понятна условность этих обвинений. Но одновременно ясно, что газета порождала иную виртуальную картину мира, которая вступала в противоречие с той, которую создают для иракских граждан США.

Компания Уолта Диснея блокирует распространение новой документальной ленты «Фаренгейт 911», сделанной ее подразделением «Мирамакс», поскольку в картине критикуются действия Джорджа Буша до и после 11 сентября, подчеркиваются связи между Бушем и известными саудовцами, включая семью Усамы бен Ладена [16]. Естественно, мы можем искать оправдание этой ситуации, с одной стороны, войной, которую ведут США, с другой – избирательной кампанией. Но факт остается фактом: перед нами чисто советская схема борьбы, которая состояла в недопущении в информационное пространство текстов, противоречащих поддерживаемой картине мира.

При этом «свои» сообщения подлежат максимальному усилению, в то время как «чужие» не допускаются в информационное пространство, что может быть представлено в виде следующей схемы (см. рис. 49).

Рис. 49. Модель подавления противоречащих сообщений

Однотипно госсекретарь **Колин Пауэлл** встречается с министром иностранных дел Катара для обсуждения трансляций «Аль-Джазиры», чтобы уменьшить объем показа насилия на ее экране. Пресс-секретарь госдепартамента Ричард Баучер сравнивал работу «Аль-Джазиры» с криком «Пожар!» в переполненном театре [17]. США уделяют серьезное внимание именно визуальной составляющей конфликта, например, запрещая демонстрацию прибывающих гробов американских солдат. Есть также несистемные с точки зрения виртуальной картины США кадры убитых и раненых иракцев, но они являются системными с точки зрения другой стороны. И кадры «Аль-Джазиры» распространяются по всему миру [18].

В целях борьбы с информацией, подаваемой катарским телеканалом, США создают телеканал «Аль-Иракия» с бюджетом в 96 млн. долларов и с 18 часами вещания [19]. Доналд Рамсфельд сказал по поводу освещения событий в Фалудже «Аль-Джазирой»: «Я определенно могу сказать, что то, что делает «Аль-Джазира», является неверным, неточным и непозволительным. Вы знаете, что делают наши войска. Они бродят там, убивая сотни гражданских лиц. Это просто оскорбительный вздор. То, что делает канал, недостойно».

Понятно, что «Аль-Иракия» строится на подаче другой точки зрения, из которой следует, что произошли иные события (см. рис 50).

Рис. 50. Освещение событий в Фалудже

Это важный для США вариант подачи информации, к тому же, согласно опросам общественного мнения, «Аль-Иракия» вышла вперед как источник новостей. Она получила 40% ответов респондентов, в то время как «Аль-Арабия» – ТВ из Объединенных Арабских Эмиратов, получила 29%, а «Аль-Джазира» – 11%. Одновременно Иракская медийная сеть, занимающаяся данным каналом, выпускает газету и имеет свою FM-станцию.

Выстраивание новой картины мира очень осложнено тем, что каждый человек выбирает из поступающей информации тот фактаж, который позволяет удерживать его картину мира в неприкосновенности, подвергая сомнению нарушающие его картину мира факты, поскольку допуск их создает вариант когнитивного диссонанса.

Каждая картина мира опирается также на свои собственные контексты – один и тот же факт на фоне разных контекстов порождает иную интерпретацию. Американский офицер говорит о репортажах «Аль-Джазиры» в статье **New York Times**, что «Аль-Джазира» демонстрирует, как американцы стреляют по минарету и он падает, в то же время не показывая боевиков, которые стреляют из этих мечетей и минаретов [20]. Можно построить следующую схему реинтерпретации (см. рис. 51).

Рис. 51. Схема реинтерпретации событий

В этом случае важно то, что такого рода сообщения могут вообще идти без слов, поскольку в них важную роль играет скрытая картина мира зрителя, который может видеть ту же самую ситуацию по-иному.

Удержание виртуального пространства на системной основе предполагает доминирование в информационном и виртуальном пространствах, когда мнение оппонентов смещается на маргинальные позиции. Карл Роув, являющийся главным политическим советником Джорджа Буша, выступая на ежегодной встрече Американского общества редакторов газет, акцентировал изменение интерпретаций СМИ в процессе разворачивания войны. Была эйфория 9 апреля, когда статуя Саддама Хусейна была повергнута наземь, но ранее был и поток комментариев, что военные завязли, а стратегия оказалась неработающей. К. Роув подчеркнул: «Так много информации приходит так быстро и из таких разных направлений, что это затрудняет удержание перспективы. В конечном счете мы должны иметь возможность отойти в сторону, чтобы увидеть глубинные потоки и важную форму событий» [21].

Человек не всегда готов к интенсивному порождению виртуальностей. Это возможно только в ограниченный период времени, поскольку потом вновь наступает привыкание. По этой причине интенсив виртуальный либо переходит в интенсив социальный, либо замирает на месте. Виртуальный интенсив выносит виртуальных же игроков, которые потом в «мирный период» не находят себе места в реальном мире. Например, перестройка вынесла на поверхность специалистов в области виртуального пространства (журналистов и писателей), которые затем быстро отошли на маргинальные позиции. Система выпустила их на передний край, и эта же система затем забрала их оттуда, когда их роль была исчерпана.

Виртуальное пространство выполняет множество задач в каждом из имеющихся типов цивилизаций. Это может быть функция замены фрагмента действительности для последующего выстраивания реального фрагмента («мы наш, мы новый мир построим»). По подобным правилам шло строительство всех больших проектов советского времени от целины до БАМа. Это может быть усиление фрагмента действительности с помощью введения метаправил типа патриотизма, который может предопределять реальные последующие действия. Подобные же правила, только потребительского свойства, строят реклама и паблик рилейшнз, которые призваны облегчить вхождение в реальность новых для нее объектов – то-

варов и услуг. Они формируют контексты вхождения новой реальности. Кстати, виртуальные объекты, какими бы конкретными они ни являлись для потребителя информации, всегда выполняют определенную метароль, способную модифицировать будущее поведение как на осознаваемом, так и на неосознаваемом уровне.

Если мы возьмем забытый сравнительно с советским периодом патриотизм, то можно увидеть разные варианты его проявления в разных измерениях (см. рис. 52).

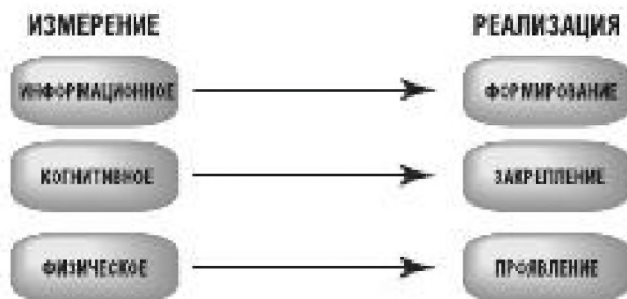

Рис. 52. Патриотизм

Революции трансформируют виртуальную реальность для последующей трансформации подлинной реальности. Строительство виртуальных миров в психоаналитической практике призвано односторонне трансформировать жизнь пациента.

Создатели виртуальности преследуют несколько целей:

- цели замены сегментов реальности;
- цели усиления / ослабления сегментов реальности;
- цели облегчения вхождения новых реальностей;
- цели удержания и привлечения внимания к сегментам реальности или виртуальности;
- цели уничтожения старой виртуальности / реальности.

Дж. Най говорит о мягкой силе как о способности формировать предпочтения других [22]. Это способность привлекать, а привлечение в свою очередь ведет к согласию и уступкам. Жесткая и мягкая сила связаны друг с другом, поскольку и та и другая является способностью влиять на поведение других.

Дж. Най строит следующую таблицу, соотносящую тот и другой виды силы [22. – С. 8].

Таблица 25
Виды силы

Показатели	Жесткая сила	Мягкая сила
Спектр поведения	Команда – принуждение – приманка	Повестка дня – привлечение – сотрудничество
Наиболее адекватные ресурсы	Сила, санкции – оплата, взятки	Институты – ценности, культура, политика

При этом мягкая сила может не зависеть от наличия жесткой, что противоречит известному высказыванию Иосифа Сталина о том, сколько дивизий есть у папы римского.

Виртуальные объекты более системны, чем объекты реальные. Именно они упорядочивают наш хаотический мир, создавая в нем зоны резкой упорядоченности, чем облегчается наше восприятие мира и принятие решений. Виртуальные объекты также являются обязательными при продвижении человечества к будущему, поскольку являются заменителями тех реальных объектов, которые на данный момент отсутствуют в мире.

Использование Интернета в современных протестных движениях

Интернет-механизмы более чем активны в виртуальном пространстве, поскольку по своей форме это более виртуальный тип коммуникации, чем любой другой. Материальность его спрятана еще больше, чем в телевидении или книге, а существующие скорости превосходят возможности по их обработке. В то же время и телевидение, и книга по скорости рассчитаны на биологические возможности человека, при этом книга как механизм по порождению информации может замедлять или ускорять процесс в соответствии с возможностями получателя информации, чего нет в случае телевидения, которое движется со средней скоростью.

Интернет предоставляет не просто бесконечный набор информации, но и достаточно детализированной информации, чего нет в случае газеты или телевидения. Там работало вполне понятное соотношение: чем большего числа адресатов способна достичь информация, тем более «популярным» становится это содержание. В противовес этому в Интернете, например, возможна инструкция по изготовлению бомбы.

Интернет-сообщение в сопоставлении с телевизионным или газетным способно к следующему:

- оно еще более анонимно с точки зрения потребителя информации;
- охват аудитории становится еще большим;
- оно может быть найдено путем поиска, чего нет в телевидении и затруднительно сделать в случае печати;
- оно менее контролируемо со стороны власти.

Одновременно следует помнить, что хотя Интернет работает с ограниченным объемом населения, однако во многих случаях это именно то активное население, которое и представляет интерес. Борис Березовский в программе «Момент истины» (ТВ-Центр, 20 марта 2005 года) заявил, что революции делает не большинство, а меньшинство.

Меньшинство как движущая сила должно стать единым, нарастить определенную структурность (лидеры vs. остальные), чтобы иметь возможность реально противостоять власти и влиять на большинство (см. рис. 53).

Рис. 53. Схема влияния меньшинства на большинство

В любом случае демократия сначала входит на уровне коммуникации, лишь затем «захватывая» экономику и политику. Экспорт

демократии, а не путч или хунта, проходит именно такой путь. При этом **Эрик Хобсбаум** задает справедливый вопрос: почему однотипность компьютеров или бензоколонок предполагает одинаковость политических институций? [23]. Подобное представление недооценивает сложность мира.

Сейчас Китай также столкнулся с протестами, опирающимися, среди прочего, на интернет-распространение информации. В борьбе против строительства дамб объединились пекинские и региональные неправительственные структуры [24]. В результате формируется точка зрения, что без политической реформы невозможно изменить ситуацию в окружающей среде.

Понятно, что именно способствует широте подобного протестного движения. Это следующие факторы:

- Интернет – менее контролируемое властями информационное пространство;
- экологическое движение также не является политическим, что вновь снижает степень чувствительности властей;
- протестное движение просто «канализируется» в экологическое;
- создается виртуальное сообщество, протестующие не ощущают себя в одиночестве;
- образуется модель защиты региональных активистов сквозь пекинские негосударственные организации.

Все эти факторы опираются именно на модель интернет-коммуникаций. **Режи Дебрей** в своих разработках по медиалогике считает, что способы трансляции содержания не менее важны, чем само это содержание, что идеи – это не только и не столько тексты, как процессы трансляции и институции общества, вырастающие из этого процесса передачи. Например, книгопечатание рождает типографии, книжные магазины, библиотеки и так далее, то есть создается поддерживающая инфраструктура, которая в свою очередь начинает определять смену эпох.

Интернет, вероятно, имеет однотипное влияние на политику, что мы можем обозначить как вариант интернет-политики. По крайней мере, здесь есть не только меньшая контролируемость со стороны власти, но и большая мобильность по порождению новых

идей и росту новых людей. Интернет создает иллюзию включения человека в круг группы себе подобных, чьи интересы однотипны.

Новые формы коммуникации, а Интернет одна из них, дают новые возможности для построения политических кампаний, новых вариантов ведения информационных кампаний.

Интернет несет идеи, основной материал радикальной мобилизации. Идеи легко переходят через границы. Как пишет **А. Гренье**: «Идеи принадлежат времени или поколению больше, чем какой-либо стране» [25]. В любом случае виртуальный объект легче подлежит транспортировке и внедрению в новую среду. Чем объект материальнее, тем большее число фильтров можно построить для его недопущения.

Вспомним известное повстанческое движение в Мексике. На новый 1994 год группа от 200 до 400 повстанцев Сапатистской освободительной армии захватила шесть городов, объявив войну мексиканскому правительству. Новым в этой старой ситуации стало активное использование информационных операций со стороны повстанцев с помощью подключения транснациональных неправительственных организаций. Все это дало совершенно иную динамику развития событий, обеспеченную в первую очередь связью через Интернет [26].

Этот регион Мексики был открыт для транснациональных влияний и раньше, поскольку в нем действовали активисты неправительственных организаций, католические либеральные священники, протестантские евангелисты, гватемальские мигранты, преступники, перевозящие оружие и наркотики [27]. Перед нами классическая открытая система, которая уже в сильной степени начинает зависеть от внешних факторов.

В результате возникает система мобилизации внешних неправительственных структур в пользу данных мексиканских. Неправительственные структуры делятся на проблемные и инфраструктурные [28]. Первые концентрируются на конкретных проблемах, вторые строят инфраструктуру для других, организуют манифестации и прочее. Именно они больше всего помогли повстанцам. В результате возникла система не просто распространения информации, а усиления ее, поскольку статус каждого внутреннего действия теперь стал оцениваться по внешним параметрам.

После 12 дней вооруженных столкновений мексиканское правительство перешло к переговорному процессу, что связано исключительно с информационной составляющей этого конфликта, заблокировать которую правительство оказалось неспособным.

В Бирме был развернут сходный вид **внешне-внутреннего давления**, который завершился, среди прочего, тем, что 27 января 1997 года корпорация «Пепсико», например, свернула свою деятельность в этой стране [29]. До этого студенты Гарварда, включившись в бирманскую сеть, смогли предотвратить заключение контракта между «Пепсико» и индустрией питания Гарварда. Исходной точкой стал студент Марко Симмонс, который писал в Гарварде работу на тему ситуации с правами человека в Бирме. Мы видим, что любая внутренняя ситуация легко трансформируется во внешнюю, и во внешней среде в ряде случаев результаты достигаются даже скорее.

Возможно, эти новые ситуации можно объяснить, опираясь на идею информации не как передачи, трансмиссии, а как организующей структуры [30]. Каждая организация опирается на свой собственный информационный набор, меняя этот набор, мы меняем и саму организацию. В данном случае новые типы организации стали опираться на иные типы информационных потоков, возникли новые общественные структуры с опорой на новые виды коммуникаций.

Есть также использование такого варианта, как мобильные телефоны. В период выборов на Филиппинах с помощью сообщений, посылаемых на мобильные телефоны, толпа собиралась на митинг в поддержку кандидата в президенты. Известен феномен **smart mob**, когда с помощью таких же сообщений можно собирать людей для совершенно «диких» приколов. Возможно также использование для передачи информации в противовес распространению официальных сведений. Оппозиционный «Пятый канал» в период оранжевой революции в Киеве сообщал свои новости по мобильному телефону по единому номеру 625 для любой сети оператора мобильной связи.

Все подобные и, вероятно, будущие средства коммуникации обладают общими характеристиками следующего вида:

- возрастающая массовость;
- неработающие старые методы контроля;
- охват самого активного населения.

Это все очень выгодные для передачи политических сообщений характеристики.

В качестве примера можно упомянуть протесты, начавшиеся с октября 2000 года на Филиппинах против президента Эстрады, завершившиеся его падением в феврале 2001-го, когда активно использовались текстовые сообщения, пересылаемые по мобильным телефонам [31]. Другим примером является организация протестов против Всемирной торговой организации в Сиэтле, когда современные технологии протестующих смогли обыграть полицию [32]. Исследователи констатируют, что полиция не имела полного понимания стратегии протестующих [33]. Сама эта стратегия состояла из трех волн:

- первая волна, 200–300 человек, проникли наиболее близко, поскольку в нее входили люди, которые не боялись арестов;
- вторая волна, несколько сотен протестующих, также была готова к ненасильственным действиям и не боялась арестов, ее задачей было защитить первую волну от насилия со стороны полиции;
- третья волна, тоже несколько сотен, вошла в центр города и прошла внутри протестной зоны, число их превысило расчеты планировщиков, поскольку сюда подключились и другие.

Протестующие имели компьютеры, подключаясь к обновляемым веб-страницам, рассказывающим о том, что происходит на улицах. В целом их сеть состояла из мобильных телефонов, радиоприемников, полицейских сканеров, портативных компьютеров. Одной из причин полицейского сбоя стало одновременное проведение двух событий: парада и протестов. Ориентация полиции на парад привела к проигрышу.

Полицейский офицер **Дж. Салливен** подчеркивает, что битва за Сиэтл, состоявшаяся в период встречи Всемирной торговой организации с 29 ноября по 3 декабря 1999 года, в результате которой был произведен 601 арест и нанесено повреждений на 3 млн. долларов, демонстрирует пример столкновения иерархической организации с сетевой структурой, которые были систематичны, прекрасно организованы и обладали хорошим финансированием [34]. Пользуясь современными коммуникациями, они могли произво-

дить одновременные действия. Физические протесты были соединены с киберактивностью.

Интернет в принципе может иметь централизирующие и децентрализирующие последствия [35]. Он может объединять с другими, а может и разъединять, создавая в обществе отдельные атомы-ячейки.

Интернет может создавать два вида виртуальных единиц:

- виртуальные объекты;
- виртуальные контексты, облегчающие переход к новым виртуальным объектам.

В этой же роли могут выступать и реальные объекты, например, моральный (или иной) авторитет страны может направить страну в определенном направлении. Это может быть аятолла Хомейни или академик Андрей Сахаров.

Виртуальные системы в плане ускоренных социальных смен более адекватны для введения негативных виртуальных объектов, например, с помощью обвинения власти в тех или иных отклонениях от нормы. Отрицательный виртуальный объект приписывается реальному объекту, например, президенту страны. В результате виртуальное обвинение трансформируется в реальное, ведущее к смене социальной системы. Сетевое распространение информации, свойственное Интернету, является идеальной средой для фиксации подобного рода негативов на власти.

Поле действия в этом плане начинает состоять из участков реального пространства, чередующихся с участками пространства виртуальности. При этом оппозиции, как и власти, никогда нельзя оказаться в чисто реальном поле, поскольку в этом случае исчезает возможность как для оправдания, так и для обещания, которые наиболее эффективны при построении определенных виртуальных конструкций. Сходно строится и поле противодействия, где роль виртуальности остается не менее сильной. Более того, это поле, позволяющее вырабатывать оценки чужих действий, разрешает чисто виртуальное существование, примером чего может служить вся деятельность Владимира Жириновского.

Интернет наполнен виртуальным компроматом, который воспринимается лишь как частично правдивый, чем задается соответ-

ствующая характерная черта интернет-коммуникаций. Сильный политический игрок одинаково активно работает как в пространстве реальности, так и в пространстве виртуальности, не давая возможности противнику для перехватывания у него инициативы.

Владимир Преображенский констатирует конец мира печатного слова [36]. Новые методы передачи информации создают все большие возможности для манипуляции сознанием. В обществе увеличивается объем людей, занятых процессами обработки и порождения информации. Поскольку изменились и методы подачи информации в связи с возникновением Интернета, то некоторые долговременные программы могут форматироваться под возможности компьютера. Речь идет об играх компании Eidos – Republic: The Revolution, Hitman и Commandos. Как пишут «Российские вести» в статье с характерным названием «Как свергнуть ВВП»: «Эти три игры, основной задачей которых является не что иное, как популяризация основных методик захвата власти в условиях системы власти, характерной именно для России и ряда других государств бывшего СССР. Так сказать, своеобразный лабораторный практикум, закладывающий теоретическую базу для таких необходимых «демократических» навыков, как пропаганда и контрпропаганда (Республика: Революция), физическое устранение неугодных лиц (Hitman) и, наконец, проведение диверсионных действий в условиях открытого военного или революционного конфликта» [37].

Реализуется феномен новых методов обучения, достаточно эффективных и привлекательных. Только информация при этом подается та, в которой заинтересованы создатели подобного рода игр. То есть в виде игры вводится та информация, которая в противном случае вызвала бы резкое сопротивление власти.

Иным вариантом использования Интернета может служить интерпретационное поле, когда реагирование на действия властей становится все более негативным. В этом случае у находящегося в Интернете формируется четкое представление о том, что все значимые действующие лица выступают против того, что делает власть. **Сергей Телегин** увидел определенный аналог подобного состояния дел в ситуации после 1905 года: «В ходе реформы власть РФ загнала себя в ловушку, сходную с той, в которой ока-

залась российская монархия после 1905 года – любой шаг царского правительства истолковывался в обществе так, что положение режима ухудшалось» [38]. **Если интерпретационное поле, что вполне можно сделать с помощью Интернета, оказывается захваченным иной точкой зрения, то фактическое поле действий сразу теряет свою значимость, поскольку в чистом виде его никто не наблюдает, зато все видят заданные оценки.** Как видим, виртуальная действительность захватывает все новые и новые фрагменты, тем самым создавая ситуацию, которую адекватно не сможет оценить власть, в которой все построено ради отражения опасности в поле реальности.

Стратегии виртуальной политики

Развитие человечества постепенно привело к тому, что виртуальный фактор стал доминирующим во многих областях. Некоторые индустрии по производству виртуальных ценностей (например, кино) стали столь же прибыльными, как и те, что производят материальные ценности. И эта их экономическая составляющая всегда подкрепляется политической, поскольку производство виртуальных ценностей всегда идеологично, хотя это можно и скрывать, поскольку часто это находится на втором, третьем плане. Любовь тракториста из фильма советского или любовь миллионера в фильме американском несут в этом плане разные сообщения. Они могут быть едиными в плане физического или даже информационного поля, но разными в плане поля виртуального, поскольку строят разные жизненные модели, акцентируют разные модели успеха. От единой точки физического пространства мы начинаем получать разные линии в пространствах информационном и виртуальном.

Виртуальные характеристики стали главным объектом в таких областях, как выборы и избирательные технологии, политическая борьба. Виртуальные объекты интересны в том плане, что легко создаются и удерживаются в поле внимания. **Борис Ельцин** или **Леонид Кучма**, идя против кандидата от компартии, боролись со специально созданным виртуальным драконом, которого создавали и лелеяли именно для избирательных целей. Это просчитанный враг, с которым всегда легче.

Человечество использовало виртуальные заменители реалий для стабилизации или дестабилизации ситуации. Например, малые отряды римлян могли удерживать большие территории, поскольку было известно, что они всегда вернутся, чтобы наказать восставшие племена, что они непобедимы. То есть виртуальность может удерживать реальность, программируя ее соответствующим образом. Когда в Киеве открылся первый «Макдоналдс», то в словах человека, отстоявшего в очереди, чтобы попасть туда в числе первых, прозвучало: «Я пришел попробовать вкус американской культуры». В этом случае реальность (гамбургер, а точнее просто мясо) становится востребованной только благодаря виртуальности.

Крестовые походы также можно понимать как общественное движение, ведомое виртуальными целями. Аскетизм – это также определенного рода «наказание» материальной составляющей ради составляющей виртуальной. Все это говорит о том, что религия одной из первых взяла на вооружение именно виртуальную политику. В принципе удержание рамок возможно только с помощью виртуальных конструкций.

«Мягкая сила» **Дж. Ная**, являющаяся феноменом виртуального мира, становится сегодня в центр международной политики, создавая необходимые виртуальные контексты для последующих реальных действий, актуальных или потенциальных [39]. Однотипно движется и **public diplomacy**, работая на сближение контекстов страны-цели и страны-источника. Немецкий афоризм XIX века утверждал, что полиглот не может быть патриотом. Отсюда следует вывод, что для создания образа врага нужно знать о нем как можно меньше, а не как можно больше.

Современные революции покоятся на преобладающей роли идей. Отсюда столь значимая роль университетов в Латинской Америке для создания и удержания революционной среды. Говоря о коммунистических странах и идеях, **Айвон Грень** подчеркивает: «Коммунистические режимы были зависимыми от идеологии и утопическими, тем самым затрудняя рационализацию как простую развязку материалистических условий. В сильной степени идеологические и утопические политические движения не могут аналитически выводиться чисто механически из

их материалистической среды» [40. – С. 316]. То есть разрушение идеологически базирующихся систем затруднено из чисто материального мира.

Студенты в этом плане наиболее восприимчивы, с одной стороны, к новым идеям, с другой, к радикальным методам. Они идеальные потребители именно виртуальной продукции. В результате создается механизм с почти автоматическим реагированием на заданные виртуальные параметры. А. Гренье отмечает: «Современный университет концентрирует молодых людей в определенном экспериментальном городе, в котором поддерживаются неконформизм и радикальные идеи. Более того, университетская «автономия» при всех ее ограничениях является потенциальным политическим ресурсом в недемократическом окружении, где в лучшем случае антиправительственная мобилизация разрешена или в наихудшем случае жестко подавляется» [40. – С. 323]. То есть есть зоны, которые в большей или меньшей степени благоприятствуют этого рода будущей динамике.

Виртуальная политика состоит в создании, закреплении и удержании виртуальных объектов. Эти объекты создаются не сами по себе, а ради достижения определенных результатов в физическом пространстве.

Виртуальные объекты / характеристики могут использоваться как инструментарий в следующем виде:

- для характеристики внешней среды;
- для собственной характеристики;
- для характеристики оппонентов.

Выстраивание соответствующих конструкций влияния требует такого инструментария. Перед нами «алфавит» для написания будущих текстов. Советский Союз в свое время выстроил достаточно системную модель мира, где враги были врагами, а друзья – друзьями, чего нельзя сказать со всей определенностью в сегодняшней картине мира.

Развал Советского Союза шел по модели накопления негативных виртуальных характеристик. При этом они не идут ни в какое сопоставление с сегодняшним объемом негатива, но сегодня нет задачи разрушения системы, а есть задача разрушения компонента этой

системы – часто в этой роли выступает первое лицо, которое пытаются заменить. Сейчас многие постсоветские республики, включая Казахстан и Россию, попадут под соответствующий «обстрел».

Такое активное использование виртуальных объектов связано с определенным гарантированным реагированием на них со стороны массового или индивидуального сознания. Именно об этом говорил как о «химической реакции» один из создателей избирательной кампании Ричарда Никсона [41]. В этом плане идеалом является ситуация, которая не допускает никаких возможностей для отклонения от задуманного сценаристами и планировщиками развития событий.

Любую характеристику можно удерживать на объекте достаточно долго, в результате приводя к тому, что даже его опровержение будет трактоваться в аспекте дополнительного подтверждения именно такой ситуации.

Если посмотреть на развитие революций, то для них очень важен виртуальный компонент, где «хранится» мифология и героика революционных движений. В том числе и из-за этого условно внешнего давления на ситуацию любая революция сразу же порождает своих собственных героев. Герои революции вырастают как из жизни, так и из истории. О роли идей говорит и А. Гренье, поскольку, по его мнению, «идеи являются инфраструктурой революционной политики» [42].

Идет борьба за переход на доминирующие позиции идей и людей из маргинальных позиций, поэтому естественной базой для хранения маргинальных направлений является область идей, поскольку реальность для них является более закрытой.

Исходной точкой революций также является не реальность, а сфера виртуальности. Не само по себе экономическое или политическое положение восстающего является плохим, а сопоставление его с другой идеальной точкой. Не абсолютное значение работает, а относительное. Не сама реальность, а неприход той реальности, которая ожидаема.

Э. Зельбин акцентирует роль инструментария из символов, историй, ритуалов, картин мира, которые дают ресурс для конструирования стратегий [43]. Если структурный подход строится на объ-

активных критериях, условиях, ведущих к революционным выступлениям, то акцент на идеях и лидерах отражает субъективные варианты развития событий.

Этот исследователь добавляет в структурную концепцию два дополнительных компонента – действующие лица и культура. Все движения сопротивления опираются на хранящийся в коллективной памяти опыт. Более того, прошлое постоянно переписывается, чтобы соответствовать задачам настоящего. Можно сказать, что не только прошлое порождает настоящее, но и настоящее не менее активно порождает прошлое.

Все это в определенной степени опора на виртуальное поле, чтобы сделать шаг в поле реальном. **Для адекватного воздействия должны быть задействованы определенные «стыки» поля реальности и поля виртуальности.** Полковое знамя, например, существует в виртуальном поле, последствия же осуществляются в поле реальности. Слух, получающий подтверждение в поле реальности, создает определенный коммуникативный резонанс.

Можно построить следующий набор заменяющих конструкций, позволяющих движение вперед в условиях дефицита ресурса:

- информационная составляющая вместо физической, например, табличка «не влезай – убьет»;
- информационная составляющая вместо виртуальной, например, введение метаправила «девочки / мальчики так не делают» или «он – лжец», тем самым уничтожая либо информационное, либо физическое действие;
- информационная составляющая вместо информационной, например, введение другого более привлекательного слогана.

Возможна не только заменяющая функция, но и параллельное движение, когда одна конструкция поддерживает другую:

- информационная составляющая, параллельная физической;
- информационная составляющая, параллельная виртуальной;
- информационная составляющая, параллельная информационной.

Также возможна ситуация предшествования, когда мы можем говорить о причинно-следственной связи между ними.

Все это определенные взаимодействия между тремя разными полями: физическим, информационным и виртуальным.

Следует обратить внимание на процессы **смены достоверности** в процессе трансляции и обработки сообщения. Здесь имеют место два основных варианта:

- передача, характеризующаяся сохранением сообщения;
- аргументация, характеризующаяся изменением сообщения.

Это сохранение или изменение внутренней структуры, но есть и внешнего рода трансформации. Так, пропаганда использует размещение сообщения в ином источнике в целях увеличения его достоверности, например, Советский Союз размещает в индийской газете обвинение ЦРУ в создании СПИДа. То есть, сохраняя сообщение на информационном уровне, мы создаем иную конструкцию его поддержки на уровне виртуальном.

Два примера увеличения достоверности сообщения из первой и второй иракских войн. В первом случае PR-фирма, работавшая на Кувейт, **Hill&Knowlton** вложила в уста пятнадцатилетней девочки рассказ о том, как она видела иракских солдат, достававших младенцев из инкубаторов и клавших их на бетонный пол. Впоследствии оказалось, что девочка ничего не видела, поскольку находилась все это время в Америке, являясь дочерью посла Кувейта в США [44]. Но тут важна четкость обвинений, поскольку со времен Первой мировой войны процесс демонизации противника строится на обвинении его в зверствах по отношению к женщинам, детям и старикам. Зверства по отношению к военным не проходят.

Второй пример уже из второй войны. Обвинения Ирака в разработке оружия массового поражения все время натывались на отсутствие должного объема доказательств. Тогда для выступления в ООН с этими обвинениями отправили Колина Пауэлла, поскольку было известно, что он является противником войны, тем самым подобные слова из его уст будут более значимыми. Оружие массового поражения так и не было в результате найдено. Но мы можем увидеть, что **достоверность виртуального объекта возрастает при определенных сочетаниях с реальными**. В данном случае этим объектом становится тип говорящего. В вышеприведенных вариантах речь шла о «привязке» виртуальности к доказательствам в поле реальности. Можно

говорить об определенном согласовании полей виртуальности и реальности, при котором создается нужная синергетика.

Можно представить себе обратные процессы, например, когда обвинения мы вкладываем не в нейтральные уста, а в позицию соперника на выборах, что сразу занижает их достоверность, поскольку мы знаем, что именно так он и должен говорить. Это общая проблема, которую **Ж. Эллюль** сформулировал следующим образом: пропаганда тем эффективнее, чем она незаметнее [45]. Противник / оппонент, наоборот, активизирует нашу подозрительность.

Мы видим, что продвижение по шкалам свидетель / несвидетель и сторонник / противник работает на увеличение или уменьшение достоверности одного и того же сообщения. Это информационное сохранение сообщения при ином его физическом и виртуальном контекстах. В этой же области лежит феномен смещения в нейтральную среду, только уже со стороны сторонников. В США разразился скандал по поводу выплаченных 240 тыс. долларов за поддержку программы президента Буша афроамериканскому комментатору Армстронгу Уильямсу, который писал колонки в газеты и имел свое телевизионное шоу [46]. Сама программа **No Child Left Behind** стоила 7 млрд. долларов в год.

Одновременно есть варианты принципиального отсутствия согласованности всех компонентов, определенная разрывность между ними, характерная при моделировании переходов к будущему. Для человека характерна определенная **культура преувеличения**, связанная с тем, что мы как на уровне индивидуального сознания, так и сознания массового не в состоянии удерживать все характеристики объекта, речь всегда идет об очень ограниченном объеме этих характеристик. Как следствие, эти характеристики начинают занимать непропорциональное место. Вторым следствием этой культуры преувеличения является доведение подобных характеристик до логического конца. Если мы имеем дело с отрицательным героем, то он окажется полным негодяем, позитивным – он кажется гением человечества. Вероятно, это следствие нашего способа представления и обработки информации. Естественно, что виртуальное пространство дает наиболее идеальную форму для такого

рода деятельности. И еще одна тенденция – мы видим победу там, где ее еще нет, строя затем разного рода стратегии по ее достижению, что также способствует расширению как роли виртуального инструментария, так и развитию преувеличения как ментальной способности.

Важной координатой становится и то, на базе кого, ради воздействия на кого строится виртуальный мир. Тут наиболее четкие позиции занимают военные [47]. Они предлагают пять параметров анализа цели:

- определение ключевой аудитории, что делается с точки зрения ее важности для выполнения миссии, а также возможности воздействия для выполнения поставленных задач;
- определение отношений данной аудитории к политическим, военным, экономическим и социальным объектам;
- определение точек уязвимости аудитории;
- принятие решения о содержании сообщения и средств коммуникации;
- тестирование содержания и определение эффективности.

В случае политической борьбы говорится, например, о влиянии на лиц, принимающих решения, а также на тех, кто формирует общественное мнение [46].

Точка зрения получателя сообщения сразу же активизирует проблему сопротивления воздействию из-за имеющихся стереотипов [48]. Если стереотип противоречит вводимым фактам, то он либо меняется, что менее вероятно, либо, что более вероятно, спасается за счет введения подвидов, когда этот факт подводится под исключение.

Движение вперед может опираться как на реальные составляющие, так и на составляющие виртуальные. Чем сложнее это движение, тем более серьезную информационную и виртуальную «арт-подготовку» следует вести. При этом не только нарративы прошлого способствуют формированию нашего настоящего, но и сами герои: «Нет сомнения в том, что возможность вызывать революционных героев и жертв является мощным и убедительным инструментом, существенно необходимым как тем, кто будет делать революцию, так и тем, кто будет ей сопротивляться» [49. – С. 91].

Это все чисто виртуальная реальность, сознательно смешаемая в настоящее, чтобы усилить свои позиции в нем.

Ввод в иную виртуальную среду чужих виртуальных объектов всегда будет связан с определенной их трансформацией. При этом она может быть естественной, когда это делает сама аудитория, и искусственной, когда за дело берутся специалисты. Примером второго рода служит трансформация американского человека-паука в индийской среде, в результате чего образуется определенный микс двух культур [50]: «Спайдермен-Павитр носит не брюки, а местные «дхоти», на ногах у него «джути», индийская национальная обувь. Американский мальчик Питер Паркер получил магические способности от укуса радиоактивного паука, а индийский мальчик Павитр Прабхакар – от некоего «йога-мистика». Главный злодей комикса Зеленый Гоблин наделяется вполне узнаваемыми атрибутами индийского классического демона Ракшасы». То есть возникает активация местных национальных кодов, что позволяет беспрепятственно вводить в массовое сознание новые типы сюжетов.

Успешные избирательные кампании должны удерживать виртуальные противопоставления, например, излюбленное «политик-хозяйственник» в информационном и физическом поле. Виртуальное различие должно находить постоянное подтверждение. Это определенного рода виртуальный «магнит», отбирающий нужные события и сообщения. Информация в этом случае выступает не в традиционном аспекте передачи, а в аспекте организационно-структурном, который манифестирует именно данный тип организации, как предложено **Дж. Арвиллой** [51]. Информация как структура отлична от информации как процесса и требует иного инструментария для своей трансформации.

Нация как структура также требует обоснования в виде своего собственного действующего мифа. Это дает ей легитимность в прошлом, настоящем и будущем, создавая устойчивость и противостоя нестабильности. Как пишет **Алексей Чадаев**: «Характерной особенностью нации как «коллективного потребителя» является постоянный запрос на актуализируемый неотрицательный национальный миф» [52]. Причем естественно, что такой миф должен функциони-

ровать на уровне единиц своего плана: нация-1 vs. нация-2, отсюда переписывание учебников истории при смене подобного рода точки зрения. Эпоха Сталина вписывала в историю как собственных изобретателей паровоза, так и ученых, открывавших параллельно законы мировой физики. То есть это создание защитных механизмов на уровне виртуального пространства. Однако виртуальное пространство не только не пускает чужих игроков к себе, но и само пытается распространиться на чужие территории.

Можно выделить также вариант того, что придется обозначить как **абсолютное пространство**, как сочетание свойств реального и виртуального пространств. Это может быть вещий сон, после которого человек может подняться и поехать к родственникам в другой город, чтобы убедиться, что это правда / неправда. Это может быть такой текст, как выступление Сталина по случаю нападения немцев в 1941 году, когда те или иные текстовые блоки чуть ли не автоматически переходят в подлинную реальность. К этой же сфере относится правило, в соответствии с которым папа римский является непогрешимым, если он говорит с амвона. Все это особые способы сочетания виртуального и реального пространств, которые человечество использует издавна.

У России в этом плане есть задача защиты от чужих стратегических проектов, которые также входят, когда никто не ощущает их опасности. Что характеризует эти проекты?

- Они более универсальны, поэтому в результате стирается их привкус чужой страны.
- Они более сильны по своей внутренней структурности, что означает лучшую выживаемость и привлекательность.
- Они более сильны по структурам своей доставки (имеется в виду массовая культура).

Чем можно спастись от таких проектов? Их даже необязательно навязывать, они просто сильнее, структурнее, системнее, более соответствуют потребностям аудитории. Спасение можно увидеть на следующих полях:

- наличие собственной стратегической цели, которая нужным образом форматирует виртуальное пространство, что позволяет автоматически отбрасывать чужое;

- наличие собственного прошлого, активация которого позволяет отторгать несистемные элементы;
- удовлетворение хотя бы основных виртуальных потребностей населения собственным продуктом, что возможно при достаточном уровне массовой культуры: от бестселлера до мыльной оперы, а они всегда строятся на базе собственного национального проекта, даже если он не сформулирован явно.

То есть защитные механизмы в свернутом виде должны корениться в «защитных (пограничных) столбах» следующего вида:

- национальная идея;
- национальная история;
- национальная картина мира;
- национальный лидер;
- лидер массовой культуры;
- лидер высокой культуры;
- моральный авторитет страны.

Если же мы заменили лидера на дилера, как это, условно говоря, произошло за последнее десятилетие, то и результат получается соответствующий. Дилер только меняет один продукт на другой, он ничего не создает, лидер же может создавать.

Виртуальное пространство создает прошлое, настоящее и будущее. Одновременно оно охраняет нацию и страну от вторжения со стороны других виртуальных пространств, которые пытаются войти в него с помощью конкурентных виртуальных продуктов.

В

Виртуальные ультрасистемы

ВИРТУАЛЬНЫЕ ОБЪЕКТЫ объединяются в системы разного уровня сложности. Есть системы разового и системы многократного употребления. Обмолвка Джорджа Буша о «крестовом походе» как ответе на 11 сентября демонстрирует именно отсылку на такую систему многократного употребления, которая была активирована известными событиями. Набор таких систем, хранящихся в социальной памяти, может быть достаточно большим, хотя, вероятно, каждый раз мы живем в рамках только одной из таких ультрасистем.

Системы этого рода могут различаться не только по параметру времени (старые – новые), но и по параметру сложности, всеохватности. В этом плане различимы системы и ультрасистемы как единицы принципиально более сложного порядка, относящиеся к метауровню. Е. Островский задает знаковые ультраструктуры как противостоящие материальным [1]. При этом выделяются и структуры, состоящие из людей, так называемые антропоструктуры.

«Представление об ультраструктуре предполагает, – пишет **Ефим Островский**, – что структуры общественного сознания тоже могут быть как «постро-

ены», так и «разрушены»; ультраструктуры имеют свою связность, пропускную способность...»

Ультраструктура продвигается только путем вытеснения другой ультраструктуры. Согласно **диффузной теории Э. Ролджерса** переход через барьер пятнадцатипроцентного знания аудиторией делает новую идею самостоятельно живущей. То есть основная ресурсная поддержка требуется для достижения этого уровня, после чего идея может жить сама по себе.

Что касается разрушения или конфликтного сосуществования ультрасистем, то набор примеров от времен Петра Первого, старообрядчества, императора Павла и до перестройки позволяет говорить об определенных механизмах разрушения ультраструктур, среди которых можно выделить следующие:

- введение иносистемных единиц;
- разрушение собственных системных механизмов;
- ослабление своих механизмов удержания ультраструктуры;
- подключение к внешним механизмам, внешним ультраструктурам;
- временная нейтрализация, позволяющая войти чужим системам;
- выполнение ключевыми игроками чужих программ;
- создание благоприятных условий для чужих механизмов.

При этом можно говорить не только о разрушении, но и о саморазрушении или искусственном уничтожении иных ультрасистем. Саморазрушение возникает при встроенных механизмах самоуничтожения, что мы видели на примере гласности во времена перестройки, когда старая советская система уничтожала сама себя.

В более общем виде подобные процессы можно представить себе как:

- управление прошлым;
- управление настоящим;
- управление будущим.

Управление прошлым является частотным примером на постсоветской территории, как до этого советской, когда в прошлом находятся / конструируются те виртуальные типы объектов. Управление будущим лежит в области внедрения новых механизмов, призванных обеспечить появление нужного вида объектов в будущем. На-

пример, США увидели в изменении роли женщины в исламе один из вариантов трансформации традиционного исламского общества. Как результат в Пакистане, например, родители получают несколько литров растительного масла в месяц, если девочка ходит в школу. То есть чисто образовательная структурность в дне сегодняшнем несет те последствия, которые даже не видны в дне будущем.

В мире функционирует определенный набор ультрасистем, которые реализуются в разных видах. Цивилизации, например, обладают такими базовыми ультрасистемами. Массовая культура удерживает подобного рода ценностную аксиоматику. В советской подобной модели имеет место жертва человеческой жизни ради коллективного спасения. Это Алексей Маресьев, Николай Гастелло, Зоя Космодемьянская и множество других. Мы запоминаем и фиксируем именно это, поскольку это точка определенной конфликтности: биологическая ценность жизни вступает в противоречие с другим ценностным постулатом – выживанием всего коллектива.

Это модель, по которой пытаются запрограммировать развитие ситуации в рамках бывшего СССР. Поведение отдельного индивида кодируется более высокого уровня правилами, чем положение его самого в иерархии. Кстати, и в истории развития коллективного сознания считается, что оно получает развитие раньше сознания индивидуального. Отсюда следует, что это мышление в принципиально других единицах с понятным переносом модели в сторону коллективных единиц и восприятия, и программирования.

Михаил Гэфтер справедливо отмечал: «все эпохи нуждаются в своих мифологических сценариях» [2. – С. 85]. Он рассматривает череду понятий сталинского времени от «вредителей» до «врагов народа», считая, что миллионы арестов невинных людей было в результате легче осуществить, чем аресты сотен, которые могли бы быть действительно виновными. Сама идея «врага» должна быть вписана в модель мира сталинской эпохи. По сути внешний враг позволял осуществлять индустриализацию страны, внутренний враг увеличивал управляемость страны в целом.

Виртуальные ультрасистемы отражают сложившиеся инфраструктуры, являясь аналогом физического пространства. И наоборот: физическое пространство также создается по аналогии с виртуаль-

ным, когда происходит программирование действительности. Приведем некоторые примеры входа таких виртуальных ультрасистем с последующим их удержанием в конфликтных ситуациях.

В систематике **Древней Руси** существовал тип права, который держался на первенстве коллектива. Западное право защищает, наоборот, личность, положив ее в основу своей модели. В результате победу одерживает тип западного права.

Христианство входит со своим набором ценностей, которые затем начинают удерживаться институтом церкви. При этом интересным образом христианство «съедает» языческие праздники, переформатируя их под себя. То есть другая ультрасистема может не только «вытолкнуть» конкурирующую, но и включить ее в себя.

Оранжевая революция в Киеве несла в себе также четко выраженное противопоставление по оси Запад – Восток, поскольку один из кандидатов ратовал за ЕС и НАТО, другой – за объединяющие структуры с Россией.

Подчеркнем важность с точки зрения методологии внимательного изучения тех путей, которые в данных случаях принесли победу. Как писал один из исследователей, в прошлом были и другие религиозные секты, но только одна из них получает столь широкое распространение, став христианством. Из всего этого следует, что введение и удержание любой ультрасистемы требует серьезной ресурсной поддержки. Например, институт церкви реализуется также в инквизиции, в ордене иезуитов и так далее, чтобы удерживать свою миросистему.

Можно увидеть следующие основные три этапа такого вхождения:

- этап первый – создание новой ультрасистемы (искусственное или естественное);
- этап второй – нейтрализация старой ультрасистемы;
- этап третий – удержание новой ультрасистемы за счет более сильной поддержки.

При этом возникают разного рода конфликтные взаимоотношения, когда существует несовпадение следующих видов:

- ультрасистема-1 – ультрасистема-2;
- ультрасистема – инфрасистема;
- ультрасистема – антропосистема.

Известный феномен культурного шока лежит в этой области, когда ультрасистема не соответствует инфрасистеме, то есть развитие физического мира не эквивалентно имеющейся ультрасистеме. Иногда на первое место вырывается ультрасистема, как это было, например, с христианством, которое как определенная виртуальная модель постепенно «переделывало» под себя мир физический, задавая как определенные ограничения, так и вполне конкретные цели развития. Христианство вырывается вперед, в сравнении с другими монорелигиями, по причине того, что его механизмы давали большую динамику развития.

Что в этом плане представляет собой революция? По сути это введение новой ультрасистемы максимально скоростным путем, когда для ее продвижения опираются на насильственные методы. 1917 год несет лозунг «Мир – хижинам, война – дворцам», видя слом старого мира в качестве своей задачи. Ресурсная поддержка в этом случае включает в себя и опору на штыки. Советская модель в дальнейшем также удерживалась с опорой на репрессивный аппарат, который ограничивал как ультрасистему, так и инфраструктуру. При этом естественным был также многоканальный поток нормативной информации, включающий и художественную коммуникацию, которая также управляла правильностью картины мира, отторгая картину мира неправильную.

Адекватными миру были обе картины: и советская, и западная. И та и другая соответствовала своего вида инфраструктуре материального мира. Смена картины мира приводит к смене материальной инфраструктуры. Материальный объект всегда нуждается в системном присоединении, позволяющем задать его интерпретацию. Реклама активно пользуется этим, привязывая, например, жевательную резинку к способности наладить дружеские отношения с противоположным полом. Материальный объект становится частью решения задачи социального порядка.

Бренд, репутация, имидж строятся на попытке присоединиться к одной из таких ультрасистем. Мы подводим индивидуальный объект под уже имеющиеся ценностные линии. В результате наш объект начинает подпитываться энергетикой этой ультрасистемы. Наша задача в доказательстве его принадлежности данной общности, осталь-

ное сделает сам человек, получивший эту информацию. Происходит определенное **переключение ценностей**: ценности чисто физические меняются на ценности нематериального порядка. Верно и обратное: покупая физический объект, я получаю взамен нематериальный результат. Реклама, например, становится определенным «переводчиком» материальных объектов в нематериальные.

Когда сегодня мы заговорили об Америке как об империи, то это тоже является отражением захвата ценностных миров других стран со стороны Америки. Отнюдь не случайно, что сама идея «мягкой» силы также приходит из уст американских исследователей [3]. «Мягкая» сила призвана привлекать, а не принуждать, поэтому основным ее инструментарием становится массовая культура, которая несет в себе в открытом и скрытом виде набор базовых ценностей, в рамках которых развивается сюжет. При этом Дж. Най подчеркивает: «Сообщения и образы передаются частично правительственными действиями внутри страны и за ее рубежами, частично с помощью популярной и высокой культуры. Но те же самые сообщения получают и интерпретируются с разным эффектом разными получателями в разных ситуациях. Мягкая сила не является константной, но чем-то варьируемым от времени и места» [3. – С. 44]. Тут можно возразить, что и жесткая сила зависит от «сопротивления» среды, сквозь которую она проходит.

Возможным вариантом продвижения себя и своих ценностей является не только массовая культура. Так, Норвегия, имея всего 5 млн. населения и не обладая международным языком и транснациональной культурой, четко удерживается в мировом общественном мнении как страна миротворческой деятельности.

Т. Фергусон подчеркивает, что в современном мире в процессе глобализации происходит движение не только капитала или труда, но институций, знаний и культуры [4. – С. 184]. Революция или падение банка может передаваться из одной страны в другую. Однотипно происходит перемещение ультраструктуры, которая движется за счет перемещения своих виртуальных объектов на новые территории.

Ультрасистема пытается расширить свое пространство за счет других символических пространств. Глобализация, которую мно-

гие трактуют как американизацию, является ярким примером этого. Вестернизация часто вписывается как единственный вариант модернизации. Чужие виртуальные объекты первоначально отторгаются. Но при множественности контактов иммунная система данной культуры теряет свою активность. Советский Союз из-за идеологической чувствительности первоначально отторгал западные виртуальные объекты. Вспомним, например, борьбу со стилягами, которая реально была борьбой с чужим виртуальным миром, с чужой ультрасистемой.

Ценностные миры все время находятся в динамике и подвержены достаточным изменениям. Антрополог **Дж. Даймонд** подчеркивает, что успех или падение страны зависит от ее ценностей, каких ценностей она продолжает придерживаться, а какие заменяет на другие [5. – С. 433]. В качестве примера таких замен последнего времени он говорит об отказе Британии и Франции быть независимыми мировыми державами, Японии – от своей военной традиции, России – от коммунизма, США – от расовой дискриминации, подчиненной роли женщин, сексуального подавления.

Понятно, что при таких трансформациях очень важно, чтобы **чужое не становилось чуждым**. Теоретик евразийства **Петр Савицкий** писал: «В восприятии европейских начал русские находятся в наименее выгодном положении. Начала эти создавались без их участия. Здесь они чувствуют себя не мастерами, но учениками. Европейские решения не выросли в их плоть и кровь. Восприятие их будет всегда механическим» [6. – С. 102]. Чужие проекты всегда будут «ломать» ментальность населения, что хорошо видно как во времена Римской империи, так и в периоды вьетнамской или иракской войны, когда «чужое» входит в конфликтные отношения с «местным». В результате даже нужные проекты отвергаются местным населением как чужие.

Сегодня Россия строит свои новые проекты (точнее, не строит, а рассматривает) с учетом своей ценностной составляющей, где всегда звучит не региональный, а глобальный аспект. То есть проектируется вхождение в условно «чужое» пространство. Ультрасистемы могут разворачиваться и сворачиваться вплоть до одного материального объекта. Примером последнего может служить картина.

В ней, как правило, присутствуют две силы, находящиеся в конфликте: арест пропагандиста или Зоя Космодемьянская среди немецких солдат демонстрируют это. Иногда подобной второй силой могут быть силы стихии, природные силы в своих максимальных проявлениях. Свернутые ультрасистемы могут быть «спрятаны» в песнях, музыке, фильмах, текстах, где прошлое хранится бесконечно долго.

Процесс разрушения ультрасистем идет с помощью:

- разрушения имеющейся героики;
- нейтрализации «силовых линий»;
- пересмотра прошлого, причем реально прошлого в ультрасистемах ничего нет, поскольку они обладают высоким уровнем системности, в результате сохраняя все в настоящем (например, как поется в песне «Ленин и теперь живее всех живых»).

Империи, согласно **Ш. Эйзенштадту**, характеризуются тем, что они сами производят символический продукт для периферии [7]. То есть продуцируется одна ультрасистема в большом количестве реализаций, без права на ее изменение другими. Есть определенные канонические тексты, прототексты, ответственность за которые несет столица империи. **Процесс защиты ультрасистемы** идет как с помощью внешнего инструментария, например, репрессивного аппарата, так и за счет внутреннего инструментария, к числу которого принадлежат:

- **моноцентричность** – например, в советской системе самым главным среди людей являлся Ленин, среди организаций – КПСС, среди стран – Советский Союз;
- **удержание канона** (например, новый текст о Ленине не поощрялся), реализации же фиксированного канона, какими бы разными они ни были, не могут испортить сам канон, это вариант соотношения фонемы и звука, языка и речи в лингвистике, пример Ф. де Соссюра: ноты, симфония и ее исполнение;
- **сужение набора характеристик**: процессы разрушения постсоветского времени шли за счет вписывания новых характеристик, например, Зоя Космодемьянская не партизанка, а разведчица, Виссарион Сталин спивался и так далее;
- **запрет на перемещение характеристик**, например, секретарь обкома не мог оказаться шпионом.

Паскаль Бойер подчеркивает, что человек не выдумывал богов, он просто обрабатывал информацию, где были типы когнитивных нарушений (например, «говорящее дерево»), которая приводила его к существованию сверхъестественных существ [8. – С. 161]. Ментальные системы управляются релевантностью получаемой информации. Сама же информация важна как средство делания из нее выводов.

При этом особая роль уделяется одному типу информации, получившей название стратегической. П. Бойер определяет ее следующим образом: «Стратегической информацией является подмножество информации, имеющейся в наличии (для конкретного действующего лица, о конкретной ситуации), которая активизирует ментальные системы, регулирующие социальное взаимодействие» [8. – С. 152].

Вернемся к советской модели мира, получившей уже большой объем научного освещения [9–11]. Эта модель была сформирована достаточно быстро, всего несколько поколений советских людей прошли сквозь ее фильтры. Однотипно с западными герои массовой культуры быстро становились героями социальной жизни. Сталин, например, любил петь песню водовоза из кинофильма «Волга-Волга», причем подкручивал свои усы при этом. То есть объем массовой культуры был таков, что входил в каждый дом. Причем ограниченное количество текстов, особенно сравнивая с сегодняшним днем, прокручивалось множество раз. Сталинская культура – это трансляция одних героев, одного набора песен, одних слов в конце концов бесконечное число раз.

Что разрешает и что запрещает советская модель? Она плохо относилась, например, к любви и другим проявлениям личностного, когда они не были связаны, а тем более вступали в противоречие с требованиями коллективного. В кино любовь всегда была вплетена в производственный процесс.

Советская эпоха – это эпоха сильных людей. Именно им были по плечу определенные «рывки» вперед, определенного рода нелинейные переходы в будущее. Предпочтение по большому счету отдавалось преодолению физического пространства, физических преград, а не пространства информационного или когнитивного. В этом плане ученый более редок как герой массовой культуры. Во

времена хрущевской оттепели появились споры физиков и лириков, но и те и другие не являлись основными героями сталинской эпохи. Советская модель делает базовой единицей пролетария, сюда же следует отнести и классовую борьбу как основание любого движения.

Советская модель осуществляла своего рода цивилизационную миссию, принципиально отбрасывая прошлое. В этом плане все революции, включая оранжевую, очень сближаются. **Прошлое** (в случае необходимости) **интенсивно уничтожается**, для чего придуман разного рода инструментарий, в числе которого:

- переименование площадей и улиц;
- новые названия должностей;
- новые формы организации государственного управления;
- новые ордена;
- новые памятники, при этом сбрасывание старых памятников является характерной приметой подобного интенсификации;
- новая мода, новые типы одежды и поведения;
- создание новых праздников и отмена старых.

Все это попытка уничтожить **точки особой знаковости**. Само уничтожение их не всегда связано с конкуренцией с новыми точками особой знаковости, а часто является отдельным процессом, производимым с особым «сладострастием» в качестве определенной системной мести. Каждая революция создает свою собственную «азбуку», делая «неграмотными» игроков из прошлого мира. В этом плане характерна фраза «А где ты был... (19 августа, во времена оранжевой революции и так далее)?».

Своя цивилизационная парадигма всегда представляется более правильной и прогрессивной. **Алексей Панченко** пишет: «Целью Потемкина было продемонстрировать, что этот обширный край уже практически цивилизован или, по крайней мере, энергично цивилизуется» [12. – С. 419]. Кстати, этот процессный момент также очень характерен для советской истории. Очень часто закладывался просто камень, который должен был символизировать будущий завод, фабрику и под. Будущее материализовалось, становилось зримым.

Процессность вообще, акцент именно на ней характерен для

множества первобытных ритуалов, например, для обряда инициации [8]. При этом сам процесс перехода к новому состоянию обладает особой знаковостью.

Свой собственный набор характерен для каждой культуры, что делает реализацию одного и того же в рамках разных культур разным. Панченко говорит в этом плане о топике культуры: «Культура обладает запасом устойчивых форм, которые актуальны на всем ее протяжении» [13. – С. 251]. Единые в истории всемирной культуры сюжеты могут совершенно по-иному оформляться в каждой из имеющихся культур.

Столкновение ультрасистем может идти как по уровню виртуальному, так и по уровню физическому, который в случае общественной инерции, невосприятия нового возможен только в этой реализации. Например, идеологическая закрытость советского времени разрешала вхождение джинсов, шариковых ручек и других примет Запада именно на уровне вещей. Однотипное движение Панченко видит во времена Петра: «При Петре производство вещей потеснило производство слов. В известном смысле это означало упадок литературы. Естественным было ухудшение стиля, марканизм, изобилие варваризмов. Все это связано с необходимостью называть все новые и новые слова» [13. – С. 248].

Постсоветские процессы в этом плане представляют собой, наоборот, массированное вхождение именно слов (демократия, рынок и так далее), за которыми или под которыми нет реальных объектов, а только их определенные симуляции. Происходит скорее захват когнитивного пространства пока чужими понятиями, за которыми должна последовать соответствующая трансформация пространства физического.

Р. Дебрей также подчеркивает, что передвижение идей опирается на передвижение человеческих тел: пилигримов, торговцев, поселенцев, солдат, посланников [14]. Или такая идея, как роль парижских салонов XIX века в порождении определенных литературных и нарративных структур. Конкуренция идей покоится на конфликтности цивилизаций, которые пытаются все перекрыть на свой лад. Как писал С. Хантингтон: «Каждая цивилизация видит себя центром мира и пишет свою историю как центральный

сюжет истории человечества» [15. – С. 72]. Вероятно, это отражение феномена отторжения чужого, защитная реакция, спасающая «мой» мир.

Сходно защищаются секты, которые также должны ввести и удержать свою миросистему. Психологи подчеркивают следующие механизмы [16]:

- согласие с группой;
- зависимость от лидера;
- занижение чужаков;
- избегание инакомыслия.

Тоталитарные секты интенсивно строят свои виртуальные миры, и пока никто не может им помешать, поскольку в основе такого построения лежит **создание своих и отторжение чужих информационных потоков**. Создаваемый виртуальный мир программирует почти автоматически нужный вид поведения. Однотипно происходит разрушение ультрасистем. Гибель Римской империи была обусловлена двумя видами конфликтов ультрасистем: с варварством и с греческим миром. Рушатся разнообразные старые формы, за которыми следует и новое содержание. «Греческий мир, напротив, пробуждался, и это возрождение также подчеркивало упадок латинян, предвосхищая перенос центра Империи на Восток. Самые лучшие ораторы говорили по-гречески; Плутарх, Эпиктет, Лукиан, историки Аппиан, Арриан и Дион Касий гораздо весомее своих латинских собратьев; Тацит еще избегал эллинизмов, но письма Плиния Младшего пестрели греческими цитатами, а император Марк Аврелий «Наедине с собой» и вовсе написал по-гречески» [17. – С.132]. Овладение чужой формой предполагает овладение чужим содержанием, но это отнюдь не так. Это переход, равный рекламному ходу: надев данные джинсы, ты станешь как кинозвезда. Однако в реальности совпадают только джинсы.

Передвижение идей кодируется в формы, адекватные аудитории и обладающие достаточным уровнем эффективности. Голливуд облакает ультрасистему в гедонистическую форму, облегчающую восприятие. Отсюда следует особая роль формы, которая в ряде случаев может побеждать содержание. Сильная по эффективности форма может усиливать слабое содержание.

Перед нами возникает новая технология, способствующая распространению христианства как новой ультрасистемы. «Церковь, имевшая жесткую структуру, делала из верующих, так сказать, пропагандистов. Выработывалось мировоззрение, в равной мере согласовывавшееся с догматикой, с человеческой природой и с античной философией. Наконец, исключительная интенсивность распространения христианства была подготовлена иудейской диаспорой, поддержана миссионерской деятельностью, усилена идеей мученичества и вернее достигала цели благодаря христианскому братству» [17. – С. 128]. Данная религиозная идеология несомненно соответствовала потребностям целевой аудитории.

Власть также может внедрять в среду своеобразных «нормализаторов», задачей которых является удержание ситуации в заданных властью параметрах. «Опричнина при Иване Грозном, преображенские сержанты при Петре, комиссары в 1920-е годы – все это примеры действия такого рода схемы», – пишет **Ринат Шайхутдинов** [18]. Это также можно трактовать как феномен эксплуатации социальной подсказки, значимость которых резко возрастает в условиях неопределенности [16. – С. 56].

А. Неклесса суммировал ряд видов такого управляющего воздействия в следующем виде [19]:

- рефлексивное управление, учитывающее реакцию тех или иных лиц и групп на ожидаемые события;
- персонализированное управление, ориентированное на мотивацию лиц, принимающих решения либо иным образом существенно влияющих на развитие ситуации;
- рефлекторное управление, основанное на знании системных реакций той или иной популяции;
- методы нелинейного и деструктивного управления, включающие сразу несколько формул эффективной реорганизации реальности.

Кстати, нелинейное управление можно увидеть в любом стратегическом подходе, а не только в том, который несет деструктивную направленность. Ультрасистема создается и удерживается в контексте существования другой ультрасистемы, которой она противопоставлена. Чем сильнее это противопоставление, тем боль-

ше ресурсной поддержки требует такое удержание. В принципе такое представление соответствует теории **Дж. Фиска** о том, что массовая культура противостоит культуре высокой как подавляющей и доминирующей [20]. В таком случае две эти ультрасистемы существуют за счет противопоставленности друг другу.

Виртуализация действительности

Действительность приобретает те или иные черты виртуальности в связи с все возрастающим объемом виртуальности, в рамках которой живет сегодняшний человек. Облегчает этот процесс также и определенная однотипность в организации действительности и виртуальности [21–22]. В этом плане мы можем говорить об определенной **нарративизации действительности**, что также может быть связано с тем, что то, что лучше поддается описанию, а оно носит у нас нарративный характер, лучше запоминается и лучше хранится в памяти, поскольку обладает большим уровнем осмысленности для человеческого мозга. И действительно, любые выборы обладают своим сюжетом, где от уровня столкновения добра и зла мы также опускаемся до конкретных имиджей политиков, например, противопоставленности «хозяйственника» и «политика», что всегда имеет место в выборах Юрия Лужкова.

При этом мы будем иметь разные варианты этой виртуализации для разных культур, например, японской или китайской [23–24]. Кстати, французский оригинал книги **М. Гране** обильно цитирует в своих работах **Сергей Эйзенштейн**. Перед нами возникает иная модель действительности: «Китайцам нравится отмечать не причины и следствия, но странные явления, произрастающие, правда, из одного корня, причем порядок их появления малозначителен. В равной степени выразительные, они выглядят взаимозаменяемыми. Пересыхающие реки, рушащиеся горы, мужчина, превращающийся в женщину, – все это предвестники скорого конца династии» [24. – С. 228]. Или такой пример: «У китайцев нет ни малейшей охоты классифицировать по родам и видам. Они избегают думать с помощью понятий, которые, будучи погруженными в отвлеченное время – пространство, не имеют непосредственной связи с действительностью. Четко определенным понятиям они

предпочитают богатые ассоциациями символы, вместо того, чтобы различать время и пространство как два независимых явления, они склонны помешать наборы своих символов в среду, образуемую их взаимодействием. Они не отделяют Инь и Ян от социальной действительности, ибо те вносят в нее ритмический порядок» [24. – С. 101–102]. Мы видим тип абстракции, которая максимально приближена к действительности, не пытается от нее отделиться, являясь ее частью.

Нарративизация (виртуализация) действительности обусловлена следующим набором факторов:

- возрастающим объемом времени, которое средний человек проводит в виртуальном времени и пространстве;
- заимствованием из виртуального пространства моделей поведения;
- поставкой проблем для обсуждения;
- возможностью конструирования действительности за счет акцентуации тех или иных характеристик виртуальной действительности.

Кстати, сама по себе перестройка шла по модели перехода от виртуальной действительности к реальной, поскольку собственного опыта соприкосновения с западным миром средний человек не имел, зато он имел колоссальный объем знаний о Западе сквозь массовую культуру. В результате сегодня страны СНГ строят какую-то свою особую виртуально-реальную действительность: массовая культура – виртуальный мир – перестройка – смена виртуальностей – виртуально-реальная действительность.

В нашей виртуально-реальной действительности присутствуют все объекты виртуального мира, но они получают реальную реализацию, которая может в ряде случаев быть полностью противоположной заявленной. И это касается всех: от президента до депутата.

Нарративная действительность выполняет ряд функций:

- нейтрализация действительности (в этом, например, была роль христианства);
- трансформация действительности (это делают революции);
- гиперболизация действительности (это свойство художественного типа коммуникации);

- компенсаторная функция (в виртуальном мире человек может проигрывать те роли, которые недоступны ему в реальности).

Например, **С. Эйзенштейн** писал о театре, что он «дает возможность человеку через сопереживание **фиктивно создавать** героические поступки, **фиктивно** проходить через великие душевные потрясения, **фиктивно быть благородным** с Францем Моором, отделяться от тягот низменных инстинктов через соучастие с Карлом Моором, чувствовать себя мудрым с Фаустом, богоодержимым с Орлеанской Девой, страстным – с Ромео, патриотичным – с графом де Ризоором и опрастываться от мучительности всяких внутренних проблем при любезном участии Карено, Бранда, Ромера или Гамлета, принца Датского» [25. – С. 52]. Перед нами возникает иллюзия параллельной жизни, гораздо более интенсивной и явно завышенной, что несомненно и создает тот уровень привлекательности, который характеризует виртуальную действительность.

Расцвет супергероев в США (соответственно комиксов как первых их визуальных реализаций, возникших до кино) также связан с компенсаторной функцией, поскольку в это время США находились в периоде Великой депрессии [26].

Но подобный герой также не всемогущ, **Р. Бакстон** попытался проанализировать те ограничения, которые наложены на героя [27]. В качестве советского примера реализации компенсаторной функции можно вспомнить фильм «Свинарка и пастух», который был закончен в июне 1941 года, и создатели думали о его полном провале в связи с начавшейся войной. Но он с триумфом пошел на экраны осенью 1941 года, а **Алексей Толстой** написал в газете «Правда» о том, что именно за эту свою мирную жизнь сейчас сражаются советские люди.

Все это не проблемы художественной конструкции, это проблемы потребителя данной информации. В своей известной работе «Монтаж аттракционов» **Сергей Эйзенштейн** базисной единицей делал именно зрителя: «Основным материалом театра выдвигается зритель; оформление зрителя в желаемой направленности (настроенности) – задача всякого утилитарного театра (агит, реклам, санпросвет и т. д.)» [28. – С. 57]. И именно это должно объяснить вовлеченность человека в виртуальные миры. Аттракцион в этом плане – это чувственные или психологические приемы воздейст-

вия. Изучение категории «интересного» получает свое развитие и сегодня [29]. Зритель как базовая категория объясняет многие особенности мира вымышленного.

Это иной мир, и живет он по другим законам. **Яков Голосовкер** считал, что причинная последовательность в чудесной действительности лежит вне времени, она вневременна [30]. В этом одно из отличий логики этого другого мира. И действительно, инаковость должна быть одним из источников привлечения внимания. Дубль-мир не представлял бы интереса, поскольку в нем нет такого богатства информации.

Нам также представляется, что имеется два типа более эффективного воздействия: один для индивидуального сознания, другой – для массового. Если **индивидуальное сознание более эффективно стимулируется, то массовое сознание, наоборот, более эффективно блокируется**. Примерами реализации этих особенностей могут служить попытки совершить самоубийства после прочтения книг Николая Карамзина и Иоганна Вольфганга Гете. Это повтор типа одежды («как денди лондонский одет»). Это все более четкое выделение своей целевой аудитории в кампаниях. С другой стороны, блокирующие христианские заповеди сформулированы в негативном модусе («не убий»). В политических кампаниях уже больше 50%, например в США, занимает исключительно негативная реклама. В российских / украинских высоко число тех, кто голосует не «за» кандидата, а отдает свой голос, потому что он «против» его оппонента.

Как удастся соединить эти противоречивые тенденции в одной политической кампании? Общие тексты могут блокировать голоса за оппонента, а тексты, направленные на конкретные целевые аудитории, активировать готовность голосовать за него. Это снова определенная виртуализация действительности, поскольку в кампании действительность не меняется, меняется лишь представление о ней у нужного типа аудитории.

Советский Союз был, вероятно, пионером такой виртуализации тотального порядка. Что можно рассматривать в качестве примет такой усиленной виртуализации? Нам представляется, что в этой роли могут выступить следующие индикаторы, число которых в данный момент составляет пять:

- активное превращение современников в живых героев (например, Паша Ангелина);
- культ личности вождя;
- четко определенные враги;
- усиленная символизация определенных точек времени и пространства (Красная площадь, революция 1917 года, Москва, Мавзолей и так далее);
- усиленная позитивизация определенных профессий (например, военные, трактористы, шахтеры, спортсмены и так далее).

В случае Советского Союза все это было связано с необходимостью совершить определенный прорыв в рамках физической реальности (например, индустриализацию), что и требовало гиперболизации виртуального пространства.

Только предварительное наличие виртуального героя позволяет затем породить в жизни героя настоящего. Но виртуализация в Советском Союзе была тотальной потому, что она входила в жизнь, не оставаясь только на экране кино или в рамках книжной обложки, в результате чего образовывались миллионы врагов народа. Надо было доказывать правильность нарративной схемы, и жизнь ломалась под нее.

Что позволяет создать в стране тот уровень виртуализации, который необходим для активации индивидуального сознания или блокировки массового сознания. Можно представить следующий набор инструментария:

- гиперболизация определенных поступков / людей;
- активная работа «машин виртуальности» (кино, театр, литература, радио);
- жесткое сегментирование мира с целью выделения приоритетных областей, поскольку обо всем говорить невозможно;
- создание активной позиции по потреблению информации (вспомним, что мы были «самой читающей страной в мире»);
- блокировка чужих «машин виртуальностей».

В принципе можно выделить три основные тенденции построения такого инструментария:

- это создание «генераторов» по удержанию и порождению своего виртуального мира;

- это создание «защиты» от чужого виртуального мира;
- это постоянство креативного компонента, позволяющего путем постоянной смены кодов достигать нужного уровня прохождения сквозь «фильтры» сознания индивидуального и массового.

Виртуальный мир, с одной стороны, вроде бы открыт для вмешательства любого игрока, но на самом деле он в достаточной степени замкнут, пропуская только те потоки, которые соответствуют в ряде случаев достаточно жестким требованиям.

Анализ мира, вымышленного на базе мыльных опер, был сделан **Викторией Дубишковой**, где она выделяет следующие особенности [31. – С. 103–104]:

- образы и персонажи – схематичны;
- нет фона или контекста, основная единица – событие;
- цели и мотивы героев не допускают различных толкований;
- информация явно избыточна;
- содержание фильма без труда считывается зрителем, фильм воспринимается не как художественный, а как естественный язык.

Все это говорит о сильной упрощенности героики и сюжетов. Понятно, что массовая аудитория, как, кстати, писал **А. Богданов** в своей «Тектологии», может быть выравнена только по низшим реакциям, поскольку высшие реакции у всех разные. Кстати, и **Умберто Эко** в свое время подчеркивал такую особенность книг о Джеймсе Бонде: много внимания уделяется описанию простых и известных ситуаций, например, тому, как он заводит машину и уезжает. Отсюда можно делать вывод, что если художественная культура ориентирована на новизну, то массовая культура – на повтор, узнавание. Отсюда же известная истина, что восприятию высокого искусства надо долго учиться, в то время как массовое искусство легко воспринимается аудиторией. Понятно, что виртуализировать все общество можно только массовой культурой. Виртуализация с помощью высокой культуры может сработать только в определенном сегменте, в результате чего общество разделится на две неравные половины. В любом случае этот вариант упрощения виртуальной действительности массовой культурой мы можем сравнить с переходом от рукописной книги к книге печатной, когда форма

букв оказалась максимально унифицированной. Сходно мыльная опера определенным образом унифицирует содержание, что опять связано с тиражированием и выходом на массовую аудиторию.

Массовая культура порождает себе подобное не только в головах, но и в других культурных явлениях. Эйзенштейн, например, отмечал, что современный детектив возник на базе переноса атмосферы романа Фенимора Купера из прерий в европейский город, где поиски природные заменяются поисками урбанизированными.

Человек у компьютера также является примером ухода в виртуальную действительность, поскольку в нашей жизни остается только его физическое тело. Он как бы атомизируется, его социальные связи обрываются, он во многом «уходит» из общества.

Проблема виртуализации действительности реализуется также в процессах материализации виртуальных объектов, когда, например, большую часть прибыли создатели фильмов получают от выпуска игрушек, товаров с символикой фильма и так далее. Сильный виртуальный объект порождает бесконечное число своих клонов.

Виртуальная действительность и реальность могут находиться в трех видах отношений:

- **параллельное** существование, например, ирландская мифология не имеет значения для жителей Африки;
- **пересекающееся**, когда виртуальные объекты смешаются в реальный мир или реальные объекты в мир виртуальный;
- **конфликтное**, когда виртуальный мир строится с целью трансформации мира реального.

В определенные периоды виртуальный мир может сворачиваться до нуля, в другие превосходить по значимости мир реальный. **Юрий Лотман** писал о культуре как о множестве кодов. В результате образуется большое число виртуальных объектов, только с малой толикой которых может ознакомиться отдельный человек.

В. Никитаев предложил еще один вариант воздействия виртуального мира на мир реальный – клиополитику как тип политики, идущей от истории и формирующей историю. Он пишет: «**Клиополитика** – это политика, использующая историю (и тем самым ограничивая ее как материалом) в целях определенного переформатирования исторического процесса» [32]. То есть исторические аргумен-

ты и аналогии блокируют один путь развития и способствуют другому. Интересно, что перестройка теперь может пониматься как отказ от своей истории, чтобы вернуться в лоно мировой цивилизации. Чтобы облегчить свои задачи, все постсоветские республики усиленно меняли тот вариант истории, который существовал до этого.

При этом могут использоваться не только события своей собственной истории. Один из лидеров узбекской оппозиции **Мухамед Салих** говорил в интервью грузинской телекомпании «Мзе»: «Мы сейчас работаем над тем, чтобы перевести процессы в мирное демократическое русло. Мы делаем все, чтобы перенять опыт мирных революций в Грузии, Украине и Киргизии» [цит. по: 23]. Сильный игрок пользуется любым инструментарием, в том числе и чужим. Сильный игрок может создавать свой собственный инструментарий, слабый же всегда пользуется чужим.

Правда, есть и психологическое объяснение этого феномена – речь идет о передаче травматического опыта, даже сквозь поколения. **Александр Эткин** пишет: «Сосредоточенность на исторической памяти есть характерная черта постреволюционного, посттравматического времени. Историческая травма, причиненная революцией, продолжает жить, изживаться и пережевываться выжившими. В постепенно ослабевающих формах это состояние передается потомкам. Психологи говорят о межпоколенной передаче травматического стресса и о посттравматическом синдроме как устойчивой черте массовой психики, характерной для обществ, вышедших из революционного состояния» [24]. Но это вновь отсылка не на непосредственный опыт, а на опыт, прошедший определенную обработку, в том числе и процессы виртуализации.

Виртуализация трансформирует и реальность в таких видах ее существования, как, например, поведение человека на сцене. **Сергей Эйзенштейн** говорил о варианте «отказного движения», чтобы оно лучше читалось зрительским восприятием. Нельзя просто уйти через дверь, если до этого не было хотя бы минимального движения от нее [35. – С. 175]. Сходно для получения эффекта крупного плана нужно для этого показать монтажный кусок с явно меньшим размером [36. – С. 200]. В результате мы имеем большую заметность действия.

Виртуализация действительности представляет собой замещение определенных сегментов реальности виртуальными объектами. Оперирование с ними заменяет у человека потребность обращаться к реальному миру. И даже в реальном мире он начинает вести себя по рецептам мира виртуального, который всегда будет привлекательнее из-за своей яркости и эмоциональности. В принципе мы все различны именно за счет своего собственного виртуального мира, поскольку мир реальный тяготеет к повторяемости.

Теория скандала и ее использование в политике

Политики часто находятся в состоянии войны, поскольку они борются за наиболее ограниченный ресурс – власть. Мы можем увидеть три основных вида такого воздействия, под которое может попасть любой политик:

- критические замечания;
- конфликтное противостояние;
- скандал.

Любое из этих действий, как правило, не является случайным, в его основе всегда лежит тот или иной вариант отклонения в поведении политика. Скандал также покоится на распространении информации о деятельности, которая выходит за рамки нормы, не только уголовно наказуемой, но и норм морального порядка. Такого рода действия всегда заинтересуют широкую публику, в результате чего скандал и политик становятся в центре дискуссии.

Скандал занимает особое положение еще и по той причине, что хотя это и сверхважное событие, но мы не являемся участниками его, а только наблюдателями, чего не было, например, в случае ГКЧП, где всем пришлось быть участниками.

Под обстрел критических замечаний попадают все политики, в скандал – единицы. Ситуация с сыном Виктора Ющенко в июле 2005 года уже перешла именно в эту третью стадию. Все это было в той или иной степени известно публике и до этого. Вспомним, например, критические замечания **Татьяны Коробовой** на сайте «Обозреватель» по поводу того, что хорошо бы президенту лучше смотреть за своим сыном. Но скандал характеризуется **механизмом резонан-**

са, когда та или иная информация подтверждает ходящие в обществе слухи. В результате становится несущественным, пользовался ли действительно член Политбюро Г. Романов сервисом из Зимнего дворца, важно то, что это отвечало отрицательным ожиданиям населения. Кстати, в прошлом и Иосифа Сталина, и Никиту Хрущева пытались дискредитировать также поведением их сыновей.

Напомним, что сына Виктора Ющенко обвинили в следующем:

- он ездит на «Мерседесе» стоимостью более ста тысяч евро;
- пользуется мобильным телефоном стоимостью больше десяти тысяч долларов;
- сорит деньгами в ресторанах;
- живет в пентхаусе площадью 200 квадратных метров в самом престижном районе Киева;
- нарушает правила дорожного движения.

И лишь вскользь стрелы пошли в сторону президента: не являются ли подарки такого рода вариантом коррупции? Сам же президент в оправдание сына говорил о том, что все это тот взял в аренду у приятеля. И тем самым автоматически оказался втянутым в этот скандал уже не как сторонний наблюдатель, собственно говоря, как отец он уже не мог быть сторонним.

Скандал имеет в своей основе еще одну составляющую – его **драматургия** требует, чтобы обвиняемый принялся защищать неправомерные действия, что только подчеркнет дополнительно его аморальность. Без развития сюжета, без новых материалов скандал может выдохнуться, а так сам обвиняемый включается в поддержание огня.

Скандал является наиболее облегченным вариантом входа в массовое сознание. Это своего рода аналог триллера, детектива для массового сознания. На фоне мыльных опер, которые порождаются политиками, скандал выгодно отличается своей зрелищностью.

Сильный игрок порождает сильный виртуальный мир, который может трансформировать мир реальный.

По сути и БАМ, и целина также требовали предварительной виртуальной подготовки. Там происходит героизация действительности, в случае скандала – негативизация, где результатом становится появление антигероев.

Какие составляющие важны для создания и удержания противостояния в форме скандала? Перечислим их в следующем виде:

- наличие двух активных игроков – обвиняемого и обвиняющих, при этом часто политические акторы прячутся за представителями массмедиа;
- попадание на чувствительную сферу для обвиняемого, что предполагает стимуляцию неверных шагов с его стороны;
- работа в области, представляющей интерес для массмедиа и массовой аудитории.

Из перечисленного четко прослеживается развитие ситуации, которое состоит из следующих стадий:

- **этап первый** – создание обвиняемого путем обнародования информации;
- **этап второй** – неудачная попытка уйти от обвинений;
- **этап третий** – раскрутка скандальной ситуации с постоянным расширением включенных в обсуждение журналистов, политологов и политиков;
- **этап четвертый** – очередная неудачная попытка уйти от обвинений, которая также становится очередным обвинением;
- **этап пятый** – фиксация негатива на обвиняемом на долгие годы.

Подобная динамика покоится на том, что одна из сторон жестко удерживает свою версию происходящего, не давая возможности другой стороне повлиять на нее. Именно определенного рода драматургия требует наличия не одного, а нескольких неправильных шагов со стороны обвиняемого. Например, в случае Виктора Ющенко уже нельзя закрыться тем, что это же не сам президент, а его «неправильный» сын, поскольку уже Ющенко-старший заговорил о «морде журналиста».

Развитие скандала движется по все большему охвату разнообразных массмедийных каналов:

- **первый уровень:** разовая информация (утечка);
- **второй уровень:** обсуждение в интернет-изданиях;
- **третий уровень:** изложение в телевизионных новостях;
- **четвертый уровень:** анализ в прессе;
- **пятый уровень:** включение западных СМИ в освещение этого скандала.

Постепенно, шаг за шагом отрицательный факт становится известным всем, любые действия по его опровержению вызывают раздражение.

Осуществляется переход от узкого знания к широкому, когда факт становится достоянием массового сознания: он пересказывается и обсуждается. Вопрос теперь состоит только в том, чтобы не ограничить его дальнейшее распространение, а найти выход в виде завершающей точки. Распространение при этом осуществляется по двум направлениям:

- с учетом охвата все более широкого круга;
- с учетом быстродействия по передаче информации.

В прошлом охват и быстродействие противопоставлялись друг другу: большой охват предполагал малое быстродействие. Сегодня в связи с интернет-технологиями и телевидением все стало взаимосвязанным: например, первую статью в «Украинской правде», кстати, получившую привлекательное название «Андрей Ющенко, сын Бога?», прочло сразу 70 тыс. человек.

Внимание к данной теме обеспечило несколько составляющих. С одной стороны, тема моральности, семьи является ключевой для Виктора Ющенко, а здесь она получает противоположный тип реализации, namely явное нарушение. То есть «удар» наносится именно в центр его системы ценностей. С другой, сам Виктор Ющенко включил механизмы развития темы, поскольку активно включился в борьбу против журналиста. И снова это произошло из-за личностного характера обвинений.

Как спастись в подобных ситуациях? Необходимо сразу ответить, что четких решений нет, это не арифметическая задача. Можно говорить о рецептах, которые могут помочь, но и они не являются аксиомами. Они таковы:

- не опровергать то, что может быть впоследствии доказано обвиняющей стороной;
- остановить распространение;
- заложить сомнение в достоверности самого сказанного;
- не ссориться с журналистами, поскольку конфликт сразу получит дополнительную энергетiku;
- попытаться ввести в оборот новую конфликтную ситуацию, чтобы уйти от внимания к данной теме.

Скандал же с точки зрения того, кто его организывает, должен постоянно переводить ситуацию с тактического уровня на уровень стратегический, когда случайная ошибка должна стать системой.

Украинская политика в качестве борьбы с обвинениями активно пользуется ходом «сам дурак»: и Виктор Ющенко назвал журналиста «киллером». И секретарь совета национальной безопасности и обороны Петр Порошенко, и Виктор Ющенко однотипно заговорили о заказном характере конфликтов вокруг себя, чем попытались внести сомнение в достоверности происходящего. Интересно и то, что эти пресс-конференции происходили с интервалом в один день.

В случае с отсутствием диплома о высшем образовании (то ли вообще, то ли конкретного юридического) у министра юстиции Р. Зварича тактикой ответа стало простое затягивание и нереагирование на уколы прессы, которая не смогла удерживать внимание на этом вопросе долгое время.

Еще одной характерной приметой построения опровергающей аргументации в случае сына Виктора Ющенко стала **замена объекта обвинений**: реальные обвинения в коррупционности этих действий сменились обвинениями в нарушении правил дорожного движения. Министр внутренних дел **Юрий Луценко** в прямом эфире канала «1+1» даже выписал квитанцию на сумму 17 гривен, потом, правда, многие СМИ подчеркнули, что это также было нарушением, поскольку подобное действие мог сделать только инспектор на месте происшествия.

Таким же вариантом скрытого ухода от обвинений путем замены, переформатирования ситуации стал акцент на состоявшемся «мужском» разговоре между сыном и отцом.

Очень раздражающе выглядели разного рода **нестыковки** в этих объяснениях: пресс-секретарь президента говорит о якобы управлении автомобилем – министр выписывает квитанцию за нарушение правил; студент дневного отделения третьего курса, даже работая в двух фирмах, не может закрывать подобные расходы; сумма аренды пентхауса звучит как несколько сотен долларов, в то время как она должна составлять несколько тысяч долларов; владелец автосалона в соседней стране, где был куплен автомобиль

«Мерседес», поменял свою интерпретацию того, кто именно был его покупателем.

Эти нестыковки связаны с тем, что в процессе скандала имеют место ускоренные обмены информацией, к которым оказываются не готовы стороны. Образуется дефицит информации, который заполняют те, кто успеваеет вбрасывать свою версию событий.

В этом плане справедливо звучит название одного из подразделов в учебнике по PR А. Чумикова и М. Бочарова: «Версия – ключевой момент в нейтрализации последствий ЧП» [37]. Версия трактуется как способ взять под информационный контроль решение проблемы. При этом кризисная ситуация характеризуется делением на «героев» и «антигероев», требуется самому задать это деление, чтобы оно не оказалось навязанным со стороны.

Однако данный скандал четко демонстрирует, что чисто количественно проблема не решается, массовая аудитория принимает решение не по тому, сколько людей выступит на чьей стороне. Решение лежит не просто в ресурсной поддержке. С. Эйзенштейн писал о постановке Р. Вагнера, что надо проникать не только в характер персонажей, но и в характер того сознания, который создавал эти мифы [38. – С. 207]. В стрессовой ситуации мы всегда переходим от сложной модели мира к простой черно-белой.

В определенный период развития скандала новизна уже исчезла. Все стороны проявили себя. Журналисты отправили свое требование президенту о необходимости принести извинения, президент направил письмо журналисту «Украинской правды», сын президента дал интервью газете «Украина молода», где была сделана попытка также занизить статус конфликта, переведя его на уровень домашних разборок.

Главной «спасающей» характеристикой для Виктора Ющенко является тот кредит доверия, который у него имелся. При этом политолог **Владимир Малинкович** в передаче по каналу КТМ (2005, 28 июля) перенес часть вины за случившееся на самих журналистов, которые сделали из кандидата в президенты не совсем то лицо, которым он является в действительности. То есть одним из вариантов защиты следует считать не только **прививку к отрицательным событиям**, но и создание **определенных защитных схем**, которые не по-

зволяют в дальнейшем привязывать к политике отрицательную информацию. Советник большого числа американских президентов **Дэвид Герген** вспоминал слова, сказанные ему о правлении Рейгана Р. Верслином, что Рейгану удалось установить связь в головах людей между его словами и делами [39. – С. 227]. Нечто подобное по уровню защиты было и в случае с Биллом Клинтоном.

Американская политика времен Клинтона ушла от скандала с Моникой Левински. Посмотрим, как именно им это удалось сделать. Советник Билла Клинтона **Дик Моррис** свою максиму по этому поводу сформулировал как «суть важнее скандала». Клинтон фиксировался населением как занимающийся решением проблем, в этом случае его личные качества отступали на второй план. Как пишет Д. Моррис: «Утрата скандалами своего значения связана опять же с переходом от репрезентативной модели демократии к прямой, джефферсоновской. Люди куда меньше озабочены абстрактными качествами кандидата, нежели тем, что он сделает для улучшения их собственной жизни. Они будут судить о нем не по его свойствам и качествам, а скорее по тому, как он работает над решением их проблем» [40. – С. 35].

Президентство Билла Клинтона отличалось тем, что он все время уделял внимание тому, что его критики называли непрезидентской работой. Он опустился в решении конкретных проблем на уровень губернатора, но тем самым его участие становилось заметным и видимым всем. В результате именно эта сумма его качеств победила обвинения.

Г. Курц говорит о стратегии Белого дома в этом случае как об уклонении и задержке [41]. Но одновременно понятно, что этот тип стратегии имеет свои пределы, все равно рано или поздно придется дойти до конца. Молчание не всегда является золотым, подчеркивают некоторые аналитики [42].

Советник Клинтона **Джордж Стефанопулос** подчеркивал, что в момент появления обвинений со стороны Пола Джонс его задачей было ограничить распространение ее пресс-конференции по телевидению, чтобы сделать ситуацию однодневной, а не долговременной, а также внести сомнения в достоверность сообщаемых ею фактов по обвинению Билла Клинтона [43].

В результате мы можем построить идеальную модель вхождения в скандал и выхода из него. В первом случае имеем следующий набор действий:

- отбор виртуальной или реальной характеристики;
- завышение ее статуса в системе ценностей;
- приписывание ее оппоненту;
- удержание ее в массовом сознании как характерной для оппонента.

Это типичная работа с негативом, которая активно применяется во всех избирательных кампаниях, где объем негатива, например, в рамках американских выборов перевалил уже через половину всех материалов.

Во втором случае имеем следующий инструментарий:

- задержка во времени с реагированием;
- переформатирование ситуации в более положительную сторону;
- ограничение распространения;
- внесение сомнений в достоверность негативной информации;
- введение негатива в образ обвинителей (например, заказной материал, оплаченная статья и так далее).

При этом следует сразу же снять обвинения в адрес журналистов, поскольку работа с негативной информацией является их профессиональной обязанностью. Как подчеркивает в одном из своих интервью **Леонид Парфенов**: «Если бы журналисты не разглашали тайны, то никто не узнал бы о зверствах в тюрьме Абу-Грейб. [...] Если журналисты не разглашали бы тайн, то мы никогда не узнали о ГУЛАГе, о Чернобыле, о бомбардировках Югославии – это все являлось тайной» [44]. Это важно подчеркивать, поскольку именно давление на журналистов (формальное и неформальное) становится главным фильтром на пути негативной информации к широкой аудитории.

И это не только свойство стран СНГ, что мы якобы не доросли до подлинной политики и подлинной журналистики. Из последних скандалов такого рода можно упомянуть слушания парламентской следственной комиссии в Польше, которые даже транслировались по польскому телевидению, где **Иоланта Квасьневская** отчитывалась о работе своего фонда «Согласие без барьеров», в рамках ко-

торого проходили сомнительные операции. Например, ирландская фирма внесла в фонд 500 тыс. злотых, а затем купила цементный завод в польском городе Ожаров [45].

Смерть Георгия Гонгадзе, также являющаяся одним из скандальных эпизодов новейшей украинской истории, имеет версию искусственного втягивания в эту ситуацию президента Леонида Кучмы. Георгий Гонгадзе не был столь опасным журналистом, но он мог быть избран на роль такой жертвы. Когда конфликтная ситуация была четко зафиксирована на пленках Николая Мельниченко, произошли кровавые события. Здесь разворачивание ситуации шло следующим образом:

- создание конфликта;
- фиксация конфликта на пленках;
- исчезновение Гонгадзе;
- раскрутка ситуации в СМИ.

Возможно, что в данном случае чисто вербальный конфликт материализуется, становясь в результате фактом обвинения. Виртуальная ситуация получает реальное подтверждение, хотя она конструируется независимо от желания основных действующих лиц.

Записи **Николая Мельниченко** являются источником бесконечного числа скандальных ситуаций, являясь в определенной степени вариантом утечки информации или их аналогом. Аналитики подчеркивают, что когда утечка попадает в публичные информационные потоки, будущее развитие уже не может быть проконтролировано [42]. Сегодня Мельниченко выдает на-гора уже разговоры представителей нынешней украинской власти с бывшим президентом, создавая потенциал новых скандальных ситуаций. Правда, чувствительность массмедиа и населения к ним уже потеряна.

Все это кризисные ситуации, где власть не имеет принятых и удобных моделей поведения. Следует также упомянуть опыт одного из глав администрации Белого дома времен Билла Клинтона **Э. Баулса**, который о своем опыте работы со скандалами говорил следующее: «Моей целью было изолировать их в администрации Белого дома как можно сильнее и ограничить как можно серьезнее число людей, которые будут иметь дело с вопросами прессы»

[46. – С. 70]. Он также выстраивает следующий набор действий в случае кризисных ситуаций в целом:

- взятие ситуации под контроль;
- получение наиболее точной информации;
- создание команды по работе с кризисом;
- проведение брифингов для президента, прессы и широкой аудитории, чтобы показать, что именно происходит.

Сложность всей кризисной ситуации задается следующими словами [46. – Р. 71]: «Проблема состоит в том, что вы начинаете получать множество неверной информации, начинает циркулировать множество слухов, пресса немедленно бросается в Белый дом, чтобы определить, что именно происходит». То есть опасным становится не только отсутствие информации, но и ее избыток, поскольку тогда нет возможности определять ее точность. Создаваемый информационный вакуум, поскольку в кризисе всегда ощущается дефицит реальных интерпретаций, начинает усиленно заполняться всеми участниками.

Следует также всегда помнить, что главным обвинением Клинтона стала его ложь, а не прелюбодеяние, что говорит о том, что **методы выхода из скандальной ситуации могут принести больше вреда, чем сама скандальная ситуация**. В этой области можно увидеть и отличие политической войны от войны обычной. Как справедливо заметил **Дж. Питни**: «Если бы война и политика были однотипными, тогда великие генералы становились бы великими политиками» [47. – С. 19]. Получается, что политическая война представляет собой не только войны, но и одновременно процессы по достижению мира. Скандал является инструментарием войны, где потерей становится не жизнь, а власть, реальная юридическая или моральная. **Современные политические войны ведутся как раз за доказательство легитимности / нелегитимности власти**. Поскольку нелегитимная власть может быть смещена.

Для этих целей создается разрыв стабильности именно в поле, обеспечивающем легитимность. Скандал как инструментарий именно этого рода характеризуется следующими особенностями:

- введение элементов неуправляемости, демонстрируемых властью;

- подталкивание власти к ошибочным действиям;
- вовлечение как можно большего числа людей в число свидетелей этих процессов.

Эта **слабо управляемая среда** создается вполне объективно, чему способствуют следующие факторы:

- создание опровержения всегда является более сложным процессом, чем создание обвинения;
- продвижение негативной информации более соответствует моделям функционирования массмедиа, чем продвижение позитивной информации;
- население всегда предрасположено стать на сторону оппозиции власти.

Продолжительность поддержания информационной версии скандала в СМИ является степенью отражения существования протестного потенциала в обществе. Власть несколько раз пыталась завершить скандал в случае сына Виктора Ющенко. В первом случае это было эмоциональное высказывание самого Ющенко, которое привело к переводу скандала на новый уровень, что позволило, например, **С. Тарану** сказать следующее [цит. по: 48]: «Демонстрация такого отношения к журналистам со стороны президента свидетельствует о том, что он перестал быть национальным лидером, а стал обычным политиком, хотя и популярным, однако не таким, который мог бы служить моральным гарантом для общества». Кстати, **Дэвид Герген** анализирует американских президентов по тому, как они сами могут выдвигать героическую планку, а затем соответствовать или не соответствовать ей [39].

Второй вариант завершения был сделан ответной массивированной «атакой» власти с разъяснением позиции президента, где делалась попытка перевода ситуации в конфликт отца и сына, с одной стороны, и в конфликт уровня нарушения правил движения, с другой. И третий вариант разрешения возник, когда Виктор Ющенко позвонил журналисту «Украинской правды» С. Лещенко из Крыма.

Следует признать, что полное завершение скандала такого уровня представляется проблематичным. О нем могут просто временно перестать говорить, но он уже вышел на уровень факта, на ко-

торый сторонники Ющенко могут закрывать глаза, а его противники всегда смогут реанимировать.

Скандал является сложным инструментарием воздействия, поскольку в результате его применения возрастает элемент неуправляемости, поэтому применение его всегда связано с работой на проходящие или будущие выборы. При этом естественные процессы начинают искусственно удерживаться и иногда гиперболизироваться, чтобы достичь в результате нужного вида воздействия на массовое сознание, сквозь фильтры которого, условно говоря, может пройти только плакат, но не акварель.

Скандал представляет собой работу с долговременными единицами, например ценностями. Билл Клинтон отбивался от атак из прошлого. Ситуация с Моникой Левински, как считают некоторые аналитики, хоть и не принесла в результате импичмент Клинтону, но в долговременной перспективе она приостановила тренд демократического президентского правления в США. Кстати, республиканцы приходят во власть, неся на своих знаменах моральные ценности.

У политика есть три варианта реагирования на негатив: сокрытие, отрицание, покаяние. При раскручивании скандала он, как правило, проходит все эти три типа, пытаясь уклониться от развития скандала, который все равно настигает его.

Попавший в эпицентр скандала политик начинает вести себя не всегда адекватно. Аналитики вообще говорят о поведении политиков как о варианте ограниченной рациональности, поскольку существует множество отклонений от абстрактной рациональности [49]. Но особенно следует говорить, вероятно, об ограниченной рациональности избирателей. Именно так можно трактовать формулы **Дик Морриса** по поводу скандалов Б. Клинтона: «Общественные ценности побеждают частный скандал» [50. – С. 515]. То есть на первое место выходил президент, решающий проблемы своих избирателей. Если он делает это хорошо, то избиратели теряют интерес к его частным делам.

В то же время ценности со стороны республиканцев носили негативные формулировки [50. – С. 208]: анти-геи, анти-секс, анти-матери-одиночки, анти-аборты. И это затрудняло их продвижение

в массы, поскольку, вероятно, даже по уровню абстрактности они оказались сложнее для восприятия.

При этом использовались приблизительно такие же методы, как мы сформулировали выше. Например, по поводу скандала Уайтуотер Д. Моррис дал в 1996 году следующий набор советов президенту [50. – С. 285–286]:

- по мере нарастания атак увеличить публичное внимание к вопросам ценностей;
- акцентировать связи между прокурором Старром и его табачными клиентами;
- самому президенту никогда не упоминать Уайтуотер или любой другой скандал, предоставив все юристам.

Реально перед нами происходит выстраивание защиты. Задачей атаки является создание разрыва в имидже, задачей защиты – усиление связности. Вспомним, что политик всегда и везде должен быть хорош: сильный политик, хороший семьянин, умелый хозяйственник. Атака разрушает эту идилию. Сильный политический актер удерживает этот защитный щит, слабый допускает пробоины.

В заключение приведем качественную фразу советника Б. Клинтона Дика Морриса по поводу подарков, которые, как мы видим, часто являются сопутствующим элементом скандала [51. – С. 176]: «В политике нет ничего страшнее подарка. Он может невинно лежать на столе в приемной в качестве знака внимания от подлинных друзей. Но так ли это? Или это набор фарфора, или дорогая лампа, или роскошная сумка для гольфа – а может, претензия на влияния?»

ВИРТУАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА РЕВОЛЮЦИИ

Ж

Иллюзии, иллюзии...

ЖЕЛАЕМЫЙ ОБРАЗ будущего накладывается на действительность. Затем следует усиление тех его частей, которые соответствуют этому образу, и борьба с теми компонентами, которые отклоняются от этого образа. Подобный образ будущего функционирует по отношению к массовому сознанию как иллюзия кино.

Перед нами два сходных вида иллюзий:

- **иллюзия кино:** реализация желаний в виртуальном мире;
- **иллюзия революции:** реализация желаний в реальном мире.

И кино, и революция работают в рамках сходных нарративных структур, где есть злодеи, герои, жертвы, чем сразу завышается эмоциональный накал особого типа включения в действительность. В случае оранжевой революции в Киеве возникали ссоры в транспорте, в семьях и так далее, что говорит о необычайно высокой включенности в действие массового сознания.

При этом формировался и удерживался как образ «**падающей власти**», так и образы «**смелых революционеров**». Власть портретировалась как бандитская, преступная и так далее, оппозиция – как честная и чистая. Поскольку революция – это столкновение на уровне плакатов, а не акварелей, то краски, которыми рисовались эти силы, были максимально яркими. В сумме это выросло в решающее столкно-

вание Добра и Зла. И так как телевидение играло решающую роль в выдаче всей этой информации, то и эти образы должны были материализоваться в визуальной форме. На площади стоял много-миллионный народ, что усиливалось поднятыми вверх названиями населенных пунктов. Интересно, что майдан Незалежности имеет площадь всего 124 386,2 квадратного метра [1].

По отношению к другой точке, а она всегда будет находиться в будущем по отношению к данному времени, могут существовать два вида операций:

- операции ускорения;
- операции замедления.

Мы можем стараться приблизить момент будущего, а можем хотеть затруднить его приход, проделывая ради этого ряд действий.

Виртуальность призвана выполнить следующий набор задач:

- создать конкретный образ будущего (например, «бандиты должны сидеть в тюрьмах», лозунг оранжевой революции, Киев, 2004 год);
- усилить желание массового сознания;
- увеличить веру в свои возможности.

В этой ситуации резко увеличивается объем конструкций с будущим, поскольку происходит резкое смещение в будущее. Находясь в настоящем, все теряют связь с ним, оперируя будущим. Пишутся указы первых дней правления, составляются списки будущего состава кабинета министров и так далее, лелеются варианты наказания врагов.

Это все определенные знаки будущего, разбросанные в настоящем, в сумме дающие определенный кумулятивный эффект. Они постоянно подтверждают правильность избранной интерпретации. Вся эта виртуальность характеризуется определенным смещением, поскольку отбираются только те объекты и действия, которые соответствуют этому смещению, которое можно охарактеризовать таким образом:

- по времени – смещение в будущее;
- по своим объектам – смещение в позитивные характеристики, что в случае лидеров вообще уходит в максимальное завышение;
- по оппонентам – смещение в негатив.

Наборы функционирующих знаков можно разбить на следующие группы:

- знаки приближающейся победы;
- знаки благ, которые получают победители;
- знаки демонизации противника;
- знаки слабости противника;
- знаки силы своей стороны.

Реально все это неоднозначные знаки, но контекст начинает интерпретировать их так, как это требуется с точки зрения получателя информации, который не хочет обращать внимание на имеющуюся неоднозначность.

В случае работы массового сознания или в ситуации массовых процессов индивидуальное сознание не в состоянии обращать внимание на процесс неоднозначности, поскольку в этих условиях начинает действовать черно-белая логика, которая больше опирается на стереотипы, чем на реальность.

Виртуальное пространство может существенным образом быть откорректированным для того, чтобы заставить сделать определенные действия в пространстве реальности. В самом общем виде эти операции можно представить в следующем виде:

- **добавление фиктивного объекта;**
- **опущение реального объекта путем потери его виртуального коррелята;**
- **изменение реальных объектов и процессов в нужную для коммуникатора сторону.**

К примеру опущения можно отнести работу американских пропагандистов в процессе создания фильма по поводу сбитого советским истребителем корейского лайнера, когда из переговоров пилота были стерты все предложения, говорящие о его сомнениях: «Наша версия не оставляла сомнений, что Советы сбили корейский авиалайнер в полном спокойствии и без предупреждения, зная, что это был гражданский самолет» [2]. В результате из прослушивания возникает чистая ситуация боя, которого на самом деле не было. Возникает коррекция когнитивного пространства, дающая возможность потребителю этой информации самому сделать новый вывод о виновности.

Примером добавления фиктивного объекта может быть российский спецназ, слухи о существовании которого распространялись во время оранжевой революции в Киеве, хотя и не получали подтверждения.

Примером изменения объекта может стать преобразование СПИДа в особое этническое оружие, которое якобы было придумано США против черного населения Африки [2. – С. 104].

В этом случае из реальности берется известный всем СПИД, но которому теперь приписывается в рамках виртуальности характеристика этнического оружия, вышедшего из спецлабораторий США.

Трансформируя виртуальность, что очень хорошо получается при наличии всем известного объекта реальности, о которой мы не обладаем четким знанием, можно создавать направленность будущей трансформации реальности (см. рис. 54).

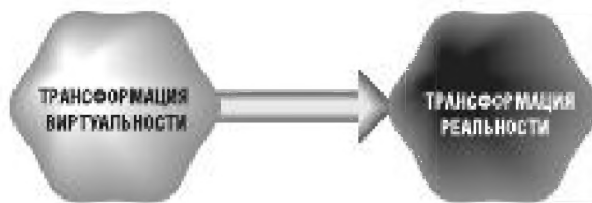

Рис. 54. Будущая трансформация реальности

Виртуальность теперь работает ради следующего шага, а не в функции ожидаемого всеми отражения реальности. Это трансформация реальности, а не ее эквивалентность. Возникает два варианта такого взаимодействия:

- виртуальность эквивалентна реальности;
- виртуальность трансформирует реальность.

Примером таких «трансформаторов» являются «мир – хижинам, война – дворцам» из революции 1917 года и «Ющенко – народный президент» из оранжевой революции 2004 года. Виртуальность в этом случае строится по модели опережающей реальности.

Будущее здесь возможно в двух вариантах: то, к которому действительно стремятся, и такое, куда пытаются завлечь оппонента, то есть как бы информационная и дезинформационная подсказка.

Американские «звездные войны» относятся ко второму типу. Э. Снайдер говорит, что американская СОИ (стратегическая оборонная инициатива) была чистой мистификацией [2. – С. 121]. Но она была направлена на реальность – на разрушение экономики СССР.

Получается, что в ответ Советский Союз начал бороться с виртуальностью как в области протестов, так и в области разработки вооружений. То есть дешевый виртуальный шаг вызвал как свое противодействие дорогие реальные шаги.

На встречу в верхах в Рейкьявике ЮСИА послало 40 специалистов по паблик рилейшнз – это больше, чем число приехавших специалистов из госдепартамента и министерства обороны [2. – С. 168]. Если перевести в обсуждаемые термины, то число специалистов по виртуальности превосходило число специалистов в области реальности.

Советский Союз пытался воздействовать сквозь виртуальность на реальность практически однотипно. В интервью в «Комсомольской правде» Э. Снайдер подчеркивал, что Советский Союз только на кампанию против нейтронной бомбы затратил огромное количество средств, и она принесла успех – президент Джимми Картер отказался от этой идеи [3].

Утечка, в которой рассказывается о будущем событии, также может рассматриваться как способ воздействия на реальность уже сегодня, ведь самого события на данный момент нет. Так, днем и утром 14 декабря 2004 года телевизионные новости рассказывают о том, что глава администрации президента Украины Виктор Медведчук подал заявление об отставке, что сразу стало предметом внимания и комментирования. К вечеру те же новости сообщают о неправдивости данного сообщения.

Сознательная утечка информации может иметь следующие последствия:

- определение будущего реагирования;
- расширение возможностей для дальнейших действий.

Резко завышенной эта утечка стала потому, что ее источником стал первый президент Леонид Кравчук.

Как видим, в этом и подобных случаях происходит **смещение действительности в направлении, заданном и определяемом виртуальной**

плоскостью. Действительность как бы уходит от своих реальных целей, они для нее перестают быть существенными.

В случае сознательного создания неадекватных виртуальных целей (дезинформации) возникает следующий набор результатов:

- трата ресурса (часто дефицитного) в настоящем без возможности получить компенсацию в будущем (пример: вариант «звездных войн»);
- уход от реальных целей, при подобном запаздывании образуется невозможность наверстать упущенное;
- раскол всей общественной системы из-за признания / непризнания данного набора виртуальностей;
- уничтожение пассионарной части общества, ушедшей в сторону фиктивных целей (пример: вариант «пусть расцветают все цветы» председателя Мао, дающий затем возможность уничтожения потенциальных противников режима).

Уводит общественное внимание в правильную или неправильную сторону не только разовая демонстрация новых вариантов развития, но и последующие ее изменения, образуя соответствующий каскадный эффект, когда система В возникает на фоне системы А, а система С вытекает из системы В и без нее невозможна.

Это четко видно на продвижении перестройки как очередного типа революции, которую прошло наше общество. Там было не одно направление каскадного эффекта, а целый ряд, что можно обозначить как параллельное движение (см. рис. 55).

Рис. 55. Продвижение перестройки как очередного типа революции

В результате все сходилось в образ «империи зла». Но интересно, что только тронув «канонические» характеристики, на следующем этапе получалось вписывание новых характеристик отрицательного толка (см. рис. 56).

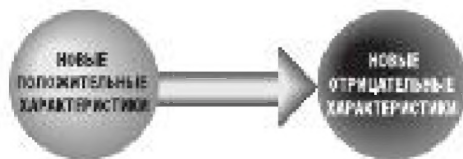

Рис. 56. Вписывание новых характеристик

Другими вариантами разрушения старой системы были такие, которые интересны именно тем, что удар в этом случае наносился не по отдельным объектам, а по системным, которые удерживали эту систему от последующей неуправляемой трансформации. Это системные объекты и системные правила, потому что именно они, по теории Джина Шарпа, являются основными «опорами поддержки» (pillars of support).

Разъединение системы. Разные сегменты начинают двигаться и соответственно разрушаться с разной скоростью. Такие объекты, как ЦК КПСС и КГБ, подвергались наибольшему давлению, что прямо или косвенно направлено на блокирование их работы. То есть юридическое существование этих структур происходит, а реального функционирования уже нет.

Метаразрушение. Разрушение метауровня – это разрушение правил. Это, как нам представляется, самый серьезный вид разрушения, поскольку несоответствие действительности фактам может быть исправлено признанием данного несоответствия исключением, чего нельзя сделать в случае несоответствия правилам. К этому типу разрушения следует отнести нарушение типажа героинки, как в прошлом (Павлик Морозов или Зоя Космодемьянская) или в настоящем. Даже простое выдвижение нового типажа для построения героических нарративов (например, предпринимателя вместо токаря) должно было заставить старых героев немного подвинуться.

И самым главным при этом становится **построение нового нарратива** вообще, поскольку в обществе функционировало несколько слоев нарративов, связанных с разными историческими периодами, которые постепенно «изнашивались». Например:

- революционные солдаты и матросы 1917 года и Владимир Ленин;
- узкоколейка Павла Корчагина и строители Магнитки;
- политрук и боец Отечественной войны со стертой впоследствии ролью Иосифа Сталина;
- целинники и Никита Хрушев;
- космонавты и Никита Хрушев;
- Малая земля и Леонид Брежнев (в данном случае пришлось вернуться к прошлому, чтобы закрепиться в настоящем);
- прорабы перестройки и Михаил Горбачев.

Как видим, каждое главное действующее лицо входит вместе со своим контекстом и со своими типажам героики. В одном случае это человек с ружьем, в другом – с тачкой, в третьем – у компьютера. В одном случае это секретарь обкома, в другом – диссидент. Интересно, что и депутаты формируются однотипно: то из партийных работников, то из диссидентов.

Реальное развитие событий

Когда система работает на стабильность, идет опора на соответствующий типаж героики, когда на изменения – на совершенно другой. При этом наблюдается интересный феномен захвата новыми типами героев не только информационного, но и виртуального пространства в виде кино, драматургии, литературы. Условный пример – «Дети Арбата», которые проходят следующую цепочку: **партийный функционер – осужденный – забытый – реабилитированный – герой литературы и кино – герой учебника.**

При этом все это разные этапы развития реальной ситуации, когда страна проходила бесконечное количество трансформаций. Сильный на одном этапе становился низверженным на другом, и наоборот. Убитые воскрешались в кино и на телевидении. Именно за счет виртуального пространства происходило нарушение всех физических законов.

Любое революционное действие развивается либо в **пространстве торможения**, либо в **пространстве активации**. При этом часто оппоненты специализируются либо в одной сфере, либо в другой. Пространство торможения в этом плане принадлежит власти, поскольку его основу составляют два основных вида торможения развития ситуации: физическое и информационное. В случае неревolutionной ситуации есть еще более привычный способ – бюрократическое торможение.

Физическое торможение осуществляется правоохранительными органами. В оранжевой революции в Киеве были также часто задействованы «КамАЗы», груженные песком, которые стояли в качестве препятствий. Информационное торможение осуществляют провластные СМИ, в то время как процессом активации занимаются оппозиционные.

Задачей активации является попытка выйти из инерции физического пространства, где реально все замедленно, где любое действие делается с определенной опаской.

Можно представить себе следующие виды инструментария для торможения и активации революционной ситуации: инструментарий торможения и инструментарий активации.

Инструментарий торможения:

- интернирование лидеров (как описывалось, например, списки на интернирование были в период путча 1991 года);
- освобождение физического пространства от демонстрантов (площадь Тяньаньмынь), от палаток (Киев в «дооранжевые» ситуации);
- перекрытие возможности приехать в центр для других сторонников;
- информационная изоляция лидеров оппозиции;
- советский метод осуждения действий общественностью.

Задачей в этом случае становится прекращение захвата оппозицией новых сегментов физического, информационного и когнитивного пространств. В последнем случае борьба идет за делегитимизацию действий оппозиции и за легитимизацию своих собственных действий. То же самое делает и оппозиция в случае своих шагов по активации своих сторонников.

Инструментарий активации:

- расширение круга сторонников путем привлечения известных лиц;
- демонстрация перехода на сторону оппозиции людей в форме;
- отвлечение аудитории;
- создание единения протестующих с помощью речевок, единообразных выкриков в ответ на вопросы с трибуны;
- сообщения о победах (в случае оранжевой революции это были сообщения о задержании машин для вывозки снега, где были найдены документы, за что отличившиеся были награждены революционным капканом – капканом с оранжевой лентой);
- информирование об однотипной работе сторонников в других городах;
- информирование о международной поддержке.

Задачей при этом становится захват все новых сегментов общественного пространства, особенно это касается заранее определяемых «точек уязвимости» системы. Здесь как бы скорость оказывается важнее качества, поскольку более сильной стороной оппозиции является динамика, проистекающая из быстроты принимаемых решений, чего по определению не может быть в бюрократической структуре, которая ей противостоит.

Поскольку в основе той или иной организации лежит своя информация (таковы, например, теоретические положения Дж. Арвиллы), можно продолжить этот постулат следующим, даже более прозрачным: **в основе того или иного действия лежит та или иная информация, которая выталкивает индивида на действие.**

Можно представить себе разнообразие этих переходов от информации к действию. Революционная информация ведет к революции, стабилизирующая – к стабильности. Брежневский период застоя был вариантом переполнения системы стабилизирующей информацией. Переполнение системы революционной информацией, вероятно, ведет к бездействию, а не действию.

То есть в результате мы имеем два постулата эквивалентности.

- **Первый постулат эквивалентности (информационно-организационный):** информационный набор эквивалентен организационной структуре.

- **Второй постулат эквивалентности (информационно-деятельностный):** информационный набор эквивалентен варианту действия.

Возникает возможность формулировки еще одного постулата.

- **Третий постулат (информационной активации):** информационная активация ведет к организационной активации и активации действия.

Политический игрок в своей самой яркой ипостаси – революционной – создает гиперсильную информационную активность. Вспомним, например, выступления Ю. Тимошенко или Ю. Луценко периода оранжевой революции.

Перечислим характеристики информационной активности революционного политического игрока в следующем виде:

- использование ультиматумов, которые отличаются привязкой к определенным срокам и наказанию при невыполнении этих требований;
- оперирование будущими ситуациями (например, «народный президент Ющенко», «колишній президент Кучма»);
- включение взрывоопасных тем (например, обвинение противников в преступных деяниях и намерениях).

Этот спектр возможной активности политического игрока резко шире, чем у организационного (например, чиновника, работника правоохранительных органов), информационного (например, журналиста), культурного (например, певца).

Пересечение виртуального пространства и пространства реальности дает разнообразные возможности для эксплуатации свойств то одного, то другого пространства. «Пионеры», способные переходить из одного пространства в другое, всегда пользовались любовью у населения. Это не только писатели и режиссеры, но и политики, которые также оперируют будущей реальностью, пытаясь таким образом сформировать настоящее.

В случае оперирования с виртуальностью у нас есть две теоретические возможности:

- отправить виртуальный поезд к реальной цели;
- отправить реальный поезд к виртуальной цели.

Второй вариант более распространен. Массовое движение формируется под конкретные цели и движется к ним. Если цели не будут достигнуты, можно предложить другие, объяснив случившееся происками врагов.

Первый вариант более сложен в своем начале. Под ним мы понимаем формирование воображаемой общности людей, включая национальную идентичность или партийную принадлежность. В области частного бизнеса – это корпоративная идентичность. В случае революций – это формирование протестных масс. Например, оранжевая революция происходит в ситуации экономического улучшения, то есть отсутствуют явно выраженные материальные причины, в чем ее несходство с грузинской революцией роз.

В качестве примеров исторического свойства хотелось бы упомянуть два, где оперирование виртуальной реальностью проявилось наиболее ярко.

Бурская война – «нехорошие» буры к концу кампании в британской прессе стали очень хорошими борцами за свою свободу, что приводит к проигрышу.

Это в принципе очень интересный пример, который потом полностью повторился в первой чеченской войне. Если допущена интерпретация «борцы за свободу» (в случае Чечни это оказалось термином «борцы за независимость»), то против них уже невозможна война, поскольку возникает нарушение системности: «хорошие» не могут воевать против «хороших».

Эффект CNN – американские войска были выведены из Сомали после того, как CNN показало, как под улюлюканье толпы труп американского солдата проташили по улицам Могадишо. Здесь также нарушение системности: частный случай (война в Сомали) вступает в противоречие с системным правилом (жизнь американского солдата важнее всего). В этих двух примерах факт стал противоречить метаправилу, что в принципе может быть сделано как естественно, так и искусственно.

В этих случаях именно **управление виртуальной действительностью приводит впоследствии к потере управления реальной действительностью: выигрыш в виртуальном пространстве повлек за собой выигрыш в пространстве реальности.** Но это уп-

равление делается так, чтобы подвести под нарушение метаправила, в результате чего возникает определенный **когнитивный диссонанс**: мы, которые всегда «хорошие», вдруг оказываемся «плохими».

На этом также строится множество избирательных технологий, когда реальному кандидату вписываются нужные виртуальные характеристики, с которыми затем можно бороться или поднимать их на шит. Само название бархатная революция или революция роз (оранжевая революция также именовалась революцией каштанов) призвано спрятать реальный кардинальный поворот действительности за гораздо более мягким вариантом названия: виртуальность здесь прикрывает или освящает реальность.

Можем представить себе несколько вариантов соотношений виртуального и реального.

- **Виртуальный удар – реальная защита.** Виртуальный удар (испуг) можно снять более мощными раздражителями. В случае оранжевой революции возможный страх блокировался музыкой, речевками, песенками. Например: «Нас багато, нас не подолати». Приезжающих в западные регионы Украины и в Киевскую область представителей Донецка встречали хлебом-солью, чем реально обезоруживали их.
- **Виртуальный удар – виртуальная защита.** Любая армия выстраивает свою виртуальную защиту под разнообразные варианты ударов. Это офицерская честь, это знамя полка и так далее.

В качестве примера времен оранжевой революции можно перечислить ответное тиражирование оппозицией неудачных фраз и высказываний Виктора Януковича и его жены. У последней в контексте американской помощи оппозиции прозвучали валенки, после чего на Майдане появились валенки с надписью **«made in USA»**.

- **Реальный удар – виртуальная защита.** Вспомним фразу, которую произносят по отношению к детям: «Как ты можешь плакать, мальчики не плачут». В этом случае защита строится в попытке вмонтировать негативные последствия в систему имеющихся ценностей.

В случае оранжевой революции в Киеве от реальных омонцовцев защищались виртуальным способом, вставляя цветы в их штиты.

- **Реальный удар – реальная защита.** Это самый прозрачный случай, в рамках которого протекает любое боевое столкновение. Тем самым он наиболее просчитан и является наиболее симметричным.

Эксплуатация разных аспектов виртуального пространства активно используется в некоторых национальных традициях, среди которых одно из первых мест занимает Китай [4].

Любое реальное действие в физическом пространстве всегда покоится на предварительной информационной и когнитивной подготовке этого действия. Чем существеннее это действие, тем серьезнее будет подготовка.

При этом оказывается возможным сформировать полный набор действующих лиц исключительно в виртуальном пространстве. Возникает соответствующая формула: виртуальный лидер, опирающийся на виртуальный народ, против виртуального оппонента.

Все члены этого треугольника являются частично реальными, частично виртуальными. У лидера выпячиваются его позитивные черты, у оппонента – отрицательные. Они могут быть взяты не только и не столько из мира реального, сколько из мира виртуального.

Рифат Шайхутдинов пользуется в данном случае термином «сконструированный народ». Он отмечает: «Фактически любую группу граждан можно объявить народом и сформировать такую ситуацию, что право так называться за этой группой будет признано. В этом и состоит демотехника. И тогда эта группа автоматически становится неприкасаемой – ведь власть же объявила, что она не может противостоять народу!» [5]. При этом под демотехникой он понимает «технику работы с народом, создания народа и «увода» народа, из-за чего любая власть теряет опору и рушится». То есть практически создается виртуальный объект, но делается это именно под параметры ненасильственного поведения власти.

Характеристики виртуальности прослеживаются и в сближении власти и оппозиции, отмеченном **Глебом Павловским**: «Время от времени (цикл, кстати, установлен Фурманом где-то около 10–15 лет) происходит резкое ослабление властвующей политической команды,

и разом, одновременно, от нескольких месяцев до года, идеи оппозиции вдруг становятся идеями власти» [6]. То есть если посмотреть с точки зрения отмеченного срока в 10–15 лет, то получается, что перед нами вообще единый организм, что говорит, по крайней мере, об определенной нереальности войны / борьбы между властью и оппозицией. Получается, что власть и оппозиция едины.

Но весь этот виртуальный набор затем должен пройти процесс перехода в реальность, поскольку запланированный и полученный результат должен получить соответствующую легитимизацию. Причем не только в глазах своего народа, но и в глазах западного мира. Как пишет, например, **Борис Долгин**: «Киргизский режим не являлся сверхжестким, но и не был открытым, нормально приспособленным к смене власти в результате «легальной» конкуренции. Существенным фактором стала ориентация режима на сближение со странами, исповедующими либеральные ценности, а значит, неготовность вопреки мнению этих стран, пойти на большую кровь в попытке отстоять власть» [7]. Отсюда возникает необходимость «пропустить» всю подобную ситуацию через судебные органы, что и создает нужный уровень легитимизации. То есть все равно происходит определенная нейтрализация революции через судебный результат. Б. Долгин подчеркнул: «В Киргизии были использованы задействованные в Грузии и на Украине схемы легитимизации новой власти. Как и на Украине, принципиальную роль в формировании «коридора легитимности» к новому порядку играет суд» [7].

Революция у соседей начинает виртуально примеряться к себе. Так происходит с Россией, где **Анна Гармонова** пишет о специфике России следующее: «Все нынешние революции – это революции оппозиции. В России с этим сложно. Реальной оппозиции нет, поэтому такой бескровный сценарий может не сработать, а сработает сценарий национальных кровавых революций» [8].

Так происходит с Казахстаном: «Революционная эйфория, охватившая наших южных соседей, неизбежно перекинется и к нам. Свержение акаевского режима породит у представителей Старшего жуза надежды на перемены и возродит мечты о лучшей жизни. Таким образом, революционное настроение в Киргизии найдет живой отклик в умах южных казахов» [9].

Виртуальная ситуация может получить неожиданное воплощение, как это произошло в Киргизии в процессе погромов магазинов и захватов административных зданий [10]. К счастью, украинская ситуация обошлась без подобных действий, поскольку активность толпы пытались удерживать на определенном уровне. С одной стороны, она должна быть такой, чтобы можно было совершить те или иные действия для устрашения действующей власти. С другой стороны, нельзя допускать самостоятельных вариантов реализации этой активности.

В принципе образуется определенная четкая дихотомия: попытки удержать власть всегда оказываются нелегитимными, попытки захватить власть, наоборот, всегда легитимны. В рамках такого парадоксального деления любое движение к смене власти становится обреченным на успех. Виртуальные объекты легко побеждают объекты реальные, поскольку пришедшие извне правила как раз строятся на базе виртуальных объектов. Возможно, в западном мире они строятся на базе реальных объектов. Но на нашей территории они принципиально искусственны.

И даже оранжевый цвет оказался в революционном наборе совершенно случайно, как говорил **Алексей Ситников** в своем выступлении в Санкт-Петербурге. «Всю аудиторию мучил сакраментальный вопрос: «Так почему же все-таки оранжевый?». Здесь опять все было просто и скромно. Как объяснил Алексей Петрович, «раз Янукович выбрал своим цветом голубой, а флаг Украины содержит два цвета – голубой и желтый, то нам ничего не оставалось, как взять желтый. А поскольку на крупных заводах наши заказы не брали, приходилось размещать их в подполье, где за качество продукции не ручаются. Вышло так, что первая партия шарфов получилась оранжевой. Ее сразу разобрали, а когда подошла вторая, уже правильного – желтого – цвета, люди говорили: «А мы не будем их брать, наш цвет – оранжевый» [11].

Виртуальность привлекает внимание создателей революционных технологий по причине расширенного спектра возможностей, которые предоставляет эта сфера. Герои и злодеи просто маркируются путем приклеивания действующим лицам ярлыков, что дает возможность форматировать действительность так, как это требу-

ется для целей кампании. Затем происходит оперирование не с реальной, а с виртуальной действительностью, которая заранее выстраивается нужным способом.

Виртуальная действительность дает колоссальные возможности по управлению восприятием. **Михаил Гефтер** вспоминал интересную особенность довоенной жизни: «Железного занавеса для нас до войны не существовало. Не было ощущения отторженности – будто есть какой-то «мир там», не мой, меня в него не пускают, и я в течение жизни его не узнаю. Мир был дома. Эти революции в Китае, Германии, повсюду – мои!» [12. – С. 115]. Разрушение СССР началось с разрушения виртуальной защиты, выстроенной в сталинское время. Пришли новые герои, новые контексты действий, разрушив старый виртуальный мир, а вслед за его разрушением состоялось и разрушение мира реального. Нельзя сохранить реальный мир в том же виде, если рухнет мир виртуальный.

Базисная мифология, как признается, более сильно влияет на бессознательное, чем сознательное [13]. Именно в этой сфере находятся мотивы нашего поведения, задающие понятность и «внятность» окружающего нас мира.

Если американский миф строился на основе мифологии Дикого Запада, в рамках которого действует супергерой, то для советской мифологии были характерны три «строительные площадки»: революционная, производственная и военная. В революционной и военной парадигме советский герой боролся с врагами: внутренними в первом случае и внешними во втором. В производственной парадигме борьба шла с неживым противником (углем, стратосферой и так далее). Все три парадигмы близки американскому варианту в том, что враг ведет себя всегда некорректно и не по правилам.

Постсоветская революционная парадигма строится на мифологии, в рамках которой уже власть проявляет себя как враг, поскольку характеризуется и как бандитская, и как коррупционная. Именно она порождает жертвы, а герои из оппозиции должны защитить народ от этой власти. Здесь герой-оппозиционер, словно настоящий супергерой, также приходит ниоткуда (в данном случае он живет вне властной принадлежности). Он вызывает власть на дуэль, от которой та уклоняется. Тогда герой апеллирует к массам,

призывая их определить, кто прав, а кто виноват. При этом враг в любую минуту готов нарушить мирное сосуществование. В изложении слушателей семинара Ситникова последний вариант развития событий предстал в следующем виде: «Оранжевая революция гремела перед нами на экране проектора, а Ситников вешал откуда-то из темноты. Когда он дошел до слов: «Мы не решались вывести людей на улицы, так как не были уверены, что Кучма не выпустит танки и не будет крови», – я даже испугался: какие же все-таки могучие люди – эти пиаршики! Такие мощные инструменты у них в руках, что майдан Незалежности, сердце Украины, столько времени стоял на ушах и стал желанной Меккой не только для тех, кто за Ющенко, но и для тех, кто просто любит повеселиться, да и вообще для всех. Я думаю, даже электорат Януковича снимал свои голубые шарфы, чтобы «хоть одним глазком» [11].

Виртуальность вовлекает и увлекает, ведя за собой. Революционная виртуальность рождает новые миры, тем самым способствуя трансформации реального мира, который рушится и трещит по швам от ударов виртуальных героев.

ОРАНЖЕВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ВИРТУАЛЬНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ РЕАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

У

Организация процесса

ПРАВЛЕНИЕ БОЛЬШИМИ массами людей возможно только с помощью привлечения методов по организации и реорганизации виртуального мира, когда достаточно велика роль интерпретаторов, задающих то или иное понимание фактов и событий. Французская революция крушила Бастилию, чтобы освободить узников в количестве... шести человек. Однако созданный образ «диктатора» требовал соответствующего протестного реагирования.

Только виртуальная составляющая может активировать большие массы людей на принципиально новый для них вид поведения – протестный. При этом подобные виртуальные объекты должны обладать большим числом реальных реализаций, создавая определенный *mix* виртуального с реальным, поскольку человек реагирует на тот тип виртуального объекта, который достаточно четко соотносится с реальностью.

Революции свойственно усиленное нагнетание символизаций: враг / друг, злодей / жертва должны получить материальное воплощение. Внедряется понятная интерпретационная схема, базирующаяся на противопоставлении «мы» и «они». Для того чтобы занять «их» место, «мы» должны победить «их».

Но так как «враг» хитер и коварен, он обязательно будет пытаться нас обмануть. Но теперь эта потенциальная его уловка не пройдет: «мы» не дадим. Сюжет революции всегда один: «мир – хижинам, война – дворцам». Власть должна быть кровавой, бандитской, преступной, а оппозиция народной, справедливой и свободной.

Происходит заполнение всех потенциально возможных ходов символическими действующими лицами. Так, оранжевая революция активно сводила все внутренние действия к проявлениям внешних сил – США и России, которые в руках у каждой из сторон становились проявлением мирового зла. Все выносилось за пределы Майдана к более сильным в символическом плане игрокам: виртуальный Ющенко тяготел к США и Европе, виртуальный Янукович – к России, что, кстати, одновременно говорит об отсутствии у Украины собственного глобального проекта, поскольку развитие мыслится только как присоединение к чужим глобальным проектам: европейскому или российскому.

Если Первая и Вторая мировые войны развивались в физическом пространстве, то третья и четвертая ведутся в виртуальном, являясь войнами виртуальными. Третья (холодная) война велась в информационном пространстве ради завоевания контроля над когнитивным пространством, когда в качестве орудий выступали, например, радиоголоса. Четвертая мировая война, которая началась 11 сентября, ведется ради контроля виртуального пространства, поскольку лежит в области конфликта цивилизаций. Механизмы глобализации направлены на разрушение чужих виртуальных пространств ради доминирования одного из них.

Глеб Павловский говорит в плане создания единых когнитивных конструкций следующее: «Сперва надо освоить словарь демократии, как иначе? Обучаемый учится называть одинаково с грантодателем одни и те же вещи. Например, «авторитарный режим Путина», «имперская ментальность», «наследники КГБ с его лабораторией ядов» [1].

Можно представить себе следующий набор целевых ориентаций в случае той или иной мировой войны (см. табл. 26).

Таблица 26

Набор целевых ориентаций в случае мировой войны

Мировая война	Цель
Первая	Контроль физического пространства
Вторая	Контроль физического пространства
Третья	Контроль информационного пространства
Четвертая	Контроль виртуального пространства

Четвертая мировая война состоит в создании событий большой виртуальной значимости. Чем более сильным будет это событие, тем большим объемом людей можно руководить. Большое событие атрофирует индивидуальные реакции, что позволяет более адекватно прогнозировать будущее поведение. В качестве примера можно привести события 11 сентября, за которыми ожидаемо последовали военные действия с вовлечением больших объемов людей.

Еще в 1994 году **Ричард Шафрански** выступил со статьей, где война выходила за рамки просто информационного противоборства в систему когнитивной борьбы [2]. Этот тип войны использует язык, образы, информацию, чтобы воздействовать на мозг, разрушать мораль и изменять волю. Лидеры являются целями этой войны, и их следует готовить к атаке противника. При этом он подчеркивает: «Нет надежды на влияние на то, что мы не понимаем. Каковы ценности сербов или иракцев? Как разные нации организуют чувственную информацию? В чем разница подходов к ведению переговоров у албанцев и македонцев? Что является ахиллесовой пятой стран и негосударственных игроков, организованных, оперирующих как бизнес-корпорация?» [2. – С. 409]. То есть на сегодня новый инструментарий не имеет под собой четких базисных основ.

Саму эту сферу **Дж. Най** описывает как инструментарий применения мягкой силы, которая привлекает, а не принуждает, относя к ней кино, телевидение и так далее как проводников системы ценностей [3]. Если в систему вошли чужие ценности, она разрушается, становясь подобием другой. Именно так действует глобализация, и пока не придумано иного метода модернизации, как только подключение к ней.

Н. Сноу, интервьюируя специалиста **REND** К. Келлена, который выступил в роли переводчика книги Ж. Эллюля «Пропаганда» на английский язык, подчеркивает его слова, что американская пропаганда внутри страны наиболее спрятана [4]. То есть факт выпячен, а интерпретация, сквозь которую этот факт рассматривается, спрятана максимальным образом. Сам **Ж. Эллюль** считал, что пропаганда тем эффективнее, чем она незаметнее.

Символическое, виртуальное в этом плане должно быть спрятано в реальность, «упаковано» в ней. Нам представляется, что на Майдане действовали два противоположных механизма по порождению символизма – индуктивный и дедуктивный. Для изобличения зла строился индуктивный механизм, например, власть объявлялась криминальной, бандитской на основании факта осуждения Виктора Януковича или пропажи Георгия Гонгадзе для Леонида Кучмы. Прославление же добра шло по дедуктивной схеме, когда от символической картинке торжества добра строился переход к лидерам оппозиции как героям этого ментального представления.

Толпа также представляет собой инструментарий по управлению действительностью. Резкое увеличение разнообразия окружающей действительности, которое уже не в состоянии обрабатываться человеческим мозгом, приводит, как следствие, к резкому обеднению репертуара действий, поскольку реагирование становится исключительно черно-белым.

Рон Шехнер говорит, что в ритуализированных массовых акциях индивидуальное выражение «канализируется» в преувеличенные, ритмически скоординированные, повторяющиеся действия, а свободное выражение эмоций – в вариант агрессии в пользу спонсора: команды, корпорации, политика, религии, партии или государства [5].

Имеет место концентрация как по форме, так и по содержанию. Форма и содержание становятся едиными для всех. Тем самым резко увеличиваются его сила и значимость и, как следствие, увеличивается возможность заражения этими качествами других.

Организованное событие отличается тем, что в нем второстепенное и случайное отходит на задний план, а важное и символи-

ческое начинает подчеркиваться сознательно. Например, наличие оранжевого цвета в виде галстука, шарфа, рубашки, куртки и так далее из случайного компонента стало обязательным, создавая свой собственный символический код, который иногда повторяли парламентарии других стран.

Всякое событие оранжевой революции обладало очень серьезной символической значимостью. Например, когда с трибуны выступал офицер милиции, перешедший на сторону оппозиции, он был больше полка милиции по своей значимости.

Карнавал, который напоминала оранжевая революция, также характеризуется когнитивным взрывом, поскольку в нем меняются местами верхи и низы. Единственное отличие карнавала состоит во временном характере этого изменения. Завершение празднования возвращает все на свои места. С революцией обстоит иначе, поскольку она должна воспользоваться продуктами когнитивного взрыва. Поэтому модель переходов в этом случае выглядит следующим образом (см. рис. 57).

Рис. 57. Модель переходов

Последний компонент включает борьбу с «инакомыслием». Кстати, проявление этого в виде реализации спирали молчания **Элизабет Ноэль-Нойман** [6] стало главным достижением оранжевой революции, поскольку стало «неудобно» быть на противоположной стороне.

Революция представляет собой определенное вхождение в зону турбулентности, где отменяются все правила, так что сходство с карнавалом в этом плане является чисто внешним, ведь карнавал отменяет правила «понарошке», здесь же они отменяются в действительности. **Эдвард Бернейс** в свое время определял пропаганду

как инструментарий по созданию и изменению событий для влияния на отношение публики [7]. То есть речь идет вовсе не об информационной плоскости, а о работе в плоскости реальности, которая, как следствие, меняет когнитивную составляющую. То есть пропаганда, по Бернейсу, это нечто иное, чем то, к чему мы привыкли, это работа по точечной трансформации физической реальности (см. рис. 58).

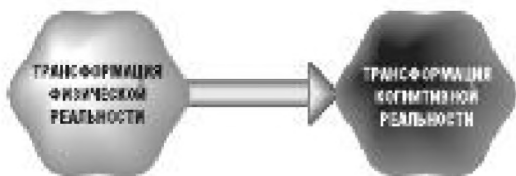

Рис. 58. Точечная трансформация физической реальности

Революция в этом плане должна создавать в первую очередь события, а не интерпретации. Возьмем важную задачу создания ощущения слабости режима. Мы говорим о важности этой цели, поскольку она стимулирует выход народных масс. Эту слабость следовало продемонстрировать рядом действий. Ее доказывала блокировка зданий, ассоциирующихся с властью, недопуск на рабочие места главных властных игроков, нейтрализация действий органов правопорядка. Причем все это косвенные признаки, которые в сумме сложились в нужную картинку в головах участников и телезрителей.

Марат Гельман говорит о двух вариантах подхода к действительности [8]. С одной стороны, действительность анализируется с точки зрения имеющихся тенденций в плане экстраполяции настоящего в будущее, с другой – ситуацию можно изменять, совершать некоторые сюжетные ходы. Это как раз и есть та трансформация физической реальности, о которой мы говорим.

Революция направлена на расширение своего пространства путем смены контроля над ним. Контроль физического пространства, контроль информационного пространства привели к контролю когнитивного пространства, которые затем привели к определенным победным результатам выборов (см. рис. 59).

Рис. 59. Контроль над пространствами

В обычной ситуации именно власть обладает монополией на контроль всех трех пространств. В кризисной ситуации власть, наоборот, теряет такую монополию. Сначала власть потеряла монополию на контроль физического пространства, когда митинг на Майдане перешел в постоянную фазу, а правительственные здания были заблокированы протестующими. Монополия на контроль информационного пространства была потеряна, когда все телеканалы вдруг перешли на одну интерпретацию происходящих событий. Все это в сумме привело к потере контроля над когнитивным пространством, что выразилось в соответствующем голосовании за оппонента и критика власти – Виктора Ющенко.

Было сформировано интерпретационное поле, которое любые факты трактовало исключительно под одну точку зрения. Теперь уже другая точка зрения – точка зрения власти – была заблокирована, что стало зеркальным отражением прошлой ситуации, когда однотипно была заблокирована точка зрения оппозиции. Однако есть существенное отличие этих двух ситуаций. Прошлая блокировка одновременно создавала выход информации на ограниченном участке – «Пятый канал», газета «Сильски висти» и ряд более мелких изданий. В этом случае давление запрета отражалось на усиленном распространении в этих узких точках. В новой ситуации практически не стало подобного нарушения интерпретационного поля: другая точка зрения вообще ушла с телевизионных экранов. Как видим, заблокированное информационное пространство с минимальным выходом (типа советского информационного пространства и западных радиоголосов) все равно функционирует в полноценном режиме, поскольку минимальный информационный выход привлекает мак-

симальное внимание. И наоборот, максимальный информационный выход (типа советского) привлекает минимальное внимание из-за своей полной предсказуемости.

Фильтры либо создают режим наибольшего благоприятствования для какого-то вида информации, либо запрещают ее прохождение. Мы имеем следующую модель (см. рис. 60).

Рис. 60. Модель прохождения информации

В роли фильтров может выступать не только формальная или неформальная цензура, но и то или иное авторитетное лицо, которое своим вниманием или осуждением пытается управлять интерпретацией имеющихся фактов. Журналистика порождает как поток фактов, так и поток интерпретаций.

А. Пензин справедливо искал различия между революцией и PR-конструкцией [9]: «Если это революция, то субъекты Запада оказываются на второстепенных ролях, а наши второстепенные политтехнологические субъекты, оказывается, ее просто «проглядели», в чем и каются». В результате своего анализа он приходит к выводу, что противопоставление революции и PR-конструкции ложно, революция как таковая исходно не носит непосредственного характера, отсюда костюмированный и театральный аспект революций, который с XX века стал проявляться заметнее. В революции всегда есть элементы постановочности, нет никакой бинарности «революции» и «конструкции».

Революция на этапе своего формирования носит сильный **трансляционный характер**. Это характерная особенность популярной культуры [10]. Например, Мадонна невозможна без процессов социальной циркуляции, она также характеризуется определенными противоречиями, что также свойственно популярным текстам. В случае оранжевой революции мы также можем обнаружить параметры этого трансляционного характера:

- не имеет завершения (например, «палаточники» никак не хотели расходиться вплоть до самой инаугурации);
- не может быть выражено в одном тексте;
- хорошо соответствует формату телевидения, для которого характерны как раз незавершенные продукты;
- обладает набором противоречивых высказываний;
- большую роль играют процессы ожидания (то есть незавершенные структуры);
- происходит нагнетание страха (например, в случае постоянного ожидания агрессии со стороны властей).

Весь этот трансляционный характер реализуется именно в виртуальном пространстве, имеющем нужное сочетание гибкости и инерции, в то время как чисто физическое пространство очень инерционно для проявления таких характеристик. Только карнавал, играющий признаками телесности, имеет возможность «работать» в физическом пространстве.

Опора на виртуальные процессы в социальных изменениях, включающих и революцию, состоит в создании нужного вида виртуального объекта, который затем гиперболизируется, чтобы удержать нужный уровень внимания и активности всех участников. По этой причине нужные типы виртуальных характеристик приписываются как себе, так и противникам. То есть возможное развитие ситуации проходит такие этапы:

- **этап первый** – создание виртуальных объектов;
- **этап второй** – приписывание виртуальных объектов (позитивных и негативных) всем действующим лицам;
- **этап третий** – гиперболизация виртуальных объектов;
- **этап четвертый** – борьба с негативными виртуальными объектами;

- **этап пятый** – борьба с носителями негативных виртуальных объектов.

В украинской ситуации возникла даже проблема люстрации как продолжение пятого этапа уже за пределами собственно выборов. Все это связано также с тем, что эффективные виртуальные объекты должны носить явные приметы реальности, иметь четкие отсылки на реальность. Это всегда объекты двойной природы, характерные следы которых тянутся как в области виртуальности, так и в области реальности. Даже Дед Мороз не остается в чисто виртуальном пространстве, а в определенной точке времени и пространства встречается в пространстве реальности, причем с конкретными внешними (борода, красный нос, кафтан) и поведенческими характеристиками (приносит подарки). Такой виртуальный объект, как Дед Мороз, жестко привязан к точке времени и пространства, когда его появление в реальном пространстве разрешено. Революция и выборы являются также такими разрешающими контекстами для появления виртуальности в реальности.

Глеб Павловский, умудренный опытом проигрыша российских политтехнологов на Украине, заявил следующее: «Само понятие «революция» в наших странах приобрело несколько карнавальный характер. То есть революция – это просто обостренная форма выборов. Я называю ее переходом от просто выборов к тотальным выборам, то есть к выборам, по поводу которых разыгрывается гигантское обшенациональное кризисное шоу. Управляемое обычно. Я думаю, что никто же не может помешать, допустим, тому, что приедет в какую-нибудь столицу, где проходят выборы, не один цирк, а два сразу. И каждый из них будет устраивать свое шоу. Как раз проблема господина Януковича была в том, что он не был готов со своей собственной постановкой. Но я думаю, что это дело наживное, и сейчас все извлекают уроки» [11]. То есть речь вновь идет о как бы параллельной виртуальной составляющей, которая стала обязательным компонентом реальности.

Оценка и прогноз...

Мы видим виртуальные контексты вовлечения в ситуацию, где число действующих лиц становится больше числа наблюдателей, ак-

тивных становится больше, чем пассивных. Это пик. После него должно наступать уменьшение уровня виртуальной активности. Созданная в виртуальном пространстве сцепка власти и населения начинает подвергаться давлению реальности.

Юрий Пахомов вообще жестко выделяет обязательность этапа «разочарования»: «Горбачев начинал с такой же оранжевой революции. Вся страна была от него в восторге и носила на руках. Вокруг него собирались огромные толпы, все воодушевлялись и верили, что жизнь будет идеальной: прошлое отойдет в небытие и начнется совершенно новая жизнь! Но через короткое время мы увидели его уже сброшенным и опозоренным. Имеется в виду, внутри страны. Ельцин начинал с того, что вся Россия вышла на свои «майданы» с лозунгами «Ельцин – наш первый российский президент!». Однако спустя четыре года недавно возвеличенный президент уже расстреливал Белый дом, где находился парламент его соратников, принявших по нему импичмент» [12]. То есть период виртуальной близости постепенно заменяется на период виртуальной (и не только) войны.

Сам процесс порождения такого разочарования **Александр Ослон** рисует следующим образом: «Может возникнуть положительная обратная связь, разрушающая прошлый образ. Эта схема действует так: есть некоторые ворота для восприятия, и если они приоткрыты, то впускают в себя негативные и пессимистические интерпретации, а за счет этого ворота открываются еще шире, туда может войти еще больше негативных интерпретаций. В итоге может возникнуть некоторая критическая масса негатива, когда у человека происходит инверсия оценок происходящего, то есть наступает то, что в просторечии называется разочарованием. Я тебя полюбил – а нынче разлюбил. Оптимизм сменяется пессимизмом. Именно в период такого переходного процесса манипулятивные технологии особенно эффективны. Когда ворота закрыты – тефлон, от него все отскакивает. Когда ворота постепенно приоткрываются – наступает время ментальных перемен» [13].

«Перегретая», «доведенная до кипения» виртуальная реальность вступает в соприкосновение с «холодом» подлинной реальности. Есть, вероятно, оптимальные соотношения «температур» этих двух миров. Расхождение всегда плохо. Но виртуальность должна быть разогрета для проведения смены социального мира,

в противном случае он будет законсервирован, что не допустит никаких изменений.

Человечество всегда пользовалось определенными обрядами для маркировки социальных изменений, например обряд инициации. То есть виртуальность проходила определенный процесс для того, чтобы разрешить смену реальности. Причем это происходит даже в случае желаемых изменений. В революции присутствуют как сторонники, так и противники. Поэтому виртуальность должна стать такой, чтобы блокировать действия противников.

Роль феномена виртуальности видна в том, что за 2004 год доходы украинцев возросли на 22,5% [14]. По масштабам роста торговли, которая отражает как реальные, так и теневые доходы, также можно с уверенностью отодвигать материальный фактор как движущую силу революции на задний план. Плюс к этому основные игроки Майдана – это те, кто нормально зарабатывал – средний класс, причем скорее будущий, чем настоящий. Возможно, материальные результаты постепенно требуют иных форм управления, ведь известно, что при определенном уровне ВВП на душу населения становится невозможным уход от демократии.

Александр Чумиков подчеркивает разрывность между виртуальным политическим обещанием и его материализацией [15]. Такие разрывы он предлагает ликвидировать за счет методов политического брендинга, когда информация будет доводиться до целевых групп не через рациональные разъяснения, а с помощью закодированных образов.

Если Украина видит в происшедших изменениях естественный процесс волеизъявления [16], то Россия – злую волю, пришедшую извне, направленную на создание вокруг России соответствующего «санитарного кордона» [17]. Соответственно совершенно изменился тон оценки собственных антиправительственных выступлений, происшедших в России. Если обычно либеральная пресса стояла на стороне протестующих, то сегодня большой объем текстов направлен против них [18–19]. Это произошло именно так, поскольку в схему рассуждений власть – оппозиция теперь оказывается вплетенной и украинский вариант развития событий. Поэ-

тому тексты и рецепты звучат с позиции власти, не со стороны революции, а со стороны контрреволюции: «На фоне благополучной Москвы особенно опасными для Кремля могут быть волнения в **ключевых субъектах Федерации, где местная власть слаба** (Петербург, Нижний Новгород, Самара), **либо там, где есть объективные предпосылки для сепаратизма** (Татарстан, Башкирия и другие национальные республики)» [19]. Это несомненно инструкция обратного рода.

В целом оранжевая революция стала демонстрацией нового развития виртуальностей и повышения их роли в политических процессах. Эти новые черты можно суммировать в следующем виде:

- происходит дематериализация материального, приводящая к тому, что в материальном акцентируются черты виртуального порядка;
- стираются четкие грани между виртуальным и материальным, такая информационная среда, как телевизионная, позволяет легко переходить из одного мира в другой;
- выход на социальные изменения требует создания четких виртуальных объектов и целей, которые облегчают такой переход;
- существуют запреты на разрушение виртуальностей, такие же строгие, как и запреты на разрушение объектов физического мира;
- революции выдвигают и защищают новые наборы виртуальностей;
- эффективная виртуальность должна материализовываться, и наоборот (пример: преступный режим – смерть Гонгадзе);
- виртуальности стремятся присоединяться к более сильным виртуальностям (пример: присоединение к европейскому или российскому проекту в украинских выборах 2004 года);
- виртуальности внедряются на уровне словесных обозначений (примеры: народный президент, преступный режим, бандитская власть).

Это все правила, которые реализуются при активном построении виртуального мира с целью ускоренной смены мира реальности. Кстати, любое планирование должно опираться на

предварительное выстраивание виртуальностей. Если сегодня планирование ограничено во времени, то с каждым годом горизонт планирования как людей, так и государства будет изменяться. **Игорь Задорин** отмечает, что в Кремле в 1996–1999 годах горизонт планирования составлял всего лишь полгода [20]. Сегодня нормой становится планирование на три-четыре года. Понятно, что в этих случаях будет разной и роль виртуальных объектов.

Иной стала роль виртуальности и по причине развития глобализации. Глобализация в любом случае на сегодня продвигает западный «пакет», в котором явно присутствуют следующие типы виртуальностей, задаваемых как норма:

- идеология (в виде рынка и демократии);
- массмедиа и масскультура, создающие потоки правильных и неправильных поведенческих моделей;
- западный вариант легитимизации власти как внутри страны, так и за ее пределами.

Каждая из стран, попадающих в это поле, вольно или невольно начинает перестраиваться под иные стандарты. Причем только страны другой культуры (например, восточные) имеют возможность выстраивания защиты в виде собственных культурных фильтров.

Если Запад работает с другим горизонтом планирования, то и Россия начинает заниматься соответствующим поиском собственных глобальных проектов, что, кстати, полностью относится к сфере виртуальности. Например, поднимается вопрос об отсутствии у России собственных модернизационных проектов: «Пока сохраняется сырьевой тренд российской экономики, все, что мы им можем предложить, – стать тем местом, по которому будут проходить российские газовые и нефтяные трубы в Западную Европу. Неудивительно, что такая альтернатива в их глазах проигрывает даже нескорой и мучительной интеграции в Европейское сообщество» [21]. Вероятно, не привлечет внимания и «новый советский проект» **Сергея Кара-Мурзы**, хотя бы по причине того, что он будет прочно ассоциироваться с прошлым, а всем свойственно избирать будущее, а не прошлое [22–26].

Виртуальность создается при помощи новых «машин виртуальностей», куда на сегодня можно отнести Интернет. И в Мексике в случае восстания саппатистов, и в Украине Интернет создал зону вне контроля власти, где удерживалась иная интерпретация действительности.

Рифат Шайхутдинов формулирует очень четкое правило: власть получает тот, кто пользуется новыми механизмами ее осуществления и удержания [27]. В их числе он упоминает и технологии, которые используют народ. Власть, с его точки зрения, сама демонстрирует, что она уже «готова» и «созрела». К числу таких сигналов относятся следующие:

- власть начинает искать преемника, подтверждая худшие опасения народа, понимающего, что демократических выборов не будет;
- власть отказывается от применения силы, то есть отказывается от своей основной функции;
- власть приглашает на выборы международных наблюдателей, демонстрируя готовность принять внешнюю легитимность;
- подчинение СМИ государству;
- усиление недоверия бизнеса к власти;
- политтехнологи выкидывают белый флаг.

Во многом все эти сигналы демонстрируют разрушение виртуального образа власти. Власть пытается попасть в новую позицию, выполнять новые функции, но это ей не удается. Потеряв старые функции, она не восполняет их новыми.

Олег Матвейчев подчеркивает принципиальную необучаемость российской власти: «Власть у нас не понимает, как все это делается технологически, поэтому она выводы может сделать, но реально предотвратить не сможет» [28]. Однако киевская ситуация демонстрирует, с нашей точки зрения, и другое: **власть не может увидеть угрозу, исходящую от виртуальных «машин», поскольку обладает монополией на машины материальные.** Нереальная с точки зрения властей угроза не может привлечь достаточно сил для ее отражения.

При этом принципиальным моментом является то, что власть принимает (в результате разнообразного вида давлений) на себя

обязательство: **ни в коем случае не применять силу**. Власть должна действовать только в рамках «ненасильственных технологий», с которыми идут ее ниспровергатели. В результате образуется вариант «дуэли», при которой второй дуэлянт повторяет вариант оружия первого. **С. Телегин** акцентирует это смещение в иное пространство для реализации столкновения. «Власть, которая действительно сопротивляется бархатной революции, заведомо не может ее подавить, так что для свержения такой власти требуются совсем иные технологии» [29]. Кстати, это типично стратегическое решение оппозиции: сражаться надо там, где тебя ждет победа.

Возрастание роли виртуальности отражается на всеобъемлющей роли политехнологов, которые постепенно сместились как в центр успеха, так и в центр скандала и провала. Сегодня **Марат Гельман** заявляет, что его не интересует украинская политика [30]. При этом он признал авторство столь широко осуждаемых «темников» [31]. **Глеб Павловский** как еще один российский «фигурант» украинской ситуации говорит следующее: «Революцией» в Киеве все постоянно запугивали друг друга, но всерьез не верили. Это была вообще одна из центральных тем пропаганды с обеих сторон, что отвлекало от оценки ее реальности. Модели, как может выглядеть реально киевская революция, – я не представлял» [32]. Павловский, кстати, возник не только в уголовном деле об отравлении Ющенко, но и в художественном образе как имиджмейкер международного класса П. И. Дловский [33].

В числе создателей киевской виртуальной реальности возникли и две американские фирмы. Одна из них вызвала резкое неприятие, и ей было отказано в правдивости ее претензий [34–35]. Зато о другой вообще не упоминается, что является странным, поскольку именно эта фирма получила премию за лучшую международную кампанию года [36]. Это фирма «Аристотель», основанная в 1983 году и имеющая офисы в Атланте, Лондоне, Сан-Франциско, Торонто и Вашингтоне [37–38].

С. Телегин подчеркнул несовпадение языка власти и общества в современной России, поскольку власть, с его точки зрения, го-

ворит на языке ложных понятий: «общечеловеческие ценности», «возвращение в лоно цивилизации» и так далее [29]. Однако это общее свойство несовпадения языка виртуальностей и языка реальностей. При этом **власть тяготеет к языку виртуальностей, а население – к языку реальностей**. В результате создается постоянное напряжение между ними, которое, собственно говоря, и должна снимать работа пресс-служб, PR-служб и спин-докторов (см. табл. 27).

Таблица 27
Язык власти и общества в современной России

	Владение	Невладение
Власть	Язык виртуальностей	Язык реальностей
Население	Язык реальностей	Язык виртуальностей

Между властью и населением все время должен существовать переводчик. В долговременных стратегиях эту роль исполняют кино и телевидение, переводящие интенции власти на язык населения. Сегодня в российском кино, например, просматривается смена героики в сторону поднятия образов разведчиков, контрразведчиков и прочих представителей спецслужб. Все это позволило **Виктору Шендеровичу** заявить следующее: «Это на самом деле поразительно, но теперь все стремятся создавать легенды и сказки о спецслужбах» [цит. по: 39]. Чтобы быть справедливым, следует упомянуть, что после 11 сентября советник президента Джорджа Буша Кард Роув ехал в Голливуд разговаривать с представителями кинобизнеса, в результате чего образ представителя ЦРУ перестал быть столь зловещим.

В результате следует отметить несовпадение двух технологий работы в виртуальном пространстве: **технологии расширения и технологии удержания**. Их можно представить себе в виде роли миссионера, действующего на новых территориях, и роли стандартного священника со своей постоянной паствой. В первом случае надо принести на новую территорию то, что для них будет контробъектом, противоречащим тому, что было до этого. Во втором случае можно лакировать и лелеять имеющийся виртуальный объект.

Эти два процесса обладают разными характеристиками (см. табл. 28).

Таблица 28
Технологии работы в виртуальном пространстве

В первом случае «священник» идет к «пастве», во втором – наоборот. Захват власти или удержание власти строятся на этих же принципах: акцент на привлечении новых адептов или акцент на наказании старых адептов. В одном случае нужны еретики, в другом – послушание. Все это требует разного типа поведения и для лидеров этих двух стратегий.

Оранжевая революция 2004 года в Киеве должна была захватить как можно больше новых приверженцев, что можно было сделать исключительно интенсивной работой в виртуальном пространстве, поскольку другим ресурсом оппозиция не обладает, так как, например, не может увеличивать зарплаты и пенсии. Виртуальный ресурс – это новый вид ресурса, с которым власть всегда будет работать хуже. И та и другая стороны должны были продемонстрировать чисто коммуникативными методами свою силу и бессилие противника. Если власть использует ритуальные способы действия, то оппозиция совершенно новые, что продемонстрировал уже первый ход – выдвижение Виктора Ющенко в президенты Украины на Певчем поле, – который отличался необходимым уровнем креативности. Ритуальный ресурс – это вторичный вид структурности, он должен базироваться на предшествующем опыте, на первичной структурности. Такого опыта (разгона демонстраций и так далее) у власти не было. В результате ритуал не на чем было строить.

У власти преобладающим становится материальный ресурс, у оппозиции – виртуальный. Власть находится в уверенности, что материальный ресурс заведомо сильнее. У оппозиции просто нет другого ре-

сурса, кроме виртуального, который к тому же все равно требует материальных систем своей доставки. Виртуальный ресурс по прошествии определенного времени тяготеет к ритуализации, вспомним религию. Поэтому старый виртуальный ресурс власти быстро исчерпывается: и Михаил Горбачев, и Борис Ельцин приходят к власти с огромным виртуальным ресурсом, который постепенно сходит на нет. Сходную нивелировку виртуального ресурса Владимира Путина можно наблюдать сегодня. **Виртуальные объекты изнашиваются, что часто связано не столько с их соответствием / несоответствием реальности, сколько с требованием новизны.** Вероятно, это связано с их принципиально иной природой, которая выдвигает иные корреляции.

Оранжевая революция обладала еще одним виртуальным компонентом – оранжевым цветом, который стал цветом кампании победителя. Исходно нейтральный цвет получил интерпретацию оппозиционности по отношению к власти, превратясь в виртуальный объект с символическим наполнением. Нейтральный в одном измерении, он был нагруженным символически в другом, что позволяло использовать его в многочисленном количестве контекстов. Более того, происходила реинтерпретация нейтрального использования в политически окрашенное. Объем использования оранжевого цвета в Киеве превосходил все мыслимые варианты.

Нейтральная характеристика, превратившись в виртуальную, позволила нести на себе коммуникативную нагрузку. При этом никакая борьба с ней была невозможна, поскольку в другом измерении цвет все равно оставался нейтральным объектом.

Виртуальное пространство предоставляет разного рода возможности для создания нужного типа символических объектов. Причем активно используемым инструментарием при этом становится карнавализация, когда одни и те же объекты имеют двойную интерпретацию. Помимо оранжевого цвета можно вспомнить митинг на площади, временами переходящий просто в концерт. Такие объекты двойной интерпретации являются основой ненасильственных акций протеста, создаваемых в рамках теории Джина Шарпа, что затрудняет реагирование на них властей. Подобные объекты двойной природы принадлежат двум разным системам (протестной и нейтральной), что дает возможность их активно ис-

пользовать в потенциально агрессивной среде.

В целом виртуальность должна была выступать по двум основным направлениям:

- **блокировать мешающие объекты реальности;**
- **активировать помогающие объекты реальности.**

Для этого нужно было идти по модели, которую использует человечество испокон веков, в первую очередь это характерно для религий и сект:

- **введение и удержание своих каналов коммуникации и своих авторитетов;**
- **прямой и косвенный запрет на информацию с других каналов и от других авторитетов.**

Все это позволяет осуществить несколько уровней управления (см. рис. 61).

Рис. 61. Уровни управления

То есть исторически именно коммуникация позволяет сформировать новую виртуальную реальность. И это понятно, ибо «политика – есть прежде всего коммуникация» [40]. Виртуальный объект должен быть создан, размещен в массовом сознании и затем активирован по максимуму. Эти три этапа обязательны:

- **создание виртуального объекта;**
- **внедрение виртуального объекта в массовое сознание;**
- **активация виртуального объекта от времени «Ч» до завершения процесса.**

И это еще одно подтверждение роли «людей воздуха», **нового интеллектуального класса А. Неклессы** [41–42], поскольку возникла новая реальность. Виртуальная реальность позволяет не только заменять подлинную реальность, но и управлять ею.

Постсоветское пространство: не стреляйте в пианиста, то есть в революционера

Постсоветское пространство, попав в вихрь революций, быстро начало новые трансформационные процессы. Накопившийся список нерешенных проблем, казалось бы, оправдывал эти действия, тем более почти все они получали немедленное одобрение Запада. Следует подчеркнуть также исчерпанность парадигмы, под знаменем которой прошли эти годы, поскольку исчезает ссылка на советское прошлое как источник всех неудач. Сегодняшняя точка ответственности сместилась во времени: если раньше она акцентировала прошлое, то теперь приходится за свои ошибки отвечать самим. Пришло время новых идеологий и мифологий, которые должны обосновывать то, что мы имеем на сегодня. СССР долго кивал на царскую Россию, постсоветские страны – на СССР. Но этот цикл оказался быстро завершенным. При этом теперь можно накапливать новое время ожидания результатов, поскольку все прошлое объявлено неправильным.

Год революций обладал также эффектом домино, оказывая влияние не только на основные, но и на сопредельные территории, передавая свою энергетику соседям. Сегодня наиболее активно такое давление испытывает Белоруссия, которой и так приходится жить в определенного рода изоляции от внешнего мира. Теперь же она еще и названа местом будущей революции.

Для глобального мира, накрытого единой информационной сетью, уже не имеет такого значения, где именно происходит событие, поскольку оно все равно будет в тот же миг присутствовать на экране телевизора. Правда, мгновенность получения информации или замедленность в ее доставке не являются основным параметром, ведь и императору Павлу в далеком прошлом приходилось выдумывать разные методы борьбы с французским вольнодумством, хотя скорость распространения информации была тогда не столь существенной. Глобализация оказывается работающей в другом аспекте, мы вступили в мир идей, оставив далеко позади мир вещей. Идеи движут миром. Если **Глеб Павловский** говорит о регу-

лярном (раз в 10–15 лет) идейном взрыве, когда идеи оппозиции становятся идеями власти [43], то **Юрий Лотман** в свое время подчеркивал, что мы живем в бинарном, а не тернарном мире, как это имеет место на Западе [44]. По этой причине любая смена носит принципиально разрушительный характер, поскольку происходит в ожесточенной борьбе с противоположной точкой зрения. Вероятно, отсюда вечное повторение мантры об отсутствии альтернативы, столь излюбленной властями на просторах СНГ.

Возможно, что период 10–15 лет каждый раз связан с определенным биологическим ритмом – входом нового поколения, которое пытается внести изменения в принципиально неадекватный мир, который строится. Оттепель времен Никиты Хрущева также была вариантом своеобразной революции, поскольку советская схема развития не предполагала такой смены части существенных «силовых координат» данного общества.

Считается, что западный и наш мир отличаются как мир процедурный и мир процессный (**В. Сергеев** и др.). Процедурная ситуация обладает возможностью опоры на конкретные шаги и направленные движения. Процесс делает меньший акцент на цели, больший на движение. Нахождение в процессе (а мы всегда что-то строили, не имея конкретных сроков) предполагает более жесткий вариант внешнего управления. Течение процесса можно менять только внешне: или внезапным прозрением властей (типа горбачевской перестройки), или революцией, которая во многих цветных вариантах если не продиктована, то поддержана извне страны.

Практически все говорят об этом внешнем компоненте цветных революций. Можно привести лишь малую толику мнений.

Киргизия: «В итоге следует, по сути, констатировать провал оранжевого сценария, технологии которого оказались отнюдь не универсальными. Именно их поражение в технологическом и информационном поле привело к тому, что оппозиция решилась на открытое насилие. Не пошло на пользу и просвещение масс, которые с радостью кинулись при первом удобном случае грабить магазины. Впрочем, интересно, что ни одно из представительств НПО разгрому не подверглось» [45. – С. 47].

Узбекистан: «На Западе по-разному оценивают трансформационные процессы в Узбекистане. Но мало кто хочет быть реалистом, когда речь заходит о демократических реформах. Торопят, критикуют. Признают, что традиции демократии даже самыми лучшими законами установить невозможно. Но требуют чуда. Но его не будет. Реальная демократия станет возможной, когда сменится второе поколение политической элиты» [46. – С. 118].

Россия: «Политика России сейчас напоминает поведение интеллигента, которого грабитель бьет по морде. Но – с вежливой улыбкой. А интеллигент, вместо того чтобы дать сдачи той же монетой, ошарашенно глядит на эту улыбку и бормочет: «Ну давайте же договоримся, мы же культурные люди...» [47. – С. 30].

Как видим, налицо как минимум непонимание действий Запада, потеря понимания того, что это может трактоваться как нейтральная позиция. Частично это связано с тем, что перед нами развернулись кардинальные смены ситуации, которые вызывают к жизни как ярких сторонников, так и не менее активных противников. В результате во всех этих странах активизируется противопоставление «мы» и «они». Революция, которая прячется за выборами, представляет собой достаточно странный феномен, поскольку революция и выборы принципиально противостоят друг другу.

Однако, по нашему мнению, одновременно не следует преувеличивать результативность прошедшего года революций. Я бы подчеркнул элементы некоей вторичности этих процессов, занижающей столь яркое, почти голливудское происшедшее. Кстати, мыльные оперы тоже незабываемы, но движения вперед в них не происходит.

Среди **факторов занижения** можно увидеть следующие:

- перед нами проходит повтор людей, которым пришлось пройти процесс определенного ребрендинга, поскольку все они являются птенцами гнезда предыдущих правителей, которых они с позором изгнали, то есть это косметика, а не хирургия;
- повтор идей: новых идей нет, все новые лидеры приходят с тем же набором, с которым шли их предшественники (рынок, демократия и так далее), поскольку своих идей у нас вообще нет, мы их все берем извне;

- очень отдаленные перспективы подлинных юридических сдвигов, например, для Украины членство в Евросоюзе или НАТО находится за пределами временного горизонта нормального человека;
- политические изменения, как правило на нашей территории, не подкрепляются экономическими, что делает их очень уязвимыми, более сильный вариант обратный, когда экономика фиксируется политически, например, для Украины новым феноменом оказалось участие малого и среднего бизнеса в оранжевой революции;
- если что и было потеряно, то оно уже было потеряно и до революции, поскольку существовало только по инерции;
- отсутствие своих форм, своих стратегий все равно заставляет нас вливать старые формы в новые;
- каждый приход к власти у нас означает последующую потерю любви и доверия граждан, нечто похожее на то, как в советское время отправляли руководить сельским хозяйством, чтобы «сжечь» человека.

В целом было создано другое – **определенные виртуальные контексты для будущих реальных изменений**. Собственно говоря, в чем-то это модель перестройки, которая реально меняла дух эпохи, но не саму эпоху. Поэтому оказалась амбивалентной, двойственной и непонятной. Последствия же создавались отдельно от нее.

Андрей Панченко говорит о феномене «потемкинских деревень» как о мифе [48]. Сегодня мы бы говорили об этом как об определенной информационной операции, направленной против фаворита, поскольку слухи о них стали распространяться задолго до самой поездки Екатерины. То есть это также пример виртуального контекста для программируемого действия. Возможно, что таким образом не столько программируется действие, сколько блокируются те или иные его варианты, тем самым происходит сужение возможного варианта реагирования.

Одновременно следует подумать, какие **позитивные новые феномены** возникли сегодня, то есть каков революционный позитив. Тут перечень также будет недолгим:

- произошла смена поколений, а это определенная биологическая фиксация политических изменений;
- в целом возросла динамика изменений, что предотвратило повтор застоя, а это говорит и о том, что реально именно власть была серьезным тормозом всех изменений;
- реализовался феномен новостного конструирования событий, откуда и берут начало сегодняшние медиареволюции.

Новое всегда дает возможность по его освоению, созданию выгодного и облегченного движения вперед. Отсюда вывод: найдя ряд новых опорных точек, мы должны сразу же выстраивать процессы по их освоению, поскольку это новые «континенты», которые будут только расти в будущем.

С другой стороны, разрушению также подвергаются вполне конкретные точки, их также нужно (имея подобный список № 2) подвергнуть дополнительному усилению, если таковые задачи стоят перед планировщиками.

Построение современной жизни должно учитывать определенные метазадачи, должна происходить опора на метаяровень, позволяющий хоть немного оторваться от яростного биения сегодняшних проблем.

Современные государства СНГ движутся в едином ритме, едином порыве, который не дает возможности решать наиболее насущные проблемы. Идет развитие без осязаемых результатов, какое-то движение ради движения. Можно увидеть следующий набор нерешенных проблем:

- отсутствие своих собственных проектов и стратегий, значит, мы движемся в рамках чужих, навязанных или естественно развивающихся, уже не имеет значения, они все равно чужие;
- постепенная утрата невидимых нитей, соединявших нас с прошлой иносистемой (Польшей, Прибалтикой, даже Африкой), **потеряв жесткую силу, которая все это удерживала, мы не смогли развить мягкую;**
- мы не перешли на более сложные схемы социального управления, все время возвращаемся к систематике обкомов и райкомов под другими названиями;

- мы не смогли выстроить формы защиты, соответствующие современному состоянию потери суверенитета сегодняшними странами, когда страны стали очень зависимыми от внешних импульсов;
- мы не смогли воспользоваться своими преимуществами, если они есть, от процессов глобализации, в которые постепенно втягиваются все страны. Хорошая по сути глобализация не дает нам никакого позитива, поскольку мы не заняты поиском возможных позитивных последствий от нее, доступных для другого уровня стран, к которым принадлежат постсоветские страны.

Мир принципиально ускорил свое развитие, вступив в процессы бифуркации. Революции также могут рассматриваться как определенные последствия этих динамических процессов. Постсоветские страны, пытаясь инерционно сопротивляться этим изменениям, получают «толчки» извне, поскольку общее ускорение уже включено. Следует либо подчиняться, либо уходить в «заповедники», подобные Северной Корее. Мы же все пытаемся двигаться в общем со всеми направлении, но это выдвигает требование подчинения и общим правилам движения.

Серьезной проблемой постсоветского пространства остается то, что можно обозначить как **«самопоедание элит»**. Элиты находятся в постоянной борьбе, не находя консенсуса даже в базовых вопросах. С чем это связано, почему так происходит? Вероятно, наши элиты обладают большим числом несопадающих интересов, чем элиты западные. Ну нельзя себе представить, чтобы вице-президента из проигравшей команды в США выкинули голым в техасскую пустыню или что после выборов застрелились все министры противоположной стороны... Картинка красивая, но невозможная. Кстати, только в Узбекистане стали стрелять в ответ, попытавшись таким способом закрыть саму возможность революционных изменений.

Президенты вообще представляют у нас самый экстремальный вид спорта. Они никогда не хотят уходить с работы сами. А сидят и сидят... У нас реализовалось четыре возможных вида ухода:

- импичмент, что сделала Литва;
- выборы, точнее псевдовыборы (демонстрировали почти все);

- революция (Украина, Грузия);
- переворот (Киргизия).

Запад всегда доводит два последних случая до фиксации юридической в виде выборов, задавая нужный уровень легитимности, хотя бы вовне. Нелегитимность власти коренится в ее неустойчивости. Есть несколько вариантов по ее порождению. Один компонент берет на себя все функции – это сталинский режим, который тем самым блокировал неустойчивость остальных частей. Обычно эти функции распределены. Но в случае неустойчивости возникает перехват функций другими. Это может быть на уровне отдельной организационной ячейки, когда студенты, например, могут требовать снять ректора, что не является их функцией. То есть это неинституциональные методы управления и передачи власти. Они оказываются возможными в принципиально нестабильной среде, когда признаются любые методы, любой инструментарий. При этом данная нестабильность может создаваться естественно и искусственно. В последнем случае и возникает легитимация непризнанных методов.

Перспективы и прогнозы на будущее весьма неопределенны. Революция, а мы все были воспитаны именно на ней, поскольку таковой была советская парадигма, является в определенной степени романтическим шагом. Период отрезвления, к сожалению, предполагает концентрацию на материальной, а не на романтической составляющей. Но опора на материальную составляющую имеет пределы для роста, чего нельзя сказать о нематериальном резерве.

Накопленный постсоветский опыт развития позволяет говорить, что не следует ожидать ускоренных экономических или политических результатов. Основная масса населения привыкла довольствоваться малым. Только новые поколения будут выдвигать новые типы требований к своим элитам. Все остальные находят свои собственные системы выживания вне государства, и любое реальное движение государства вызывает у них настороженную реакцию.

Когда нужно сделать шаг во вполне определенном направлении, на что можно опереться? Какой-то потенциал должен быть заложен, то ли интеллектуальный, то ли культурный, то ли информаци-

онный, то ли вновь материальный, для того чтобы получить определенный результат. Мы пока работаем в систематике, не имеющей конкретных целей. Альтернативность целей несет за собой альтернативность средств, то есть уровень неопределенности резко возрастает. В мире неопределенности выигрывают другие, те, которые усвоили новый инструментарий. В рамках него можно увидеть, например, следующее:

- **челночные операции**, поскольку концентрация ресурсов позволяет войти-выйти с результатом, это такой вахтовый метод, работающий даже в агрессивной среде;
- **информационные операции**, поскольку позволяют трансформировать под себя реальный мир, если он находится в хаотическом состоянии, а мы продолжаем удерживать нужную картинку мира, то есть информационный ресурс подтягивает под себя материальный;
- **культурные операции**, поскольку по своей долговременности они не имеют конкурентов, трансформируя когнитивное пространство заранее под конкретные будущие цели, когда они еще не воспринимаются в штыки.

То есть каждое из трех пространств – физическое, информационное, когнитивное – имеет свои собственные выигрышные типы проходов и трансформаций, которые обладают наибольшей эффективностью. **Сильный игрок может воспользоваться чужим инструментарием себе на пользу.** Это всегда оказывается его прерогативой.

Год революций встряхнул страны СНГ, активировал молодежь, провел ротацию элит, хотя и очень болезненную. Смогут ли эти новые элиты заложить основы нового движения, остается открытым вопросом. Динамика смены предполагает один тип работы, динамика стабильности – другой. При этом для всего этого нужны разные типы лидеров. Несменяемые лидеры ведут общественные движения к гибели [49].

Революция – это результат бездействия неадаптируемых элит, которые не реагируют на принципиальные изменения обстановки. Назовем это также инерцией элит, которые серьезным образом ориентированы на день вчерашний.

Сергей Караганов так говорит в интервью «Независимой газете» по поводу внешнего фактора цветных революций: «Внешние силы, конечно, там влияли, притом в разных направлениях, но совершенно очевидно, что все эти восстания, бунты, революции происходили потому, что старые постсоветские элиты изжили себя, надоели. Надоели своей неэффективностью, коррумпированностью. Эти процессы являются совершенно объективными. Если мы поймем, что нам надо менять политику и людей, проводящих эту политику, тогда мы избежим революций» [50].

Однако понимание лежит в области когнитивной, а реальные изменения отнюдь не следуют автоматически за пониманием. **Инерция физического пространства гораздо большая, чем инерция пространства когнитивного.** Для изменения физического пространства надо произвести гораздо более интенсивные изменения в пространстве когнитивном, что демонстрирует, к примеру, феномен Майдана.

Постсоветское пространство, как и любое другое, в любом случае живет по модели уничтожения неживого, амбивалентного, уклоняющегося, поскольку эти типы объектов затрудняют объединенные типы движения. Однако революционные изменения пока не приносят осязаемых результатов для населения, кроме определенной моральной «перезагрузки». Но в любом случае налицо имеется вхождение в новый цикл. А новые циклы предполагают и новый инструментарий, и новых игроков. И запаздывание со вхождением в новый цикл всегда опасно: преимуществами его успеют воспользоваться другие, что, кстати, достаточно часто и происходит.

Р

ЕВОЛЮЦИИ И ПУТЧИ сопровождают всю историю человечества. Часто они являются единственным вариантом для движения вперед.

Не менее часто они завершаются ничем. Но в любом случае человечество имеет в своем арсенале инструментарий подобного интенсивного изменения действительности.

Бархатные революции последнего времени – пример введения кардинальных изменений без применения насилия, что связано во многом с нейтрализацией действий власти, теряющей контроль над ситуацией. Сербия, Грузия, Украина продемонстрировали варианты передачи власти новой элите в результате более сложных стратегий, проведенных в рамках ненасильственных форм протеста. И сложность применяемых стратегий обусловлена именно ненасильственными формами борьбы. Они не были возможны в прошлом, поскольку сегодня еще одним политическим игроком становится внешний, то в виде общественного мнения, то международных СМИ, то в виде политических лидеров зарубежных стран, которым удается нейтрализовать вариант применения насилия со стороны властей.

Революции одновременно выступают в роли единственного инструментария, который имеет против сильных мира сего население. Выборы стали более символическим инструментарием, демонстрирующим, что все идет хорошо, поэтому изменения нужны только косметические. Политика – это игра на выживание. Если власть проигрывает ее, то в этом вина именно власти.

ГЛАВА 1

Революция: концептуальные основы

1. Luttwak E. Coup d'etat. A practical handbook. – Cambridge, Mass., 1979.
2. Переслегин С. Война на моем столе // Сообщение. – 2004. – № 7–8.
3. Gates J.M. The U.S. Army and irregular warfare. Chapter nine. The changing face of revolutionary warfare // www.wooster.edu.
4. Сысоев Г. Молдавия, приготовиться! // Власть. – 2004. – № 49.
5. Задерей В. Грядет ли «березовая революция» в России? // www.contr-tv.ru.
6. Гельман М. России придется расстаться с имперским проектом // www.obozrevatel.com.
7. Selbin E. Revolutions in the real world. Bringing agency back in // Theorizing revolutions. Ed. by J. Foran. – London – New York, 1997.
8. Русский политолог об Украине – неизбежное взросление // www.obozrevatel.com.
9. Дмитриев А. Падающее – подтолкни / www.apn.ru.
10. Тюрин Ю. Захват власти по-научному // www.apn.ru.
11. Межуев Б. Новое евразийство // www.apn.ru.
12. Ford P. Regime change. A look at Washington's methods – and degrees of success – in dislodging foreign leaders // Christian Science Monitor. – 2004. – January 27.
13. Tanter R. Changing rogue regimes // Policywatch. – № 643. – 2002. – July 31.
14. Pei M., Kasper S. Lessons from the past: the American record of nation building. – Washington, 2003 / Carnegie Endowment for International Peace.
15. Reisman M. Designing and managing the future of the state // European Journal of International Law. – Vol. 8. – № 3.
16. Zablotsky E.E. A public choice approach to military coups d'etat // www.cema.edu.ar.
17. Zablotsky E.E. A Bentley's approach to public policy. Some empirical support. – 1992. – № 83 // www.cema.edu.ar.
18. Zablotsky E.E. Collective political pressure and the distribution of political income. – 1994. – № 96 // www.cema.edu.ar.
19. Cuadra Lacayo J. Nicaragua: from war to peace // Military Review. – 2004. – November – December.
20. Краснов П. Готовится удар по России // www.contr-tv.ru.
21. Архангельская Н. Страна в отсутствие любви // Эксперт. – 2004. – 6 декабря.
22. Selbin E. Zapata's white horse and Che's beret: theses on the future of revolution // The future of revolutions. Rethinking radical change in the age of globalization. Ed. by J. Foran. – London – New York, 2003.
23. Selbin E. Social justice in Latin America. Dilemmas of democracy and revolution // 168.96.200.17/ar/libros/lasa98.

24. Humanitarian intervention. Crafting a workable doctrine. Three options presented as memorandum to the President. – Washington, 2000 / Council on Foreign Relations.
25. Kahn J. China's 'haves' stir the 'have nots' violence // *New York Times* – 2004. – December 31.
26. Foran J. Confronting an empire: an analysis for the global justice movement of the U.S. – made world crisis. – Santa Barbara, 2004 / University of California. Global & international studies program. Paper 7.
27. Boot M. Exporting the Ukraine miracle // *Los Angeles Times*. – 2004. – December 30.
28. Leupp G. The basic strategy for Syria and Iran. How to effect regime change and expand the empire // *Counterpunch*. – 2004. – October 16/17.
29. Barnett T.P.M. Does the U.S. Face a future of never-ending subnational & transnational violence? // www.thomasombarnett.com.
30. Переслегин С. Самоучитель игры на мировой шахматной доске. – М. – СПб., 2005.
31. Нозль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М., 1996.
32. Nicholls D. What does chaos theory mean for warfare? // *Aerospace Power Journal*. – 1994. – Fall.
33. Мехтиев А. Путч-1991: романтики все меньше // www.vesti.ru.

Бархатная революция: модель успеха и неуспеха

1. Кожокин Е. Выступление на заседании «Феномен цветных революций на постсоветском пространстве» Евразийского медиа-форума 2005. – Алма-Ата, 23 апреля 2005 года.
2. Скларова И. Долгая дорога к рынку. Эксперты-экономисты изучают предпосылки «цветных революций» // *Время новостей*. – 2005. – 22 апреля.
3. Павловский Г. Выступление на заседании «Феномен цветных революций на постсоветском пространстве» Евразийского медиафорума-2005. – Алма-Ата, 23 апреля 2005 года.
4. Каськів В. Треба було бачити обличчя людей, які пішли на адміністрацію Кучми. Вони реально готові були померти // www.pravda.com.ua.
5. Солонтай О. Правда про ПОРУ очима зсередини // www.pravda.com.ua.
6. Helvey R.L. On strategic nonviolent conflict: thinking about the fundamentals. – Boston, 2004.
7. Турчинов А. Наказ придушити революцію давався з посиланням на Кучму. Але на бік народу були готові перейти Сухопутні війська: Інтерв'ю // www.pravda.com.ua.
8. Цеголко С. Я особисто називаю те, що відбулося у Киргизстані, «революцією за пів години»: Інтерв'ю // www.telekriika.kiev.ua.
9. Гольшев В. Революция без Майдана. Как это делалось в Бишкеке // www.russ.ru.
10. Ellul J. Propaganda. The formation of men's attitudes. – New York, 1973.
11. Неклесса А. Управляемая (контр)революция? // www.gtnews.ru.
12. Дугин А. Метафизика опричинны // www.apn-pp.ru.
13. Белковский С., Карев Р. СССР – будущее России // www.apn.ru.
14. Ремизов М. НеокOLONиальная революция: осмысление вызова // *Стратегический журнал*. – 2005. – № 1 // www.apn.ru.
15. Д'Алессандро Д. Войны брендов. – СПб., 2002.
16. Lakoff G. Don't think of an elephant. – White River Junction, 2004.
17. Luttwak E. Coup d'Etat: a practical handbook. – Cambridge, 1979.
18. Alinsky S.D. Reveille for radicals. – New York, 1969.
19. Соколов М. Разные социалистические братья // *Эксперт*. – 2005. – № 14.
20. Греков Я. Почем фунт Родины: молодежный протест на поверку оказался выгодным бизнесом // *Версия*. – 2005. – № 15.
21. Ставицька Л. Дискурс помаранчевої пристрасті // *Критика*. – 2005. – № 3.
22. Никитаев В. Клиополитика versus геополитика // www.apn.ru.

23. Павловский Г. Второй президентский срок Путина: Новые проекты. Новые угрозы: Интервью // www.kreml.org.
24. Колеров М. Выступление на круглом столе «Перестройка. 20 лет спустя» Евразийского медиафорума. – Алма-Ата, 2005 // Литер. – 2005. – 22 апреля.
25. Черняховский С. Сделай сам // www.apn.ru.
26. Аманжол И. Тюльпаны цвета крови // *Весь мир*. – 2005. – № 3.
27. Лагард В. Миф о либеральном президенте разлетелся вдребезги, как витрины магазинов на центральных улицах // *Весь мир*. – 2005. – № 3.
28. Корня А. Монополия на манипуляции: подтасовки на президентских выборах доказаны с математической точностью // *Независимая газета*. – 2005. – 19 апреля.

Коммуникативная модель революции

1. Архангельская Н. Страна в отсутствие любви // *Эксперт*. – 2004. – 6 декабря.
2. Zucchini D. Army stage-managed fall of Hussein statue // *Los Angeles Times*. – 2004. – July 3.
3. Bohn M.K. Nerve center. Inside the White House Situation Room. – Washington, 2003.
4. Boynton R.S. How to make guerrilla documentary // *New York Times*. – 2004. – July 11.
5. Доренко С. Оказалось, что это революция // www.apn.ru.
6. Гольчев А. «Оранжевым восстанием» руководили из Португалии с военной базы Порто // 2000. – 2004. – 17 декабря.
7. *Время новостей*, 5 канал, 17 декабря 2004 года.
8. Sharp G., Jenkins B. The anti-coup. – Boston [s.a.].
9. Dahl A.B. Command disfunction: minding the cognitive war. – 1996 / School of Advanced Airpower Studies.
10. Титаренко Т. Революция глазами психолога // *Зеркало недели*. – 2004. – 18 декабря.
11. Медицинский заслон // *День*. – 2004. – 22 декабря.
12. Бейтсон Г. Теория игры и фантазии // Бейтсон Г. *Экология разума*. – М., 2000.
13. Бейтсон Г. К теории шизофрении // Бейтсон Г. *Экология разума*. – М., 2000.
14. Potekhin D. The business of revolution // www.s95451559.onlinehome.us.
15. Перловский О. Оранжевым цветом по критическому мышлению: психиатр о последствиях революции // 2000. – 2005. – 25 февраля.
16. Виноградов М. Особенности национального «бархата» // www.apn-nn.ru.
17. Тарусин М. Буря в головах «мятежной элиты» // www.apn-nn.ru.
18. Крупнов Ю. Последняя опора постсоветской цивилизации // www.rosbalt.ru.

Когнитивный взрыв

1. Доллары на демократию? Вопросы по поводу американской помощи Украине // www.korrespondent.net.
2. Rampton S., Stauber J. Weapons of mass deception. The uses of propaganda in Bush's war on Iraq. – New York, 2003.
3. Фукс Г. Революция театра. – СПб., 1911. – С. 15.
4. Coram R. Boyd. The fighter pilot who changed the art of war. – New York – Boston, 2002.
5. Ремизов М. Неоколониальная революция: осмысление вызова // www.apn.ru.
6. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. – М., 1999.
7. Моммзен Т. История Рима: В 2 т. Т.1. – М., 1936.
8. Осипов В. Исследование языковых аспектов картины мира в рамках кампаний по управлению выбором // www.shkr.ru.
9. Anderson G.E. III. Winning the nationbuilding war // *Military Review*. – 2004. – September – October.

10. Шомели Ж., Уисман Д. Связи с общественностью. – СПб., 2003.
11. Олкер Х.Р. Волшебные сказки, трагедии и способы изложения мировой истории // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М., 1987.
12. Манфред А.З. Великая французская революция. – М., 1983.

Революция: новый проект внутри чужого

1. Foran J. Confronting an empire: an analysis for the global justice movement of the U.S.-made world crisis. – Santa Barbara, 2004 / University of California. Global & international studies program. – P. 7.
2. Reisman M. Designing and managing the future of the state // European Journal of International Law. – Vol. 8. – № 3.
3. Grenier Y. The rise and fall of revolutionary passions in El Salvador: some lessons for the study of radical political movements // Journal of Human Rights. – 2004. – Vol. 3. – № 3.
4. Манфред А.З. Великая французская революция. – М., 1983.
5. Dasgupta S. Why terrorism fails while insurgencies can sometimes succeed // www.brookings.edu.
6. Krauthammer Ch. American unilateralism // www.amigospais-guaracabuya.org.
7. Selbin E. Agency and culture in revolutions // Revolutions. Theoretical, comparative and historical studies. Ed. by J.A. Goldstone. – New York, 2003.
8. Генисаретский О.И. Проект и традиция в России // www.polit.ru.
9. Helvey R. On strategic nonviolent conflict: thinking about the fundamentals. – Boston, 2004.
10. Новая политика России на постсоветском пространстве // www.strategie.ru.
11. Luttwak E. Coup d'Etat. A practical handbook. – Cambridge, 1979.
12. Сурков В. Запад не обязан нас любить // www.inosmi.ru.
13. Данилин П. Сурков дает установку // www.apn.ru.
14. Примаков Е. Упущенная пуца // korrespondent.net.
15. Туровский Р. Региональные дальтоники // www.rosbalt.ru.
16. Брусилловский М. Стрелять Нельзя Сдаваться // www.apn.ru.
17. Manheim J. B. Strategic public diplomacy and American foreign policy. – New York etc., 1994.
18. Шмид У. Украина: новые вкусы революции // www.inosmi.ru.
19. Thompson A.B. Brand positioning and brand creation // Brands and branding. – Princeton, 2004.
20. Павловский Г. Тренировка по истории: мастер-классы Гефтера. – М., 2004.
21. // www.inosmi.ru.
22. Колеров М. Перестройка: 20 лет спустя // Литер. – 2005. – 22 апреля.
23. Frum D. The right man: an inside account of the Bush White House. – New York, 2003.
24. Gould D. B. Passionate political processes: bringing emotions back into the study of social movements // Rethinking social movements. Structure, meaning and emotion. – Lanham etc., 2004.
25. Айкман Д. Украинская революция, какой мы ее не знали // www.inosmi.ru.
26. Ремизов М. Неоколониальная революция: осмысление вызова // Стратегический журнал. – 2005. – № 1; www.apn.ru.
27. Tilly Ch. The politics of collective violence. – Cambridge, 2003.
28. Святенков П. Потерянные ключи от демократии // Стратегический журнал. – 2005. – № 14; www.apn.ru.
29. Oberschall A. Opportunities and framing in the Eastern European revolts of 1989 // Comparative perspectives on social movements. – Cambridge, 1996.

ГЛАВА 2

Теории путча, революции и толпы

1. Luttwak E. *Coup d'etat: a practical handbook*. – Cambridge, Mass., 1979.
2. Interview: Gene Sharp // www.pbs.org.
3. Каськів В. Треба було бачити обличчя людей, які пішли на адміністрацію Кучми. Вони реально готові були померти // www.pravda.com.ua.
4. Interview: col. Robert Helvey // www.pbs.org.
5. Helvey R.L. *On strategic nonviolent conflict: thinking about the fundamentals*. – Boston, 2004.
6. Солозобов Ю. Право на восстание // www.apn.ru.
7. Лерман Л. Процессы пассионарного подъема и перспективы для России в XXI веке // www.polit.nnov.ru.
8. Лерман Л. Шило и мешок: кто в очереди за Киргизией? / www.polit.nnov.ru.
9. Журавлев А. По законам толпы // *Время новостей*. – 2002. – 17 июля.
10. Назаретян А. В социальных несчастьях чаще всего виновата глупость, а не злодейство // *Время новостей*. – 2002. – 17 июля.
11. Назаретян А.П. Агрессивная толпа, массовая паника, слухи: Лекции по социальной и политической психологии. – М., 2003.
12. Ross E.A. *Social psychology*. – New York, 1919.
13. Znaniecki F. *The laws of social psychology*. – Chicago, 1925.
14. Schechner R. *Performance theory*. – New York – London, 1988.
15. Переслегин С. Ужас смерти: аналитическое послесловие к трагедии в Беслане // *Со-Общание*. – 2004. – № 9.
16. Kimbal Young. *Social psychology: an analysis of social behavior*. – New York, 1930.
17. Melucci A. *Youth, time and social movements* // www.alli.fi.
18. Дугин А. В 2008-м энергией молодежи займутся враги: оранжевые, атлантисты и глобалисты // www.kreml.org.
19. Бондаренко О. Студент – двигатель прогресса // www.russ.ru.
20. Fiske J. *Understanding popular culture*. – London – New York, 1992.
21. Brook D. *The continuum of collective action* // www.nd.edu.
22. Guevara E.C. *Guerilla war, a method* // www.marxists.org/archive/guevara.
23. Debray R. *The strength of an idea* // www.tamilnation.org.
24. Debray R. *Transmitting culture*. – New York, 2000.
25. Joscelyne A. *Revolution in the revolution* // www.wired.com.
26. Debray R. *The Third World: from Kalashnikov to God and computers* // www.digitalnpq.org.
27. Nolan D. *From FOCO to insurrection: sandinista strategies of revolution* // *Air University Review*. – 1986. – July. – August.
28. Gates J.M. *The U.S. Army and irregular warfare*. Chapter nine. *The changing face of revolutionary warfare* // www.wooster.edu.
29. Grenier Y. *From causes to causers: the etiology of Salvadoran internal war revisited* // *Journal of Conflict Studies*. – 1997. – № 2.
30. White J.B. *Some thoughts on irregular warfare* // *Studies in Intelligence*. – 1996. – № 5.
31. Booth J.A., Richard P.B. *Civil society, political capital and democratization in Central America*. – ms.
32. Кропоткин П.А. *Записки революционера*. – М., 1988. – С. 291.
33. Бакунин М.А. *Письмо к С.Г. Нечаеву* // Бакунин М.А. *Философия. Социология. Политика*. – М., 1989. – С. 538.

34. Власова О. Как умирают царства // Эксперт Украина. – 2004. – № 2.
35. Alinsky S.D. Reveille for radicals. – New York, 1989.
36. Pitney J.J., Jr. The art of political warfare. – Norman, 2004. – P. 105.
37. Grau L.W. Guerrillas, terrorists and intelligence analysis // Military Review. – 2004. – July – August.
38. Cassidy R.M. Winning the war of the flea. Lessons from guerrilla warfare // Military Review. – 2004. – September – October.
39. Goodwin J., Jasper J.M. Introduction // Rethinking social movements. Structure, meaning and emotion. – Lanham etc., 2004.
40. McAdam D. Revisiting the U.S. civil rights movements: toward a more synthetic understanding of the origins of contention // Rethinking social movements. Structure, meaning and emotion. – Lanham etc., 2004.
41. McAdam D., a.o. Introduction: opportunities, mobilizing structures and framing processes – toward a synthetic, comparative perspective on social movements // Comparative perspectives on social movements. – Cambridge, 1996.
42. McAdam D. Conceptual origins, current problems, future directions // Comparative perspectives on social movements. – Cambridge, 1996.
43. Kurzman Ch. The poststructuralist consensus in social movement theory // Rethinking social movements. Structure, meaning and emotion. – Lanham etc., 2004.
44. McAdam D. The framing function of movement tactics: strategic dramaturgy the American civil rights movement // Comparative perspectives on social movements. – Cambridge, 1996.
45. Tilly Ch. The politics of collective violence. – Cambridge, 2003.
46. Oberschall A. Opportunities and framing in the Eastern European revolts of 1989 // Comparative perspectives on social movements. – Cambridge, 1996.
47. Helvey R.L. On strategic nonviolent conflict: thinking about the fundamentals. – Boston, 2004.
48. Ganz M. Why David sometimes wins: strategic capacity in social movements // Rethinking social movements. Structure, meaning and emotion. – Lanham etc., 2004.
49. McAdam D., a.o. It's about time: temporality in the study of social movements and revolutions // Silence and voice in the study of contentious politics. – Cambridge, 2001.
50. Rucht D. The impact of national contexts on social movement structures: a cross-movement and cross-national comparison // Comparative perspectives on social movements. – Cambridge, 1996.
51. Goodwin J., Jasper J.M. Caught in a winding, snarling vine: the structural bias of political process theory // Rethinking social movements. Structure, meaning and emotion. – Lanham etc., 2004.
52. Tarrow S. States and opportunities: the political structuring of social movements // Comparative perspectives on social movements. – Cambridge, 1996.
53. Della Porta D. Social movements and the state: thoughts on the policing of protest // Comparative perspectives on social movements. – Cambridge, 1996.
54. Ferree M.M., a.o. Hot movements, cold cognition: thinking about social movements in gendered frames // Rethinking social movements. Structure, meaning and emotion. – Lanham etc., 2004.
55. Zald M.N. Culture, ideology and strategic framing // Comparative perspectives on social movements. – Cambridge, 1996.
56. Polletta F. Culture is not just in your head // Rethinking social movements. Structure, meaning and emotion. – Lanham etc., 2004.

Переворот / революция как интенсивный инструментарий изменения будущего

1. Кропоткин П.А. Современная наука и анархия // Кропоткин П.А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. – М., 1990. – С. 326.
2. Collins R. Interview // www.ssc.wisc.edu.
3. Назаретян А.П. Агрессивная толпа, массовая паника, слухи. – М.–СПб., 2002.
4. Назаретян А.П. Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры. – М., 1996.
5. Назаретян А.П. История и психология антропогенных кризисов: гипотеза техно-гуманитарного баланса // www.russiangulobalclub.com.
6. Helvey R.L. On strategic nonviolent conflict: thinking about the fundamentals. – Boston, 2004.
7. Малапарте К. Техника государственного переворота. – М., 1998.
8. Троцкий Л.Д. К истории русской революции. – М., 1990.
9. Неклесса А. Внешняя политика нового мира: движение к нестационарной системе мировых связей // Pro et Contra. – 2002. – Т. 7. – № 4. – С. 13.
10. Luttwak E. Coup d'etat. – Cambridge, Mass., 1979.
11. Кравченко Л. Как я был телевизионным камикадзе // Голос Украины. – 2003. – 13 мая.
12. Woodward B. Bush at war. – New York etc., 2002.
13. Hosmer S.T. Operations against enemy leaders. – Santa Monica, 2001 / RAND. – P. 1.
14. Lotrionte C. When to target leaders // The Washington Quaterly. – 2003. – Summer.
15. Boniface P. What justifies regime change? // The Washington Quaterly. – 2003. – Summer.
16. Sharp G., Jenkins B. The anti-coup. – Boston, 2003.
17. Хамраев В. У власти потеряна связь с реальностью: Интервью с Ю. Левадой // Власть. – 2005. – 31 января.
18. Bowers J.W., a.o. The rhetoric of agitation and control. – Prospect Hights, 1993.
19. Киселев К. Политический слоган: проблемы семантической политики и коммуникативная техника. – Екатеринбург, 2002.
20. Тер-Абрамян Г. Происходящее сегодня в Армении – «тихая революция» // www.kreml.org.
21. Goodwin J. Size does matter and nine other tips for effective protest // www.motherjones.com.
22. Helvey R.L. On strategic nonviolent conflict: thinking about the fundamentals. – Boston, 2004.
23. McAdam D. Revisiting the U.S. civil rights movements: toward a more synthetic understanding of the origins of contention // Rethinking social movements. Structure, meaning and emotion. – Lanham etc., 2004.
24. Gamson W.A., Meyer D.S. Framing political opportunity // Comparative perspectives on social movements. – Cambridge, 1996.
25. Ученые выяснили продолжительность «жизни» новости в Интернете // korrespondent.net.
26. McCarthy J.D., a.o. Accessing public, media, electoral and governmental agenda // Comparative perspectives on social movements. – Cambridge, 1996.
27. Дондурей Д. Террор: война за смысл // www.polit.ru.
28. Clemens E.S. Organisational form as frame: collective identity and political strategy in the American labour movement, 1880–1920 // Comparative perspectives on social movements. – Cambridge, 1996.
29. Ясинский О. Медийный переворот: первая попытка // Со-Общение. – 2002. – № 11.
30. Павловский Г. Жить стало веселее // www.russ.ru.
31. Levine R. The power of persuasion: How we're bought and sold. – Hoboken, N.J., 2003.
32. Павловский Г. Выступление на общественных слушаниях по теме: «Программная инициатива В.В. Путина и гражданская политика» 25 мая 2005 года // www.kreml.org.

33. Flacks R. Knowledge for what? Thoughts on the state of social movement studies // Rethinking social movements: structure, meaning and emotion. – Lanham etc., 2004.
34. Klandermans B., a.o. Media discourse, movement publicity and the generation of collective action frames: theoretical and empirical exercises in meaning construction // Comparative perspectives on social movements. – Cambridge, 1996.
35. Кургинян С. Банановая реальность: август 91-го в свете «оранжевой революции» на Украине // www.kurginyan.ru.
36. Поляников Т.Л., Прокопов Г.В. Синдром «цветных» революций // www.polit.ru.
37. The nerve center. Lessons in governing from the White House Chiefs of Staff. Ed. by T. Sullivan. – College Station, 2004.
38. Stephanopoulos G. All to human. – Boston etc., 1999.
39. Debray R. Transmitting culture. – New York, 1997.
40. Severin W.J., a.o. Communication theories: origins, methods and uses in the mass media. – New York etc., 2001.
41. Kotler P., a.o. Social marketing: Improving the quality of life. – Thousand Oaks etc., 2002.
42. Fiske J. Understanding popular culture. – London etc., 1989.
43. Кыргызстан: после революции // www.crisisgroup.org.

ГЛАВА 3

Стратегия ненасильственной борьбы

1. Baker P. Tbilisi's «Revolution of roses» mentored by Serbian activists // Washington Post. – 2003. – November 24.
2. Шарп Дж. От диктатуры к демократии: концептуальные основы освобождения // <http://maidan.org.ua>.
3. Martin B. Gene Sharp's theory of power // Journal of Peace Research. – 1989. – Vol. 26. – № 2.
4. Sharp G. There are realistic alternatives. – Boston, 2003.
5. Chisholm D. The risk of optimism in the conduct of war. – Parameters. – 2003–2004. – Winter.
6. Interview with Gene Sharp. Why war? // www.why-war.com.
7. Interview: Gene Sharp. On the strategies and techniques of successful nonviolent opposition movement // www.pbs.org.
8. Interview: col. Robert Helvey. On the origins of interest in nonviolent action // www.pbs.org.
9. Sharp G. Structural approach to human rights // www.hermanos.org.
10. Helvey R.L. On strategic nonviolent conflict: thinking about the fundamentals. – Boston, 2004.
11. Luttwak E. Coup d'etat: A practical handbook. – Cambridge, Mass., 1979.

Варианты реализации ненасильственных стратегий

1. Liotta P. Chaos as strategy // Parameters. – 2002. – Summer.
2. Maya M.L., a.o. The military coup in Venezuela // www.fpif.org.
3. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. – М., 1997.
4. MacKinnon M. Georgia revolt carried mark of Soros // Globe and Mail. – 2003. – November 26.
5. Palast G. Hugo Chavez is crazy! // www.alternet.org.
6. Рожков Е. Тбилиси: переворот по чужому сценарию // www.vesti7.ru.
7. Sticker shock // www.pbs.org

8. Pochkhua Z. Georgia human-rights organization accused of meddling // www.worldpaper.com
9. Абашидзе А. Революция будет там, где есть интересы больших денег // Версия. – 2003. – 1–7 декабря.
10. Гулашвили М. Выступление на заседании «Феномен цветных революций на постсоветском пространстве» Евразийского медиафорума-2005. – Алма-Ата, 23 апреля 2005 года.
11. Luttwak E. *Coup d'etat*. – Cambridge, Mass., 1979.
12. Распутин эпохи глобализации // Итоги. – 2003. – 9 декабря.

Оранжевая революция и ненасильственные методы свержения власти

1. Доний О. Нам не успели сломать хребет // Зеркало недели. – 2004. – 11 декабря.
2. Трейнор И. За беспорядками в Киеве стоят американцы // www.inosmi.ru.
3. Cullison A. Regional power play is backdrop to Ukraine vote // *Wall Street Journal*. – 2004. – November 19.
4. Grenier Y. The rise and fall of revolutionary passions in El Salvador: some lessons for the study of radical political movements // *Journal of Human Rights*. – 2004. – Vol. 3. – № 3.
5. Ronfeldt D., a.o. *The Zapatista social netwar in Mexico*. – Santa Monica, 1998 / RAND.
6. Стил Дж. Украинский переворот в постмодернистском стиле // www.inosmi.ru.
7. Титаренко Т. Революция глазами психолога // Зеркало недели. – 2004. – 18 декабря.
8. Тер-Абрамян Г. Происходящее сегодня в Армении – «тихая революция» // www.kreml.org.
9. Лесюк Я. Ми не створювали образ Ющенко, ми розкрили його внутрішній світ // www.razom.org.ua.
10. Жданов И., Якименко Ю. Формула оранжевой победы: заметки непосторонних наблюдателей // Зеркало недели. – 2005. – 22 января.
11. Солодько П. Роздержавлення політтехнологій // www.pravda.com.ua.
12. Титаренко Т. Революция глазами психолога // Зеркало недели. – 2004. – 18 декабря.
13. Бернет Дж. и др. *Маркетинговые коммуникации: интегрированный подход*. – СПб., 2001.
14. Моррис Д. *Новый государь*. – М., 2003.
15. Третьяков А. У нас не было американских денег // www.pravda.com.ua.
16. Steve Heyer's manifesto for a new age of marketing // www.adage.com.
17. Helvey R.L. *On strategic nonviolent conflict: thinking about the fundamentals*. – Boston, 2004.
18. Павловский Г. Одна минута – и даже дворники в столице становятся революционерами // www.for-ua.com.
19. Бляхер Л. Нестабильные социальные состояния // www.russ.ru.
20. Солозобов Ю. Право на восстание – 2 // www.apn.ru.
21. Белковский С. Правительство Украины не переживет октября – ноября 2005 года // www.apn.ru.
22. Долгин Б. Россия на перепутье // www.polit.ru.
23. Нуреев Б. Социальная база киевской революции // www.polit.ru.
24. Данькова Н. Помаранчева революція як урок для керівників організацій // www.telekritika.kiev.ua.
25. Дмитриев А. Как делается «ситцевая революция» // www.apn.ru.
26. Найшуль В., Гурова О. Стрoение элиты: русские традиции // www.polit.ru.
27. Гуськова Е. На Балканах отработана методика разрушения многонациональных государств // www.kreml.org.
28. Плеханов Г.В. *История русской общественной мысли: книга вторая* // Плеханов Г.В. *Сочинения*. – М. – Л., 1925. – Т. XXI.

29. Сорокин П. Социология и революция // Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992.
30. Muukkonen M. From deviant phenomenon to collective identity. Paradigm shifts in social movement studies. – 1999 / Master Thesis. Department of Sociology. University of Joensuu.
31. Чиверс К. Дж. Как украинские шпионы изменили судьбу страны // www.pravda.com.ua.
32. Нові сенсації про роль спецслужб в Україні: Ющенко хотіли отруїти не тільки діоксином, свідків вивезли за кордон, а західна розвідка підслуховувала Кучму // www.pravda.com.ua.
33. Deikman A.J. Them and us. Cult thinking and the terrorist threat. – Berkeley, 2003.
34. The Age: the man who survived Russia's poison chalice // maidan.org.ua.
35. Пионтковский: «... он находился в кабинете Путина в момент звонка Кучмы после второго тура» // www.obozrevatel.com.
36. Белковский С. Кризис власти в России и Украине // www.apn.ru.
37. Солянская К. Голубая революция // www.gazeta.ru.
38. Дуванов С.: «Электронные СМИ... даже не обмолвились о митинге» // www.navi.kz.
39. Дуванов С. Если снять оранжевые очки // www.navi.kz.
40. Аким Алматы объявил войну! // www.navi.kz.
41. Приказ акима: взятки не давать // www.liter.kz.
42. Масанов Н. О перспективах казахстанской оппозиции // www.kubhost.com.
43. McAdam D., Sewell W.H., Jr. It about time: temporality in the study of social movements and revolutions // Silence and voice in the study of contentious politics. – Cambridge, 2001.
44. Салтовський О., Гончарук В. Зворотній бік «поствиборчої медалі» // www.pravda.com.ua.
45. Крупнов Ю. Украина получила оккупационную демократию // www.rosbalt.ru.
46. Рзакулиев Р. Фатализм – не лучшая стратегия // www.day.az.
47. Президент Киргизии призвал противостоять экспортерам «бархатных революций» // www.korrespondent.net.
48. Соколов М. Кровавая политтехнология // www.polit.ru.
49. Жовер В. Творцы революций // www.inosmi.ru.
50. Вулф Д. Мастерская революции // www.inopressa.ru.
51. McGinnis J. The selling of the president. – New York, 1988.
52. Helvey R.L. On strategic nonviolent conflict: thinking about the fundamentals. – Boston, 2004.
53. Lakoff G. Don't think of an elephant. – White River Junction, 2004.
54. Чадаев А. Рынок национальных историй: принципы функционирования // www.russ.ru.
55. Грозит ли России потеря стран Центральной Азии? // www.for.ru.
56. Субботин А. Время таскать каштаны // www.apn.ru.

ГЛАВА 4

Форматирование будущего

1. Kugler R.L. Controlling chaos: new axial strategic principles // The global century. – Washington, 1986. – Vol. I.
2. Gompert D.C. Instruments for shaping // 1998 strategic assessment. Engaging power to peace. – Washington, 1999 / National Defense University.
3. Libicki M.C. Alternative futures // 1998 strategic assessment. Engaging power to peace. – Washington, 1999 / National Defense University.
4. Переслегин С. Авианосцы как трансляторы цивилизационных смыслов // www.future-design.ru.

5. Конотопов Ю.А. Проблема концептуального управления организационными и общественными системами // www.tiara.narod.ru.
6. Tutwiler M. Opening statement // <http://foreign.senate.gov>.
7. Hanson V.D. Ripples of battle: how wars of the past still determine how we fight, how we live and how we think. – New York etc., 2003.
8. Rhodes E., a.o. Forward presence and engagement: historical insights into the problem of «shaping» // *Naval War College Review*. – 2000. – Winter.
9. Goure D. The tyranny of forward presence // *Naval War College Review*. – 2001. – Summer.
10. Rhodes E., a.o. Forward presence and engagement: historical insights into the problem of «shaping» // *Naval War College Review*. – 2000. – Winter.
11. Fallows J. Blind into Baghdad // *Atlantic*. – 2004. – January – February.
12. Changing minds, winning peace: a new strategic direction for U.S. Public diplomacy in the Arab and Muslim world. – Washington, 2003.
13. Weisman S.R. U.S. Must counteract image in Muslim world, panel says // *New York Times*. – 2003. – October 1.
14. Frum D., Perle R. An end to evil: how to win the war on terror. – New York, 2003.
15. Dombrowski P. Alternative futures in war and conflict. Implications for U.S: national security in the next century. – Newport, 2000 // *Naval War College*.
16. Der Derian J. The rise and fall of the office of strategic influence // www.watsonianinstitute.org.
17. Liotta P.H., Simes T.E. The art of re-perceiving scenarios and the future // *Naval War College Review*. – 2003. – Autumn.
18. Стахов А. Операция «революция» // *Еженедельный журнал*. – 2004. – 8 марта.
19. Milbank D. Serious «stratery» // *Washington Post*. – 2001. – April.
20. Frum D. The right man. An inside account of the Bush White House. – New York, 2003.
21. Ислам: краткий справочник. – М., 1983. – С. 50.
22. Woodward B. Bush at war. – New York etc., 2002.
23. Hanson V.D. An autumn of war: what America learnt from September 11 and the war on terrorism. – New York, 2002.
24. Fallows J. Blind into Baghdad // *Atlantic*. – 2004. – January – February.
25. Goode S. Sowell reaches beyond rhetorics // www.insightmag.com.
26. Goldenberg S. Bush accused of exploiting 9/11 attacks // *Guardian*. – 2004. – March 5.
27. MacFarquhar N. A kiss is not just a kiss to an angry Arab TV audience // *New York Times*. – 2004. – March 4.
28. McCurry J., a.o. 40 m bachelors and no woman... the birth of new problem for China // *Guardian*. – 2004. – March 9.
29. Scarborough R. Rumsfeld panel caught Bush's eye // www.americasnewspaper.com/
30. Wilhelm K.S. An examination of the applicability of complex systems theory to policymaking. – 1998 / *National War College*.
31. Gewertz K. When the fog clears. Eleven lessons from the life of Robert S. McNamara // www.harvard.edu.
32. Deputy secretary Wolfowitz interview with the New Yorker Festival // www.defenselink.mil.
33. Suskind R. The price of loyalty. – New York etc., 2004.
34. Frum D. The right man. An inside account of the Bush White House. – New York, 2003.
35. Greenway H.D.S. The right mix of hard and soft power // *Boston Globe*. – 2004. – March 19.
36. <http://zavtra.ru>.
37. Jehl D. C. I. A. Chief says he's corrected Cheney privately // *New York Times*. – 2004. – March 10.

38. Miller G. Spy unit skirted CIA on Iraq // Los Angeles Times. – 2004. – March 10.
39. Kwiatkowski K. The new Pentagon papers // www.salon.com.
40. Boot M. The fringe fires at Bush on Iraq // Los Angeles Times. – 2004. – March 11.
41. Sealey G. The big srory on faux nerws // www.salon.com.
42. Younge G. Private Lynch's media war continues as Iraqi doctors deny rape claim // Guardian. – 2003. – November 12.
43. Allen M. For Bush's speechwriter, job grows beyond words: 'Scribe' helps shape, set tone evolving foreign policy // Washington Post. – 2002. – October 11.
44. Eakin E. Study finds a nation of polarised readers // New York Times. – 2004. – March 13.
45. Kennon H. The return of history // Jerusalem Post. – 2004. – March 18.

Смена режимов извне как способ трансформации действительности

1. Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии для XXI века. – М., 2002.
2. Валлерстайн И. После либерализма. – М., 2003.
3. Hosmer S.T. Operations against enemy leaders. – Santa Monica, 2001 / RAND.
4. Chakwin M.B., a.o. Leaders as targets. – 2002 / Joint Forces Staff College.
5. Lotrionte C. When to target leaders // Washington Quaterly. – 2003. – Summer.
6. Boniface P. What justifies regime change // Washington Quaterly. – 2003. – Summer.
7. Hamre J.J., Sullivan G.R. Toward postconflict reconstruction // Washington Quarterly. – 2002. – Autumn.
8. Greenberg D. Why remakink Iraq might be a lot harder than remaking Japan was // <http://hnn.us>.
9. Dower J.W. History in remaking // www.commondreams.org.
10. Ignatieff M. Nation-building lite // New York Times magazine. – 2002. – July 28.
11. Dobbins J., a.o. America's role in nation-building: from Germany to Iraq. – Santa Monica, 2003 / RAND.
12. Boniface P. What justifies regime change // Washington Quaterly. – 2003. – Summer.
13. Bueno de Mesquita B. Political instability as a source of growth // www-hoover.stanford.edu.
14. Fahrenkrug D.T. Regime change and the role of airpower. – Maxwell, 2003 / Air University.
15. Davis P.K., Jenkins B.M. Deterrence & influence in counterterrorism: A component in war on Al-Qaeda. – Santa Monica, 2002 / RAND.

Возможности построения защиты против форматирования собственного будущего извне

1. Ash T.G. Bring down the mind-walls // Los Angeles Times. – 2004. – November 9.
2. Stephanopoulos G. All too human. – Boston etc., 1999.
3. Моррис Д. Новый государь. – М., 2003.
4. Romanych M.J. Tactical information operations in Kosovo // Military Review. – 2004. – September – October.
5. Cook S.A. The unspoken power: civil-military relations and the prospect for reform // Analysis Paper. – № 7. – September 2004 / Brookings Institution.
6. Laughlin H.C. Unified Quest '05 plans information operations // www.tradoc.army.mil.
7. Моррис Д. Игры политиков. – М., 2004.
8. Мезенцев Д. Информационный фантом свержает четвертую республику во Франции // Вестник политической психологии. – 2003. – № 4.
9. Burke M. Thought systems, and thought warfare and anti-warfare // www.unisa.edu.au.

10. Burke M. Thinking together: new forms of thought system for a revolution in military affairs. – Salisbury, 2000 / Defence Science and Technology Organisation.
11. Marsella S., Gratch J. A step toward irrationality: using emotion to change belief // www.ict.usc.edu.
12. Mao W., Gratch J. A utility-based approach to intention recognition // www.ict.usc.edu.
13. Mao W., Gratch J. The social credit assignment problem // www.ict.usc.edu.
14. Mao W., Gratch J. Decision-theoretic approach to plan recognition // www.ict.usc.edu.
15. Davis P.K., a.o. Deterrence & influence in counterterrorism: a component in the war on al Qaeda. – Santa Monica, 2002 / RAND.
16. Anderson G. E., III. Winning the nationbuilding war // *Military Review*. – 2004. – September – October.
17. Fink S.D. The trouble with mixed motives: debating the political, legal and moral dimensions of intervention // *Naval War Military Review*. – 2004. – Summer – Autumn.
18. Fahrenkrug D. T. Regime change and the role of airpower. – Maxwell, 2003 / Air University.
19. Lykke A. F., Jr. Defining military strategy // *Military Review*. – 1989. – May.
20. Macgregor D. Army transformation: implications for the future // www.comw.org.
21. Behavior modification operations // www.milinfoserv.net/BMO.htm.

Теория антипутча Джина Шарпа и контрреволюционные стратегии

1. Sharp G., Jenkins B. The anti-coup. – Boston, 2003.
2. Павловский Г. Революции вовремя не дали в морду // www.ng.ru.
3. Павловский Г. Жизнь стало веселей // www.russ.ru.
4. Российские политологи надеются, что все само рассосется // www.stringer-news.ru.
5. Гельман М. Мне нет места в пространстве «России-1» // www.gif.ru.
6. Кремлевский прожектор // www.gif.ru.
7. Reisman M. Designing and maddening the future of the state // *European Journal of International Law*. – Vol. 8. – № 3.
8. Квасневский А. Киевская миссия // *День*. – 2004. – 23 декабря.
9. Ullman H.K., Wade J.P. Shock and awe: achieving rapid dominance. – Washington, 1996 / National Defense University.
10. Павловский Г. Власть и оппозиция: критерии эффективности // www.polit.ru.
11. Трофимов С. Павловский: «Мы выиграли украинские выборы» // www.utro.ru.
12. Чадаев А. Кель-Кель // www.russ.ru.
13. Зубков К. Операция «Волкодав» // www.apn.ru.
14. Холмогоров Е. В поисках «Кровавой собаки» // www.apn.ru.
15. Тарасенко А. Кровавый терапевт: Апология гражданской войны // www.russ.ru.
16. Дугин А. Метафизика опричнины // www.apn-pp.ru.
17. Смирнов В. Самая эффективная контрреволюция – прозрачные выборы // www.russ.ru.
18. Сатпаев Д. Произошедшие в Киргизии события нельзя считать экспортом революции // www.kreml.org.
19. Группа «Т». Украинский капкан // www.contr-tv.ru.
20. Чернов М. «Оранжевые революции» – это хорошо // www.contr-tv.ru.
21. Helvey R.L. On strategic nonviolent conflict: thinking about the fundamentals. – Boston, 2004.
22. Столяров А. Перед пожаром // *Литературная газета*. – 2005. – № 12–13.
23. Вертлиб Е. Как победить террор // www.russ.ru.
24. Кравченко В. Казakhstan: работа над ошибками Леонида Кучмы // *Зеркало недели*. – 2005. – 28 мая.
25. Турисбеков З. О мерах по обеспечению общественного порядка при обострении социально-политической обстановки // www.navi.kz.

26. Жовер В. Творцы революций // www.inosmi.ru.
27. Вулф Д. Мастерская революции // www.inopressa.ru.
28. The nerve center. Lessons in governing from the White House Chiefs of Staff. Ed. by T. Sullivan. – College Station, 2004.

ГЛАВА 5

Использование виртуальных объектов при смене власти

1. Dess N.K. Terror in homeland: new research explains how cultural differences contribute to fear // *Psychology Today*. – 2002. – March – April.
2. Подходы к диагностике социальных взрывов: прошлое и настоящее // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. – М., 1993.
3. Bowers J.W., a.o. The rhetoric of agitation and control. – Prospect Heights, Ill., 1993.
4. Knightley P. The battle for our hearts and minds // *Guardian*. – 2003. – April 2.
5. Шестернина Е. Армянская оппозиция не сумела превратить «революцию венников» в «революцию роз» // *Известия*. – 2004. – 14 апреля.
6. Месснер Е.Э. Всемирная мятежевойна. – М., 2004.
7. Secretary Rumsfeld remarks to the Newspaper Association of America / American Society of Newspaper Editors // www.defenselink.mil.
8. Almond M. 1989 without Gorbachev // *Virtual history*. – New York, 1999.
9. Лукьянов Ф. Круги на воде: новые подробности о свержении румынского диктатора Н. Чаушеску // *Российский курьер*. – 2004. – 16–31 марта.
10. Walker M. The cold war: A history. – New York, 1995.
11. Pan P.P. Tianmen memory haunts demonstrators still in China // *Washington Post*. – 2004. – June 4.
12. Jakobson L. «Lies» in ink, truth in blood»: The role and impact of the Chinese media during the Btijing spring of '89. – Cambridge, 1990 / Discussion paper D-6 – Harvard University. The Joan Shorenstein Barone Center on the press, politics and public policy.
13. Berlin M., a.o. A study of American media coverage of the Beijing spring of 1989. – Cambridge, 1991 / Harvard University. The Joan Shorenstein Barone Center on the press, politics and public policy.
14. The first annual Theodore H. White Lecture with Walter Cronkite. – Harvard University. – S.a.
15. Alinsky S.D. Reveille for radicals. – New York, 1969.
16. Ronfeldt D., a.o. The Zapatista social netwar in Mexico. – Santa Monica, 1998 / RAND.
17. Weimann G. How modern terrorism uses the Internet // www.terror.net.
18. Чугунов А. В. Социология Интернета: Социально-политические ориентации российской интернет-аудитории. – СПб., 2002.
19. Inside Al-Jazeera // *New York Times*. – 2004. – April 25.
20. Asfour N. Control Room probes the people behind the station // *Daily Star (Lebanon)*. – 2004. – April 26.
21. Cozens C. Al-Jazeera tones down 'violent' images // *Guardian*. – 2004. – April 30.
22. Abused by Americans // *Boston Globe*. – 2004. – May 1.
23. Ronfeldt D., a.o. Rethinking Mexico's stability and transformability // Ronfeldt D., a.o. The Zapatista social netwar in Mexico. – Santa Monica, 1998 / RAND.
24. Marquis C. Bush proposes a plan to aid opponents of Castro in Cuba // *New York Times*. – 2004. – May 7.

Динамика виртуального пространства в рамках виртуальной войны и революции

1. Любарская Е. Пособие для революционеров и президентов // <http://vip.lenta.ru>.
2. Luttwak E. *Coup d'etat: a practical handbook*. – Cambridge, Mass., 1979.
3. Месснер Е.Э. *Всемирная мятежевойна*. – М., 2004.
4. Плугатарев И. и др. Из КПСС – в террористы-смертники: почти половина «шахидов» – это молодые люди-интеллектуалы // *Независимое военное обозрение*. – 2004. – 16–22 апреля.
5. Pitney J.J., Jr. *The art of political warfare*. – Norman, 2000.
6. Гаврилов Г. *Модели политической оппозиции: теоретико-методологический анализ*. – Екатеринбург, 2003.
7. Smith J.M. *A strategic response to terrorism: a framework for U.S. Policy* // *Strategic Insight*. – 2003. – February 6.
8. Stern J. *Errors in fighting Al-Qaeda have worsened the danger* // *Boston Globe*. – 2004. – March 25.
9. Lacey M. *Why a village well is a weapon in the war on terror* // *New York Times*. – 2004. – April 30.
10. Vaughn C. *Marines planning outreach in Iraq* // *Star-Telegram*. – 2004. – March 28.
11. Szep J. U.S. Hunts 'hearts and minds' in Afganistan // www.reuters.com.
12. Fleishman J. *Rumors thrive in a nation shaped by myth* // *Los Angeles Times*. – 2004. – April 27.
13. Morris D. *The new prince*. – Los Angeles, 1999.
14. Molavi A. *Iranian students protests are mostly peaceful* // *Washington Post*. – 2003. – July 10.
15. Secretary Rumsfeld remarks to the Newspaper Association of America / American Society of Newspaper Editors // www.defenselink.mil.
16. Rutenberg J. *Disney forbidding distribution of film that criticizes Bush* // *New York Times*. – 2004. – May 5.
17. Richter P. *U.S. airs critical views of Arab TV* // *Los Angeles Times*. – 2004. – April 28.
18. Cozens C. *Al-Jazeera tones down 'violent' images* // *Guardian*. – 2004. – April 30.
19. Scarborough R. *Al Iraqiya offers alternative view* // *Washington Times*. – 2004. – April 28.
20. Marquis C. *U.S. protests broadcasts by arab channels* // *New York Times*. – 2004. – April 29.
21. Steinberg J. *Bush's political adviser faults some Iraq war coverage* // *New York Times*. – 2003. – April 12.
22. Nye J.S., Jr. *Soft power: the means to success in world politics*. – New York, 2004.
23. Hobsbawm E. *The dangers of exporting democracy: Bush's crusade is based on a dangerous illusion and will fail* // *Guardian*. – 2005. – January 22.
24. Экономидис Э. *В Китае – «протестная волна»* // *День*. – 2004. – 21 декабря.
25. Grenier Y. *The rise and fall of revolutionary passions in El Salvador: some lessons for the study of radical political movements* // *Journal of Human Rights*. – 2004. – Vol. 3. – № 3.
26. Ronfeldt D., a.o. *The Zapatista social netwar in Mexico*. – Santa Monica, 1998 / RAND.
27. Ronfeldt D., a.o. *A comment on the Zapatista "netwar" // In Athena's camp. Preparing for conflict in the information age*. Ed. by J. Arquilla a.o. – Santa Monica, 1997 / RAND.
28. Ronfeldt D., a.o. *Emergence and influence of the Zapatista social netwar // Networks and netwars: The future of terror, crime and militancy*. Ed by J. Arquilla a.o. – Santa Monica, 2001 / RAND.
29. Danitz T., a.o. *Networking dissent: cyber activists use the Internet to promote democracy in Burma // Networks and netwars: The future of terror, crime and militancy*. Ed by J. Arquilla a.o. – Santa Monica, 2001 / RAND.
30. Arquilla J., a.o. *Information, power and grand strategy: in Athena's camp – section 1 // In Athena's camp. Preparing for conflict in the information age*. Ed. by J. Arquilla a.o. – Santa Monica, 1997 / RAND.

31. Regan T. Cellphones change how people hang out – and protest // *Christian science Monitor*. – 2003. – January 9.
32. Frauenfelder M. An interview with Howard Rheingold, author of *Smart Mobs*, a book about the next social revolution // www.thefeature.com.
33. Armond Pino de. *Netwar in the Emerald city: WTO protest strategy and tactics // Networks and netwars. The future of terror, crime and militancy*. Ed by J. Arquilla a.o. – Santa Monica, 2001 / RAND.
34. Sullivan J.P. *Gangs, hooligans and anarchists – the vanguard of netwar in the streets // Networks and netwars. The future of terror, crime and militancy*. Ed by J. Arquilla a.o. – Santa Monica, 2001 / RAND.
35. Pitney J.J., Jr. *The art of political warfare*. – Norman, 2004.
36. Преображенский В. Сценарный поворот: «если общество не подчинит себе государство, то Россия проиграет XXI век» // www.internews.ru.
37. Гришин А., Радзиевский А. Как свергнуть ВВП // *Российские вести*. – 2005. – 25 января.
38. Телегин С. На пороге «бархатной революции»: аналитический доклад Интеллектуальному клубу «Стратегическая матрица», 31 января 2005 г. // www.contr-tv.ru.
39. Nye J.S., Jr. *Soft power. The means of success in world politics*. – New York, 2004.
40. Grenier Y. The rise and fall of revolutionary passions in El Salvador: some lessons for the study of radical political movements // *Journal of Human Rights*. – 2004. – Vol. 3. – № 3.
41. McGinnis J. *The selling of the president*. – New York, 1988.
42. Grenier Y. *Op. cit.*
43. Selbin E. *Agency and culture in revolutions // Revolutions. Theoretical, comparative and historical studies*. Ed. by J.A. Goldstone. – New York, 2003.
44. Rampton S., Stauber J. *Weapons of mass deception: The uses of propaganda in Bush's war on Iraq*. – New York, 2003.
45. Ellull J. *Propaganda: The formation of men's attitudes*. – New York, 1965.
46. Spivak L. *The conservative marketing mashine* // alternet.org.
47. Gordon J.S. *Intelligence and psychological operations // Psychological operations. Principles and case studies*. Ed. by F.L. Goldstein. – Maxwell, Ala., 1996.
48. Moreno K.N., Bodenhausen G.V. Resisting stereotype change: the role of motivation and attentional capacity in defending social beliefs // *Group Processes & Intergroup Relations*. – 1999. – Vol. 2. – № 1.
49. Selbin E. *Zapata's white horse and Che's beret: theses on the future of revolution // The future of revolution. Rethinking radical change in the age of globalization*. Ed. by J. Foran. – London – New York, 2003.
50. Мергелян С. Паук в чалме, или Умная экспансия // www.evrazia.org.
51. Arquilla J., a.o. *Information, power and grand strategy: in Athena's camp – section 1 // In Athena's camp. Preparing for conflict in the information age*. Ed. by J. Arquilla a.o. – Santa Monica, 1997 / RAND.
52. Чадаев А. Рынок национальных историй: принципы функционирования // www.russ.ru.

Виртуальные войны

1. Островский Е. Радость – победа над ужасом: Действуя в пространстве вызова, важно владеть верным оружием // *Со-Общение*. – 2002. – № 11.
2. Павловский Г. *Тренировка по истории: мастер-классы Гефтера*. – М., 2004.
3. Nye J.S., Jr. *Soft power. The means of success in world politics*. – New York, 2004.
4. Ferguson N. *Colossus: the rise and fall of the American Empire*. – London, 2005.
5. Diamond J. *Collapse: how societies choose to fail or succeed*. – New York, 2005.

6. Савицкий П. Евразийство как исторический замысел // Савицкий П. Континент Евразия. – М., 1997.
7. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. – М., 1999.
8. Boyer P. Religion explained: the evolutionary origins of religious thought. – New York, 2001.
9. Кара-Мурза С. Советская цивилизация: книга первая. – М., 2001.
10. Синявский А. Основы советской цивилизации. – М., 2001.
11. Почепцов Г. Г. Семиотика. – М.–К., 2002.
12. Панченко А. «Потемкинские деревни» как культурный миф // Панченко А. О русской истории и культуре. – СПб., 2000.
13. Панченко А. Русская культура в канун петровских реформ // Панченко А. О русской истории и культуре. – СПб., 2000.
14. Debray R. Transmitting culture. – New York, 2000.
15. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М., 2003.
16. Deikman A.J. Them and us. Cult thinking and the terrorist threat. – Berkeley, 2003.
17. Анжель Ж.-М. Римская империя. – М., 2004.
18. Шайхутдинов Р. К проблеме модернизации власти в России // www.polit.ru.
19. Неклесса А. Камелот, или Интеллектуальная мобилизация России // www.soob.ru.
20. Fiske J. Understanding popular culture. – London etc., 1989.
21. Олкер Х.Р. Волшебные сказки, трагедии и способы изложения мировой истории // Язык и моделирование социального взаимодействия.
22. Alker H.R. Rediscoveries and reformulations. Humanistic methodologies for international studies. – Cambridge, 1996.
23. Бенедикт Р. Хризантема и меч. – М., 2004.
24. Гране М. Китайская мысль. – М., 2004.
25. Эйзенштейн С.М. С заранее обдуманым намерением («Монтаж аттракционов») // Эйзенштейн С.М. Метод. Т. 1. – М., 2002.
26. Lawrence J.S., Jewett R. The myth of the American superhero. – Grand Rapids – Cambridge, 2002.
27. Бакстон Р. Герой греческих трагедий: человек или супермен? // kogni.narod.ru.
28. Эйзенштейн С.М. Монтаж аттракционов // Эйзенштейн С.М. Метод. Т. 1. – М., 2002.
29. Сосланд А. Аттрактив-анализ // kogni.narod.ru.
30. Голосовкер Я.Э. Логика мифа. – М., 1987.
31. Дубицкая В. Телевидение: Мифотехнологии в электронных средствах массовой информации. – М., 1998.
32. Никитаев В. Геополитика versus клиополитика // www.apn.ru.
33. Лукоянов А. Кому и зачем был нужен Андижан? // www.apn.ru.
34. Эткинд А. Столетняя революция: юбилей начала и начало конца // Отечественные записки. – 2004. – № 5.
35. Эйзенштейн С.М. Чет – нечет // Эйзенштейн С.М. Метод. Т. 2. – М., 2002.
36. Эйзенштейн С.М. Отказное движение // Эйзенштейн С.М. Метод. Т. 1. – М., 2002.
37. Чумиков А.Н., Бочаров М.П. Связи с общественностью: Теория и практика. – М., 2004.
38. Эйзенштейн С.М. Воплощение мифа // Эйзенштейн С.М. Метод. Т. 2. – М., 2002.
39. Gergen D. Eyewitness to power: the essence of leadership Nixon to Clinton. – New York etc., 2000.
40. Моррис Д. Новый государь. – М., 2003.
41. Kurtz H. Spin cycle: how the White House and the media manipulated the news. – New York, 1998.
42. Baker B. Public relations in government // The handbook of strategic public relations and integrated communications. Ed. by C.L. Caywood. – Boston etc., 1997.
43. Stephanopoulos G. All too human: a political education. – Boston etc., 1999.

44. Парфенов Л. Не думать о вреде информации // Слово – за нами! – 2005. – № 3. – Июнь.
45. Шаньков В. Пани Квасьяневская держит удар // Новые известия. – 2005. – 28 июня.
46. The nerve center. Lesons in governing from the White House Chiefs of Staff. Ed. by T. Sullivan. – College Station, 2004.
47. Pitney J.J., Jr. The art of political warfare. – Norman, 2000.
48. Василевская О. СМИ и власть: давления меньше, но недоразумений хватает // День. – 2005. – 29 июля.
49. Davis P.K., Arquilla J. Thinking about opponent behavior in crisis and conflict: a generic model for analysis and group discussion. – Santa Monica, 1991 / RAND.
50. Morris D. Behind the oval office. Getting reelected against all odds. – Los Angeles, 1999.
51. Morris D. Rewriting history. – New York, 2004.

Виртуальная грамматика революции

1. Двадцать фактов об оранжевой революции, которые вы хотели знать, но боялись спросить // www.obozrevatel.com.
2. Snyder A. Warriors of disinformation. American propaganda, Soviet lies, and the winning of the Cold War. – New York, 1995. – P. 61.
3. Снайдер А. Америка потратила миллиарды, запугивая мир Россией // Комсомольская правда. – 1997. – 26 ноября.
4. Thomas T. L. Dragon bytes. Chinese information-war theory and practice. – Fort Leavenworth, 2004 / Foreign Military Studies Office.
5. Шайхутдинов Р. Киргизия-2005: «демотехника» на марше // www.polit.ru.
6. Павловский Г. Власть и оппозиция: критерии эффективности // www.polit.ru.
7. Долгин Б. Киргизия: противоядие не помогло // www.polit.ru.
8. Гармонова А. От антибюрократических революций к национальным // www.apn-ru.ru.
9. Мурзабулатов А. Киргизская революция и казахская революция // www.navi.kz.
10. Досалиев Т. Я унижен на всю оставшуюся жизнь // www.navi.kz.
11. Логвин Т. Неожиданный Ситников // prweek.spb.ru.
12. Павловский Г. Тренировка по истории: мастер-классы Гефтера. – М., 2004.
13. Lawrence J.S., a.o. The myth of the American superhero. – Grand Rapids – Cambridge, 2002.

Оранжевая революция: виртуальные составляющие реальных процессов

1. Павловский Г. «Одна минута – и даже дворники в столице становятся революционерами» // www.for-ua.com.
2. Szafranski R. Neocortical warfare? The acme of skill // In Athena's camp. Preparing for conflict in the information age – Santa Monica, 1997 / RAND.
3. Nye J.S., Jr. Soft power: the means to success in world politics. – New York, 2004.
4. Snow N. Information war: American propaganda, free speech and opinion control. – New York, 2003. – P. 22.
5. Schechner R. Performance theory. – New York – London, 1988. – P. 216.
6. Нозль-Нойман Э. Общественное мнение: открытие спирали молчания. – М., 1996.
7. Bernays E. Propaganda. – Brooklyn, 2005. – P. 52.
8. Дранкина Е. Политконсультанты вынуждены работать в вольере // Деньги. – 2004. – 19 декабря.
9. Пензин А. Украина во мгле: диалектика «оранжевой революции» // www.apn.ru.

10. Fiske J. Understanding popular culture. – London – New York, 1992.
11. Павловский Г. Внешняя политика России на постсоветском пространстве // www.kreml.org.
12. Пахомов Ю. Вслед за вспышкой надежд обычно появляется «откат» // glavred.info.
13. Ослон А. Социальная метеорология // www.russ.ru.
14. В прошлом году доходы украинцев увеличились на 22,5% // versii.com.
15. Чумиков А. Политический товар накануне виртуального взрыва // www.politclass.ru.
16. Олексюк Б. Причины, оцінки та результати помаранчевої революції // www.sobor.org.ua.
17. Холмогоров Е. От «санитарного кордона» к «санитарной империи» // www.apn.ru.
18. Данилин П. Революцию геть! // www.apn.ru.
19. Дмитриев А. Питерские уроки для власти и оппозиции // www.apn.ru.
20. Задорин И. Уроки и итоги избирательной кампании // www.serafim-club.ru/problema5/stenogramma.shtml.
21. Жарихин В. Украинский урок может и должен пойти России впрок // www.rosbalt.ru.
22. Кара-Мурза С. Новый советский проект: союз «красных» и «демократов» // www.rosbalt.ru.
23. Кара-Мурза С. Новый советский проект: тезисы // www.pravaya.ru.
24. Лапти или еврохимчистка? / www.pravaya.ru.
25. Роль православия в новом советском проекте // www.pravaya.ru.
26. Мы наш, мы новый мир построим.: Дискуссия «Новый советский проект» // www.evrazia.org.
27. Шайхутдинов Р. Уроки киевского восстания // www.pravda.ru.
28. Матвейчев О. Я думаю, революций на Украине будет еще много // www.pravaya.ru.
29. Телегин С. На пороге «бархатной революции»: аналитический доклад Интеллектуальному клубу «Стратегическая матрица», 31 января 2005 г. // www.contr-tv.ru.
30. Гельман М. Я перестал интересоваться украинской политикой // www.obozrevatel.com.
31. Гельман М. Цензуры нет, есть редакционная политика // 2005.povayagazeta.ru/nomer/2005/14n/n14n-s02-shtml.
32. Павловский Г. К планированию избирательного цикла 2007–2015 // www.russ.ru.
33. Джангиров Д., Зайцев В. Имиджмейкер: рассвет над Днепром // Грани плюс. – 2005. – 1 марта.
34. Піар-фірма із США «примазується» до помаранчевої революції // www.pravda.com.ua.
35. Пресс-секретарь Ющенко: нас пиарили украинские программисты // www.rian.ru.
36. American association of political consultants gives top awards to Bush-Cheney manager Ken Mehlman and campaign team for new Ukrainian president Viktor Yushchenko // www.theaacpc.org.
37. Aristotle International wins 2005 AAPC pollie award for international campaign team of the year // www.aristotle.com.
38. We salute the triumph of the Ukrainian people // www.aristotle.com.
39. Финн П. Переворот КГБ в российской массовой культуре // www.inosmi.ru.
40. Иванов В. Антиреволюционер // www.antirev.ru.
41. Неклесса А. Новый интеллектуальный класс // www.polit.ru.
42. Неклесса А. Люди воздуха // www.intelros.ru.
43. Павловский Г. Власть и оппозиция. – М., 2005.
44. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. – М., 1992.
45. Михеев С. Жертва дурно пахнущей демократии // Киргизский переворот. – Март – апрель 2005. – М., 2005.

46. Сайфулин Р. Сценарии «розовых» и «арбузных» революций в Узбекистане не реализуемы // Средняя Азия: андижанский сценарий? – М., 2005.
47. Афанасьева Е. Государство или революция? – М., 2005.
48. Панченко А. «Потемкинские деревни» как культурный миф // Панченко А. О русской истории и культуре. – СПб., 2000.
49. Хоффер Э. Истинно верующий. – Минск, 2001.
50. Караганов С. Полоса неудач продолжается // Независимая газета. – 2005. – 6 июля.

Георгий Почепцов
 РЕВОЛЮЦИЯ.COM
 ОСНОВЫ ПРОТЕСТНОЙ ИНЖЕНЕРИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ВВЕДЕНИЕ	7
ГЛАВА ПЕРВАЯ	
Революции, путчи и другие смены режимов:	
методологические основания	9
Революция: концептуальные основы	9
Инженерия протеста	9
Кампания по непризнанию выборов	15
«Арифметика революции»	21
Внутренние и внешние ресурсы	22
Среда стабильная и нестабильная	27
Бархатная революция: модель успеха и неуспеха	35
Предварительные условия цветной революции	35
Обязательные компоненты бархатной революции	37
Коммуникативная модель революции	49
Информационное давление	49
Изменения в физическом, информационном и когнитивном пространствах	56
Когнитивный взрыв	69
Управляемый хаос	69
Нарратив и его роль	74
Легитимизация новой силы	77
Управление социальными ситуациями с помощью нарративов	84
Интерпретационная система	88
Революция: новый проект внутри чужого	95
Перетягивание ресурса	95
Нейтрализация власти как инструментарий протеста	107

ГЛАВА ВТОРАЯ**Революция:**

теоретические основания	121
Теории путча, революции и толпы	121
Исторический аспект	121
Теория фоко Че Гевары и другие методы революционной борьбы	133
Современные теории социальных движений	141
Переворот/революция как интенсивный инструментарий изменения будущего	151
Управляемый хаос	151
Агитация в систематике протеста	168
Новостное конструирование действительности	176

ГЛАВА ТРЕТЬЯ**Ненасильственные методы протеста:**

от теории к практике	195
Стратегия ненасильственной борьбы	195
Методы Джина Шарпа	195
Стратегия полковника Хелви	201
Варианты реализации ненасильственных стратегий	207
Применение ненасильственных методов	207
Бирма	208
Венесуэла	209
Югославия и Грузия	213
Подведение итогов	215
Оранжевая революция и ненасильственные методы свержения власти	221
Применение протестных методов	221
Информационно-политическая технология	236
Оранжевая революция с точки зрения маркетинговых коммуникаций	247
Оранжевая революция: политический и PR-инструментарий	259

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ**Смена режимов извне**

и способы защиты от нее	273
Форматирование будущего	273
Легитимизация стратегии	273
Виртуальные войны	285
Информационное пространство	289
Виртуальная война в Ираке	300
Смена режимов извне как способ трансформации действительности	305
Возможны варианты...	305
Теория смены режима	312
Возможности построения защиты против форматирования собственного будущего извне	319
Механизмы делегитимизации	319
Угрозы и псевдоугрозы	325
Машина желаний	329
Теория анти-путча Джина Шарпа и контрреволюционные стратегии	335
Путчи большие и малые	335
Превентивная политика	340
Контр-революция	343

ГЛАВА ПЯТАЯ**Виртуальные революции****Использование виртуальных объектов**

при смене власти	357
Дестабилизация системы	357
Европа	362
Китай	366
Виртуальность как система	368
Динамика виртуального пространства в рамках виртуальной войны и революции	377
Протяженность во времени	377
Стандартные положения	384

Использование Интернета в современных протестных движениях	393
Стратегии виртуальной политики	401
Виртуальные войны	413
Виртуальные ультрасистемы	413
Виртуализация действительности	426
Теория скандала и ее использование в политике	434
Виртуальная грамматика революции	447
Иллюзии, иллюзии...	447
Реальное развитие событий	454
Оранжевая революция: виртуальные составляющие реальных процессов	465
Организация процесса	465
Оценка и прогноз...	474
Постсоветское пространство: не стреляйте в пианиста, то есть в революционера	485
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	495
ЛИТЕРАТУРА	497

Серия «Технологии»

Георгий Почепцов
Революция.com
Основы протестной инженерии

Ответственный редактор Т. Рапопорт
Литературные редакторы Н. Войкова, А. Пряжникова
Корректоры О. Кандидатова, В. Кинша
Оформление С. Захаров, А. Монахов
Верстка П. Борисова
Обложка И. Ключников

Подписано в печать 27.08.2005. Формат 60X90 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Orus». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 33.25 Тираж 2000 экз.

Издательство «Европа»
119180, г. Москва, ул. Б. Якиманка, д. 1
тел. 745-52-25, факс 725-78-67

Отпечатано с оригинал макета
В типографии «Баккара-принт»